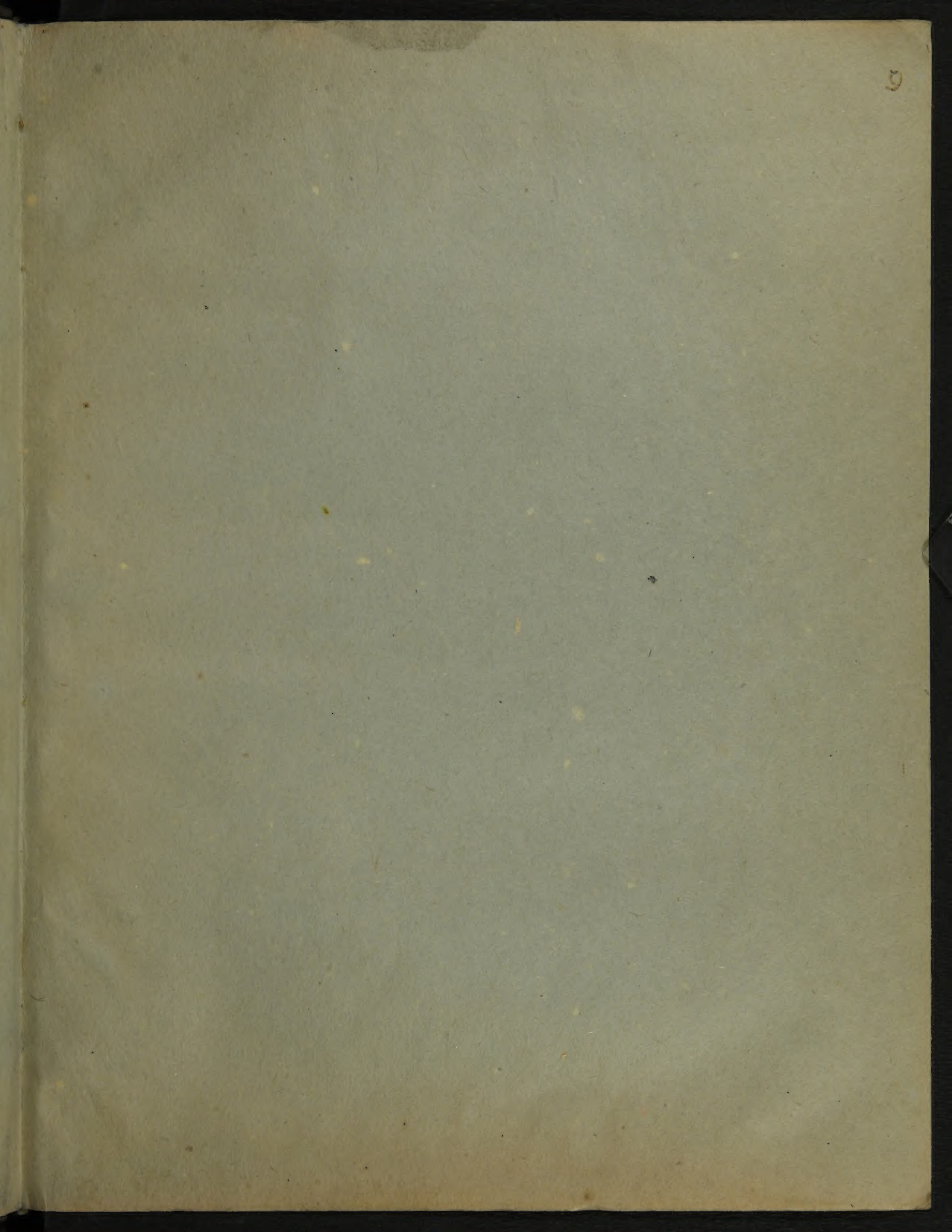
С. И. РУДЕНКО

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА БЕРИНГОВА МОРЯ И ЭСКИМОССКАЯ ПРОБЛЕМА

1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ

С. И. РУДЕНКО

ПРОФЕССОР ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА БЕРИНГОВА МОРЯ И ЭСКИМОССКАЯ ПРОБЛЕМА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА Л. С. БЕРГА
И ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК СССР
ПРОФ. В. И. РАВДОНИКАСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

1947

Настоящая работа выполнена автором по поручению Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР и Арктического научно-исследовательского института Главсевморпути и одобрена ими к печати.

ОТ АВТОРА

Проблема заселения Арктики человеком и этнических взаимосвязей в этих окраинных областях до настоящего времени не только не разрешена, но надлежащим образом и не сформулирована. Как мало мы знаем о прошлом населения Арктики, отчетливо обнаружилось на ряде международных конгрессов и специальных совещаниях, организованных Отделением истории и философии Академии Наук СССР. Располагая более или менее обстоятельными данными по этнографии, лингвистике и частично по антропологии народов нашей Арктики, для большинства ее областей мы не имеем никаких археологических сведений. Между тем мы знаем, как бы остроумны ни были этногенические гипотезы, построенные на данных трех указанных дисциплин, они нуждаются в подкреплении данными археологическими. Не мало гипотез о происхождении тех или иных народностей в корне изменялось после новых, часто неожиданных, археологических находок. Одним из таких примеров может служить проблема происхождения эскимосов и их культуры.

За последние двадцать лет на островах Берингова моря, на Аляске, в Канаде, на северо-востоке Америки и в Гренландии археологические исследования проводились в крупном масштабе в связи с вопросом заселения Америки человеком и в частности с вопросом происхождения эскимосской культуры. В общих чертах наметились уже этапы последовательного развития эскимосской культуры, географическое их распространение и до известной степени их время. Однако, так как возникновение и первоначальное развитие этой культуры наметилось где-то на азиатском континенте, естественно, выявилась настоятельная необходимость археологических исследований и в Азии, в первую очередь на крайнем ее северо-востоке.

Летом 1945 года мною по поручению Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР совместно с Арктическим институтом ГУСМП было обследовано побережье Чукотского полуострова от поселка Уэлен на севере до поселка Сирэник на юге. Археологические разведки удалось произвести в поселках Уэлен, Наукан, Дежнево, Яндыгай, на острове Аракамчечене, у мыса Чаплина, в поселке Кивак, у мыса Чукотского, у поселка Авань, в бухте Пловер и в поселке Сирэник. Кроме того, мною были изучены материалы, переданные

И. П. Лавровым из его разведок того же лета у поселков Нунлигран и Энмылен.

При публикации материалов этой первой специально археологической экспедиции на Чукотский полуостров мною использованы также археологические коллекции с Чукотского полуострова Н.П. Борисова и Д.Е. Беттака, поступившие в 1910 году в Этнографический отдел Русского музея, ныне Государственный музей этнографии в Ленинграде. Издание всех имеющихся в настоящее время в СССР материалов по археологии Чукотского полуострова, как мне кажется, прольет свет на доисторическое прошлое нашей Восточной Арктики и будет способствовать если не окончательному разрешению, то во всяком случае правильной постановке этнологической проблемы на Крайнем севере Тихого океана.

ЭСКИМОССКАЯ ПРОБЛЕМА

Тихоокеанская этнологическая проблема, вопрос о времени переселения человека из Азии в Америку, о последующих этнических взаимоотношениях между Азией и Америкой в течение уже многих десятков лет привлекает к себе внимание ученых. Особый интерес проявляется к эскимосам вследствие своеобразности их культуры, приспособленной к жизни в суровых условиях Арктики, неолитического ее облика с пережитком, как полагают, некоторых мезолитических и даже палеолитических традиций.

На западе теория о происхождении эскимосов была впервые сформулирована Кранцем [1]. По теории Кранца, эскимосы первоначально были народом азиатским, родственным калмыкам и другим племенам центральной и северо-восточной Азии. Продвинувшись к северу под давлением соседних племен, они мигрировали в северо-восточную Сибирь, переправившись через Берингов пролив в Аляску, и, продвигаясь на восток, достигли, наконец, в XIV веке нашей эры Гренландии.

Много позднее, почти через столетие, Маркхам[2] происхождение эскимосов искал также в Азии, но вдоль северных берегов Сибири. Согласно Маркхаму, эскимосы раньше жили вдоль арктического побережья северо-восточной Сибири, но вынуждены были мигрировать во время одного из периодов политических смут в Центральной Азии вследствие притеснений с юга. Подобно Врангелю [3] и Норденшельду [4], Маркхам доказательство былой жизни эскимосов на арктическом побережье Азии видел в наличии остатков землянок от Чаунской губы до Берингова пролива и некоторых чукотских преданий, по которым землянки эти раньше были обитаемы номалло или онкилонами, народом приморским, вытесненным чукчами на отдаленные, еще неизвестные острова в Полярном море.

Предположения о культурных и, более того, генетических связях эскимосов с верхнепалеолитическим населением Западной Европы давно высказывались Лярте [5], Прюнер-Беем [6], Ами [7],

[1] Cranz, 1770.
[2] Markham, 1865.
[3] Врангель, 1841.
[4] Nordenskiöld, 1882.
[5] Larte, 1864.
[6] Pruner Bay, 1868.
[7] Hamy, 1870.

Дюпонтом [1], Бой-Даукинсом [2] и поддержано рядом авторов — Солласом [3], Булем [4] и др. Наиболее подробно эта концепция была развита Солласом, который обращал внимание на сходство, особенно в деталях, в ряде предметов, характерных для палеолитической мадленской и эскимосской культур.

Шренк [5] проблему эту ставил шире и эскимосов вместе с камчадалами, коряками и чукчами считал народами северо-восточными, палеоазиатскими, к которым некоторое отношение имеет и ряд племен северной и северо-западной Америки. Впрочем, Шренк думал, что эскимосское племя номалло, обитавшее на азиатском берегу Берингова пролива, к югу от мыса Дежнева, почти до устья реки Анадыря, перешло туда из Америки. Тем не менее переселение это, как полагал Шренк, было лишь возвращением части эскимосов в Азию, потому что эскимосы, судя по чертам их лица и преданиям, происхождения азиатского. Местом былого переселения эскимосов из Азии в Америку Шренк, вместе с Шамиссо [6], Вениаминовым [7] и др. считал Берингов пролив.

Основываясь на лингвистических данных, Талбицер [8] местом происхождения эскимосов считал район Берингова моря. Позднее [9] он приводил ряд соображений в пользу своего предположения о первоначальной родине эскимосов к западу от Берингова пролива, куда они пришли с побережья Сибири.

Той же точки зрения придерживался и Кребер [10].

Теория Ринка [11] была первой, при обосновании которой учитывались элементы культуры и условия, в которых последние могли вырабатываться. Согласно Ринку, эскимосы первоначально были народом внутриматериковым, который по рекам спустился к морскому побережью. Там они преобразовали и приспособили свою культуру к новым окру-

[1] Dupont, 1872.
[2] Boyd Dawkins, 1872.
[3] Sollas, 1911.
[4] Boul, 1913.
[5] Шренк, 1883; I: 256 — 261.
[6] Шамиссо, 1821.
[7] Вениаминов, 1840; I: 112 — 113.
[8] Thalbitzer, 1914: 717 — 718.
[9] Thalbitzer, 1904: 266.
[10] Kroeber, 1923: 289 — 290.
[11] Rihk, 1887: 4 — 5.

жающим условиям, и только после этого новая эскимосская культура получила свое распространение на огромной территории, которую они теперь занимают. Наиболее благоприятным местом для развития эскимосской, типичной, по его мнению, субарктической культуры Ринк считал устье реки Юкона на Аляске. Приспособившись к новым условиям морского побережья, небольшая часть эскимосов переправилась через Берингов пролив в Сибирь, остальные же распространились на восток и заняли длинное арктическое побережье от Аляски до Гренландии.

Возражая Ринку, по мнению которого эскимосская культура оформилась во внутренней Аляске, Мердок[1] указывал, что культура аляскинских эскимосов была скорее высокоспециализированной, чем примитивной, а примитивны были эскимосы центральных областей Северной Америки.

Теорию американского происхождения эскимосов защищал в Боаз[2]; их первоначальной родиной он считал центральные области, к западу от Гудсонова залива. Вместе с тем аляскинских эскимосов он рассматривал как сравнительно недавних пришельцев с востока.

Точка зрения американского происхождения эскимосов развивалась Стинсби в ряде его работ, особенно в его антропогеографическом исследовании происхождения эскимосской культуры[3].

Теория Стинсби интересна в том отношении, что она впервые пытается установить последовательность в развитии эскимосской культуры.

Впервые эскимосская культура, по теории Стинсби, появилась в безлесной местности между Гудсоновым заливом и бухтой Коронации (река Мекензи), путем приспособления к арктическим условиям той культуры, которую мы находим у лесных индейцев. Культура эта, культура охотников территории пустынь (Barren Ground), проделав свой путь к северному побережью, положила там морскую фацию и распространилась на восток и запад, в Гренландию и Сибирь. Эту первоначальную эскимосскую береговую культуру Стинсби назвал «палеоэскимосской». Под влиянием палеоазиатской и тихоокеанской рас вокруг Берингова пролива появилась культура «неоэскимосская» с женскими лодками (умиаками) и каяками, резко выраженная береговая культура, которая затем распространилась на восток и отложила новый слой на древнюю палеоэскимосскую культуру.

Участник пятой датской экспедиции Туле Биркет-Смит в своих работах[4] подчеркивал различие между береговой культурой «морского побережья» и культурой «внутриматериковой». В то время как для береговой культуры морского побережья характерна охота на морских млекопитающих, для внутриматериковой береговой культуры характерен подледный лов рыбы в озерах и реках. Примитивность внутриматериковой береговой культуры является основанием для предположения о существовании ее на протяжении долгого времени в приполярной области. Культура центральных эскимосов, по Биркет-Смиту, типичная внутриматериковая культура охоты со льда, она — видоизмененный реликт древнего культурного слоя, форма которого может быть названа протоэскимосской.

Принимая гипотезу центральноамериканского происхождения древнейшей эскимосской культуры, Биркет-Смит полагает, что в то время, когда не было еще приспособления к морю, протоэскимосы жили, вероятно, в районе Мекензи, концентрируясь, быть может, около одного из озер между большими озерами Медвежьим и Невольничьим и озером Атабаской. Там было положено начало всей эскимосской культуры, которую вслед за Стинсби Биркет-Смит именует палеоэскимосской. Западную аляскинскую и восточную эскимосские культуры, в согласии со Стинсби, Биркет-Смит считает позднейшими неоэскимосскими.

Подразделение эскимосской культуры на два последовательных этапа поддерживал и Хэтт[1], но он полагал, что та береговая культура, которую Стинсби называл неоэскимосской, в действительности старейшая эскимосская, в то время как внутриматериковая, палеоэскимосская по Стинсби, более поздняя культура. Хэтт считал, что северные берега Америки первоначально были использованы населением древней береговой культуры, которая несомненно стояла в связи с культурой палеоазиатов северо-востока Сибири и которая содержала как раз те элементы, которые теперь частично отсутствуют в центральной области (умиак, плащ из кишек, дубление уриной, квадратной формы жилища и т. п.). Эта древняя береговая культура восприняла, по всей вероятности, различные культурные и расовые течения из земель между Гудсоновым заливом и рекой Мекензи, распространившиеся по северным побережьям Америки, поглотившие и частично трансформировавшие более древнюю культуру.

Перечисленные выше теории американского или азиатского просхождения эскимосов и их культуры были чисто спекулятивного характера и не вытекали из углубленного и всестороннего изучения поставленной проблемы.

Существенным поворотным пунктом в исследовании эскимосской проблемы явились археологические раскопки возглавляемой Расмуссеном экспедиции Туле, в частности Матиассена в области центральных эскимосов. Впрочем, ряд древних стойбищ был раскопан и ранее на Алеутских островах[2] и в Гренландии[3], но опубликованные оттуда материалы содержат мало данных для освещения культурных форм и хронологических взаимоотношений в связи с вопросом о происхождении эскимосской культуры.

Раскопки Матиассена[4] вскрыли к северу от Гудсонова залива древнюю эскимосскую культуру, названную им культурой туле. Культура эта, как показал Матиассон, оказалась не примитивной, а, напротив, достаточно развитой и специализированной, со всеми наиболее характерными элементами, широко распространенными во всей области, занятой эскимосами.

Культура эта была типичной для охотников за морскими млекопитающими, в частности за китами, связана с народом, который более всего жил в настоящих домах и который пользовался большим количеством орудий строго выработанной формы. Культура туле типичная арктическая и притом бере-

1 Murdoch, 1888: 129 -- 130.
2 Boas, 1888b: 39; 1905: 91 — 100; 1910.
3 Steensby, 1916.
4 Birket-Smith, 1924, 1929, 1930.

1 Hatt, 1916a и b.
2 Pinart, 1875. Dall, 1878. Iochelson, 1925.
3 Thomsen, 1917, 1928.
4 Mathiassen, 1925.

говая; она должна была сформироваться на побережье, изобилующем крупной дичью, в частности китами. Кроме того, для постройки умиаков (так как с каяка кидать китовый гарпун если и не невозможно, то очень трудно) и для шатровых жилищ берега должны были изобиловать деревом. Такие непременные условия имелись только на западе.

Подчеркивая тесную связь между культурой туле и центральных эскимосов с одной стороны и эскимосов мыса Барроу, западных, с другой, Матиассен отмечает, что в прежние времена связь между ними была еще более интимная и замкнутая. Остается вопрос о месте происхождения культуры туле, в центральной области или на западе, и о направлении ее миграции. Матиассен пришел к заключению, что культура эта, со всеми ее особенностями культуры китовой, произошла где-то на западе, в арктической зоне, где киты были многочисленны и имелось в достаточном количестве дерево, т. е. у берегов Аляски или Восточной Сибири, на севере Берингова моря. Там налицо были все условия для происхождения этой культуры, и оттуда она распространилась на восток вплоть до Гренландии. Матиассен среди находок в центральной области указал целый ряд таких элементов, происхождение которых известно только в западных районах и которые, следовательно, могли произойти только оттуда. Из трех культурных фаз Биркет-Смита, по мнению Матиассена, две неоспоримы и представлены культурой туле и современных центральных эскимосов; третья древнейшая фаза пока является теоретической. Поскольку открытая его раскопками культура туле не примитивна, а, напротив, высоко развита и специализирована, она неизбежно должна была пройти длинный путь развития, и рассматривать ее как исходную для эскимосской культуры нельзя.

В противоположность Биркет-Смиту, Матиассен высказал предположение, что группа эскимосов, пришедшая с запада на берега области между бухтой Коронации и Бэсэрт, найдя там огромные стада оленей, в этой пустынной стране преобразовала свою культуру. Культуру эскимосов карибу скорее следует считать редуцированной, чем примитивной. В таком случае, писал Матиассен, переселение с запада на восток, которое мы имеем в культуре туле, представляется менее сомнительным, и на запад мы должны будем смотреть как на колыбель эскимосской культуры.

После раскопок Матиассена изучение эскимосской культуры вступило в новую фазу, начавшуюся систематическими археологическими раскопками на севере Аляски. В 1926 г. Дженнесс, открывший за год перед тем древнюю эскимосскую культуру дорсет на юге Баффиновой Земли[1], производя раскопки у мыса принца Уэльского и на острове Диомида в Беринговом проливе, открыл наличие некогда существовавшей там древней эскимосской культуры. Культура эта оказалась родственной современной аляскинской эскимосской культуре, но в некоторых отношениях сильно отличающейся от нее. Из кухонных отбросов у Берингова пролива Дженнесс получил значительное число поделок, включая некоторое количество и «ископаемых» из моржового клыка, тщательно орнаментированных, являющихся доказательством наличия культуры, которая много столетий тому назад достигла там более высокой стадии художественного развития, чем какая-либо другая из ранее известных в арктических областях[1].

[1] Jenness, 1925.

Возраст этой берингоморской культуры Дженнесс[2] определил временем, предшествовавшим нашей эре, исходя из тех соображений, что культура туле на востоке Арктики имеет по крайней мере тысячелетнюю давность, а древнейшая ее фаза бирнирк у мыса Барроу датируется первыми веками нашей эры[3].

В те же годы Хрдличка[4], занимаясь антропологическими исследованиями по побережью Аляски, от Нортонова залива до мыса Барроу, получил несколько древних, потемневших от долгого пребывания в земле предметов искусства, главным образом с острова св. Лаврентия. Предметы эти, являющиеся образцами высокого туземного искусства, с гравированным криволинейным орнаментом, как выяснил Хрдличка, встречаются от мыса Хоп на востоке до устья реки Колымы на западе, редки на севере и к югу от Нортонова залива; их центр — остров св. Лаврентия и частично азиатское побережье Берингова моря с островами Диомида и полуостровом Сьюарда.

Открытия Матиассена, Дженнесса, Хрдлички дали новые исторические перспективы к разрешению эскимосской проблемы и возбудили интерес к археологическим изысканиям, которые развернулись в последующие годы. В 1926 году Гейст[5] начал исследования в области Берингова моря, на острове св. Лаврентия и Пунукских островах. С 1928 года начались исследования Коллинза сначала на Пунукских островах, затем на острове св. Лаврентия[6], на мысе Киалегак, а затем в северо-западной части этого острова, у селения Гамбелл. Раскопки у Гамбелл позволили Коллизу в деталях проследить последовательные изменения в культуре эскимосов острова и вскрыть хронологическую последовательность этапов их культуры.

Наиболее ранний этап, который Коллинз назвал «древним берингоморским», начинается последними столетиями до нашей эры и кончается в конце I тысячелетия нашей эры; следующий за ним, «пунукский», оканчивается примерно в XVII веке; последний, близкий современности этап эскимосской культуры на острове св. Лаврентия начинается лет двести назад.

Выяснилось, что древние берингоморцы жили в небольших полуподземных жилищах с узким и длинным коридорным входом. Каменные их орудия были главным образом оббитые, хотя они изготовляли орудия и из шлифованного сланца. Пользовались глиняной посудой. Существовали они главным образом промыслом морских млекопитающих, но китов они, как думает Коллинз, не добывали. У них были собаки, но для транспорта ими не пользовались.

Поразительной чертой древнеберингоморского этапа было наличие большого числа предметов, даже утилитарного назначения, с красивым

[1] Подобные же вещи много раньше (1910) поступили с берингоморского побережья Чукотского полуострова в Этнографический отдел Русского музея в Петербурге, но не обратили на себя должного внимания и не были опубликованы.
[2] Jenness, 1928a: 78.
[3] Jenness, 1933: 387.
[4] Hrdlicka, 1930: 173 — 174.
[5] Geist and Rainey, 1936.
[6] Collins, 1937.

и характерным для этого периода криволинейным орнаментом.

На следующем, пунукском этапе жизнь протекала в основном на той же базе, что и ранее. Жилища стали больше, но строились они по тому же плану. Изменению подверглось искусство, частично наконечники гарпунов, обтесанные каменные орудия почти целиком были заменены шлифованными. Появилось много орудий новых типов, как полагает Коллинз, сибирского происхождения.

Последний, близкий к современности этап эскимосской культуры на острове св. Лаврентия характеризуется предметами, сравнительно недавно ввезенными на остров из Сибири, в том числе собачьи санки с костяными подполозками, вырезанные из моржового клыка фигурки птиц, млекопитающих и человека, бусы и различные предметы из металла.

Таким образом, раскопки на острове св. Лаврентия пролили значительный свет на проблему эскимосской доистории, но окончательно они ее не разрешили. Культура эскимосов на древнем беринговоморском этапе оказалась во многих отношениях более высокоразвитой, более специализированной, чем на более поздних этапах. Поэтому Коллинз считает, что для того, чтобы найти простые начатки этой древней культуры, надо идти далее в глубь веков, и нет никакого сомнения в том, в каком направлении мы должны искать ее происхождение. Это север Евразии, область, в которой Коллинз видит множество поразительных параллелей эскимосской культуре и географические условия, достаточно подходящие для формирования приморской культуры. Что касается непосредственного происхождения древней беринговоморской культуры, то область, где она появилась, Коллинз усматривает в Восточной Сибири, где-то между устьями рек Анадыря и Колымы.

Тем временем, пока производились раскопки на острове св. Лаврентия, Хрдличка [1] провел несколько сезонов в изысканиях на острове Кадьяке в субарктической области, Мейзон произвел раскопки и мыса Барроу [2], Вейер [3] работал у порта Моллер на Аляске, де Лагуна [4] начала раскопки в бухточке Кука, которые позднее продолжил Биркет-Смит [5] в заливе принца Уильяма. В восточной Арктике Дженнесс и Винтемберг [6] продолжали изучение остатков культуры дорсет от Баффиновой Земли к югу до Ньюфаундленда, в то время как Матиассон [7], Ларсен [8], Холтвед [9] закончили обширные исследования почти по всему побережью Гренландии. Наконец, Рейни в сотрудничестве с Ларсеном и Гиддингсом произвел исследования у мыса Хоп и снова на острове св. Лаврентия [10].

В 1940 году появились две обобщающие статьи — Дженнесса «Доисторические культурные волны из Азии в Америку» и Коллинза «Очерки эскимосской доистории».

1 Hrdlicka, 1935.
2 Mason, 1930.
3 Weyer, 1930.
4 De Laguna, 1934.
5 Birket-Smith and de Laguna, 1938.
6 Wintemberg, 1939.
7 Mathiassen, 1930b, 1936.
8 Larsen, 1934, 1938.
9 Holtved, 1938.
10 Rainey, 1941a.

В упомянутой статье Дженнесс [1] отмечает, что раскопки в районе Берингова моря как будто указывают на то, что сколько-нибудь значительной миграции через Берингов пролив из Азии в Америку не было, если не считать эскимосской в начале нашей эры. Кроме того, развитие эскимосской культуры указывает скорее на постепенную ее эволюцию, чем на вторжение иноплеменников. С другой стороны, ссылаясь на Норденшельда [2] и других, он констатирует, что хотя немногие полинезийцы могли однажды или более случайно попасть к берегам Америки, сколько-нибудь значительной трансокеанской миграции также не было, во всяком случае столь значительной, чтобы глубоко отразиться на физическом типе туземцев Нового Света или на эволюции их культуры. Дженнесс исключает возможность миграции из Азии в Америку и из Камчатки через Алеутские острова. Остается все же только единственный путь через Берингов пролив. Это заключение, по его мнению, хорошо увязывается и с результатами лингвистических исследований (в частности Риве [3]) и с данными этнографии.

Древнюю восточно-американскую культуру дорсет Дженнесс, в согласии с Коллинзом, считает эскимосской, отчленившейся от протоэскимосской еще до развития древней беринговоморской. Время переселения дорсетцев из Азии в Америку — первое, возможно даже второе, что более вероятно, тысячелетие до н. э.

Вполне поддерживая прослеженную Коллинзом эволюцию и деволюцию до новейшего времени древней беринговоморской культуры, Дженнесс согласен, что бирнирkская фаза мыса Барроу является непосредственным преемником древней беринговоморской культуры. Однако по целому ряду соображений он предполагает, что культура бирнирк и ее первенец — туле — не являются прямыми отпрысками древней беринговоморской культуры, но обе они отпрыски какой-то мало продвинувшейся вперед культуры, которая процветала на северо-восточных берегах Сибири в районах рек Колымы и Индигирки. В таком случае родоначальная (исходная) гипотетическая культура могла послать свои отпрыски на восток. Одна ветвь пересекла Берингов пролив и проследовала к северу вдоль аляскинского побережья к мысу Барроу. Другая ветвь колонизовала побережье Сибири южнее мыса Дежнева и тогда же или позднее основала немноголюдный аванпост на острове св. Лаврентия. Постепенно, как думает Дженнесс, южная колония сибирского побережья Берингова пролива под сильным воздействием еще более южных источников (особенно, возможно, из Китая) революционизировала стиль искусства и восприняла некоторые такие элементы, как керамика, лучковый дрилль, который, кажется, не был еще известен в более раннем периоде.

Таким образом, согласно Дженнессу, исходная родина эскимосов не в Америке и не на северо-востоке Сибири, а в устьях рек Колымы и Индигирки. Он пишет, что нисколько не будет удивлен, если в этой именно области, скорее чем в Аляске, будет обнаружена родина эскимосской культуры. Он допускает, что намеченная им область очерчена слишком ограниченно и что она должна будет

1 Jenness, 1940.
2 Nordenskiöld, 1931.
3 Rivet, 1925a.

распространиться далее на запад. Он допускает также возможным, ссылаясь на известия Чернецова[1], что в течение нашей эры эскимосоподобный народ направлялся из этой области на запад вплоть до Ямала и даже далее на север Европейской России, где каяк и байдара отмечены в XVI веке, согласно статье Мак-Ричи[2].

Если предшественники древней берингоморской, бирниркской и дорсетской культур будут открыты на арктических берегах Западной Сибири, как надеется Дженнесс, много меньший пробел, абсолютно во времени и в пространстве, будет между историческими эскимосскими культурами и историей эпипалеолитических народов Северной Европы.

В статье «Очерк эскимосской доистории» Коллинз[3] дает подробный обзор всего, что в то время было известно по эскимосской археологии, и приходит к следующим выводам. Археологические открытия на севере, вместо того, чтобы дать непосредственные сведения о происхождении эскимосской культуры, показали, что для того, чтобы открыть ее происхождение, необходимо продолжить дальнейшие исследования. Раскопки в районе Берингова пролива показали длительную серию культурных изменений, направленных скорее в сторону упрощения, чем прогрессивного развития. Древняя берингоморская культура во многих отношениях более продвинулась, чем нынешняя культура аляскинских эскимосов. Раскопки де Лагуны на юге Аляски показали, что древнейшая там стадия эскимосской культуры была простого и обобщенного характера. Однако, если древнейшая эскимосская культура Аляски не находилась под влиянием северо-западной индейской культуры, то же самое мы можем ожидать и в районе Берингова пролива. Археологические раскопки подтверждают эти ожидания. Мы видим, что в доисторические времена высокоразвитая культура вокруг Берингова пролива ни в какой мере не является результатом воздействия с северо-западного берега Америки. Влияние из этого района, заметное в культуре аляскинских эскимосов, проявилось, повидимому, в недавнее время.

«Весьма существенно, что наличие всех основных элементов древней берингоморской культуры, — пишет Коллинз, — мы находим в Европе или в Азии в настоящее время или в прошлые времена. Кроме того, элементы эти, широко распространенные в Старом Свете, в Америке имеются только у эскимосов и в смежных областях, куда, повидимому, распространилось эскимосское влияние». Отсюда он, как и Дженнесс, делает естественный вывод, что поскольку элементы, являющиеся основой эскимосской культуры, происходят из Старого Света, то и корни эскимосской культуры скорее там, чем в Америке.

В рассматриваемой статье Коллинз особо подчеркивает значение каменных вкладышей в наконечниках древних эскимосских гарпунов, которые, как он думает, служат нитями, связывающими через сибирский неолит эскимосскую культуру с европейским мезолитом.

В 1911 году Рейни[4] описал интересную оквикскую стоянку, открытую на одном из Пунукских островов. Эта стоянка отличается от всех других до нее исследованных эскимосских стойбищ тем, что ни остатков жилищ, ни куч или впадин, которые были бы видны на поверхности, там не оказалось. Только несколько более зеленый оттенок растительности на месте стоянки, да отдельные разбросанные на прилегающем берегу кости свидетельствуют о месте бывшего здесь поселения. Открыта эта стоянка была эскимосами острова св. Лаврентия, которые совершали туда специальные экспедиции для добычи ископаемых клыков моржа и различных вещей. Значительная коллекция оттуда была приобретена Гейстом в 1931 и 1934 годах и Рейни в 1937 году. В том же году вышла монография Коллинза по археологии острова св. Лаврентия, и Рейни обратил внимание на то обстоятельство, что орнаментальный стиль, типичный для массы вещей из оквикской стоянки, совершенно тот же, что и обнаруженный Коллинзом на вещах из древнейшего слоя берингоморской культуры на острове св. Лаврентия и описанный им как древний берингоморский стиль I. В 1939 году Рейни посетил остров св. Лаврентия с целью побывать на Пунукских островах и произвести обследование оквикской стоянки, но сделать это ему не удалось. Однако осенью того же года его спутник Гиддингс открыл близ Гамбелл на острове св. Лаврентия остатки жилища с культурой, повидимому, идентичной оквикской. Поскольку можно было судить по каменной кладке пола, жилище это было круглой формы и, вероятно, с крытым входом, возможно полуподземное. В нем было найдено большое количество (примерно 950) предметов, преимущественно каменных обтесанных орудий, в меньшем количестве из шлифованного сланца, черепки глиняной посуды, вещи деревянные и небольшое число из кости, клыка моржа и китового уса. Некоторые из костяных и из моржового клыка орудий были с выгравированным рисунком, все в характерном оквикском стиле.

Рейни считает, что раскопанное Гиддингсом жилище с оквикской культурой древнее всех раскопанных Коллинзом у Гамбелл.

К сожалению, коллекция вещей из раскопок этого жилища еще не опубликована, и материал, послуживший Рейни для описания оквикской культуры, состоит почти исключительно из предметов, приобретенных у эскимосов. Культура оквик от прочих эскимосских отличается прежде всего специальным стилем орнаментации, более простым и более эскизным, чем криволинейный древнеберингоморский, а также особым типом наконечников гарпунов со сложной шпорой. Целый ряд вещей, типичных для пунука, и неизвестных в древней берингоморской культуре, были найдены на оквикской стоянке. Это наконечники китовых гарпунов, ряд типов наконечников стрел, бородки лососевых острог, башмаковидные из моржового клыка обоймы для тесел и др. Рейни предполагает, что отсутствие этих вещей в промежуточном древнеберингоморском этапе случайно.

В 1939 году была открыта у мыса Хоп исследованная в 1940 и 1941 годах так называемая культура ипиутак. Обширный материал из многочисленных раскопок на урочище Ипиутак древних жилищ и погребений еще не опубликован, но по предварительным сообщениям[1] до известной степени можно

[1] Чернецов, 1935.
[2] Mac Ritchie, 1912.
[3] Collins, 1940.
[4] Rainey, 1941d.

[1] Rainey, 1941a, b, c; 1942; Stefansson, 1944.

уже составить представление об этой культуре. Рейни культуру ипиутак считает предшествующей известным уже нам типам эскимосской культуры арктического побережья, но так как и она оказалась не примитивной и по ряду элементов отличается от типичной эскимосской, то ее происхождение мыслится где-нибудь в Восточной Азии, вне арктической области.

Для этой культуры характерны прежде всего квадратные жилища очень малых размеров, для постройки которых не пользовались ни камнем, ни костями кита, а только деревом. Глиняная посуда отсутствует в жилищах, но она была найдена в кучах с кухонными отбросами и в могилах с культурой оквик. Особенно замечательны погребения, где в глазницах черепа были найдены искусственные глаза из моржового клыка со зрачками из агата и специальными наротниками, вырезанными из моржового же клыка; в одном случае в носу были найдены затычки в виде птичек из моржового клыка. Найденные в Ипиутак вещи сделаны из моржового клыка, кости, рога и камня — из материала, вообще широко используемого эскимосами, но отсутствовали шлифованные сланцевые орудия. Что касается характера вещей, то в массе они обычных для эскимосской культуры типов, за исключением некоторых особых типов наконечников стрел и дротиков и ряда резных из моржового клыка изделий. Наиболее замечательным Рейни считает соотношение в ипиутаке количества наконечников стрел к наконечникам гарпунов: 500 к 50, т. е. соотношение, обратное тому, какое обычно наблюдается в эскимосских коллекциях. С другой стороны, там отсутствует ряд предметов, характерных для промышленников морских млекопитающих. Преобладание наконечников стрел и отсутствие многих типичных эскимосских орудий, приспособленных для береговой охоты, приводит Рейни к заключению, что ипиутакцы в основном были народом внутриматериковым, промышлявшим обычно наземных млекопитающих и приходивших на берег для сезонного промысла морских млекопитающих.

После открытия культуры ипиутак Рейни считает очевидным, что не стоит надеяться найти простую, примитивную форму культуры арктических предков, приписываемой эскимосам. Более вероятно, пишет он, что эскимосская культура, какой мы ее знаем в результате приспособления к арктическим берегам, — культура народа южных широт, вероятно к западу от Берингова пролива в Восточной Азии.

В последней дошедшей до нас работе («Эскимосская археология и ее отношение к проблеме древности человека в Америке») Коллинз[1] касается двух интересующих нас вопросов: о культуре ипиутак и о сходстве между эскимосской и мезонеолитической и палеолитической культурами Европы.

Точное положение культуры ипиутак среди других этапов развития общей эскимосской культуры для Коллинза неопределенно. Все же он полагает, что ипиутак и древняя берингоморская культуры занимали одну и ту же территорию и были разделены небольшим промежутком времени. Рейни, как мы видели, признавая сходство между искусством ипиутак и древним берингоморским, рассматривает тем не менее ипиутак как независимую доэскимосскую культуру. Ряд выводов в пользу этого заключения Рейни Коллинз оспаривает и, напротив, отмечает, что на небольшую сравнительно древность стойбища Ипиутак указывает его топографическое положение, ряд найденных там изделий из моржового клыка, в частности искусственные глаза и носовые затычки из погребений, что свидетельствует о китайском влиянии, возможно, не ранее чем династия Чу или Хань.

Спорадическое распространение на всей эскимосской территории костяных наконечников дротиков и ножей с каменными вкладышами, обилие их в Центральной Сибири и Приуралье, в связи с наличием подобных же орудий с вкладышами в мезолитических стоянках Старого Света, вскрывает, по мнению Коллинза, первоначальное происхождение этого типа эскимосских орудий. Более того, исходя из открытых Окладниковым[1] неолитических культур с костяными орудиями, оснащенными боковыми каменными вкладышами, в районе Прибайкалья, Коллинз приходит к выводу, что эти именно культуры были одним из главных источников, из которых проистекла эскимосская культура.

При всей обширности зарубежной литературы, посвященной эскимосской проблеме, при наличии больших монографий по этнографии американских и гренландских эскимосов, несмотря на многочисленные археологические раскопки, результаты которых исчисляются многими десятками тысяч добытых предметов, эскимосская проблема буржуазными учеными до сих пор не разрешена. Не ясно происхождение и содержание культуры дорсет, считающейся восточно-эскимосской. Недостаточно определены ни хронологически, ни стадиально такие этапы в развитии эскимосской культуры как бирнирк, ипиутак или оквик. Не выяснены взаимосвязи одновременных стадий пунук района Берингова моря и туле Канады. Несколько четче выявляется стадия древне-берингоморская, территориально очень ограниченная, хотя и здесь ряд элементов является спорным. Вопросы о социальной структуре, развитии эскимосского общества и идеологии на различных этапах его истории, несмотря на обильный фактический материал, буржуазными учеными не только не разрешаются, но и не ставятся.

У нас в России, за исключением Иохельсона, примкнувшего к теории американского происхождения эскимосов, всегда господствовала теория азиатского их происхождения, а свое научное обоснование она получила в советское время.

Стеллер первый (1741) высказался об азиатском происхождении жителей посещенного им острова Каяк. Той же точки зрения, как мы видели, в вопросе о происхождении эскимосов придерживались Вениаминов и Шренк. На основании своих исследований на Чукотском полуострове В. Г. Богораз[2] отмечал, что имеется много оснований к заключению, что в древности, задолго до прихода русских, азиатские эскимосы были более многочисленны и были распространены далеко к западу и югу от мест нынешнего обитания. В доказательство широкого в древности расселения азиатских эскимосов Богораз приводит данные топонимики. Он считал, что азиат-

[1] Collins, 1943.

[1] Окладников, 1938.
[2] Bogoras, 1904.

ские эскимосы представляют собою остатки очень древнего народа, о чем говорят уже три различных диалекта, существующие у населения, едва насчитывающего 1000 человек. Тем не менее он неоднократно [1] высказывал свое убеждение, что эскимосы не являются аборигенами на тихоокеанском берегу, и предполагал, что расселение эскимосов шло из Евразии в Америку, с запада на восток, а по тихоокеанскому побережью с севера, а не с юга.

Позднее [2], исходя из положения, что исторически рыболовство предшествовало промыслу морских млекопитающих, Богораз писал, что «цепь рыболовных племен в северной части тихоокеанского побережья в прошлом распространялась сплошной дугой из Азии в Америку, включая в Азии гиляков и камчадалов, а в Америке ряд северо-западных племен: гайда, цимшиан, квакиутль, салиш и другие. Эскимосы прорвали эту сплошную цепь, вдвинувшись с севера через Берингов пролив, в эпоху хотя и отдаленную, но сравнительно более позднюю, чем первый переход человеческих групп из Азии в Америку по так называемому Берингову мосту».

На этой же позиции стоял и А. М. Золотарев [3], который считал, что охота на наземных млекопитающих не являлась главным занятием древнейшего послеледникового населения Северной Азии. Население это круглый год проживало на широком побережье и на речных отмелях. Весной и осенью оно охотилось на лося и северного оленя при их переправах через реки; летом они ловили рыбу на открытых водоемах, а зимой у прорубей. Их жилищем были землянки, они пользовались глиняной посудой, одевались в рыбьи, птичьи и отчасти оленьи шкуры и были активными собаководами. Их социальное устройство, очевидно, было матриархальным. С этой стадией культуры был связан тотемизм, поклонение солнцу и женский родовой шаманизм. Эта культура была необходимой стадией в историческом развитии всех северных племен Азии и Америки. Переход от древней культуры «зимних рыболовов» к культуре лесных охотников, повидимому, имел место не так давно.

В вопросе о происхождении эскимосов Золотарев пришел к следующим выводам [4], с учетом всех имевшихся в то время этнологических и археологических данных.

«Древнейшей протоэскимосской культурой является культура Берингова моря, формально-археологические признаки которой в настоящее время для нас ясны, но социально-экономический облик еще остается в тумане. Эта культура появилась в районе Берингова пролива с запада, по всей вероятности, двигаясь с запада на восток по арктическому берегу Сибири. Она сохранила сильную палеолитическую традицию в искусстве, а по уровню материального производства не достигла еще развитого неолита».

Такое предположение находит подтверждение в близости ненецкого и эскимосского языков.

Обращаясь к данным антропологическим, Золотарев подвергает критике мнение Хрдлички [5] будто бы западные эскимосы сохранили древний эскимосский (брахицефальный) тип, который под влиянием условий Арктического моря, вследствие приспособления к среде, претерпел существенные изменения у центральных и гренландских эскимосов; следовательно, длинноголовый эскимосский тип является вторичным, позднейшим образованием, широкоголовый — древнейшей, протоэскимосской формой. Эта теория, как известно, позволила Хрдличке связать эскимосов с палеоазиатами и западноамериканскими индейцами.

Золотарев справедливо отмечает, что ряд остеологических находок на Аляске показывает, что древняя берингоморская культура была связана с долихоцефальным типом, лишь впоследствии уступившим место брахицефальному населению, причем он подчеркивает, что «черепа древнего населения Аляски необыкновенно высоки, узки и длинны; они чрезвычайно напоминают черепа из южной Гренландии» [1].

Отсюда Золотарев приходит к выводу [2]: «Древнейшим эскимосским, в основном гомогенным типом является длинноголовый тип с высоким килеобразным черепом, пришедшим, очевидно, из Азии. На Аляске он был вытеснен в сравнительно позднее время круглоголовым, высокорослым типом, близким к палеоазиатскому типу. Признание длинноголового типа древнейшим эскимосским типом вновь ставит проблему связи эскимосов с длинноголовым населением верхнего палеолита».

В следующей своей статье, посвященной этническим взаимоотношениям на северо-востоке Азии, Золотарев [3] устанавливает три ступени хозяйственного и культурного развития на северо-востоке Азии:

«Первая ступень — оседлая культура морских охотников, вторая ступень — комплексное хозяйство, соединяющее морской промысел с маломощным оленеводством, третья ступень — разделение комплексного хозяйства на две специализированные (в производстве), отдельные, но связанные обменом ветви — промыслово-морскую и оленеводческую.

Эти три ступени хозяйственного развития, — пишет он, — дают нам ключ к пониманию этнической истории северо-востока Азии. Первоначально северо-восточная Азия (речь идет о территории чукчей и коряков) была заселена оседлыми береговыми племенами. Культура этих племен была древнеэскимосская (туле или культура Берингова моря). Она распространена была по меньшей мере от Новосибирских островов до Берингова пролива и дальше в глубь Америки, как по арктическому, так и по тихоокеанскому берегу, где ее влияние сказывалось весьма далеко на юг.:. Язык этого древнего населения был в общем эскимоидным, хотя распадался на множество диалектов... Возникновение оленеводства положило конец этой культуре».

Золотарев полагает, что коряцко-чукотская культура сложилась на основе оленеводства и что чукчи и коряки — это потомки древних эскимосов, превратившихся в оленеводов. В заключение он пишет: «Первоначальными обитателями северо-востока Азии и северо-запада Америки были эскимосские племена морских звероловов, стоявшие на

[1] Bogoras, 1904: 226. Богораз, 1925:
[2] Богораз, 1936: 249.
[3] Zolotarev, 1938: 13 — 14, 23.
[4] Золотарев, 1937: 51 — 52.
[5] Hrdlicka, 1930.

[1] Jenness, 1933.
[2] Золотарев, 1937: 53.
[3] Золотарев, 1938: 83 — 84.

степени культуры туле и культуры Берингова моря... Развитие оленеводческого хозяйства обусловило процесс образования чукотско-корякских племен, вытеснение и поглощение эскимосского населения. В то же время на берегу Берингова пролива продолжала существовать и развиваться приморская культура эскимосов, поставившая предел распространению оленеводства на восток... Следовательно, эскимосы Аляски — не клин, вдвинувшийся с востока и отделивший чукчей от индейцев, но предки древних племен, когда-то населявших оба берега Берингова пролива, культура которых развивалась на базе морского промысла и в силу этого отделилась от чукотско-корякской культуры оленеводов. Родина эскимосов — в Азии».

В течение последних десяти лет исключительно плодотворные археологические исследования в Центральной и Восточной Сибири проводились А. П. Окладниковым. Изучение палеолитических поселений, в том числе одного из замечательных памятников палеолита России — Бурети [1], привело его к не раз уже ставившемуся вопросу о связи самой древней палеолитической культуры Сибири — позднесолютрейской или ранней мадленской — с культурой эскимосской.

Раскопки на Ангаре, в Бурети показали, что современники мамонта и носорога жили в таких же постоянных поселках, как и эскимосы; их жилища по форме и структуре удивительно напоминают зимние жилища эскимосов, с тем только отличием, что при их постройке пользовались не китовыми костями, а костями мамонта и носорога. Их одежда, подобно эскимосской, представляла собой глухие комбинезоны с капюшоном [2]. Их искусство — резьба по кости и скульптура — было столь же богато, с той лишь разницей, что в качестве материала использовались бивни мамонта, а не клыки моржа. Сходство культур обнаружено и в других элементах — в производственном и бытовом инвентаре, в хозяйстве, в религии (культ женского божества и связанные с ним скульптурные изображения женщины).

Тем не менее Окладников пришел к выводу, что в данном случае мы имеем дело с явлениями конвергентными, со сходством основных элементов культуры как результат общих естественных условий: 1) особым укладом быта арктических охотников при обильной добыче, обусловившей оседлость в наиболее удобных местах; 2) суровыми климатическими условиями; 3) отсутствием строевого леса. Что же касается происхождения собственно эскимосской культуры, то Окладников в статье о жилищах в Бурети [3] пришел к следующим выводам.

«По своему происхождению древняя эскимосская культура связана не с западом, а с юго-востоком и не с палеолитом, а с неолитом. Она представляет лишь крайнее на севере звено тихоокеанских береговых культур, принадлежащих оседлым племенам, главным занятием которых служило рыболовство в сочетании с морским зверобойным промыслом. Основные элементы древней эскимосской культуры распространены в тихоокеанской зоне очень широко. Таковы: 1) охота на морского зверя и рыболовный промысел в хозяйстве; 2) соответствующий специфический по форме инвентарь в виде гарпунов поворотного типа с втулкой и шипами в основании; сюда же входят своеобразные шиферные наконечники, неизвестные в Сибири и вообще к северу от Амура и Китайской стены; 3) постоянные поселения с землянками как основным типом жилищ; 4) спиральный или криволинейный орнамент; 5) культ женских божеств-прародительниц и связанные с ними тотемические представления о браке богини с собакой. Эти элементы известны с глубокой древности в Камчатке, на Амуре, Курильских и Японских островах (древнеайнская культура), в Южном Китае и отчасти даже еще южнее, вплоть до Филиппин и Новой Зеландии».

Придерживаясь этого взгляда, основания для которого были получены при изучении неолитических памятников Дальнего Востока, Амура и Японских островов, Окладников решительно выступил против мнения Золотарева о происхождении древнеэскимосской культуры из особой неолитической культуры «зимних рыболовов» внутренней Азии и Америки [1]. Такой культуры, как полагает Окладников, не существовало. Напротив, изучение неолитических памятников Прибайкалья [2] привело его к выводу, что неолит Прибайкалья вырос прямо из местной палеолитической культуры и охота там долгое время доминировала над всеми другими источниками существования [3], и только в самом конце неолита происходит перелом к усилению роли рыболовства, с чем был связан ряд важных перемен в бытовом укладе, общественном строе, в верованиях.

Тем важнее, с его точки зрения, факт, что, в отличие от палеолита, на стадии неолита в различных географических условиях вырастает целый ряд своеобразных локальных культур, каждая из которых соответствует определенной этнической группе каменного века с характерным бытовым укладом, особенностями верований, искусства и т. д.

Такими группами были: 1) степные охотники, позднее скотоводы; 2) охотники Прибайкалья и Монголии; 3) рыболовы уральские; 4) рыболовы Амура и советского Дальнего Востока, в том числе Камчатки, находящейся в связи с культурами тихоокеанских островов и юго-востока Азии (включая Южный Китай и Индо-Китай). Для последних были характерны: «а) рыболовство, а не охота в качестве главного занятия; б) оседлость — поселки сидячих рыбаков, с большими землянками, а не с легкими чумами, как у байкальских охотников; в) плоскодонная керамика, а не остродонная; г) принципиально иное искусство: неожиданно богатая криволинейная орнаментика, родственная орнаменту айну, маори, с одной стороны, и неолитических памятников Китая (культура Яньшао) и Японских островов (Джомон-культура), с другой» [4].

Эта последняя, тихоокеанская зона, в широком понимании, как уже и было отмечено, и является, по мнению Окладникова, родиной древней эскимосской культуры, откуда происходят важнейшие ее элементы.

---

[1] Окладников, 1935.
[2] Окладников, 1941.
[3] Окладников, 1941b: 30—31.

---

[1] Окладников, 1935, 1939.
[2] Окладников, 1938.
[3] Окладников, 1938, 1941.
[4] Окладников, 1941a: 12.

Исследования Окладникова последних лет в долине рек Лены и Колымы, на которые мы еще будем иметь случай сослаться, позволили ему установить для эпохи неолита и бронзы Северной Якутии некоторые культурные связи с древней эскимосской культурой, проявившиеся, в частности, в общих типах керамики и наконечников стрел.

Проблема связей древнего населения внутренних областей Северной Азии с древним населением Чукотского полуострова, таким образом, Окладниковым была рассмотрена на основе обширного фактического материала. Им же впервые дан обзор истории древних эскимосов на основе марксистско-ленинского понимания исторического процесса с учетом выявленных к тому времени на территории СССР археологических памятников[1].

Опубликование части археологических коллекций, собранных на Чукотском полуострове Беттаком и Борисовым, является заслугой А. В. Мачинского[1]. В результате рассмотрения этих коллекций он показал, что на северо-востоке Сибири эскимосская культура в древнеберингоморском периоде носила тот же характер и была столь же развита, как и на побережье Аляски и на островах Берингова пролива. Обратив, однако, внимание на наличие в этих коллекциях изделий из нефрита, он поставил вопрос и о древних связях между эскимосской культурой и культурой, обнаруженной советскими исследователями в устье реки Оби и на полуострове Ямале[2].

Наши археологические разведки на Чукотском полуострове дали новый материал, в свете которого мы еще вернемся к рассматриваемой проблеме в заключительной части этой работы.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА АРКТИЧЕСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

На побережье Ледовитого океана самый западный пункт, где были найдены остатки древних эскимосских жилищ, — остров Четырехстолбовый, в группе Медвежьих, против устья реки Колымы. Свердруп[2] во время плавания на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского на острове Четырехстолбовом обнаружил шесть холмиков с провалом посредине: три на северной и три на южной стороне острова. Вокруг двух южных курганов было разбросано множество черепков глиняной посуды. При ближайшем исследовании Свердруп нашел несколько обломков каменных ножей, два каменных копьевидных наконечника, два наконечника гарпуна из моржового клыка и большое количество костей моржа. Наконечники эти, воспроизведенные в одной из работ Матиассена[3], имеют открытое гнездо с прорезом для пояска, закрывающего гнездо, асимметричную базальную шпору и одну выступающую бородку с противолежащим ей каменным боковым вкладышем. Наконечники гарпуна этого типа характерны для древней эскимосской культурной стадии бирнирк, открытой у мыса Барроу на арктическом побережье Америки, и до известной степени определяют время эскимосских поселений на Медвежьих островах.

Такие же остатки древних эскимосских жилищ Свердруп видел (в 1920 году) на острове Айон[4], причем там он нашел черепки глиняной посуды, два-три обломка каменных ножей, кости оленей, тюленей и птиц. В то время почва на острове была настолько мерзлой, что произвести раскопки оказалось невозможным.

В 1946 году в Арктический институт в Ленинграде с полярной станции на острове Айон, находящейся на северо-западном берегу острова, поступило несколько предметов из древнего поселения, расположенного в 0,7 км к востоку от станции. Среди этих предметов большой шлифованный сланцевый женский нож (ulu), костяной наконечник копья или дротика и черепки глиняной посуды. Судя по характеру глиняной посуды и других предметов, поселение на острове Айон, откуда доставлены вещи, более позднее, чем на острове Четырехстолбовом, и относится, повидимому, к тульской стадии эскимосской культуры.

О древних жилищах на побережье Ледовитого океана на северной стороне «Баранова Камня» (мыс Б. Баранов) писал спутник Биллингса Сарычев[3]. Там на берегу ручья он нашел (1787) обвалившиеся земляные жилища на небольшом одно от другого расстоянии. «Сделаны они были сверх земли и казались круглыми, в диаметре сажени три. По разрытии в земле в средине нашли кости тюленьи и оленьи, также много черепков от разбитых глиняных горшков и два каменные треугольные ножа наподобие геометрического сектора, сторона, которая дугою, острая; другие две прямые и толстые». Ясно, что и здесь мы имеем дело с типичными эскимосскими женскими ножами, найденными в древних полуземлянках.

В 1946 году А. П. Окладников в четырех небольших бухточках к западу от возвышенности мыса Б. Баранова обнаружил остатки древних жилищ эскимосского типа. Наибольшее количество жилищ оказалось в той бухточке, где копал Сарычев. Из пяти жилищ этой бухточки Окладников частично раскопал два и одно жилище в соседней, восточной бухточке. Коллекция из этих раскопок еще не обработана, но, судя по наконечникам гарпунов и другим предметам, поселение у мыса Б. Баранова, подобно жилищам на острове Четырехстолбовом, относится к бирниркской поре эскимосской культуры.

Через сто лет после сообщения Сарычева спутники Норденшельда (1878) произвели небольшие раскопки древнего поселения на побережье Ледовитого океана у мыса Северного (ныне Шмидта), или, как его назвали Норденшельду чукчи-Икарпий.

[1] Окладников, 1939; III — IV: 513 — 526.
[2] Свердруп, 1930: 213.
[3] Mathiassen, 1927; 2: 180. рис. 12.
[4] Свердруп, 1930: 238.

[1] Мачинский, 1941.
[2] Чернецов, 1935.
[3] Сарычев, 1811: 95 — 96.

На косе, соединяющей мыс Икарпий с материком,—писал Норденшельд[1],—мы видели развалины, остатки жилищ, принадлежавших племени онкилон, жившему в прежнее время в этой местности и изгнанному несколько столетий тому назад отсюда чукчами. Раскопки в остатках этих жилищ произвели Альквист и Нордквист. Жилища частично были возведены из китовых костей и наполовину находились под землею. Кучи отбросов содержали кости различных родов китообразных, например белухи, а также кости тюленей, моржей, оленей, медведей, песцов, собак и различных видов птиц Кроме этих остатков звероловного промысла, были найдены предметы, изготовленные из камней и костей, между которыми обращали на себя внимание каменные топоры, державшиеся в своих рукоятках из дерева и кости. Даже ремни, при помощи которых топоры прикреплялись к рукояткам, прекрасно сохранились. Моржовые клыки представляли для прежних жителей, как и для современных чукчей, материал, из которого иногда с большим успехом, нежели из кремня, изготовлялись наконечники копий, стрелы для охоты на птиц, крючки для рыбной ловли, топоры для рубки леса и т. п. Кости китообразных применялись также в большом количестве. Остатки старых жилищ были найдены также высоко над уровнем моря среди каменных россыпей на мысу Икарпий".

В работе Норденшельда на особой таблице даны изображения ряда предметов из раскопок у мыса Шмидта. Среди них особое внимание заслуживает костяной наконечник гарпуна типа туле 2 Матиассена, плоская костяная ложка яйцевидной формы с длинной ручкой типа, характерного для древней культуры центральных эскимосов, каменное тесло в костяной обойме, женские ножи из глинистого сланца и большой каменный наконечник копья. В общем весь комплекс вещей с мыса Шмидта имеет облик, типичный для культуры туле, как мы ее себе представляем по раскопкам Матиассена[1] в Канаде.

Нельсон, посетивший арктическое побережье северо-восточной Азии, сообщил об открытых им древних стойбищах у мыса Ванкарем, которые он и описал, как оставленные эскимосами[2]. Остатки древних жилищ, по его описанию, имели вид холмиков с ямой или углублением посредине и траншеей (коридорным входом), направленной к морю и показывающей местоположение входа. Многочисленные ребра и нижнечелюстные кости китов лежали рассеянными возле, и разрушающийся конец китовой челюстной кости, выступающий над вершиной одного из холмиков, указывал на материал, употреблявшийся для постройки этих жилищ. Раскопок Нельсон не производил, и ряд его соображений об относительном возрасте поселения у мыса Ванкарем был высказан им на основании топографии древних жилищ.

Эти весьма скромные археологические данные свидетельствуют все же о том, что древние приморские поселения, начиная от мыса Ванкарем на востоке, некогда распространялись по арктическому побережью Азии на запад через мыс Шмидта и Шелагский, остров Айон, мыс Б. Баранов, вплоть до островов Медвежьих. Культурные остатки, пока, правда, крайне малочисленные, указывают на то, что эта часть арктического побережья была заселена уже на бирнирском этапе развития эскимосской культуры, хотя большинство находок относится, повидимому, к более позднему туле-пунукскому этапу.

[1] Nordenskiöld, 1882; 1: 403—405.

[1] Mathiassen, 1927.

[2] Nelson, 1899: 265—266.

ОПИСАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ В УЭЛЕНЕ

Еще до прибытия в эскимосо-чукотское поселение Уэлен (эскимосское Ulak, чукотское Uwelen) на побережье Чукотского моря мы слышали, что местные эскимосы и чукчи в течение уже нескольких лет систематически раскапывают место древнего поселения, расположенное недалеко от современного поселка. Там они добывают старые (долго пролежавшие в земле) моржовые клыки, дорого ценимые в Америке, и сбывают их туда через посещающих наше побережье Чукотского полуострова американских эскимосов. И действительно, по прибытии в Уэлен, помимо развалин старинных полуземлянок (по-эскимосски «нынглу»), среди построек современного поселения на прибрежной косе (кошке) мы обнаружили также и место древнего поселения. Оно оказалось расположенным сравнительно высоко, к юго-востоку от современного поселка, у восточного края лагуны. Там на склоне возвышенности, спускающейся к лагуне, значительная площадь была перекопана, но не сплошь, а отдельными участками с нетронутыми промежутками между ними (рис. 1). В трех пунктах мы вскрыли культурный слой общей площадью около 10 м², в местах не перекопанных и покрытых тонким слоем дерна. Оказалось, что культурный слой здесь неглубокий, всего от 0,4 до 0,6 м мощностью, но, помимо костей моржа, нерпы, медведя и оленя, содержащий многочисленные предметы из кости и камня.

Рис. 1.

Склон возвышенности, прикрытый культурным слоем, достаточно крут и поэтому вряд ли был удобен для постоянного поселения, хотя в подобных топографических условиях мы знаем ряд эскимосских поселков, например Наукан близ мыса Дежнева или старинный эскимосский поселок на севере острова Ратманова (Большой Диомид). Никаких видимых остатков жилищ, землянок или полуземлянок на описываемом участке не обнаружено, нет и признаков мясных ям. Необычно также расположение эскимосского поселения — не на берегу моря, а на берегу лагуны, отчлененной от моря кошкой в несколько километров длиной. Впрочем, весьма возможно, особенно если принять во внимание непрерывное эпирогеническое поднятие арктического побережья Чукотского полуострова, что лагуна, по крайней мере в своей восточной части, в древности не была отделена от моря галечниковой косой, и древнее стойбище находилось в свое время на берегу моря. Отметим кстати, что довольно широкая коса, на которой в настоящее время расположен поселок, сильно понижена как раз в восточной ее части, примыкающей к возвышенному скалистому материку.

ОРУДИЯ МОРСКОГО ПРОМЫСЛА

Описание предметов, найденных на древней уэленской стоянке во время раскопок и частично приобретенных и переданных нам В. М. Леонтьевым (12 вещей из общего числа 168), мы начинаем с гарпунов и в первую очередь с их поворотных наконечников, как с наиболее типичного и в извест-

ной мере датирующего элемента эскимосской культуры.

Поворотный наконечник гарпуна сложен (рис. 2), и в нем обычно различают: гнездо, или насад, прорезы, или желобки для пояска, покрывающего открытое гнездо и удерживающего на месте вставленный в гнездо колок, шпору, дыру для линя, наличие или отсутствие бородок или каменных вкладышей, наличие или отсутствие концевого каменного копьеца в соответствующем прорезе. При структурной сложности поворотные наконечники гарпунов варьируют по материалу, из которого они изготовлены (моржовый клык, олений рог, кость), в величине, форме и пропорциях различных частей, в комбинации составных частей, в технике изготовления и орнаментации. Все эти черты дают возможность установления типов и их опознания в культурных комплексах.

Наконечники гарпунов. В описании наконечников гарпунов мы будем придерживаться сообщения сначала конструктивных особенностей, а затем второстепенных признаков. К числу первых относятся:

1) гнездо у нижнего конца наконечника, для насаживания его на колок древка, открытое или закрытое;

2) в случае открытого гнезда прорезы или другие приспособления для пояска гнезда, чтобы колок держался в гнезде;

3) заостренность нижнего конца или шпоры;

4) центральное отверстие в наконечнике или дыры для линя, при посредстве которой наконечник привязывается к линю;

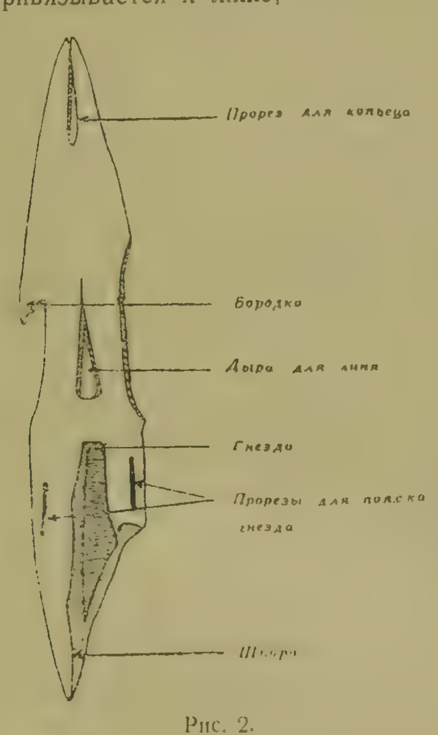

Рис. 2.

5) присутствие или отсутствие боковых бородок или вставных каменных лезвий (вкладышей);

6) наличие или отсутствие на переднем конце прореза, в который вставляется концевое копьецо.

К второстепенным признакам относятся материал, пропорции и форма различных частей наконечника, техника и другие черты, имеющие диагностическое значение, а также орнаментация.

Наконечник гарпуна, изображенный на табл. 1, рис. 1, с широким открытым, но плоским гнездом для колка; для пояска гнезда один прорез с противолежащим желобком; базальная шпора обломана; дыра для линя круглая, конически высверленная, с неглубоким желобком только с одной стороны; короткие и глубокие вырезы для каменных вкладышей, в одной плоскости с дырой для линя, расположены непосредственно над дырой; передний заостренный конец имеет четырехгранную, ромбическую в поперечном разрезе форму; глубокий желобок для пояска гнезда покрыт продольными бороздками для более прочного закрепления пояска из волокон китового уса. Описываемый наконечник из оленьего рога от долгого пребывания в земле приобрел цвет жженого кофе. Орнаментирован косыми, глубоко врезанными линиями.

Другой подобный же наконечник (табл. 1, рис. 2) отличается от вышеописанного только значительно меньшими размерами, светлокоричневым цветом и несколько иной орнаментацией.

Если у этих двух наконечников гарпуна не сохранилось нижней части — шпоры, то у третьего (табл. 1, рис. 3) обломан передний конец и хорошо сохранилась нижняя половина. Этот наконечник имеет широкое открытое гнездо, два прореза для пояска гнезда, сближенные на стороне, противоположной гнезду, с круглой дырой для линя, и тройную асимметричную базальную шпору. Материал — рог — орнаментирован простыми, глубоко врезанными линиями.

Все эти наконечники, учитывая наиболее характерные их особенности, могут быть отнесены к типу бирнирк, столь характерному для древней эскимосской стоянки на арктическом же побережье у мыса Барроу. Подобные наконечники с мыса Барроу опубликованы Коллинзом [1] и с острова Малого Диомида Дженнессом [2].

Исключительный интерес имеет серия наконечников гарпуна, по своей форме и орнаментации типичная исключительно для древнего уэленского стойбища. Все эти наконечники имеют широкие и мелкие открытые гнезда для колка с одним прорезом для пояска гнезда и противолежащим желобком; дыра для линя конически или биконически высверлена; для каменных боковых вкладышей один или два глубоких выреза, или имеется прорез для концевого копьеца; асимметричная шпора часто очень сложная, иногда простая; своеобразен орнамент глубоко врезанными линиями, в некоторых случаях схематическое изображение касатки, иногда оформление базальной шпоры в виде головы животного (табл. 1, рис. 7).

Наконечник гарпуна (табл. 1, рис. 4) один из лучших образцов уэленской серии. Гнездо открытое, широкое, с одним прорезом и противолежащим желобком для пояска гнезда; дыра для линя круглая, шпора асимметричная, сложная, многошипная. В отличие от других подобных наконечников, глубокий вырез для бокового каменного вкладыша только один — в плоскости дыры для линя. Материал — моржовый клык. В орнаменте, помимо глубоких врезных линий, интересны графические изображения двух фигур, вероятно касаток, дугообраз-

[1] Collins, 1835; табл. 11, рис. 7.

[2] Jenness, 1928a; табл. 12, рис. d.

ная линия с рядом зубцов и оформление шпоры, при рассмотрении ее в профиль, в виде головы животного.

Сложен и необычен по своему оснащению наконечник гарпуна, изображенный на табл. 1, рис. 5. От предыдущего он отличается наличием двух боковых вырезов для вкладышей, в плоскости дыры для линя, но, кроме них, еще концевого копьеца, в плоскости, перпендикулярной дыре для линя. Форма шпоры, равно как и орнаментальные мотивы, та же, что и у наконечника, изображенного на табл. 1, рис. 4. Материал — олений рог.

На табл. 1, рис. 6 представлен наконечник гарпуна с открытым гнездом, одним прорезом и противолежащим желобком для пояска гнезда; дыра для линя круглая; шпора асимметричная, очень сложная; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя. Форма наконечника в поперечном сечении эллипсоидная с легким перехватом посредине. Материал — рог оленя. Орнамент глубокими врезными линиями. В коллекции имеется второй такой же наконечник гарпуна (табл. 1, рис. 7), но со шпорой более простой, в профиль напоминающей голову зверя, и с несколько иными мотивами орнаментации.

Все вышеописанные наконечники гарпунов сравнительно малых размеров, от 7 до 9 см длиной, и предназначались, вероятно, для промысла нерпы.

Наконечник гарпуна, изображенный на табл. 1, рис. 8, значительно больших размеров, около 12 см длины, вероятно моржовый. По типу он не отличается от предыдущих: такое же открытое гнездо, круглая дыра для линя, сложная асимметричная шпора, прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя. Материал — олений рог. Характерная деталь орнаментации этого наконечника — треугольный декоративный вырез выше дыры для линя и ниже пояска гнезда.

Очень интересна серия наконечников гарпуна, отличающихся от предыдущих простым устройством асимметричной шпоры. Из шести таких наконечников, изготовленных из моржового клыка, приводится изображение трех. Первый из них (табл. 1, рис. 9) отличается нешироким открытым гнездом, наличием желобков ниже круглой дыры для линя, простой отогнутой шпорой, по оформлению напоминающей голову животного; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя. Характерная особенность орнаментации, как и второго наконечника этой серии (табл. 1, рис. 10), — наличие, помимо глубоко врезанных косых линий, глубоких рубчатых широких выемок выше дыры для линя до прореза концевого копьеца на наконечнике, представленном на табл. 1, рис. 9, или почти до переднего конца наконечника, где, как, например, в наконечнике, изображенном на табл. 1, рис. 10, прорез для концевого копьеца в плоскости, перпендикулярной дыре для линя. Третий наконечник этой серии (табл. 1, рис. 11) отличается меньшими размерами и более простой орнаментацией.

К рассматриваемому типу должен быть отнесен очень большой наконечник гарпуна (длиною 18 см) из моржового клыка, вероятно китовый (табл. 1, рис. 13). И здесь гнездо открытое, с прорезом и противолежащим желобком для пояска гнезда; биконически высверленная дыра для линя круглая, шпора простая, плоская, отогнутая; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя. Особенно интересна орнаментация глубокими зигзагообразными врезными линиями в стиле, как мы увидим, очень характерном для уэленского стойбища и неизвестном где-либо в другом месте области, заселенной эскимосами.

Эта самая многочисленная группа наконечников гарпунов из древнего эскимосского стойбища на склоне возвышенности в Уэлене имеет более или менее близкие аналогии с наконечниками гарпунов типа бирнирк[1], но главным образом с некоторыми из наконечников гарпунов оквикской стоянки одного из Пунукских островов. Опубликованные Рейни[2] наконечники гарпунов из этой стоянки несомненно принадлежат к описанным типам. Сходство уэленских с оквикскими наконечниками гарпунов — не только в типе, но и в деталях орнаментального стиля.

Наконечник гарпуна табл. 1, рис. 12 (приобретенный), по сообщению эскимосов, найден на древнем стойбище. Гнездо открытое, слегка суживающееся кверху; прорез для пояска гнезда один, но не сбоку, как обычно, а на плоской поверхности, противоположной гнезду с боковыми желобками; короткая и острая базальная шпора, другая рудиментарная; дыра для линя круглая, конически высверленная, но расположенная не посредине наконечника, как обычно, но асимметрично, на стороне, противоположной основной шпоре; нет ни боковых каменных вкладышей, ни прореза для концевого копьеца; там, где можно было ожидать вырезы для боковых вкладышей, — выемки чисто орнаментального характера. Форма наконечника лавролистная, уплощенная. Материал — клык моржа; от долгого пребывания на поверхности земли сильно патинизирован.

Этот случайный, не обычного типа наконечник гарпуна может рассматриваться как дериват наконечников типа бирнирк.

Несколько особое положение занимает также наконечник гарпуна (табл. 4, рис. 16) из моржового клыка, передний конец которого обломан. Гнездо у него открытое, широкое, один прорез и желобок для пояска гнезда; дыра для линя круглая, шпора двойная асимметричная; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя. Этот короткий наконечник гарпуна по типу близок к бирнирскому, но стиль его декоровки тонкими процарапанными линиями — древний берингоморский. Подобная орнаментация известна в наконечниках из оквикской стоянки[3].

Наконечники гарпунов с **закрытым гнездом** все из моржового клыка, трех различных типов. Первый из них (табл. 1, рис. 14) с закрытым гнездом, конически высверленным в основании наконечника, и биконически высверленной круглой дырой для линя; базальная тройная шпора асимметрична, известного древнеберингоморского типа с центральным длинным шипом и боковыми короткими притупленными, у основания которых имеется еще пара придаточных маленьких шпор. Особый интерес представляет местонахождение у самого переднего конца наконечника глубоких выемок для каменных вкладышей. Достаточно было бы прорезать конец наконечника еще на 6—7 мм, и вместо вырезов для боковых вкладышей получился бы обычный прорез для концевого копьеца. Орнаментировка простыми врезными

[1] Collins, 1935; табл. 11, рис. 5.
[2] Rainey, 1941d; рис. 5 (2—5, 7—9); рис. 7 (3, 5—7).
[3] Rainey, 1941d; рис. 6 (9).

прямыми линиями. Типологически наконечник этот подобен опубликованным Коллинзом[1] с острова Малого Диомида.

Наконечники гарпунов, изображенные на табл. 1, рис. 15 и16, с закрытым гнездом, круглой дырой для линя и желобками ниже дыры на обеих сторонах наконечника; базальная шпора у них простая, а прорез для концевого копьеца в одном случае в плоскости дыры для линя, в другом перпендикулярен ей. Их форма в поперечном сечении эллипсоидная; орнамент — глубокими врезными линиями. От наконечников гарпуна, изображенных на табл. 1, рис. 9 и 10, они отличаются только конструкцией гнезда для колка.

Интересны незаконченные наконечники гарпунов, дающие представление о технике изготовления таких орудий. Заготовка из моржового клыка (табл. 1, рис. 17) предназначена для наконечника гарпуна типа, изображенного на табл. 1, рис.1. Последовательными срезами каменной пластиной этой болванке придана шестигранная форма в нижней трети и четырехгранная (ромбическая в поперечном разрезе) в верхней половине; нижняя часть оформлена так, что подготовлена для сложной шпоры; конически высверленная дыра для линя сделана раньше, чем вырезано гнездо и проработаны прочие части этого сложного орудия.

Более законченный вид имеет другая заготовка (табл. 1, рис. 20) также из моржового клыка, предназначенная для наконечника гарпуна типа, изображенного на табл. 1, рис. 9. Форма наконечника уже определилась, намечены все детали конструкции, осталось вырезать только гнездо, сделать прорез для пояска гнезда, просверлить дыру для линя, сделать прорез для концевого копьеца и нанести орнамент, который в общих чертах уже намечен.

Заготовка для большого, возможно китового, наконечника изображена на табл. 1, рис. 24; просверлена уже дыра для линя, и намечены открытое гнездо и места вырезов для боковых каменных вкладышей.

Колок для насада наконечника гарпуна на древнем уэленском стойбище был найден всего один (табл. 1, рис. 21). Колок этот из моржового клыка, довольно длинный (12,2 см), четырехугольной, уплощенной в поперечном сечении формы, с закругленными ребрами; нижний конец, вставляющийся в гнездо головки гарпуна, имеет форму усеченного конуса со срезанной вершиной; передний конец, вставляющийся в гнездо наконечника гарпуна, плоский, долотовидный, специально приспособленный для плоского открытого гнезда; в нижней трети, ближе к основанию, прорезана узкая треугольная дыра для петли, со слабо намеченными желобками, направленными книзу.

Костяных или из моржового клыка **головок древка** гарпуна на уэленском стойбище нами найдено не было. Как увидим ниже, они вообще редко попадаются при раскопках эскимосских стоянок. Последнее отчасти может быть объяснено тем, что нередко колок — насад наконечника гарпуна — вставлялся непосредственно в гнездо переднего конца древка. Кроме того, поврежденные головки гарпунов часто использовались на другие поделки.

[1] Collins, 1937; табл. 27, рис. 5 и 6.

Ледовых пешен гарпунных мы имеем шесть экземпляров. Все они изготовлены из передних концов клыков молодых моржей и небольших размеров (средняя длина около 10 см); их форма в поперечном размере эллипсоидная. Верхняя часть пешни, или черен, всаживающийся в задний конец древка гарпуна, относительно длинен и для прочности закрепления в древке покрыт глубокими поперечными насечками, нанесенными каменным теслом. На табл. 1, рис. 22 и 23, дано изображение двух типичных ледовых пешен с древнего уэленского стойбища с заостренным и притупленным рабочим концом. По типу уэленские ледовые пешни ближе всего к древним берингоморским и бирнирским, а также к тем, которые Рейни считает оквикскими.

Затычки для поплавков из тюленьей шкуры, деревянные или из моржового клыка, в древности, как и современными эскимосами, употреблялись для закрытия дыр (естественных отверстий и прорезов при ранении) в тюленьих шкурах, используемых как гарпунные поплавки. Такая затычка из моржового клыка из древнего уэленского стойбища воспроизведена на табл. 1, рис. 18. Она имеет овальную форму (2,8 × 4,2 см, толщина 1,5 см), с глубоким и широким желобком. Подобные затычки известны с оквикской стоянки и с острова св. Лаврентия, где они встречаются в комплексе вещей древнего берингоморского этапа эскимосской культуры.

Поплавковые закрепки. Для привязывания линя к гарпунному поплавку из тюленьей шкуры эскимосы берингоморского побережья прилаживают на одном из концов поплавка специальную закрепку. Одну такую закрепку из моржового клыка с уэленского стойбища мы приводим на табл. 1, рис. 19. Это небольшой стержень, овальный в поперечном сечении, с закругленными концами и глубокими круговыми желобками на обоих концах, не позволяющими петле линя соскользнуть с закрепки. Вся поверхность закрепки между желобками покрыта глубокими насечками, имеющими ту же цель, прочность крепления. От долгого пребывания в культурном слое закрепка окрасилась в темнокоричневый цвет.

ОРУДИЯ СУХОПУТНОЙ ОХОТЫ

На древнем стойбище в Уэлене не найдено ни остатков лука, ни защитного наручника, который надевают при стрельбе из лука, но много костяных, из оленьего рога, наконечников стрел.

Первый **тип уэленских наконечников стрел,** найденный только в трех экземплярах, представлен на табл. 2, рис. 1; это длинный (13,7 см) и тонкий (0,7 см диаметра) наконечник, круглый в поперечном сечении, с заостренным череном, ромбическим в поперечном сечении, передний конец притуплен.

Многочисленным (найдено 15 экземпляров) и, видимо, самым распространенным был второй тип — простые, круглые в поперечном разрезе наконечники стрел с прорезом на переднем конце для концевого копьеца. В этом типе следует различать два варианта: с конически заостренным череном, вставлявшимся в древко стрелы, и с череном расщепленным, вильчатым.

Первый вариант этого типа, представленный на табл. 2, рис. 2, 3, 4 и 5, сильно варьирует по размерам — от очень длинных (18,3 см) и тонких (0,8 см диаметром) наконечников до коротеньких (8,9 см) и толстых (0,9 × 1,4 см), уплощенных в поперечном сечении. Все наконечники этого варианта в передней половине толще, чем в задней.

Наконечники стрел второго, наиболее многочисленного варианта этого типа (табл. 2, рис. 6, 7 и 8) менее отличаются один от другого по размерам; их длина от 9,6 до 12 см, наибольший поперечный диаметр от 0,8 до 1,2 см. Вильчатые прорезы заднего конца наконечника в одной плоскости с прорезами для концевого копьеца. Глубина прорезов для копьеца довольно постоянная и колеблется от 2,0 до 2,6 см. В то время как основание верхнего прореза, в которое упирается база каменного копьеца, прямое, нижний прорез, куда вклинивается древко, устрое так, что передний конец древка должен быть вильчатым. Этим, принимая во внимание большую длину нижнего прореза, и, вероятно, наличием наружной обмотки достигается очень прочное скрепление наконечника стрелы и древка. Диаметр наконечников стрел второго варианта, как и первого, в передней части больше, чем в задней.

Для наконечников стрел этого типа, хотя в меньшей степени, чем для наконечников гарпунов, характерна орнаментация глубоко врезанными продольными линиями. Особенно интересно сопоставление орнаментации врезными линиями в сочетании со спиральными винтообразными плоскостями — наконечника стрелы (табл. 2, рис. 9) и наконечника гарпуна (табл. 1, рис. 1).

Наконечников стрел только что описанных уэленских типов мы не знаем ни в одной из эскимосских коллекций, ни из района Берингова моря или Аляски, ни из области центральных американских эскимосов или Гренландии. Это, видимо, специально азиатские наконечники стрел, подобные которым встречаются на западе только в поздних неолитических или ранних бронзовых погребениях средней Лены, а на юге — на полуострове Камчатке и на Курильских островах.

Третий тип наконечника стрелы из древнего уэленского стойбища — это тупой наконечник из моржового клыка с цилиндрически высверленным в основании гнездом для древка стрелы (табл. 2, рис. 10). В отличие от простых желудевидных и яйцевидных тупых птичьих наконечников стрел, получивших широкое распространение среди эскимосов, начиная с туле-пунукского этапа развития их культуры, этот наконечник имеет трехдольную форму. Здесь мы опять имеем дело, повидимому, с достаточно древним типом наконечников стрелы, известным как из оквикской стоянки, так и встречающимся в древнем берингоморском комплексе на острове св. Лаврентия.

Помимо стрел для охоты на птиц, древние уэленцы широко пользовались также **метательными дротиками** с центральным зубцом и несколькими боковыми, укрепленными в нижней трети древка дротика, подобными тем, которые были в употреблении у берингоморских эскимосов до последнего времени. К сожалению, цельных зубцов таких дротиков было найдено немного.

Маленький центральный костяной наконечник дротика, или остроги (табл. 2, рис. 11), круглый в поперечном сечении, с двумя асимметричными бородками; передний конец притуплен, черен заострен.

2*

Центральные наконечники птичьих дротиков, все поврежденные, сделаны из моржового клыка; одни из них в поперечном разрезе имеют овальную форму (табл. 2, рис. 12), другие треугольную (табл. 2, рис. 13); их боковые бородки расположены асимметрично. Фрагмент одного центрального наконечника, изображенного на табл. 2, рис. 15, дает представление о переднем конце такого наконечника.

Обращает на себя внимание орнаментация поверхности наконечника (табл. 2, рис. 13) системою глубоко врезанных прямых продольных линий, совершенно такая же, какую мы видели на наконечниках гарпунов, например, табл. 1, рис. 9 и 10.

Наконечники, которые мы рассматриваем как боковые зубцы птичьих дротиков (табл. 2, рис. 16 и 17), отличаются от центральных тем, что все они костяные и технически проще оформлены. Возможно, что некоторые из них, особенно табл. 2, рис. 17, служили зубцами рыбных острог.

Цельный зубец (табл. 2, рис. 17), как и полагается боковому зубцу, имеет уплощенную, слегка изогнутую форму с тремя односторонними бородками. Зубец, представленный на табл. 2, рис. 16 (передний конец обломан), также имел, повидимому, три односторонние бородки. У основания этого зубца специальная выемка для укрепления в нижней трети древка дротика.

На зубце, изображенном на табл. 2, рис. 18, мы видим все ту же, неоднократно отмеченную типичную уэленскую орнаментацию глубокими врезными линиями.

При сопоставлении центральных и боковых зубцов птичьих дротиков из уэленского стойбища (табл. 2, рис. 12, 13, 18) с подобными же орудиями из других древних эскимосских стойбищ ближайшие аналогии и здесь мы находим с оквикскими и древними берингоморскими на острове св. Лаврентия.

Снеговые очки, как связанные с весенним промыслом, мы рассматриваем непосредственно вслед за охотничьими орудиями. С уэленской стоянки имеется только один экземпляр таких очков, да и то поврежденный (табл. 2, рис. 14). Они обычной для эскимосов формы, с узкими прорезами для глаз и ушками для повязывания. Интересна орнаментация, покрывающая наружную поверхность этих очков: глубоко врезанными линиями нанесены кружки или ромбы неправильной формы с точками в центре, а также вороньи лапки — элемент, столь распространенный в эскимосской орнаментике. По форме и стилю орнаментации эти очки ближе всего к найденным при раскопках в Ипиутак у мыса Хоп на арктическом побережье Америки.

ОРУДИЯ РЫБОЛОВСТВА

Прежде всего должен быть отмечен маленький **наконечник гарпуна** типа, который обычно применялся эскимосами для добычи лососевых рыб (табл. 2, рис. 19). Гнездо у него закрытое, дыра для линя круглая, с желобком, направленным книзу, простая базальная шпора и прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя. Орнаментирован в уэленском стиле поперечными и косыми глубоковрезанными линиями.

Среди других орудий рыболовства заслуживает внимания один из **боковых зубцов остроги** из оленьего рога очень больших размеров (длина около 26 см). На переднем конце этот зубец (табл. 2, рис. 26) заострен; боковая бородка близ переднего конца обращена внутрь; нижний конец, прилегающий к древку, уплощен, и с противоположной наружной стороны имеются три глубокие зарубки для прочного крепления к древку.

Особенно интересны найденные на древнем уэленском стойбище **бородки** сложных лососевых острог типа, редкого в древних эскимосских стоянках. Характерная особенность уэленских бородок (табл. 2, рис. 20 и 21) — наличие непропорционально большого, сравнительно с жальцем, продольного прореза для привязывания к стержню. При одной и той же форме одна из бородок костяная (табл. 2, рис. 20), другая (табл. 2, рис. 21) из моржового клыка. Подобные бородки сложных лососевых острог известны как в древности, так и на позднейших этапах эскимосской культуры почти на всей территории, заселенной эскимосами, вплоть до Гренландии. Однако бородки, изображения которых мы даем, типа уэленского, известны только из оквикской стоянки на Пунукских островах и, как увидим ниже, на юге Чукотского полуострова.

Для рыбной ловли древние уэленцы, вероятно, пользовались **сложными крючками.** На табл. 2, рис. 24, изображено жальце такого сложного крючка; верхний конец жальца тщательно заострен, нижний, уплощенный, на одной из плоских сторон имеет многочисленные зарубки для прочного прикрепления к стержню крючка.

На стойбище найдено несколько массивных **грузил** к рыболовным удочкам. Все они из моржового клыка. Изображенное на табл. 2, рис. 27, грузило имеет овальную в поперечном разрезе форму, суживающуюся к верхнему и нижнему концам. Дыры для лесы на концах грузила высверлены в различных плоскостях под прямым углом одна к другой.

Помимо больших грузил, имеются два миниатюрных (3 и 3,6 см) костяных, настолько маленьких, что возникает сомнение, служили ли они грузилами к удочкам или какими-либо подвесками. Одно из них (табл. 2, рис. 23) удлиненной, овальной в поперечном разрезе формы, другое (табл. 2, рис. 22) укороченное, с характерным уэленским орнаментом глубокими врезными линиями; у обоих ушки для лесы прорезаны в одной и той же плоскости.

Крючок костяной цельный (табл. 2, рис. 25), круглый в поперечном сечении, уплощенный у верхнего края, где прорезано продолговатое ушко. Возможно, что им пользовались для рыбной ловли, так как подобные крючки, как рыболовные, описаны из оквикской стоянки Пунукских островов.

РАЗЛИЧНЫЕ ОРУДИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ

Кирки и мотыги. На древнем уэленском стойбище найдено много массивных из крупных клыков моржа кирок или мотыг для вскопки земли.

Недаром местные жители перекапывают это стойбище в поисках таких именно поделок из моржового клыка. Самое большое из таких орудий (табл. 2, рис. 30), 37 см длиной и 7 см в поперечнике, из почти не обработанного моржового клыка, только в верхней его части имеются глубоко высеченные теслом четыре круговых желобка для привязывания мотыги к рукоятке. Внутренняя поверхность этого орудия в верхней части, прилегающей к рукоятке, для прочности крепления покрыта глубокими поперечными насечками.

Мотыги меньших размеров (длиной около 32 см, шириной 6 см), изображение одной из которых дано на табл. 2, рис. 29, отличаются от вышеописанной способом прикрепления к рукоятке, наличием одного широкого кругового желобка. Наконец, имеется несколько кирок-мотыг совсем коротких (длиной около 16 см), правда, с сильно изношенным рабочим концом, одна из которых изображена на табл. 2, рис. 28. Внутренняя, обращенная к рукоятке их поверхность плоская, а наружная выпуклая, с высеченным у верхнего края каменным теслом широким жолобом.

Все эти орудия из моржового клыка, как сказано, употреблялись для вскапывания мерзлого, частью гравелистого и щебенчатого грунта, при устройстве жилья и для рубки льда. Отсюда сильная изношенность рабочих концов всех без исключения орудий. По типу они имеют много общего с подобными же орудиями с оквикской стоянки и из древних берингоморских слоев из раскопок на острове св. Лаврентия.

Наконечники ледовых палок. Интересны два предмета из моржового клыка, изображенные на табл. 3, рис. 1 и 2, аналогичных которым мы не знаем ни в археологических, ни в этнографических эскимосских коллекциях. Несомненно, что они служили наконечниками каких-то орудий, судя по вильчатому их верхнему концу, куда вкладывался клиновидно заостренный конец древка. К древку эти наконечники плотно привязывались при помощи дыр, просверленных в их верхней части. Нижняя, утолщенная часть затесывалась наподобие тупого клина. Она сильно притуплена, изношена и носит следы сильных ударов. Оба эти наконечника вышли из употребления, потому что значительная их часть как раз внизу, откололась. Назначение этих предметов становится понятным из принадлежащего Нельсону описания ледовых палок западных эскимосов. Во время охоты или передвижения по морскому льду, пишет Нельсон [1], всегда имеется риск провалиться там, где тонкий лед прикрыт снегом. Чтобы предохранить себя от такой опасности, эскимосы имеют обыкновение в известные сезоны носить с собою крепкую деревянную палку с крепким, из моржового клыка, наконечником, насаженным на нижний конец палки и привязанным крепкой связкой сухожилий.

Клинья из моржового клыка на стойбище были найдены в нескольких экземплярах, от сравнительно больших (табл. 3, рис. 7) до совсем маленьких (табл. 3, рис. 6). Обычно они изготовлялись из передних концов моржового клыка, но встречаются сделанные и из средней части. Чтобы придать им соответствующую форму, рабочий конец тщательно затесывался каменным теслом, а затем у самого острия подшлифовывался. Пятка всех клиньев, бывших в употреблении, имеет сглаженную округлую форму, со звездчатыми выщербинами от

[1] Nelson, 1899; 214—215, рис. 67.

ударов, нанесенных каменным молотом. Клинья из моржового клыка, разумеется, могли употребляться и для расколки деревьев, но не это было главным их назначением. Кость, рог и моржовый клык весьма широко были использованы эскимосами для всякого рода поделок. В редких случаях кость, а особенно моржовый клык целиком перепиливались на отдельные куски или пластины. Обычно кость или клык подрубались каменным теслом, а затем переламывались, чаще же подпиливались с одной или двух сторон, а затем раскалывались на две части при помощи клина из моржового клыка.

Костяные обоймы для тесел. Каменные тесла при раскопках стойбища нами обнаружены не были, но были найдены две обоймы для таких тесел: одна из оленьего рога (табл. 3, рис. 8), другая из китовой кости (табл. 3, рис. 9). Обе они относятся к одному типу плоских пятисторонних обойм с наиболее широким нижним краем, где вырезано гнездо для тесла, и сравнительно узким двускатным верхним краем. Ближе к верхнему краю в обеих обоймах прорезаны квадратные, в одном случае узкая (табл. 3, рис. 8), в другом широкая (табл. 3, рис. 9), втулки для топорища-рукоятки. В обойме (табл. 3, рис. 8) сбоку просверлено небольшое круглое отверстие, возможно, для извлечения из гнезда остатка пятки поломанного тесла.

Костяные перки дрилей. Из числа орудий, которые можно рассматривать как перки дрилей, даем изображение двух костяных наконечников (табл. 3, рис. 3 и 4). Один из них имеет цилиндрическую, расширяющуюся кверху и вздутую в верхней трети форму (табл. 3, рис. 3), другой (табл. 3, рис. 4) — уплощенную форму с коническим и клиновидно заостренным рабочим краем. Оба эти наконечника, закрепленные в деревянном стержне, использовались как перки дрилей, что ясно видно из детального рассмотрения их рабочих концов.

Накладка сверлильная. При сверлении дрилем и при добывании огня сверлением обязательно употребление особой накладки — упора на верхний конец стержня дриля или палочки, которой высверливается огонь. Одна такая накладка с уэленского стойбища воспроизведена на табл. 3, рис. 14. Она сделана из пластины китовой кости, имеет ладьевидную форму с глубокими зарубками на одном из концов для подвешивания. Одна из сторон этой накладки совершенно гладкая, другая с глубокой ямкой посредине для упора на стержень дриля. Наличие такого типа накладки-упора свидетельствует о том, что древние уэленцы при сверлении дыр и при добывании огня сверлением пользовались лучком, так как одной рукой они должны были держать накладку.

При добывании огня сверлением обитатели уэленского стойбища пользовались довольно длинными круглыми деревянными палочками, несколько экземпляров которых, с обуглившимся нижним концом, было найдено.

Шилья и **провертки** найдены в значительном количестве, причем, за редким исключением, все они из моржового клыка. На табл. 3, рис. 5 и 11 дано изображение двух шильев, причем одно из них костяное (табл. 3, рис. 11), видимо, было комплексным орудием, так как противоположный острию тупой конец этого орудия затесан и отделан в виде лопаточки.

Назначение провертки—увеличение или сглаживание краев дыры в коже, дереве, иногда в кости; ее рабочий край имеет форму, близкую к цилиндрической. В качестве образца изображение одной из таких проверток приведено на табл. 3, рис. 10.

Ножи и рукоятки к ним. На уэленском стойбище найден один миниатюрный ножичек из тонкой пластины моржового клыка с двумя остро заточенными лезвиями (табл. 3, рис. 12). От другого костяного ножичка уцелел только обломок черена (табл. 3, рис. 13). Столь обычных на эскимосских стойбищах женских ножей из шлифованного сланца (ulu) не найдено вовсе. Если бы мы объяснили случайностью отсутствие женских ножей в нашем собрании с древнего уэленского стойбища, то даже в таком случае сравнительно малое пользование обитателями стойбища шлифованными из глинистого сланца ножами заслуживает внимания. В самом деле, с этого стойбища мы имеем только один клинок мужского ножа (табл. 3, рис. 15) из глинистого сланца. Форма его обычная листовидная, с довольно длинным череном. При общей длине 5,9 см клинок этот достаточно толст (0,5 см) и отшлифован так, что при остро заточенных лезвиях у переднего конца имеется с обеих сторон не длинный хребтик.

Второй клинок мужского ножа из окремнелого туфа (табл. 3, рис. 16), ромбовидной формы, только частично отшлифован.

Особенно интересны весьма характерные для уэленского стойбища и, насколько мы знаем, не известные в других древних эскимосских стойбищах узкие и длинные ножи, вставляющиеся в рукоятку как боковые вкладыши.

Прекрасный образец такого ножа изображен на табл. 3, рис. 17. Длинный клинок из кремнистого сланца всажен в изящно оформленную рукоятку из моржового клыка. Рукоятка с обеих сторон орнаментирована парами косых глубоко врезанных линий, чередующихся с процарапанными прерывистыми линиями. Клинок такого же ножа без рукоятки изображен на табл. 3, рис. 21. Клинок этот из кремнистого сланца отжимной ретушью обработан по всей поверхности, причем особенно тщательно отретуширован рабочий выпуклый край. Другой подобный же кремневый клинок с прямым лезвием изображен на табл. 3, рис. 22. Ножи такого типа были в широком употреблении у уэленцев, о чем можно судить по многочисленным найденным там рукояткам таких ножей. На табл. 3, рис. 18, 19 и 20, дано изображение трех коротких рукояток из моржового клыка, подобных ножу, воспроизведенному на табл. 3, рис. 17. Все они орнаментированы в специальном уэленском стиле системой взаимно перекрещивающихся под острым углом глубоко врезанных и тонких двойных и прерывистых линий.

Помимо коротких ножей, в употреблении были и длинные, как это можно видеть по их рукояткам (табл. 3, рис. 23 и 24). В рукоятке ножа из моржового клыка (табл. 3, рис. 23) два глубоких выреза — гнезда для двух каменных клинков; в рукоятке роговой (табл. 3, рис. 24) — один сплошной глубокий вырез для клинка ножа. Эти последние рукоятки орнаментированы еще богаче все в том же стиле глубоко врезанными, встречающимися под острым углом линиями или парными

линиями с промежуточными прерывистыми зубчиками или запятыми.

В ходу были, однако, и более простые ручки для таких боковых длинных клинков ножей, как изображенный на табл. 3, рис. 22. Это были или простые костяные ручки типа, изображенного на табл. 3, рис. 25, или деревянные типа, изображенного на табл. 4, рис. 1. Эта последняя — большая (26 см длиной) рукоятка овальной в поперечном разрезе формы с длинным (около 13 см) глубоким боковым вырезом для каменного клинка.

Наряду с только что описанными в Уэлене бытовали узкие и длинные двухлезвийные ножи с непрерывными рядами боковых каменных клинков-вкладышей. О ножах этого типа дают представление их рукоятки — одна почти цельная (табл. 4, рис. 2) и две (табл. 3, рис. 26 и 27), от которых сохранились только рукоять и часть стержня. Ножи этого типа имели не менее трех пар боковых каменных вкладышей, на концах рукояти просверливались сквозные дыры для петли или для подвешивания; на плоских поверхностях с обеих сторон проделывались глубокие продольные прорезы. В некоторых случаях рукоятки и таких ножей покрывались уже известным нам орнаментом уэленского стиля.

Только что описанные типы ножей с боковыми вкладными клинками не известны в культурных комплексах других древних эскимосских стойбищ. Правда, такие типы можно было ожидать по отдельным случайным находкам на оквикской стоянке Пунукского острова, по находкам у мыса Хоп, на острове Саутхемптоне в Гудсоновом заливе, но сериями в каком-то определенном комплексе орудий их до сих пор не находили.

Следующий, довольно многочисленный, тип костяных рукояток ножей, хорошо известный и на острове св. Лаврентия и из древних стойбищ центральных эскимосов, состоит из двух половинок, связывающихся между собою. Из пяти найденных рукояток этого типа четыре из моржового клыка и одна роговая. На табл. 4, рис. 3, 4 и 5, даются изображения трех из них. На концах таких рукояток имеется узкий (от 2 до 4 мм шириной) и короткий (1,2—1,6 см) вырез, в который вставлялся маленький клинок. Для того чтобы связка обеих половинок таких рукояток удерживалась на месте, на переднем конце рукоятки всегда имеется более или менее резкий выступ с круговым желобком. С технологической стороны эти ручки интересны в том отношении, что дают ясное представление о некоторых деталях техники обработки кости. В тех случаях, когда материалом служила кость, каждая половинка получалась простым распиливанием подготовленной болванки. В тех же случаях, когда ручка выделывалась из моржового клыка, болванка надпиливалась с одной или двух сторон, а затем клином раскалывалась на две половинки. На всех ручках из моржового клыка на плоскостях раскола сохранились вмятины от клина, гладкие пропиленные поверхности и шероховатые плоскости раскола.

В данном случае мы имеем дело с хорошо известными эскимосскими орудиями, описанными Мердоком как «antler chisel» и Матиассеном как «whittling knife». Мердок писал [1], что ему никогда не приходилось видеть их в непосредственном употреблении, но он был осведомлен эскимосами мыса Барроу, что эти орудия были предназначены специально для работ по рогу северного оленя. Следует впрочем заметить, что эти antler chisels Мердока имели стальные клинки, что вряд ли возможно допустить для орудий из древнего стойбища в Уэлене. С другой стороны, рукоятки рассматриваемого типа были найдены на таких древних эскимосских стойбищах, как оквикское на Пунукских островах и Миййовагх на острове св. Лаврентия.

Возможно, рукояткой ножа был предмет из моржового клыка, изображенный на табл. 4, рис. 6. На том же стойбище был найден обломок яшмового клинка, судя по его массивности, скорее копья, чем ножа.

Скребки для снятия жира с кишек найдены на уэленском стойбище в нескольких экземплярах. Все они выделаны из моржового клыка и имеют форму мелких продолговатых чашечек. Один из таких скребков изображен на табл. 4, рис. 13; форма его овальная, с острыми, но не режущими краями. Другой подобный же скребок, изящно оформленный (табл. 4, рис. 19), был найден эскимосами на той же стоянке. Отличительная его особенность — наличие небольшого ушка для подвешивания. Ушко это настолько незначительно выступает над поверхностью скребка, что не могло служить ручкой. Такие чашечковидные из моржового клыка скребки для снятия жира особенно характерны для ранних стадий эскимосской культуры — оквика и древнеберингоморского на острове св. Лаврентия.

РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

В этом разделе дается описание предметов, которые по их малочисленности трудно распределить по самостоятельным отделам.

Костяные ручки или застежки представляют собою более или менее плоские пластины со сквозным продольным прорезом посредине. Одна из таких ручек из моржового клыка изображена на табл. 4, рис. 20, другая (костяная) изображена на табл. 4, рис. 21. Последняя имеет обычный для уэленской стоянки орнамент глубокими врезными линиями. Судя по скошенным концам, узкому и длинному прорезу для подвешивания, можно думать, что в данном случае мы имеем дело с ручкой женского мешка.

Несомненно, ручкой женского мешка служил другой подобный же предмет (табл. 4, рис. 22) из пластины моржового клыка, но значительно большей длины, с узким сквозным прорезом посредине. Трапециевидный предмет из моржового клыка, изображение которого дано на табл. 4, рис. 23, наши зарубежные коллеги описывают как застежку или ручку тягового линя, которым так широко пользуются эскимосы при вытягивании на берег лодок, туш убитых моржей и т. п. Подобные ручки, иногда с просверленным посредине отверстием, известны и из других древних эскимосских стойбищ.

На описываемом нами стойбище не найдено ни одного сколько-нибудь значительного фрагмента глиняного сосуда, что, возможно, случайно. Впрочем, отсутствие или, во всяком случае, крайняя малочисленность остатков глиняной посуды уже отмечались на ряде наиболее древних эскимосских стойбищ на арктическом побережье Северной

[1] Murdch, 1892 : 173.

Америки. Все же о наличии керамики у древних уэленцев свидетельствует находка орудия (табл. 4, рис. 25), которое, как нам кажется, служило для нанесения орнамента на наружной стороне глиняных сосудов. Это пластинка из моржового клыка (5 × 17 см, толщиной около 1 см), с одной стороны сплошь покрытая глубоко врезанными в диагональном направлении линиями. На обратной, гладкой поверхности — многочисленная, местами перекрещивающаяся, тончайшая штриховатость, следы царапин, произведенных очень тонким лезвием. В то время как рубчатая поверхность могла служить лопаточкой при окончательной отделке глиняного сосуда, гладкая поверхность использовалась, вероятно, как дощечка для кройки.

Пуговицы или **бусы** из моржового клыка. Первая из них, с крупным отверстием в центре (табл. 4, рис. 11), имеет форму эллипса, одна половина которого разделена желобками на ряд долек, а другая половина разделена пополам более глубоким желобком, идущим от одного края дыры до другого на противоположной стороне пуговки. Вторая пуговица, или, вернее, бусина (табл. 4, рис. 12), имеет бочкообразную форму со сквозной дырой, с орнаментом в виде двух параллельных линий с отходящими от них зубчиками попеременно то в одну, то в другую сторону.

Подвеской, вряд ли имеющей какое-либо практическое значение, служила деревянная пластинка, изображенная на табл. 4, рис. 9, с миниатюрной дырочкой, просверленной у ее верхнего края.

В табл. 4, рис. 14, приведено изображение навершия какого-то предмета, сделанное из моржового клыка с глубоким гнездом.

Пластинка из моржового клыка (табл. 4, рис. 17), заостренная на одном конце и с боковой выемкой, возможно, употреблялась для развязывания узлов или как закрутка.

Плоская орнаментированная **пластинка** (табл. 4, рис. 24) из моржового клыка с миниатюрным ушком для подвешивания. Крайне интересен орнамент, покрывающий эту пластинку с обеих сторон, все того же уэленского стиля. На одной стороне простые и сложные глубоко врезанные линии и запятые, на другой стороне — три ряда прерывистых линий, а вверху уже известные нам «вороньи лапки» и ряды запятых.

Другой орнаментированный предмет, назначение которого нам неизвестно (табл. 4, рис. 15), представляет собой трубочку из моржового клыка, овальной в поперечном разрезе формы. У утолщенного конца этой трубочки высверлено десять круглых отверстий, из которых четыре сквозных; в некоторые из дырочек вставлены заклепки из стерженьков китового уса. Выше дырочек два пояска параллельных линий с альтернативными чередующимися внутренними зубцами, создающими впечатление веревочного орнамента. Противоположный край украшен одной круговой полоской и рядом насаженных на нее зубчиков.

СКУЛЬПТУРНЫЕ ФИГУРКИ

Исключительный интерес представляет замечательное скульптурное изображение белого медведя из моржового клыка, воспроизведенное в натуральную величину на табл. 4, рис. 8. Медведь представлен в распластанной, как бы плывущей позе. Голова и шея непропорционально велики, причем только голова изображена реалистично, вся же остальная фигурка в условной манере. Укороченное туловище неестественно сужено в поясничной области; передние и задние лапы вытянуты вперед. Вся верхняя поверхность фигурки, начиная от темени, покрыта выгравированным на ней орнаментом. На мордочке намечено только несколько орнаментальных линий, чтобы подчеркнуть ее формы. Глаза изображены кружками с точками в центре, короткие ушки скульптурно оформлены; приоткрытый рот с выступающими клыками. Орнамент, покрывающий туловище, выполнен так, чтобы подчеркнуть условно оформленные части тела. Нижняя поверхность фигурки плоская, и только в центре прямоугольное, около 4 мм глубиною, углубление, повидимому, для насада этой фигурки на какую-то подставку. Орнамент здесь элементарный, контурными пунктирными линиями. Другое углубление в области шеи устроено так, что под шеей в открытую пасть снизу может быть продернут шнур или тонкий ремень. Истинное назначение этой фигурки мы не знаем, но она не была простым украшением, а имела какое-то специальное магическое или церемониальное назначение. Стиль орнаментации этой фигурки отличается своей простотой и выразительностью от всех других подобных фигурок, находимых при раскопках древних эскимосских стойбищ.

Другая фигурка человека (табл. 4, рис. 7), вырезанная из моржового клыка и добытая из того же стойбища, приобретена у местных жителей. Преувеличенно высокая голова на короткой шее с грубо намеченными глазами, носом и ртом. Туловище узкое, подчеркнуто длинное, с короткими ножками. Фигурка мужская. Выше пупка поясок с бахромой, на груди какое-то треугольное украшение, нанесенное глубоко врезанными линиями. Со стороны спины глубокими линиями намечены лопатки, а продольной линией с короткими поперечными — позвоночник. Руки отсутствуют, но в местах причленения плечевых костей глубокие выемки. Подобные вырезанные из моржового клыка фигурки мы знаем только с древней оквикской стоянки Пунукских островов.

Своеобразна также найденная при раскопках древнего уэленского стойбища человеческая головка, вырезанная из моржового клыка (табл. 4, рис. 10). Характерно узкое, с очень длинным носом лицо, явно намечены глаза, точнее брови; прическа на голове, на одной ее половине намечена рядом глубоко врезанных линий, на другой половине ряды точечных линий. Аналогию этой головки можно видеть только среди оквикских скульптур.

* * *

Весь комплекс вещей, найденных на древнем уэленском стойбище, настолько своеобразен, что отчетливо выделяется среди всех до сих пор известных нам древних памятников эскимосской культуры. Древние уэленцы, повидимому, не жили в подземных или полуподземных жилищах. Они были охотниками за морскими млекопитающими, в том числе за моржом и, возможно, китом. Вместе с тем они занимались охотой за сухопутными млекопитающими, в первую очередь за северным оленем, добывали и медведя, кости которых были найдены на стойбище. Их сложные и очень оригинальные нако-

нечники гарпунов имеют аналогов в наконечниках только оквикской стоянки, хотя некоторые типы уэленских наконечников гарпунов сходны с теми, которые находили на арктическом побережье Америки, у мысов Хоп и Барроу. Своеобразен и архаичен тип наконечников стрел. Замечательно, что только в оквикской стоянке мы знаем совершенно такие же, как в Уэлене, бородки лососевых острог. Крайне важна находка большего количества ножей с боковыми каменными вкладышами и почти полное отсутствие шлифованных сланцевых ножей; нет даже обычно так широко распространенных женских ножей (ulu). Нет и керамики.

Крайне оригинален стиль уэленского орнаментального искусства, нигде более не известный, кроме как только на некоторых предметах все с той же оквикской стоянки. В Уэлене между тем стиль этот весьма широко применялся для декоровки самых разнообразных вещей. На уэленском стойбище было найдено несколько предметов, по типу и орнаментации подобных ранним древнеберинговморским, но там не встречено ни одного из предметов, характерных для поздних этапов развития эскимосской культуры туле или пунук. Этого нельзя сказать об оквикской стоянке, какой мы ее знаем по публикации Рейни [1]. Там оказалось немало вещей безусловно поздних пунукского этапа. Таким образом, можно думать, что древнее стойбище на склоне возвышенности в Уэлене является если не самым древним, то одним из самых древних из известных нам поселений охотников за морскими млекопитающими на арктическом побережье.

НЫНГЛУ В УЭЛЕНЕ

На уэленской кошке, отделяющей лагуну от моря, в самой восточной ее части, близ материка, сохранились остатки древних полуземлянок (нынглу) и ям для хранения мяса. Эти жилища резко выделяются в виде высоких, с крутыми скатами бугров, покрытых богатой травяной растительностью. На южной стороне одного из таких бугров была сделана глубокая выемка земли, взятой для парника. Воспользовавшись выемкой, мы произвели разведку в этом бугре. Подчистив отвесную стенку выемки (около 5 м шириной и 1,5 высотой), мы углубились к центру на 50—60 см, выбрав от 4 до 5 м³ земли. Здесь, среди остатков кухонных отбросов, костей тюленя, моржа, кита и северного оленя, кусков дерева и китового уса, было найдено около 160 предметов; описание наиболее характерных из них приводится ниже.

ОРУДИЯ МОРСКОГО ПРОМЫСЛА

Наконечники гарпунов. Среди найденных при раскопке землянки наконечников гарпунов только два были из моржового клыка, все остальные костяные. По типу они принадлежат к поздним, характерным для туле-пунукской стадии эскимосской культуры.

Наконечник гарпуна, изображенный на табл. 5, рис. 2, имеет открытое гнездо с прямыми стенками; один прорез и противолежащий желобок для пояска гнезда; простая асимметричная шпора; центральная дыра для линя треугольная; две симметричные бородки. Материал — клык моржа, не орнаментирован. Это хорошо известный тип бородчатого поворотного наконечника гарпуна, туле 2 по Матиассену, тип IV Коллинза. Этот экземпляр отличается от центральноэскимосских тем, что в нем, вместо обычных двух прорезов или двух пар просверленных дыр для пояска гнезда, как мы видели, один прорез и противолежащий желобок.

Наконечник гарпуна, табл. 5, рис. 3, с открытым гнездом, расширяющимся книзу; два прореза для пояска гнезда, простая острая базальная шпора; дыра для линя круглая; прорез для концевого копьеца в одной плоскости с дырой для линя. Материал — кость; плоская овальная в поперечном разрезе форма; не орнаментирован. К этому же типу относятся наконечники гарпунов, изображенные на табл. 5, рис. 1 и 4, отличающиеся только рядом деталей. Оба они имеют шестигранную в поперечном сечении форму. Самые существенные отличия в устройстве гнезда. У коротенького наконечника гарпуна (табл. 5, рис. 1), изготовленного из моржового клыка, вместо двух прорезов для пояска гнезда, — один прорез и противолежащий желобок; кроме того, открытое гнездо имеет трапециевидную в поперечном разрезе форму, с широкой внутренней и узкой наружной открытой стенкой. У костяного длинного наконечника (табл. 5, рис. 4) вместо прорезов для пояска гнезда две пары (одна обломана) высверленных дыр малого диаметра, проделанных металлическим сверлом. В этом же жилище был найден другой подобный же костяной наконечник с двумя парами дыр для пояска гнезда, но короткий и с треугольной, вместо круглой, дырой для линя. На переднем конце наконечника (табл. 5, рис. 4) имеется, кроме того, высверленная дырочка для штифтика заклепки, удерживающего на месте концевое копьецо. Дырочки всех этих наконечников, для пояска гнезда и для штифтика-заклепки, очень правильной цилиндрической формы, диаметром всего 2—2,5 мм, несомненно высверлены дрилем с железной перкой. Концевое копьецо, закрепленное штифтиком, также, вероятно, было железное.

Наконечник гарпуна (табл. 5, рис. 5), элементарно простой формы, с закрытым гнездом, круглой дырой для линя, с желобками, направленными от нее книзу; базальная шпора простая. Материал — моржовый клык; форма уплощенная, овальная в поперечном разрезе. Нет ни боковых каменных вкладышей, ни концевого копьеца.

Наконечники китовых гарпунов из моржового клыка мы имеем из этого жилища в двух экземплярах: не законченный изготовлением (табл. 5, рис. 6), еще без гнезда и прореза для концевого копьеца, и другой, долгое время бывший в употреблении и сильно изношенный. Гнездо для колка в последнем наконечнике конически высверленное, закрытое, как во всех эскимосских наконечниках китовых гарпунов; дыра для линя большая, продолговатая, предназначенная для солидного линя из моржовой кожи; прорез для концевого копьеца в плоскости, перпендикулярной дыре для линя.

Колков для малых тюленьих и моржовых наконечников гарпунов с открытым гнездом найдено не

---

[1] Rainey, 1941d.

было, но имеются поврежденные колки для китовых наконечников гарпуна. Все они из моржового клыка обычной веретенообразной формы, с продольной дырой-прорезом посредине для петли.

Головки древок гарпунов из моржового клыка все одного типа; имеются и крупные для моржовых гарпунов и сравнительно небольшие для тюленьих, один из которых изображен на табл. 5, рис. 7. Форма их цилиндрическая, с коническим гнездом на переднем конце для колка; нижний конец круто срезан и скреплялся с древком тремя костяными стерженьками, вставлявшимися в круглые дыры, высверленные в нижней, срезанной части головки.

Не обычную форму имеет головка древка гарпуна, сделанная из моржового клыка и являющаяся вместе с тем колком для насада наконечника гарпуна. Головка эта (табл. 5, рис. 16), с вильчатым основанием, насаживалась на клиновидно заостренный передний конец древка и закреплялась при помощи двух костяных заклепок и сквозной дыры, высверленной посредине головки.

Ледовая пешня гарпунная (табл. 5, рис. 8) из моржового клыка; в верхней части, прилегающей к древку, срезана на половину своей толщины, а снаружи покрыта рядами поперечных насечек. К древку пешня прикреплялась при помощи заклепки и повязки, для которой в нижней части пешни просверлены две дыры.

В жилище найдено несколько деревянных **закрепок-ручек** для привязывания линя к гарпунному поплавку из тюленьей шкуры. Изображение одного из них дано на табл. 5, рис. 18; все они обычной формы, круглые в поперечном разрезе, с фланцем на обоих концах.

ОРУДИЯ СУХОПУТНОЙ ОХОТЫ

Лук и **стрелы.** При раскопках жилища в Уэлене найдена модель лука (табл. 5, рис. 9), такая же, какие нередко были находимы при раскопках древних эскимосских стойбищ на острове св. Лаврентия и в области центральных американских эскимосов. Такие маленькие луки описывались обычно как детские игрушки. Я сомневаюсь в том, чтобы эти миниатюрные луки были детскими игрушками. Детские луки такие, из которых можно стрелять, упражняя силу и ловкость с реальными результатами, попадая в намеченную цель. Данный миниатюрный лук, модель настоящего лука, несомненно был изготовлен для обрядовых церемоний во время праздников, как это до настоящего времени наблюдалось у азиатских эскимосов и сидячих чукчей. Судя по этой модели, древний лук был утолщен посредине и имел специальные вырезки по концам для укрепления тетивы.

Помимо простых луков, обитатели уэленского жилища, повидимому, пользовались сложным упрочненным луком, на что указывают остатки деревянных частей такого лука (табл. 5, рис. 10) и специальные костяные пластинки.

Стрелы были цельные, деревянные, с утолщенным передним концом (табл. 5, рис. 12) и с наконечниками костяными, лопастными или тупыми. На табл. 5, рис. 11, 13 и 14, дано изображение плоского, треугольного в поперечном сечении черенкового наконечника стрелы и двух тупых из моржового клыка желудевидной формы с гнездом в основании для насада на древко.

Древки стрел были почти круглые в поперечном разрезе (диаметром около 1 см), слегка уплощенные, с обычной выемкой для тетивы лука (табл. 5, рис. 19).

Для охоты на птиц обитатели уэленского жилища пользовались, помимо стрел с тупыми наконечниками, также и бола или закидушками, которые и в настоящее время широко используются для этой цели в Уэлене. На табл. 5, рис. 15, изображен один из грузиков птичьей бола, сделанный из зуба моржа.

ОРУДИЯ РЫБОЛОВСТВА

Из принадлежностей рыболовства имеется только центральный **зубец остроги** из моржового клыка (табл. 5, рис. 21) и **грузило** к рыболовной сети (табл. 5, рис. 24) из того же материала. Зубец остроги, нижняя часть которого обломана, имеет две пары боковых бородок. Грузило представляет собою почти не обработанный отрезок моржового клыка с двумя дырами для подвешивания у одной из продольных сторон грузила.

РАЗЛИЧНЫЕ ОРУДИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ

Деревянные стержни **для добывания огня сверлением** при раскопке жилища были найдены в большом количестве, причем все они оказались одной и той же, как бы стандартной, формы, представленной на табл. 5, рис. 17.

При длине таких стержней в 8 см их диаметр у верхнего конца 8 мм, а у нижнего, слегка обуглившегося от употребления, 14 мм.

Каменная из песчаника накладка на стержень при добывании огня или сверлении дрилем, изображение которой дано на табл. 5, рис. 20, держалась во рту. Такой тип накладки, или упора (mouthpiece for bow drill — американских авторов), известен на острове св. Лаврентия и у современных аляскинских эскимосов. При пользовании накладкой, зажатой зубами, в процессе сверления обе руки могли быть свободными, и поэтому не обязательно было пользование лучком; стержень можно было приводить во вращательное движение обыкновенным ремнем, концы которого находились в руках.

Клинья из моржового клыка, несмотря на незначительный объем вынутой земли, были найдены в количестве шести экземпляров. Изображения двух из них, со следами продолжительного использования, даны в табл. 5, рис. 22 и 23.

Каменных тесел не найдено, но имеются две **обоймы** для таких тесел — одна из китовой кости, другая из оленьего рога. Обойма из отростка оленьего рога привязывалась к рукоятке-топорищу при помощи двух глубоких прорезов в пятке обоймы (табл. 6, рис. 1), а другая, костяная (табл. 6, рис. 2) при помощи ряда высверленных дыр. Судя по форме дыр в пятке последней обоймы, они высверлены дрилем с железной перкой.

Ножи и ручки ножей. В жилище найден клинок большого ножа или копья из моржового клыка (передний конец обломан). Клинок этот (табл. 5, рис. 25) трехгранной в поперечном разрезе формы, с острыми лезвиями и плоским череном, вставлявшимся в рукоятку или древко.

На табл. 6, рис. 3, дано изображение не законченного обработкой мужского ножа из окремнелого туфа, а на табл. 6, рис. 4, передней половины

шлифованного ножа из глинистого сланца. Много было найдено обломков и несколько цельных женских ножей (ulu) из глинистого сланца; образец одного из них приведен в табл. 6, рис. 5.

Рукоятки для ножей имеются деревянные, с боковым вырезом для каменного клинка мужского ножа (табл. 6, рис. 16). Одна из найденных рукояток костяная (табл. 6, рис. 7) для клинка (вероятно сланцевого) с череном, вставляющимся в гнездо переднего конца рукоятки. Ее форма в поперечном разрезе овальная; ряд дыр, просверленных металлической перкой по всей длине рукоятки, имеет исключительно орнаментальное назначение.

ПОСУДА

Костяная **ложечка** плоская и тонкая (около 1 мм), яйцевидной формы (табл. 6, рис. 13), без ручки, с небольшой круглой дырочкой для подвешивания.

От небольшого сосуда из китового уса сохранилось круглое деревянное **донце** (табл. 6, рис. 8).

На табл. 6, рис. 9, дано изображение ручки от деревянного ковша или блюда с треугольным отверстием для подвешивания. Интересна инкрустация костяными кружками, которая в это время была, повидимому, в моде. При раскопках того же жилища были найдены две костяные вставки для такой же инкрустации полулунной формы (табл. 6, рис. 11 и 12), из которых одна орнаментирована с лицевой стороны пунктирной линией и точками, другая — глубоко врезанной линией, параллельной краям.

Черепков **глиняной посуды** (горшков для варки пищи) и обломков жирников найдено много. Судя по черепкам, сосуды были крупных размеров (диаметром 25—35 см), с очень толстыми (от 1 до 1,6 см толщиной) стенками (у полусферического основания толщина до 2,5 см). Тесто грубое, с большой примесью мелкого гравия и толченых раковин. Обжиг настолько плох, что не только не сгорели, но местами и не обуглились органические связующие примеси, трава и волос.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Обитатели уэленского жилища для перевозки тяжестей пользовались тяжелыми салазками, но были у них и легкие собачьи нарты, от которых сохранились костяные подполозки.

Для передвижения они пользовались каяками; деревянная модель одного из них, также, вероятно, церемониального назначения, изображена на табл. 6, рис. 10. Плавали они и в умиаке, судя по находке блока из моржового клыка, применявшегося в оснастке умиака [1] (табл. 6, рис. 23), и по костяной подшивке под киль умиака (табл. 6, рис. 19).

Костяной крюк, вероятно, от лодочного багра (табл. 6, рис. 6) необычной, квадратной в поперечном разрезе формы.

РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Панцырные пластины, найденные при раскопках жилища, двух типов: меньшего размера (табл. 6, рис. 18) с тремя парами продолговатых прямоугольных дыр и больших размеров (табл. 6, рис. 17) с дырами круглыми, высверленными дрилем с металлической перкой.

Спиночесалка (табл. 6, рис. 20) — круглая пластинка из моржового клыка с дырой в центре. Такими спиночесалками, насаженными на длинные палочки, эскимосы Чукотского полуострова пользуются и в настоящее время. Как спиночесалка употреблялась, повидимому, и пластина из китового уса (табл. 6, рис. 22), квадратной формы, с закругленными углами и круглой дырой в центре.

Деревянный **гвоздь** со шляпкой (табл. 6, рис. 21), возможно, употреблялся как затычка ран, хотя такая форма не типична для последних.

Фигурка человека, вырезанная из лиственничной коры (табл. 6, рис. 14), типа, известного по раскопкам на острове св. Лаврентия [2] и в области центральных эскимосов [3] и описываемая обычно как детская игрушка. Фигурка эта с непропорционально большой головой, намеченными глазами, носом и ртом; плечи оформлены, но рук нет, ноги расставлены; на груди сквозная дырочка, вероятно для подвешивания. Фигурка эта несомненно имела апотропическое назначение, носилась как охранитель.

Очень схематичное скульптурное воспроизведение из моржового клыка песца или лисы с вытянутым хвостом (табл. 6, рис. 15), амулет или изображение «защитника».

* * *

Все вещи, найденные при раскопках жилища на уэленской кошке, с несомненностью указывают на очень позднее время постройки этого жилища. За исключением наконечника гарпуна типа туле (табл. 5, рис. 2), все остальные предметы из этого жилища относятся ко времени протоисторическому, непосредственно предшествующему приходу русских, а может быть, даже к XVII — началу XVIII века. Во всяком случае в это время уэленцы не только хорошо были знакомы с железом, но широко пользовались уже металлическими инструментами и даже оснащали наконечники своих гарпунов железными концами.

РАЙОН МЫСА ДЕЖНЕВА

К югу от Уэлена и мыса Дежнева расположен эскимосский поселок Наукан (Nuukan, эскимосское Nъwogak) и к западу от него ныне населенный чукчами поселок Дежнево. Ранее на месте поселка Дежнево было эскимосское поселение Энмиттаун (Эпть Tagъn).

В 1924 году в Наукане Расмуссеном была приобретена археологическая коллекция, состоящая из 168 предметов и опубликованная Матиассеном [4] как коллекция с мыса Восточного (Дежнева).

Небольшие раскопки в поселке Наукан были произведены и нами.

---

[1] Ср.: Nelson, 1899: 218; табл. 78, рис. 19.
[2] Mathiassen, 1930a.
[3] Collins, 1937; табл. 59, рис. 16.
[4] Mathiassen, 1927; 1: табл. 62, рис. 7.

На месте современного поселка Наукан эскимосы живут сравнительно недавно. Раньше они жили ближе к мысу Дежнева. Этим, повидимому, и объясняется, что ни в коллекции Расмуссена, ни в нашем собрании из Наукана, как увидим ниже, нет вещей ни древних берингоморских, ни бирниркских типов. Между тем, как уже упоминалось, в 1910 году в Этнографический отдел Русского музея от Д. Е. Беттака поступила небольшая (44 предмета), но очень интересная археологическая коллекция, приобретенная им в районе мыса Дежнева, в основной части от эскимосов поселка Энмиттаун. Часть вещей из района мыса Дежнева оказалась и в коллекции, переданной тогда же и в тот же музей Н. П. Борисовым. Кроме того, в поселке Дежнево и мною приобретено несколько предметов, которые, как и вещи коллекции Беттака и Борисова, относятся к ранней поре эскимосской культуры на берингоморском побережье.

Во время кратковременного пребывания в районе мыса Дежнева я не имел возможности произвести обследования побережья и установить место древнего поселения, откуда происходят описываемые ниже вещи. Тем не менее они настолько интересны, что заслуживают специального описания.

ОРУДИЯ ПРОМЫСЛА МОРСКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ

Наконечники гарпунов. В коллекции из района мыса Дежнева особенно интересны два крупных, вероятно моржовых, наконечника гарпуна не обычной формы, оба из моржового клыка. Первый из них (табл. 7, рис. 1) с открытым очень большим корытообразным гнездом, типичным для древнеберингоморских наконечников; для пояска, закрывающего гнездо, два прореза со стороны спинки и два боковых желобка; базальная шпора тройная, симметричная, с центральным шипом более длинным, чем боковые, что характерно для наконечников древнего берингоморского типа, но здесь центральный шип много длиннее, чем обычно, судя по сохранившейся орнаментации; центральная дыра для линя круглая, но высверлена не в плоскости, перпендикулярной плоскости шпоры, а параллельно последней; глубокие вырезы для боковых каменных вкладышей расположены непосредственно над дырой для линя и в одной с нею плоскости, передний конец обломан. Орнаментировка в самом раннем древнеберингоморском стиле (стиль 1 Коллинза), по Рейни бытовавшем уже на оквикской стадии культуры Пунукских островов. Несмотря на повреждения, сделанные после того, как этот наконечник вышел из употребления, первоначальный его облик вполне ясен. Стилистическое и художественное оформление данного наконечника свидетельствует о том, что это не случайная, а вполне выработанная форма древнего наконечника гарпуна.

Другой наконечник, также, повидимому, очень древний (табл. 7, рис. 2), несколько проще, но конструктивно имеет ряд общих черт с изображенным на табл. 7, рис. 1.

Открытое его гнездо также обширное и корытообразное, но прорезов для пояска гнезда нет, а имеется только глубокий круговой желобок; одиночная базальная шпора занимает центральное положение, причем ее внутренняя (со стороны брюшка наконечника) поверхность орнаментирована рядом поперечных бороздок. Явно выраженных боковых зубцов шпоры нет, но оформление шпоры такое, что остались рудименты боковых зубцов тройной шпоры. Дыра для линя треугольная, занимает асимметричное положение, причем имеется еще и вторая, тоже асимметричная, в виде узкого прореза ниже гнезда. Вместо боковых каменных вкладышей две боковые бородки над верхней дырой для линя и в одной с нею плоскости; передний конец обломан, но он несомненно был заострен; от долгого пребывания в земле приобрел темнокоричневую окраску.

Наконечников классического древнеберингоморского типа (тип I Коллинза) в коллекции четыре, все из моржового клыка; два орнаментированных и два без орнамента. Ниже дается описание двух из них. Первый (табл. 7, рис. 3) довольно крупных размеров; гнездо открытое широкое; два прореза для пояска гнезда, сближающиеся на спинке; тройная асимметричная шпора с центральным шипом длинным и короткими боковыми; две круглые дыры для линя, выше и ниже прорезов для пояска гнезда, на спинке соединяющиеся глубоким желобком; в глубоких выемках, непосредственно над верхней дырой для линя, каменные вкладыши в одной плоскости с дырами. Не орнаментирован, за исключением центрального шипа шпоры, на наружной поверхности которого поперечный украшающий его валик, а на нижней ложная добавочная шпора. Поперечное сечение наконечника почти круглое.

Второй наконечник того же типа (табл. 7, рис. 6) небольших размеров, уплощенной формы, орнаментированный. Гнездо и здесь открытое, корытообразное; для пояска гнезда два прореза; базальная шпора тройная, симметричная, с длинным центральным шипом; две круглые дыры для линя, выше и ниже прорезов для пояска, на спинке соединяются глубоким желобком; боковые каменные вкладыши в плоскости, перпендикулярной дырам для линя. Орнаментирован в древнеберингоморском стиле.

Помимо поврежденных, из этого района мы имеем пять прекрасно сохранившихся наконечников гарпуна, все из моржового клыка, типа бирнирк. Диагностические их признаки следующие: гнездо открытое, широкое, корытообразное и мелкое; два прореза для пояска гнезда, сближенные на спинке наконечника; тройная асимметричная базальная шпора с центральным более длинным шипом; дыра для линя круглая, с желобками, направленными книзу и вкось; боковые каменные вкладыши в глубоких вырезах непосредственно над дырой для линя, в одной с нею плоскости; в поперечном разрезе почти круглые; орнаментированы в древнеберингоморском стиле или не орнаментированы. Это тип II Коллинза.

Наконечник этого типа, изображенный на табл. 7, рис. 4, короткий и толстый, помимо общей формы, от других отличается сравнительно коротким центральным шипом шпоры. Изображенные на табл. 7, рис. 5 и 7, выделяются уплощенностью переднего их конца, благодаря чему имеют почти треугольный профиль. Как и предыдущий, не орнаментированы.

Наконечник гарпуна (табл. 1, рис. 8) является лучшим образцом орудий этого типа, деликатно орнаментирован в древнем берингоморском стиле 3.

Наконечник, представленный на табл. 7, рис. 13, отличается от всех остальных рассматриваемой группы наличием только одного прореза для пояска гнезда с противолежащим желобком. Орнаментирован в древнем берингоморском стиле 2.

К типу бирнирк, но несколько отличному от описанного выше, относятся костяной и роговой наконечники гарпунов, изображение которых дано на табл. 7, рис. 9 и 10. В одном из них (табл. 7, рис. 9) при открытом, широком, корытообразном и мелком гнезде два прореза для пояска гнезда, сближенные на спинке наконечника; базальная шпора асимметричная, двойная и притупленная; дыра для линя круглая, с желобками, направленными книзу; боковые каменные вкладыши врезаны непосредственно над дырой для линя, далеко от переднего конца наконечника, в плоскости, перпендикулярной дыре для линя. Форма уплощенная; не орнаментирован. Второй (табл. 7, рис. 10) имеет много общих черт с описанными ранее уэленооквикского типа с древнего эскимосского стойбища в Уэлене. В этом наконечнике при открытом гнезде один прорез с противолежащим желобком для гнезда; шпора асимметричная, сложная; выемки выше круглой дыры для линя для каменных вкладышей. Материал — рог; орнаментирован глубокими врезными линиями.

Любопытны фрагменты наконечников гарпуна (табл. 7, рис. 11 и 25), тип которых определить трудно. Они интересны тем, что при открытом гнезде, двух прорезах для пояска гнезда, выше круглой дыры для линя, вместо обычных двух каменных вкладышей только один вкладыш, с небольшой противоположной рудиментарной бородкой.

С точки зрения техники изготовления наконечников гарпуна описанного бирнирского типа интересны две заготовки и один поломанный наконечник. Одна из заготовок (табл. 7, рис. 14) представляет собой болванку для наконечника круглой формы; общие контуры определены; оконтурена, но еще не расчленена на шипы шпора, просверлена центральная дыра и слегка намечено место для открытого гнезда. Другая заготовка (табл. 7, рис. 15) предназначена для наконечника плоского; помимо дыры для линя, в общих чертах оформлена уже тройная симметричная шпора, намечено гнездо, места прорезов для пояска гнезда и места вырезок для боковых каменных вкладышей.

Поломанный экземпляр (табл. 7, рис. 12) интересен в том отношении, что вскрывает детали внутреннего строения боковых вырезов для каменных вкладышей.

Следующий тип, III Коллинза, встречен в двух вариантах. Первый вариант (табл. 7, рис. 16): открытое и узкое гнездо с прямыми стенками; два прореза для пояска гнезда; одна простая, боковая, базальная шпора; дыра для линя треугольная, с желобками, направленными книзу; прорез для концевого копьеца в одной плоскости с дырой для линя; материал — моржовый клык; не орнаментирован. Второй вариант (табл. 7, рис. 17): узкое открытое гнездо с прямыми стенками; два прореза, один выше другого, для пояска гнезда, сближенные на спинке наконечника; простая асимметричная, выступающая шпора; круглая дыра для линя; прорез для концевого копьеца в одной плоскости с дырой для линя; материал — моржовый клык; форма шестигранная, уплощенная, с плечиками и перехватом в нижней трети. Как показал Коллинз, тип этот на острове св. Лаврентия характерен для пунукской стадии развития эскимосской культуры.

Особое положение занимает костяной наконечник гарпуна (табл. 7, рис. 18), очень короткий, подтреугольной формы, трехгранный в поперечном сечении. Гнездо открытое, с прямыми стенками и двумя прорезами для пояска гнезда; дыра для линя круглая; базальная шпора двойная симметричная; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя. Наконечник гарпуна подобной же, но без прореза для концевого копьеца, формы нам известен еще только один из коллекции Расмуссена из района мыса Дежнева [1].

В этом же собрании имеются образцы, повидимому, редких и вообще мало распространенных бородчатых и вместе с тем с концевыми копьецами поворотных наконечников гарпунов, наконечники, которые вгонялись в «мертвого» зверя, моржа или тюленя. Первый из них (табл. 7, рис. 19) из оленьего рога, уплощенной формы; гнездо открытое и узкое, с прямыми стенками; два на различных уровнях и далеко друг от друга поставленных прореза для пояска гнезда; одна острая, выступающая, асимметричная базальная шпора; дыра для линя треугольная; две острые симметричные боковые бородки; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя; орнаментирован прямыми линиями, встречающимися под острым углом. Другой бородчатый поворотный наконечник гарпуна (табл. 7, рис. 24) из моржового клыка, овальной в поперечном разрезе формы; гнездо открытое, узкое, с прямыми стенками; два на разных уровнях прореза для пояска гнезда сближены на спинке наконечника; дыра для линя треугольная; одна выступающая, асимметричная, острая базальная шпора; бородок две пары, расположены симметрично одна над другой; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя. Наконечники этого типа (IV по Коллинзу) относятся к пунукскому времени; известны на острове св. Лаврентия [2] и на мысе Хоп [3] на Аляске.

Имеются, наконец, совсем простые поворотные наконечники гарпунов типа V, поздний пунук, по Коллинзу, тип 3 туле Матиассена, изображение одного из которых приводится на табл. 7, рис. 21. Гнездо открытое, с прямыми стенками; один прорез для пояска гнезда с противолежащим желобком; простая острая асимметричная шпора; треугольная дыра для линя, нет ни боковых вкладышей, ни концевого копьеца; материал — моржовый клык.

Из района мыса Дежнева доставлены наконечники гарпунов и с закрытым гнездом, но их немного. С частью из них познакомимся ниже, когда речь будет итти о стиле орнаментации, здесь же даем описание трех образцов.

Наконечник гарпуна, изображенный на табл. 7, рис. 22, имеет закрытое гнездо, простую базальную шпору, круглую дыру для линя, с желобками, направленными книзу; прорез для концевого копьеца в плоскости, перпендикулярной дыре для

[1] Mathiassen, 1930a: 78; табл. 18, рис. 6.
[2] Collins, 1937: 206; табл. 70, рис. 6.
[3] Mathiassen, 1930a; табл. 12, рис. 5.

линя; материал — клык моржа; форма в поперечном разрезе ромбическая. Орнамент сохранил основные черты позднего древнеберингоморского стиля 3 с бугорками в концентрических кругах, расходящимися линиями, но на данном экземпляре орнамент груб, линии глубоко врезаны и носит отпечаток упадка стиля.

Другой наконечник гарпуна с закрытым гнездом (табл. 7, рис. 23), также из моржового клыка, типологически подобен описанному выше, но меньше, изящнее и орнаментирован в классическом стиле пунукского времени.

Наконечник большого китового гарпуна из моржового клыка (табл. 8, рис. 1) обычной поздней формы с закрытым гнездом, простой базальной шпорой, большой продолговатой дырой для линя и концевым копьецом из глинистого сланца в плоскости, перпендикулярной дыре для линя. Шлифованное копьецо дугообразной формы, с прямой базой.

Рассмотренная коллекция наконечников гарпунов представляет тот несомненный интерес, что в ней представлены все типы наконечников, обнаруженные в результате многолетних и интенсивных раскопок на острове св. Лаврентия. Мало того, в ней имеются наиболее древние наконечники гарпунов, предшествующие древнеберингоморскому типу I Коллинза на острове св. Лаврентия, с орнаментом древнеберингоморского стиля 1 (табл. 7, рис. 1), который Рейни склонен относить к более ранней на этом острове стадии культуры — оквикской.

Колок для насада наконечника гарпуна (табл. 8, рис. 2) костяной, овальной в поперечном разрезе формы, основание уплощенное, передний же конец в разрезе круглый; предназначен для наконечника гарпуна с закрытым гнездом; несколько ниже середины колка, ближе к основанию, круглые дыры для петли.

Ледовые пешни гарпунные из района мыса Дежнева двух типов: очень массивные из клыка моржа (табл. 8, рис. 3), с короткой пяткой и боковой дырой для прикрепления к древку, и сравнительно легкие (табл. 8, рис. 4, 5 и 6), также из моржового клыка со срезанной до половины верхней частью, прилегающей к нижнему концу древка, круглыми дырами для костяных заклепок вверху и внизу для прикрепления пешни к древку гарпуна.

Сколка для ран. Предмет из моржового клыка в виде шила или булавки со шляпкой, изображенный на табл. 8, рис. 7, Соллас[1] трактует как булавку, употребляющуюся эскимосами для скалывания вместе сторон ран, нанесенных убитым тюленям и другим крупным животным с целью сохранения крови животного, вытекание которой нежелательно. По его словам, эскимосы, отправляясь на промысел морского зверя, имели с собой специальные футляры, в которых хранили запас подобных булавок.

РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Наконечники дротиков и острог. Зубцами птичьих дротиков мы считаем короткий наконечник (табл. 8, рис. 9) из моржового клыка, овальной в поперечном разрезе формы, с утолщенным основанием и двумя парами асимметричных бородок, а также длинный и тонкий наконечник (табл. 8, рис. 10) из моржового же клыка с тремя асимметричными бородками (передний конец обломан). Зубцами рыбных острог были, по всей вероятности, два длинных из моржового клыка (табл. 8, рис. 11 и 12), один с единственной концевой бородкой, а другой с тремя односторонними бородками. Основания, вставляющиеся в древко, у обоих зубцов заострены, а у изображенного на табл. 8, рис. 12, имеется, кроме того, двойной бугорок для привязывания к древку.

Прекрасный наконечник дротика или остроги из моржового же клыка изображен на табл. 8, рис. 13; форма его в поперечном разрезе овальная, черен заострен, очень острые односторонние бородки хорошо оформлены. Верхний конец обломан.

Каменные наконечники копий. Один из них, (табл. 8, рис. 14), шлифованный сланцевый, листовидной формы, с широким череном, вероятно, наконечник «медвежьего» копья. Подобно китовым копьям коряков и медвежьим эскимосов, этот наконечник вставлялся в расщепленный передний конец древка и закреплялся специальной обмоткой из китового уса. Другой наконечник копья (табл. 8, рис. 15), из окремнелого туфа, двухсторонне обтесан и оформлен отжимной ретушью, с плечиками и длинным череном.

Ножи и рукоятки ножей. В поселке Дежнево мною приобретен не законченный обработкой кремневый мужской нож с широким череном (табл. 8, рис. 18). Обтесыванием ему придана требуемая форма, осталась только доделка шлифовкой. Другой мужской нож подобной же формы (табл. 8, рис. 17) — сланцевый. Он хорошо отшлифован, имеет листовидную форму и широкий черен.

Женский нож из глинистого сланца (ulu), вставленный в рукоятку из моржового клыка (табл. 8, рис. 16), приобретен в поселке Дежнево. Там же мною приобретена великолепной работы костяная рукоятка (табл. 9, рис. 1), орнаментированная глубоко врезанными косыми линиями. Тип этой рукоятки и характер орнаментации указывают на то, что если она и не происходит из древнего, описанного ранее, уэленского стойбища, то во всяком случае относится к одному и тому же культурному комплексу.

Скобель каменный. На табл. 9, рис. 2 дано изображение кремневого скобеля для выделки шкур, приобретенного мною в Наукане. Форма его овальная, типичная для двуручных скобелей; прекрасно обработан отжимной ретушью. От длительного употребления края его сгладились и заполировались.

Лопаточка из моржового клыка, изображенная на табл. 9, рис. 7, как мы думаем, употреблялась для нанесения орнамента при окончательном оформлении глиняных горшков. Лопаточка эта имеет хорошо оформленную ручку, а ее внутренняя слегка вогнутая поверхность сплошь покрыта глубокими косыми нарезами, совершенно так, как это мы видели на пластинке из древнего уэленского стойбища (табл. 4, рис. 25). В дальнейшем, при рассмотрении древней эскимосской керамики, мы будем иметь случай ознакомиться с черепками глиняной посуды, орнаментированной подобными инструментами. Такая же лопаточка, но деревянная и менее тщательно сделанная, была найдена Кол-

[1] Sollas, 1911: 326; рис. 193, *2* и *3*.

линзом[1] в древнеберингоморском культурном слое на острове св. Лаврентия.

Лодочный багор или мясной крюк изображен на табл. 8, рис. 8. Нельсон[2] писал, что подобными баграми с коротким древком западные эскимосы пользовались при своих передвижениях в каяке вдоль побережья или ледовой кромки. Эти багры служат большую службу, в частности людям в каяках при высадке на скалистом берегу или на льду. Подобными же крюками пользуются и при переноске кусков моржового или китового мяса и китового сала. Данный крюк — общераспространенной среди эскимосов формы, с широкой дырой и глубокой выемкой на переднем конце для прочного прикрепления к древку.

Крылатый предмет. В поселке Дежнево мною приобретен очень крупных размеров крылатый предмет из моржового клыка. Назначение его не ясно, но, вероятно, это было подвешивающееся на ремнях во время китового праздника изображение птицы или скорее бабочки с приставными головой и хвостом. Данный предмет, изображение которого дано на табл. 9, рис. 11, с наружной стороны был покрыт рисунком в характерном древнеберингоморском стиле 2, позднее в значительной части стертым. Позднейшего происхождения просверленные дрилем центральное и в крыльях круглые отверстия. Спереди туловища глубокая для закрепления головки ямка, сзади вертикальный прорез, вероятно для приставного хвоста. Под крыльями треугольные прорезы, соединяющиеся между собою в середине тела. На нижней, брюшной поверхности простой орнамент глубокими врезными линиями. Вся эта сложная конструкция указывает на длительный процесс выработки этого специального предмета.

Скульптурная **фигурка медведя** из моржового клыка, образец замечательного художественного творчества древних обитателей побережья Чукотского полуострова. Медведь (табл. 9, рис. 9) изображен в «осаженном» положении, уши вырезаны рельефно, глаза и ноздри намечены глубокими ямками; пальцы передних лап с когтями показаны нарезками. По поверхности эта фигурка медведя покрыта типичным криволинейным древнеберингоморским орнаментом. Сквозное отверстие в туловище с сильно обтертыми и сглаженными краями показывает, что медведь этот носился очень продолжительное время, вероятно, в качестве амулета.

СТИЛЬ ОРНАМЕНТАЦИИ

Орнаментированный стержень из моржового клыка (табл. 9, рис. 10), приобретенный мною в Наунаке и назначение которого мне не ясно, интересен стилем выгравированного на нем рисунка. Это ни наконечник стрелы, ни наконечник дротика; возможно, какой-нибудь из предметов церемониального назначения. Древность его несомненна, так как он имеет характерную темнокоричневую окраску, которая бывает только в результате долгого пребывания моржового клыка в земле. Широкие поверхности этого овального в поперечном сечении стержня покрыты одним и тем же рисунком, изображающим нечто вроде рогатой маски, нанесенным глубоко врезанными линиями. Оба эти изображения разделяются врезанными на узких сторонах глубокими линиями почти во всю длину предмета. Такой мотив мы видим впервые в беринговоморских древностях. Стилистически орнамент этого предмета не имеет ничего общего с орнаментами, выполненными в древнеберингоморском стиле, и ближе к стилю орнаментации вещей древнего уэленского стойбища.

При рассмотрении наконечников гарпунов и других предметов из района мыса Дежнева мы уже видели ряд образцов замечательного, криволинейного древнеберингоморского орнаментального стиля. В этом же стиле орнаментирован поврежденный наконечник гарпуна с открытым гнездом (табл. 9, рис. 3) и наконечник гарпуна, как и предыдущий, из моржового клыка, с закрытым гнездом, простой шпорой, круглой дырой для линя, прорезом для концевого копьеца в плоскости, перпендикулярной дыре для линя, и с рудиментарными бородками (табл. 9, рис. 4). В изысканном древнеберингоморском стиле 3, с приподнятыми кружками, в центре которых в виде точек заклепки из китового уса, насаженные в комбинации с другими линиями так, что дают впечатление морды зверя, со скульптурными звериными мордочками, орнаментированы: 1) наконечник гарпуна (табл. 9, рис. 5); 2) наконечник гарпуна с закрытым гнездом и круглой дырой для линя (табл. 9, рис. 8); 3) обломок какого-то очень крупного предмета, как и предыдущие, из моржового клыка, возможно наконечник или головка китового гарпуна (табл. 9, рис. 6), хотя аналогов ему из других коллекций мы не знаем.

НАУКАН

При ремонте школы в Наукане в центре поселка была сделана значительных размеров выемка земли, давшая разрез культурного слоя мощностью около 1 м (рис. 3). Расчистка небольшой площадки этого культурного слоя дала некоторое количество костей моржа, нерпы и лахтака, а также различные предметы, позволяющие определить характер культуры и время прежних обитателей Наукана.

ПРЕДМЕТЫ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА

Наконечники гарпунов при раскопках найдены двух типов. Первый из них (табл. 10, рис. 1) с открытым гнездом, боковым прорезом и противолежащим желобком для пояска гнезда; простая острая асимметричная шпора; дыра для линя треугольная; две симметричные бородки; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя; материал — кость; не орнаментирован. Это известный тип туле 2 Матиассена или IV Коллинза. Обращает на себя внимание устройство гнезда. Последнее при конической, со срезанной вершиной, форме вырезано так, что стенки наконечника у края прореза, сближаясь и в значительной мере прикрывая гнездо, обеспечивают более прочный насад наконечника на колок. Достаточно сказать, что поперечный диаметр гнезда по размерам вдвое больше, чем прорез открытой его части. Второй тип науканских

[1] Collins, 1937; табл. 47, рис. 17.
[2] Nelson, 1899: 22?; табл. 80, рис. 45.

наконечников гарпуна (табл. 10, рис. 2) с открытым гнездом, двумя прорезами для пояска гнезда, сближенными на спинке наконечника; простая асимметричная шпора; круглая дыра для линя; нет ни бородок, ни концевого копьеца; материал — клык моржа, но размеры необычно большие (длина 12 см) для наконечников этого типа туле 1 Матиассена или V Коллинза. Другим вариантом этого же типа является наконечник, изображенный на табл. 10, рис. 3, также из клыка моржа. Помимо

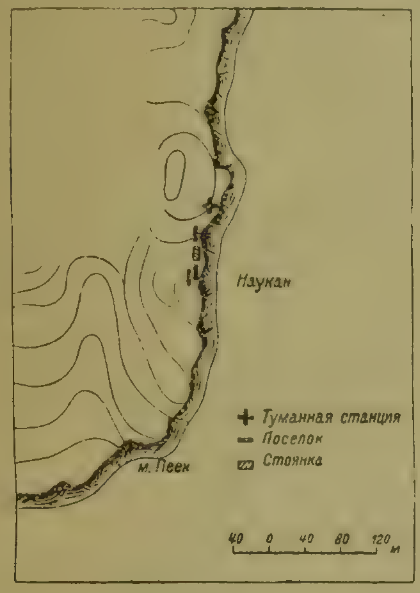

Рис. 3.

малых размеров, он отличается устройством пояска гнезда; вместо двух прорезов две пары высверленных дыр, соединяющихся на спинке глубокими желобками.

Наконечник китового гарпуна (изображение не приводится) из моржового клыка с закрытым гнездом, с большой и длинной треугольной дырой для линя. Подобный же наконечник из Наукана опубликован у Матиассена[1].

Концевое сланцевое **копьецо** наконечников гарпуна обычного типа, китового (табл. 10, рис. 4) и тюленьего (табл. 10, рис. 5).

Головка древка гарпуна (табл. 10, рис. 7) из моржового клыка, цилиндрической, слегка сплющенной в верхней части формы; книзу она затесана, причем затес этот двухсторонний: с одной стороны равномерный, с другой ступенчатый. Отсюда можно сделать вывод, что передний конец древка был с глубоким вырезом для головки. В теле головки высверлено отверстие для крепления ее в древке. На переднем конце глубокое коническое гнездо для колка.

Колок обычной формы, подобный опубликованному Матиассеном[2] из Наукана (табл. 10, рис. 6), с конически заостренными и срезанными концами, круглый в сечении и с дырой для петли в верхней половине, от которой книзу направляются два желобка.

Пешня ледовая гарпунная (табл. 10, рис. 8) из моржового клыка, в верхней части, прилегающей к древку, срезана, и в ней вырезана круглая дыра для костяной заклепки. Для крепления к древку

[1] Mathiassen, 1930a; табл. 18, рис. 1.
[2] Там же, 1930a; табл. 19, рис. 1.

в нижней части пешни высверлена тройная дыра.

Стрелы из раскопок в Наукане или целиком деревянные или деревянные с костяными наконечниками. Стрелы целиком деревянные (табл. 10, рис. 14), обычно с тупым наконечником, употреблялись для охоты на птиц. Цельных мы не имеем и поэтому длину их не знаем. Форма древка овальная в сечении (0,7 × 1 см), расширяющаяся книзу, к вырезу для тетивы.

Наконечники стрел двух типов. Первый представлен костяным наконечником формы, характерной для позднейшей протоисторической культуры западных эскимосов. Подобные наконечники стрел хорошо известны по этнографическим коллекциям прошлого столетия, особенно первой его половины. Это массивный наконечник (табл. 10, рис. 9), овальный в поперечном разрезе, с коническим череном, тремя односторонними бородками и прорезом на переднем конце для копьеца. Судя по высверленному на переднем конце отверстию для заклепки, копьецо могло быть костяным, но вероятнее железное. У нижнего края на одной из плоских сторон выгравировано схематическое изображение оленя. Подобные стрелы, как известно, употреблялись для охоты за северным оленем и для войны.

Второй тип — обычные тупые костяные наконечники птичьих стрел. Некоторые из них сделаны из зубов моржа.

Защитный наручник при стрельбе из лука (табл. 10, рис. 13), повязывающийся выше кисти на левую руку, обычной формы, но сделан из китового уса. По продольным краям середины наручника проделаны продольные прорезы для завязки.

Грузики от птичьей бола были найдены в значительном количестве, причем все они примерно одной и той же формы (табл. 10, рис. 12).

Грузила рыболовные двух видов, — для удочек и сетей. Грузило для удочки из моржового клыка имеет рыбовидную форму, головой вниз (табл. 10, рис. 15); помимо обычных дыр, вверху и внизу для лесы, внизу имеется добавочное ушко для крючка.

Грузило к сети (табл. 10, рис. 19) из крупного обрезка моржового клыка, обкатанного морским прибоем, с двумя просверленными дырами для подвешивания.

Деревянный предмет, изображенный на табл. 11, рис. 22, служил, по всей вероятности, поплавком.

РАЗЛИЧНЫЕ ОРУДИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ

Кирка-мотыга костяная (табл. 10, рис. 16) для добывания съедобных кореньев, шестигранной в поперечном разрезе формы, с притупленным рабочим краем.

Каменные **тесла** из Наукана двух типов, но и тот и другой вставляются в костяные обоймы. Первый (табл. 10, рис. 11), нефритовый, только частично отшлифован у рабочего края. Второй (табл. 10, рис. 17), из кремнисто-глинистого сланца, отшлифован на обеих поверхностях с круто заточенным лезвием. Возможно, что это тесло, подобно тесловидным скребкам, описанным Коллинзом[1], употреблялся как скобель.

Своеобразное тесловидное орудие из оленьего рога (табл. 10, рис 18), точное назначение которого не ясно, судя по характеру рабочего края, употреблялось либо как тесло, либо как скобель.

[1] Collins, 1937: 152 — 153.

Лопатовидный **скобель** из кремнисто-глинистого сланца с плечиками и череном употреблялся при выделке шкур укрепленным в кривой деревянной рукоятке, как это показано на табл. 10, рис. 20.

Мужские ножи двух типов. К первому относится кремневый нож (табл. 11, рис. 1), обтесанный крупными сколами и с отжимной ретушью лезвий. Судя по широкой пятке, им работали, держа непосредственно в руке. Подобное орудие могло употребляться не только для резания, но и для распилки дерева и костей. Второй тип мужских ножей, представленный несколькими экземплярами, — плоские и широкие, обоюдоострые клинки с череном из шлифованного глинистого сланца. Один из них, приведенный на табл. 11, рис. 2, при сравнительно большой величине очень тонкий (всего около 5 мм толщины); другой (табл. 11, рис. 4), нижний конец которого обломан, ромбический в поперечном сечении и при сравнительно небольших размерах достигает толщины до 10 мм. У некоторых экземпляров этого типа ножей близ черена имеются конически и биконически высверленные дыры для крепления в рукоятке (табл. 11, рис. 3).

О типе **рукояток** мужских ножей дает представление рукоятка, изображенная на табл. 11, рис. 5. Форма ее овальная в разрезе; на переднем конце прорез для клинка и поверхностные желобки широкие и мелкие, с упорными валиками у края для повязки. У заднего конца высверлена дыра для подвешивания.

Женские ножи из глинистого сланца многочисленны, различной величины, обычной формы. Из деревянных рукояток женских ножей в качестве образца дается изображение только одной, небольших размеров (табл. 11, рис. 12).

Шило или **сверло** для расширения уже проколотых шилом или просверленных дрилем дыр, изображено на табл. 11, рис. 7. Техника его изготовления была проста. От моржового клыка двумя пропилами, сходящимися под углом, близким к прямому, отделен трехгранный стержень, который затем на одном конце остро заточен и отшлифован.

Сверление дыр в дереве, а возможно и в кости, производилось **дрилями** с **костяными перками.** На табл. 11, рис. 8, изображена перка с цилиндрическим рабочим концом и верхней частью, вставляющейся в древко, квадратной в поперечном разрезе формы.

Деревянные стержни **для добывания** огня сверлением были найдены в значительном числе. Большинство из них имеет стандартную форму коротеньких стержней, круглых в поперечном разрезе и полусферических на утолщенном нижнем и меньшего диаметра на верхнем конце. Стержни эти совершенно такого же размера и формы, как те, что были найдены при раскопках жилища в Уэлене (табл. 11, рис. 6).

На табл. 11, рис. 19, приведено изображение деревянной дощечки, при помощи которой добывался огонь сверлением.

ПОСУДА

Из раскопок в Наукане имеется большой деревянный ковш — уполовник (табл. 11, рис. 20), глубокой яйцевидной формы, с длинной ручкой. Там же было найдено очень плоское, овальной формы, 8 × 10,8 см, деревянное блюдечко. Наконец, судя по сохранившимся деревянным доньям и ободам из китового уса, науканцы широко пользовались небольшими (4 × 5,5 и 8 × 10 см) коробочками из китового уса общераспространенной среди эскимосов формы.

Деревянная дощечка с небольшим углублением, изображенная на табл. 11, рис. 21, служила, по всей вероятности, черпаком-ложечкой.

РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ РАСКОПОК

Блоки из моржового клыка — больших размеров (табл. 11, рис. 16), возможно, употреблявшиеся в оснащении умиака, — и меньших размеров (табл. 11, рис. 15), по всей вероятности, от собачьей упряжки.

Ручки бубнов. Одна из трубчатой кости больших размеров (табл. 11, рис. 23), с сохранившейся частью широкого обода из китовой кости. Обод в прорезе ручки заклинен при помощи специального костяного клина и заклепан сверху. У нижней части ручки сквозная дыра для подвешивания бубна. Другая ручка от бубна также костяная, но меньших размеров (табл. 11 рис. 24), того же типа. В этой последней ручке для закрепления обода, помимо клина, для заклепки просверлено дрилем специальное отверстие.

Жужжалка из пластинки китового уса (табл. 11, рис. 14) с зубчатым краем. У эскимосов она известна как детская игрушка [1], но мы знаем, что она получила весьма широкое распространение на всем земном шаре и часто употребляется при религиозных церемониях. Возможно, такое же назначение она имела и у древних эскимосов.

Из деревянных вещей имеется деревянное туловище птички, подвешивающейся во время праздника кита и других праздничных церемоний.

ПРЕДМЕТЫ ПРИОБРЕТЕННЫЕ

У эскимосов в Наукане нами приобретено несколько вещей, уже давно вышедших из употребления. В их числе маленький наконечник гарпуна из моржового клыка с закрытым гнездом, одной выступающей асимметричной шпорой; треугольной дырой для линя с направленными книзу желобками; у края прореза для концевого копьеца в этом наконечнике высверлены металлическим сверлом дырочки для заклепки.

Гарпунный упор для пальца из моржового клыка (табл. 11, рис. 11) с выемчатой базой и треугольной дырой для привязывания к древку.

Мундштук к поплавку из тюленьей шкуры из моржового клыка (табл. 11, рис. 9).

Кремневый наконечник стрелы (табл. 10, рис. 10) листовидной формы, с плечиками и череном, ромбической в поперечном разрезе формы.

Три одного и того же типа, но различающихся в деталях **упора** из моржового клыка на стержень при сверлении (табл. 11, рис. 13, 17 и 18), как и упор каменный из Уэлена (табл. 5, рис. 20), все науканские, при сверлении берутся в рот и зажимаются зубами.

---

[1] Murdoch, 1892: 378—379; рис. 377. Birket-Smith, 1924: 421; рис. 299.

Не говоря уже о вещах приобретенных, весь комплекс предметов из раскопок в Науканс указывает на позднее заселение той площадки, где в настоящее время расположено современное эскимосское поселение. Время это, повидимому, синхронно времени раскопанного в Уэлене жилища, — поздний пунук и частично протоисторический период до оживленных торговых сношений с русскими.

ЯНДЫГАЙ

Между мысом Кригугон (Новосильцева) и мысом Харгилах, что южнее залива Лаврентия, на круто спускающемся к морю берегу расположен поселок сидячих чукчей Яндыгай. В этом поселке, у самого берегового обрыва, имеется довольно много и притом, повидимому, разновременных разрушившихся полуземлянок и давно заброшенных мясных ям (рис. 4). Обнаженный культурный слой

Рис. 4.

здесь оказался мощным, местами до 4 м. По условиям транспорта здесь не представлялось возможности задержаться на сколько-нибудь продолжительное время. Пришлось поэтому ограничиться только небольшой расчисткой в двух пунктах обнажения культурного слоя, в котором, помимо костей моржа и лахтака, в меньшем количестве костей кита, был найден ряд предметов, описание которых дается ниже.

Наконечник гарпуна из моржового клыка (табл. 12, рис. 4), с открытым гнездом, двумя прорезами для пояска гнезда, сближенными на спинке наконечника; одна простая базальная асимметричная шпора; круглая дыра для линя; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя. В поперечном разрезе форма наконечника овальная.

Колки для насада наконечников гарпуна двух типов: большие (11,2 см длиной), овальные в поперечном разрезе, с округлым нижним концом и уплощенным передним; ниже середины такого колка боковое ушко; малый тип — коротенькие (менее 7 см), круглые в поперечном разрезе колки веретенообразной формы с продольной дырой близ середины колка. И те и другие из моржового клыка. Коротенькие колки для наконечников с закрытым гнездом.

Ледовая пешня гарпунная из моржового клыка обычного типа с клинообразно срезанной верхней половиной и с поперечными насечками на плоской поверхности, прилегающей к древку.

Наконечники стрел трех типов: 1) длинный костяной наконечник стрелы (табл. 12, рис. 1) с одной бородкой и коническим череном; 2) короткий наконечник из моржового клыка (табл. 12, рис. 2), также с одной, в данном случае концевой, бородкой и коническим череном с перехватом; 3) деревянная стрела с широколопастным, с заостренной вершиной наконечником (табл. 12, рис. 3).

Из рыболовных принадлежностей найдено только **грузило** для удочки из моржового клыка (табл. 12, рис. 5).

Форма его обычная — круглая в поперечном сечении, утолщающаяся к концу; у верхнего конца треугольное ушко для лесы. В отличие от других подобных грузил, ушки для привязывания крючков не у самого нижнего конца грузила, а в средней его части.

Кирка-мотыга из моржового клыка интересна устройством крепления ее к рукоятке. С этой целью (табл. 12, рис. 6) сторона, прилегающая к рукоятке, стесана, а на остальной поверхности высечены два глубоких желобка и проделана сквозная продольная проушина небольших сравнительно размеров.

В значительном количестве найдены **обломки** больших женских сланцевых **ножей**; в некоторых из них высверлены конические и биконические дыры для прикрепления к ручке.

О размерах таких ножей можно судить по их деревянным ручкам, изображенным на табл. 12, рис. 12 и 13.

Лучок из отростка оленьего рога для сверления изображен на табл. 12, рис. 10, а костяная ручка от ведёрка из китового уса на табл. 12, рис. 7.

В Яндыгае мною был приобретен **гребень** из моржового клыка длинной (21 см) и узкой формы (табл. 12, рис. 11), употреблявшийся для расчесывания травы и, возможно, для выделки оленьих шкур. Найден он был в обнажении культурного слоя, где и нами производились раскопки. Помимо специальных выемок для пальцев на рукоятке, у верхнего ее края на боковом ребре вырезаны уши и высверлены глубокие ямки (глаза), придающие рукоятке вид собачьей головы.

Судя по комплексу найденных вещей, культурный слой, несмотря на его мощность, по крайней мере в месте раскопок, свидетельствует о позднем здесь поселении, не ранее пунукской стадии развития эскимосской культуры, вероятнее даже в конце пунука.

На острове Аракамчечене, ныне необитаемом, на возвышенном его берегу (15—20 м над уровнем моря), на побережье у самого маяка, что к востоку от озерка, были обнаружены остатки полуземлянок и рядом с ними, у обрыва, мясные ямы (рис. 5).

Рис. 5.

Полуземлянки оказались обычного для древних эскимосских жилищ типа, квадратной формы, с коридорным входом со стороны моря и торчащими из земли многочисленными костями кита, использованными при постройке жилищ. Разведку мы произвели у одной из мясных ям и в отвале у входа в северную полуземлянку больших размеров (11 × 12 м). По вскрытии площади около 3 м² до 0,5 м глубиной на площадке (ниже почва была мерзлой) и до 1 м глубиной по обрыву берега был обнаружен культурный слой с большим количеством костей кита, моржа, лахтака и нерпы, отдельными костями северного оленя и горного барана. Наиболее характерные из найденных здесь вещей следующие.

Простые **наконечники гарпуна**, костяные и из моржового клыка (табл. 12, рис. 9 и 20), с открытым гнездом, простой асимметричной шпорой, круглой дырой для линя, с желобками, направленными книзу, прорезом для концевого копьеца в плоскости дыры для линя; форма наконечников в поперечном разрезе овальная. Наконечники эти интересы в том отношении, что при открытом гнезде они не имеют ни прорезов, ни желобков для пояска гнезда. В данном случае, подобно тому как мы это видели в наконечнике гарпуна из Наукана (табл. 10, рис. 1), колок удерживался в гнезде благодаря незначительным размерам прореза по сравнению с размерами гнезда и соответственно колка. Такие наконечники характерны для позднего пунука, когда они особенно многочисленны.

Крупные **наконечники китовых гарпунов** из моржового клыка с острова Аракамчечена, изображение одного из которых дано на табл. 12, рис. 8, общераспространенной формы, с закрытым гнездом, одной асимметричной шпорой, большой продольной дырой-прорезом для линя и с прорезом для концевого копьеца в плоскости, перпендикулярной дыре для линя. В поперечном разрезе форма наконечника шестигранная.

Зубцы остроги из моржового клыка: **центральный** (табл. 12, рис. 17) с двумя парами симметричных бородок и треугольной дырой у основания для прикрепления к древку; **боковой** (табл. 12, рис. 18) с одной тупой бородкой, дырами посредине и выступающим бугорком на нижнем конце для прикрепления к древку.

Грузило птичьей **бола** (табл. 12, рис. 15) из моржового зуба с небольшим ушком-прорезом для привязывания.

Грузило из крупного (8 × 12 см) гранитного булыжника с глубоким круговым желобком посредине (табл. 12, рис. 26) **от сетки-сачка** из китового уса для зимнего подводного лова наваги.

Мотыга для снимания дерна из китового ребра (табл. 12, рис. 22) почти без обработки, только нижний рабочий край этого орудия слегка заточен теслом, да в месте прикрепления к рукоятке сделаны небольшие выемки и ряды поперечных насечек.

Кирка для выкапывания съедобных кореньев, тщательно выделанная из китового ребра (табл. 12, рис. 21). На ней имеются глубокие надрезы по наружной и внутренней поверхности, позволяющие системой связок прочно прикрепить ее к рукоятке.

Клинья, как всегда, из моржового клыка двух типов; 1) массивные и широкие (табл. 12, рис. 16) и 2) узкие долотовидные с небольшим ушком-прорезом у верхнего края для подвешивания.

Шилья-провертки из моржового клыка не представляют ничего оригинального. Одно из них (табл. 12, рис. 24) крупных размеров, с уплощенной пяткой, другое (табл. 12, рис. 25) маленькое, трехгранной формы.

Обломки женских сланцевых **ножей** (ulu) обычного типа. Мужских ножей не найдено, но имеются очень интересные рукоятки, в передний конец которых вставлялись каменные клинки мужских ножей. Одна из таких **рукояток** (табл. 12, рис. 23) представляет собою отросток оленьего рога, на переднем конце которого вырезано глубокое гнездо для черена клинка, а на другом косо высверлена дыра для подвешивания. Особенность рукояток этого типа заключается в наличии продольного прореза стены рукоятки в гнездо, несколько отступя от ее переднего края. В такие рукоятки вставлялись клинки из глинистого сланца, которые легко ломались. Для того чтобы легче извлечь черен обломанного клинка из гнезда, и делался указанный прорез. Такой детали в устройстве гнезда костяной рукоятки ножа мы не знаем ни с острова св. Лаврентия, ни с Аляски.

Другая ручка мужского ножа из моржового клыка, от которой сохранялась только передняя часть, имеет глубокий боковой вырез для клинка-вкладыша.

Скобель для снятия жира с кишек (табл. 12, рис. 19) из отрезка трубчатой кости вогнутой формы с острыми, но не режущими краями.

Подшивка под киль умиака, широкая и тонкая пластинка из китовой кости (табл. 12, рис. 28) с двумя парами краевых высверленных отверстий. Дыры эти высверлены металлическим сверлом и соединены между собой глубокими, в половину толщины пластины, желобками для подвязывания подшивки под киль.

Ручка или **застежка** из пластинки моржового клыка с прорезом-ушком посредине (табл. 12, рис. 14).

Костяная ручка от **бубна** (табл. 12, рис. 27) обычной формы, отличающаяся только наличием специально высверленных двух дыр и продольного сквозного прореза для привязывания к ободу бубна.

* * *

Квадратная форма больших размеров жилища с коридорным входом, для постройки которого использованы кости кита, типы наконечников гарпунов, наличие шлифованных сланцевых орудий и отсутствие оббитых каменных; вообще весь комплекс вещей, найденных в отвале этого жилища, указывает на позднее пунукское время его обитания.

* * *

Там же, на острове Аракамчечене, вдоль по берегу, к юго-западу от упомянутого выше маяка, в нескольких стах метрах, были обнаружены остатки еще одной группы жилищ, также квадратной формы, с коридорным входом и мясными ямами поблизости. Однако это не были полуземлянки, так как здесь выемка земли была очень незначительной, всего на 20—30 см глубиной. Разведка культурного слоя при входе в одно из таких жилищ показала, что они были обитаемы сравнительно недавно.

Среди найденных там предметов оказался наконечник гарпуна с железным концевым копьецом, железный нож, точно такой же, как найденный Гейстом[1] при раскопках одного из новейших эскимосских жилищ на острове св. Лаврентия; тяжелый, массивный глиняный жирник с двумя валиками, типа, широко распространенного до последнего времени среди азиатских эскимосов и береговых чукчей; деревянные блюда, миски и другие предметы.

На южном берегу озерка, расположенного к западу от маяка, был замечен выклинившийся слой, толщиною в несколько сантиметров, створок съедобного моллюска (*Mytilus edulis* L.), прикрытый тонким слоем перегноя. Вскрыв небольшую площадку, мы нашли там обломки сланцевых женских ножей, черепки глиняных горшков, ничем не отличающихся от современных, жирник, точно такой же, как в развалинах упомянутых южных жилищ, и костяную лопаточку, какими в настоящее время пользуются эскимосы для выравнивания снега после установки капканов на песцов и лисиц.

МЫС ЧАПЛИНА

На мысе Чаплина, между зданиями полярной и туманной станций с востока и эскимосским поселком Чаплино на западе издали, по вертикально стоящим костям китовых челюстей, обращают на себя внимание остатки давнего эскимосского поселения (рис. 6). На этом стойбище выделяется группа

Рис. 6.

из четырех квадратной формы жилищ с коридорным входом в эти жилища, обставленные по стенам китовыми костями. Тут же находится несколько заброшенных ям для хранения мяса. На южном берегу мыса Чаплина, к юго-востоку от туманной станции, на размываемом морским прибоем участке берега также имеются остатки древних жилищ и мясных ям с обнажением культурного слоя от 1,5 до 2,5 м мощностью, протяжением на несколько десятков метров. Расчисткой этого культурного слоя у двух мясных ям вскрыто значительное количество костей моржа, лахтака и нерпы, кости кита и китовый ус, а также различные предметы быта; для наиболее характерных из них дается описание.

ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА

Наконечники гарпунов с мыса Чаплина двух уже известных нам типов: тип III Коллинза или туле 3 Матиассена и тип V Коллинза или тип туле I Матиассена.

Наконечник гарпуна (табл. 13, рис. 1), с открытым гнездом, двумя прорезами для пояска гнезда, сближенными на спинке наконечника, одной простой асимметричной базальной шпорой, круглой дырой для линя и прорезом для концевого копьеца в плоскости дыры для линя; материал — моржовый клык; форма в поперечном разрезе овальная; орнаментирован прямыми линиями и точками в пунукском стиле. Второй наконечник этого же типа (табл. 13, рис. 2) отличается от вышеописанного отсутствием прорезов для пояска гнезда, вследствие чего гнездо хотя и открытое, но с прорезом более узким, чем ширина гнезда. Не орнаментирован и несколько иной конфигурации, чем наконечник гарпуна, изображенный на табл. 13, рис. 1.

Костяные наконечники гарпунов, представленные на табл. 13, рис. 3 и 4, одного и того же типа, отличаются только размерами и мало существенными деталями. Гнезда открытые; для пояска один прорез с противолежащим желобком; базальная асимметричная шпора; треугольная дыра для линя, с желобками, направленными вниз; нет ни вырезов для боковых вкладышей, ни прореза для концевого копьеца; не орнаментированы.

Редкий, возможно случайный образец, маленький из моржового клыка наконечник гарпуна

[1] Geist and Rainey, 1936; табл. 23, рис. 2.

с открытым гнездом и двумя высверленными дырами: одной для пояска гнезда, другой для линя (табл. 13, рис. 5). Этот наконечник мог употребляться только для добычи крупной рыбы, которой изобилует озеро на Чаплинской косе. Подобный же наконечник гарпуна, но с закрытым гнездом был найден Матиассеном[1] при раскопках в области центральных американских эскимосов на древней стоянке Науйан (Naujan) и описан им как орудие для добычи лососей.

Наконечники китовых гарпунов (табл. 13, рис. 7) из моржового клыка обычного типа, с закрытым гнездом, большой треугольной дырой для линя и прорезом для концевого кольеца в плоскости, перпендикулярной дыре для линя.

Колки для насада наконечников гарпуна из моржового клыка одного типа, круглые в поперечном сечении, с коническим нижним концом и уплощенным верхним; посредине или в нижней трети колка продольный или треугольный, но узкий сквозной прорез; длина 11—12 см.

Головка древка **гарпуна** из моржового клыка необычного типа (табл. 13, рис. 6), короткая, с коническим гнездом, подобная тем, какие были найдены Коллинзом[2] на острове св. Лаврентия в древнеберингоморском комплексе.

Ледовая гарпунная **пешня** (табл. 13, рис. 8) из моржового клыка, уплощенной, треугольной в поперечном сечении формы в нижней половине, со срезанной в верхней трети внутренней, прилегающей к древку, поверхностью.

Деревянные ручки для привязывания линя к гарпунному поплавку из тюленьей шкуры совершенно такие же, какие были найдены при раскопках жилища в Уэлене и при раскопках в Наукане (табл. 1, рис. 19; табл. 5, рис. 18).

Обитатели Чаплинского стойбища пользовались уже сложным упрочненным **луком.** Доказательством сказанного является наличие костяных пластин — одной концевой с вырезом для тетивы (табл. 13, рис. 17) и нескольких плоских из средней его части (табл. 13, рис. 23), а также наличием закрутки для сухожильных или из китового уса волокон. Закрутка эта (табл. 13, рис. 12) имеет характерную для данного инструмента величину и форму с альтернативно загнутыми концами; только посредине она имеет необычный прорез для подвешивания, вследствие чего форма закрутки на данном ее участке трехгранная.

Наконечники стрел трех типов.

Тип первый — длинный костяной наконечник овальной в поперечном разрезе формы с двумя острыми бородками, коническим череном и прорезом для концевого кольеца (табл. 13, рис. 11).

Тип второй — также длинные наконечники с коническим череном и острым передним концом, с одной небольшой бородкой в двух вариантах: костяные ромбические в поперечном сечении (табл. 13, рис. 10) и из моржового клыка треугольного сечения (табл. 13, рис. 9).

Тип третий — тупые костяные наконечники с гнездом в основании для насада на древко, рисунок одного из которых приведен на табл. 13, рис. 13.

При стрельбе из лука чаплинцы пользовались костяными **защитными наручниками** обычной вогнутой формы, причем в наручнике, изображенном на табл. 13, рис. 16, помимо отверстий, высверленных (металлическим сверлом) для повязывания на руку, по краю высверлены дыры со вставками из китового уса, инкрустация декоративного назначения.

Грузики для птичьей **бола** были найдены в большом количестве, причем все они вырезаны из моржового клыка или использованы для них зубы моржа, в корне которых проделаны только дыры для подвешивания. Наиболее характерные из грузиков изображены на табл. 13, рис. 14, 15, 18, и 19.

Костяная лопатка (табл. 13, рис. 22), подобная тем, которыми и в настоящее время пользуются эскимосы для заглаживания следов на снегу при постановке капканов на лисиц и песцов. Она узенькая (2,5 см) и длинная (33 см), слегка выгнутая, с небольшим перехватом рукоятки и круглой дырой для подвешивания.

Сеть сачка для ловли наваги. И в настоящее время зимой в подледном лове наваги азиатские эскимосы пользуются специальными сачками, состоящими из обруча китового уса около 40 см диаметром и сетки, также сплетенной из волокон китового уса, на дне которых укреплен тяжелый груз из продолговатой формы булыжника с круговым желобком посредине. Образец подобной сетки из Сирэник представлен на табл. 23, рис. 1 и 2. Грузила из гранитных и гнейсовых голышей точно такие же, как изображенный на табл. 12, рис. 26, с острова Аракамчечена.

Для плетения сетей чаплинцы пользовались **челноками** обычного типа. На гладкой поверхности такого челнока (табл. 13, рис. 24) процарапан знак его владельца.

Из принадлежностей рыболовства имеются еще только грузила от удочек с ушками для лесы на обоих концах и жальце сложного рыболовного крючка (табл. 13, рис. 21), плоское, ромбическое в поперечном разрезе.

Великолепный **клинок** кремневого **копья** (табл. 14, рис. 1), найденный в культурном слое берегового обрыва, был передан нам эскимосом, механиком полярной станции. Клинок этот оформлен крупными сколами с последующей отжимной ретушью.

РАЗЛИЧНЫЕ ОРУДИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ

Снаряд для добывания морской капусты (табл. 15, рис. 1) сохранился довольно хорошо и представляет собою следующее устройство. К концу палки китовым усом привязан груз из булыжника с глубоким круговым желобком посредине. Ниже груза к этой же палке китовым усом привязан пучок, расходящийся в стороны, из четырех острых костяных зубцов, с зазубринами у основания для прочности крепления.

Кирок-мотыг для выкапывания съедобных кореньев с мыса Чаплина имеется целая серия, как костяных, так и из моржового клыка. Приводятся изображения наиболее характерных из них.

Кирка-мотыга из отростка оленьего рога (табл. 15, рис. 2) с заостренным нижним концом и большой дырой для привязывания к ручке на верхнем утолщенном конце. Такой же инструмент, костяной, треугольный в поперечном сечении, изображен на табл. 15, рис. 3.

[1] Mathiassen, 1927; 1, табл. 12, рис. 7.
[2] Collins, 1937; табл. 31, рис. 12 и 13.

Мотыга из моржового клыка (табл. 15, рис. 4), которая могла употребляться не столько для выкапывания съедобных кореньев, сколько для вскапывания земли при постройке жилищ или мясных ям. В части, привязывающейся к рукоятке, вверху и внизу сделаны выемки и нанесено большое число насечек для прочности крепления; рабочий конец притуплен от длительного употребления.

Мотыга, изображенная на табл. 15, рис. 6, для вскапывания земли, сделана из очень крупного моржового клыка. Верхний конец этой мотыги совсем не обработан, за исключением нанесенного довольно глубокого кругового желобка для привязывания к ручке. Нижний конец затесан подобно теслу и сглажен в результате длительного употребления.

При раскопках у мыса Чаплина найдено много **клиньев** из моржового клыка общераспространенной формы. В качестве образца дается изображение одного из крупных клиньев (табл. 15, рис. 5).

Молот из гранитного булыжника (табл. 15, рис. 7) с глубоким круговым желобком для привязывания к ручке. От грузил к рыболовным сачкам подобной же формы молот отличается несравненно более глубоким желобком для привязывания и сработанностью мельчайшими сколами и выщербинами на ударной, нижней поверхности молота.

Молоток, изображенный на табл. 15, рис. 11, из моржового клыка не обычной формы, как бы имитирующий железный молот со смятым от употребления узким концом. У этого молота шаровидная головка-пятка, ниже которой глубокими желобками отделена и затесана на внутренней, прилегающей к рукоятке поверхности часть — место прикрепления к ручке. Книзу молоток затесан клинообразно, но не заострен, а, напротив, притуплен. Посредине на внутренней поверхности молотка круглая ямка — свидетельство употребления ее как верхней накладки-упора на стержень при сверлении.

Костяной лучок для сверления дыр или для добывания огня сверлением изображен на табл. 15, рис. 10.

Небольшое **тесло** (табл. 14, рис. 9) из плотной зелено-каменной породы с хорошо заточенным, слегка вогнутым лезвием.

Обойма костяная для каменного **тесла** типа, подобного найденной в Сирэник (табл. 24, рис. 5). На верхнем конце упорный валик; внутренняя поверхность, прилегающая к ручке-топорищу, гладко затесана, с поперечными нарезками, остальная поверхность в месте прикрепления к ручке покрыта рядами глубоких зарубок.

На табл. 14, рис. 6, дано изображение не законченного обработкой **клинка** большого сланцевого ножа, а на табл. 14, рис. 2, изображение мужского ножа из окремнелого туфа нешлифованного, со слегка подшлифованным только лезвием его переднего конца.

Крупные **костяные наконечники,** описанные ниже, правильнее рассматривать как ножи, чем как наконечники метательных дротиков. Первый из них (табл. 14, рис. 15) с почти плоской одной стороной и выпуклой другой, с клиновидно заостренным основанием, вставляющимся в расщеп рукоятки. Второй (табл. 14, рис. 16) значительно больших размеров, с прорезом для концевого копьеца. Наконец, третий (табл. 14, рис. 14), в отличие от двух предыдущих из моржового клыка, мог быть наконечником дротика или клинком кинжала. Его форма в поперечном разрезе ромбическая, черен плоский, заостренный; для прикрепления к ручке близ черена продолговатая дыра.

Костяные ручки мужских сланцевых ножей на мысе Чаплина трех типов. Первый — уже известный нам по раскопкам на острове Аракамчечене, с гнездом для черена клинка ножа на одном конце и с дырой для подвешивания на другом. Там они найдены в двух вариантах: с гнездом без прореза в его стенке (табл. 14, рис. 17) и с прорезом для извлечения черена клинка ножа в случае его поломки (табл. 14, рис. 7 и 18). Второй — редкий тип ручки, состоящей из двух половинок, с желобками на передних концах этих половинок для черена ножа; для прочного укрепления клинка между половинками такой ручки снаружи имеются специальные зарубки (табл. 14, рис. 4). В такие ручки вряд ли вставлялись клинки сланцевые; клинки были либо костяные, либо кремневые или нефритовые, а вернее, железные. Третий, достаточно широко распространенный тип рукоятки мужского ножа — простой роговой стержень с боковым вырезом на конце (табл. 14, рис. 19).

Женские сланцевые ножи (ulu) обычной, преимущественно полулунной формы (табл. 14, рис. 3), иногда очень крупных размеров, как об этом можно судить по ручкам таких ножей.

Для оттачивания ножей и шлифовки каменных и костяных орудий употреблялись **бруски** из песчаника, один из образцов которых приведен на табл. 14, рис. 11. Форма его ладьевидная, довольно характерная для эскимосских точильных брусков.

Недостаточно ясно назначение длинного, слегка изогнутого, заостренного на одном конце, с круглой дырой на другом, костяного клинка (табл. 14, рис. 20), который мог служить или проверткой-шилом или для развязывания узлов.

Шилья-проколки (табл. 16, рис. 2 и 3) из осколков кости с острыми, хорошо заполированными от длительного употребления концами.

Игольник (поврежденный) из крыловой кости баклана (табл. 16, рис. 4); орнаментирован в пунукском стиле кольцевыми линиями с рядами односторонних зубчиков.

Скобели для снимания жира с кишек у мыса Чаплина найдены двух типов. Это или уже известные нам корытообразные лоточки из моржового клыка или, из моржового же клыка, асимметричный лоточек с одним только краем рабочим, формы, которую можно видеть на табл. 14, рис. 8. Скобелем этим пользовались также как накладкой-упором при сверлении, что видно по круглой ямке на наружной его поверхности.

ПОСУДА

В культурном слое у мыса Чаплина обнаружено большое количество полуфабрикатов из китового уса — связок полос и волокон, и ряд изделий из этого материала. Помимо сачка для подледного лова наваги, упоминавшегося выше, там было найдено большое количество сосудов из китового уса с деревянными доньями (табл. 15, рис. 9), а иногда и с крышками. Форма таких коробочек или ведерок обычно овальная, 13 × 21 или 14 × 17 см; высотою они 10—12 см.

На табл. 15, рис. 8, дано изображение одного из таких сосудов со стенкой из полосы китового уса,

связанной полоской китового же уса. Подобные сосуды мы знаем с древнеберинговоморской стадии эскимосской культуры на острове св. Лаврентия; хорошо известны они и на тульском этапе культуры центральных эскимосов.

Интересен **черпак** из переднего отростка оленьего рога (табл. 15, рис. 14) для вынимания вареного мяса из глиняных сосудов для варки.

У мыса Чаплина было найдено большое количество черепков глиняной посуды и фрагментов глиняных жирников.

Глиняные сосуды, судя по сохранившимся черепкам, были различных размеров, от 12 до 28 см диаметром, толстостенные, от 1 до 1,5 см толщиною, у дна до 2 см, со сферическим дном и венчиками, слегка отогнутыми внутрь сосуда. Тесто из черной глины с примесью крупного песка и органических волокон (волоса и травы). Обжиг очень плохой. Большинство без орнамента. На поверхности некоторых сосудов следы сглаживания ее пучком травы, на некоторых следы рубчатой лопаточки. На одном из черепков плохо различимый шашечный орнамент.

Жировые лампы, жирники, судя по сохранившимся их обломкам, были средних размеров, овальной формы, с поперечными валиками для фитилей, типа, бытовавшего до последнего времени у эскимосов Чукотского полуострова.

Костяные, точнее **роговые, ложки** (табл. 14, рис. 12 и 13) типа, хорошо известного со времени описания Норденшельдом такой ложки, найденной при раскопках у мыса Шмидта на арктическом побережье. Это плоские костяные ложечки с очень длинной, обычно слегка изогнутой ручкой. На тулепунукском этапе они получили широкое распространение на всей эскимосской территории.

Для подвешивания сосудов внутри жилища и, возможно, над огнем применялись специальные **крюки** из оленьего рога. На табл. 15, рис. 15 и 16, дано изображение двух таких крюков, — одного с высверленной дырой для подвешивания и другого с зарубками и петлею из китового уса.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Костяные подковки, подвязывающиеся к обуви под сводом стопы при хождении по льду, с мыса Чаплина двух типов. Первый (табл. 14, рис. 5) — широкая костяная подковка с конически высверленными дырками, в которые вставлены острые шипы из моржового клыка; у краев по паре дыр, соединенных с наружной стороны глубокими желобками, для подвязывания под обувь. Второй тип (табл. 14, рис. 10) — подковка из цельной пластины моржового клыка, с тремя парами бугорков-шипов.

Полозы от салазок из моржового клыка, очень массивные и широкие (табл. 15, рис. 12 и 13), типичные для пунукского этапа эскимосской культуры на острове св. Лаврентия. Особенно следует отметить большую ширину полоза (до 4 см). По верхнему краю для привязывания поперечных высверлены попарно круглые дыры.

И здесь, как на острове Аракамчечене, найдены обломки **подшивки под киль умиака** из пластин китовой кости (табл. 15, рис. 17) шириной 8 см и толщиной в 0,5 см; для привязывания под киль парные дыры соединены между собою желобками.

Деревянная **модель весла,** изображенная на табл. 16, рис. 1, одна из принадлежностей в церемониях религиозных празднеств, интересна тем, что дает представление о типе весел, бывших в свое время в употреблении.

Бесспорных доказательств употребления собак для езды мы пока не имеем, если не считать блока из моржового клыка (табл. 16, рис. 5) с двумя ушками под прямым углом одно к другому, возможно от собачьей упряжки.

РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Костяная лопата для разгребания снега из моржовой лопатки типа, обычного для эскимосов (табл. 15, рис. 18). Помимо большого длинного прореза и круглых высверленных дыр для крепления лопаты к ручке, по поломанному ее внутреннему краю проделан ряд дыр малого диаметра при ее ремонте.

Спиночесалка-кружок из моржового клыка с дырой в центре (табл. 16, рис. 10), подобная найденной в Уэлене при раскопках жилища.

Панцырные пластины из китовой кости двух типов: большие пластины (7 × 30 см, толщиною 0,6 см) с тремя парами продольных прорезов и круглыми дырочками для связки пластин между собою (табл. 15, рис. 19) и небольшие обычного типа, один из образцов которых изображен на табл. 16, рис. 15.

Ручки бубнов деревянные хорошо уже известного нам типа, подобные описанным с острова Аракамчечена, причем у мыса Чаплина найдены как большие от настоящих бубнов (табл. 16, рис. 7), так и маленькие, возможно от игрушечных бубнов (табл. 16, рис. 6).

Клыки молодого моржа, собаки и белого медведя с просверленными у основания корня дырочками для подвешивания, вероятно амулеты (табл. 16, рис. 13, 16 и 17).

Фигурка медведя, вырезанная из моржового клыка (табл. 16, рис. 12), очень схематично и грубо выполненная, скорее имела культовое назначение, чем служила игрушкой.

Грубое изображение «защитника» — **человеческая фигурка,** вырезанная из лиственничной коры (табл. 16, рис. 19).

Другая подобная же фигурка (табл. 16, рис. 20) деревянная, в круглой форме — торс без рук и ног, с плоским лицом, на котором намечены только глаза, рот и нос.

Пластинка, вырезанная из **китового уса** (табл. 16, рис. 8), схематическое изображение мужского ножа с боковым клинком у переднего конца, имела ритуальное назначение или, возможно, была атрибутом шаманского облачения.

Плетенка из четырех полос **китового уса** (табл. 16, рис. 9) служила, по всей вероятности, украшением, подвеской, подобно плетенке из китового же уса из Кивак (табл. 17, рис. 26).

Рассматривая вместе весь комплекс предметов из раскопок у мыса Чаплина, нетрудно убедиться, что все они относятся к одному и тому же и притом не очень длительному периоду времени. Типы наконечников гарпунов, лука и стрел, защитный наручник и грузики птичьих бола, мужские ножи с их ручками, домашняя утварь, тип полозьев салазок,

панцырные пластины, орнамент и другие детали — все говорит о том, что мы имеем дело с культурой поздней, пунукского времени, притом пунука позднего. Наши попытки найти на мысе Чаплина остатки поселений более ранних не увенчались успехом. Последнее нас очень озадачило, так как эскимосы острова св. Лаврентия, где ранние этапы пунукской поры и древней берингоморской богато представлены, родом с мыса Чаплина, и древние связи указанного острова с мысом, ближайшим к нему пунктом на азиатском материке, несомненны. Напомним кстати, что, по сообщению Рейни [1], наконечники гарпунов даже с оквикским орнаментом были найдены Богоразом не только у мыса Дежнева, но и у мыса Чаплина. Последние хранятся в американском Музее естественной истории, но не опубликованы.

Дело, повидимому, в том, что галечниковая коса мыса Чаплина непрерывно перемещается под воздействием морского прибоя. Там и в настоящее время после каждого сильного шторма наблюдается смыв или намыв значительных, на десятки метров вглубь, участков косы. Очень возможно, что остатки древних эскимосских поселений этого мыса смыты морем.

* * *

Чтобы определить время заселения группы жилищ, о развалинах которых между полярной станцией и современным эскимосским поселком Чаплино упоминалось выше, была сделана расчистка в одном из жилищ. Там, в неглубоком, до 40 см толщиной, культурном слое, под галечником, были обнаружены два скелета (мужской и женский) и ряд предметов. Краткие сведения об этих предметах сообщаются ниже.

Костяной наконечник гарпуна (табл. 13, рис. 20) оказался с закрытым гнездом, простой базальной шпорой, круглой дырой для линя и с глубокими желобками ниже дыры; концевое железное копьецо закреплено в прорезе железной заклепкой. Была найдена серия деревянных поплавков, вероятно, от рыболовной сети (табл. 16, рис. 18). Короткая деревянная ручка-топорище от тесла имеет форму, хорошо известную по этнографическим эскимосским коллекциям. От современных ничем не отличаются деревянные и костяные (табл. 13, рис. 25) ручки женских ножей. Из посуды заслуживают упоминания большая деревянная миска, выдолбленная из нароста лиственницы, и обычного типа коробочка из китового уса с деревянным донцем. Современного типа и подковка из моржового клыка для хождения по льду с четырьмя парами пирамидальных шипов. Деревянная распорка-копыл от собачьей нарты и упряжная застежка (табл. 16, рис. 11) свидетельствуют о езде на собаках. Гребень из моржового клыка с длинными зубцами для расчески волос (табл. 16, рис. 14). Деревянная рукоятка от бубна обычного типа. Глиняный толстостенный горшок баночной формы с плоским дном типа, недавно вышедшего из употребления. Такие горшки мы видели на эскимосском кладбище в Наукане, где погребали умерших еще на памяти жителей поселка.

Все перечисленные вещи указывают на недавнее время обитания этих жилищ, а по преданиям чаплинских эскимосов это была половина или третья четверть прошлого столетия.

КИВАК

У мыса Низменного расположено самое южное на Чукотском полуострове эскимосское поселение Кивак (Kiwak), точнее между мысом Низменным с юга и лагуной Кивакской с севера. На южном краю современного поселения, у самого берега моря, обнажены две ямы для хранения мяса, в настоящее время в большей своей части разрушенные морским прибоем. Поверхностный культурный слой здесь мощностью около 2 м. Непосредственно к западу — северо-западу от мясных ям находятся руины двух квадратных полуземлянок (рис. 7). Размеры первой из них (северной) 8 × 8 м, при глубине около метра, с коридорным входом со стороны моря длиною 10 м и шириной 1,5 м. Размеры второй (южной) полуземлянки несколько больше, 9 × 9 м, с коридорным входом примерно таких же размеров.

Небольшая разведка в Киваке была произведена в двух пунктах: в обрыве берега, в обнажении северной мясной ямы, и вправо от входа в первое жилище.

Берег у мясной ямы отвесный, высотою около 4 м над уровнем моря. Верхние 1,5—2 м представляют собою мощный культурный слой черного цвета, содержащий в большом количестве кости моржа, лахтака, нерпы и кита, створки моллюска (Mytilus edulis L.) и различные изделия из кости, камня, черепки глиняной посуды. Расчищен был небольшой участок культурного слоя, емкостью едва превышающий 1 м³ земли.

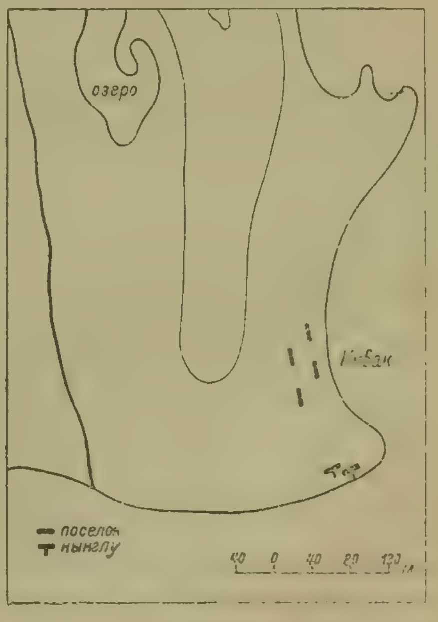

Рис. 7.

Раскоп при входе в полуземлянку был сделан в нескольких метрах от мясной ямы и на расстоянии 2 м от входа в жилище. Жилище это, как уже ска-

[1] Rainey, 1941d:564.

зано, меньших размеров, а коридорный в него вход на расстоянии 4 м от начала имеет две боковые камеры, каждая площадью около 4 м². Стены как самого жилища, так и коридорного входа закреплены вертикально поставленными костями кита. Направо и налево от входа в жилище скопление кухонных отбросов. Размер раскопа при входе в это жилище был сделан небольшой, всего около 2 м², площадью, на глубину 55 см, до мерзлоты. В этих кухонных отбросах обнаружены кости тех же животных, что и в обрыве берега, кроме костей кита.

Несмотря на весьма скромные размеры произведенной разведки, она дала достаточно ясное представление о культуре древних обитателей жилищ у мыса Низменного.

Ни одного наконечника гарпуна нами, к сожалению, найдено не было. Из частей гарпуна имеется только **ледовая пешня** из моржового клыка темно-коричневого, почти черного цвета, как и все костяные предметы из раскопок в Киваке. Пешня эта (табл. 17, рис. 4) в поперечном разрезе имеет овальную форму, нижний конец ее несколько пригуплен, верхняя половина, вставляющаяся в древко (черен), заострена и по всей поверхности покрыта мелкими поперечными зарубками. Подобные пешни известны из оквикской стоянки на Пунукском острове[1] и с древней берингоморской стоянки Хилзайд (Hillside) на острове св. Лаврентия[2].

В Киваке найдены три костяных **наконечника стрел**. Два цельные, хорошо сохранившиеся; у третьего верхняя половина отломана. Из цельных один наконечник простой (табл. 17, рис. 3), короткий, черенковый, круглого поперечного сечения, с наибольшим диаметром у основания, постепенно уменьшающимся к переднему концу. Второй наконечник больших размеров (табл. 17, рис. 1), типа, известного только с оквикской стоянки и из древних берингоморских слоев на острове св. Лаврентия, характерного для древнейших стадий развития эскимосской культуры. Наконечник этот имеет овальную в поперечном разрезе форму, конический черен и прорез на переднем конце для копьеца. Две симметричные острые бородки у самого основания наконечника. Подобно таким же наконечникам с островов Пунукского[3] и св. Лаврентия[4], несколько выше центра на плоских сторонах, по две на каждой, начинаются четыре борозды, которые, направляясь вниз, становятся все глубже, вплоть до черена, где они прорезаются внутрь и встречаются, оставляя упомянутые две острые бородки, отходящие от стержня наружу. Плоские поверхности этого наконечника орнаментированы тремя несколько скошенными, глубоко врезанными линиями, подобными тем, какие мы видели на наконечниках стрел с древнего стойбища в Уэлене.

Наконечник дротика или **остроги** из моржового клыка уплощенной формы (табл. 17, рис. 2), с тремя парами бородок; черен клиновидно заострен.

Наконечник копья из глинистого сланца (табл. 17, рис. 5) (передняя часть обломана), с острым заточенным лезвием и биконически высверленной дырой у основания для прикрепления к древку.

Мужские ножи двух родов: из окремнелого туфа, нешлифованные, типа горбатых ножей (табл. 17, рис. 8) или обычных концевых клинков (табл. 17, рис. 6), и шлифованные, из глинистого сланца, листовидной формы, с череном и срединным хребтиком (табл. 17, рис. 7 и 9).

Женские сланцевые **ножи** найдены в нескольких экземплярах, из которых дается изображение двух: одного небольшого цельного (табл. 17, рис. 12), другого очень большого поломанного (табл. 17, рис. 11).

Оригинальную форму имеет нож, приобретенный у эскимосов, изображенный на табл. 17, рис. 10.

Тесла из Кивака двух типов. Один из них представлен большим длинным нефритовым теслом, симметрично заточенным подобно лезвию топора (табл. 17, рис. 21). Другое тесло, короткое и широкое, из окремнелого туфа. Если второе обязательно должно было вставляться в костяную обойму, прежде чем прикрепляться к ручке-топорищу, то первое могло и непосредственно привязываться к топорищу.

Кирка-мотыга из моржового клыка (табл. 17, рис. 25) для выкапывания съедобных кореньев и других работ, с двумя глубоко высеченными теслом желобками на передней поверхности для привязывания к ручке. Рабочий конец остро затесан с двух сторон.

Большой **костяной** (из os penis моржа) **стержень** с глубоким гнездом на переднем утолщенном конце для каменной перки сверла изображен на табл. 17, рис. 24.

Для **добывания огня** сверлением кивакцы пользовались точно такими же деревянными стерженьками, какие были описаны из раскопок в Уэлене, Наукане и у мыса Чаплина. Это коротенькие, 8 см длиной, круглые в поперечном сечении колки, 1,5 см диаметром у нижнего конца и 1—1,1 см у верхнего. Оба конца полусферические, причем нижний обычно обуглившийся.

Из **домашней посуды** в Киваке найдены следующие предметы: часть довольно большого блюда из китовой лопатки, глубиною всего 1,3 см; коробочка со стенками из китового уса и деревянным донцем овальной формы 9,5 $\times$ 19 см; большой крюк из рога северного оленя (табл. 17, рис. 20) с высверленной дырой для подвешивания; очень плоская ложечка с короткой ручкой из китовой кости (табл. 17, рис. 16); много черепков глиняной посуды.

Черепки глиняной посуды, образцы которых показаны на табл. 17, рис. 15 и 19, от очень грубых толстостенных сосудов. Обычная толщина стенки сосуда 1—1,5 см близ донца, а у верхнего края (венчика) она доходит до 2—2,5 см. Это были большие высокие горшки баночной формы со сферическим дном. Для этих горшков характерен орнамент рядами косых рубчиков, нанесенных особой лопаточкой с рядом глубоких прорезов, подобно найденной в районе мыса Дежнева (табл. 9, рис. 7).

Из **средств передвижения** найдены только полозья салазок из моржового клыка двух типов. Это или очень массивные из цельных, слегка обтесанных клыков полозья шириною от 4 см и более, высотою до 8 см, или узкие полозья, шириною менее сантиметра. У первых (табл. 17, рис. 28) для привязывания поперечных перекладин теслом двусторонне выдолблены большие продольные проушины с рубчатыми краями. У вторых для

---

[1] Rainey, 1941d, рис. 11 (11).
[2] Collins, 1937: табл. 29, рис. 13—15.
[3] Rainey, 1941d, рис. 14 (1—3).
[4] Collins, 1937; табл. 29, рис. 6 и 7

укрепления перекладин по верхнему краю высверлены круглые дыры небольшого диаметра. Так как к таким узким полозьям прикрепление поперечных перекладин было бы затруднительно, то по верхнему краю оставлена довольно широкая, в 2 см, площадка с выступающими бортиками.

Из других предметов заслуживают внимания два деревянных, подлинное назначение которых не совсем ясно. Первый из них (табл. 17, рис. 23) — конец какой-то рукоятки с зарубками на конце; второй (табл. 17, рис. 13) — маленький деревянный цилиндр, 2,8 см длиною, с круговым желобком посредине, выкрашенный охрой в красный цвет. Точно такие же цилиндрики, и притом некоторые из них окрашенные в красный цвет, были найдены Коллинзом[1] на острове св. Лаврентия на стоянке Мийовагх (Myiovagh) в древнем берингоморском культурном слое. Коллинз предполагает, что они служили поплавками для маленьких птичьих ловушек из петель китового уса.

Замечательная находка, сделанная при раскопках в Киваке, — крыло (табл. 17, рис. 14) большого крылатого предмета, совершенно такого же, какой был доставлен в 1880 году с мыса Хоп [1], и подобного найденному при раскопках на острове св. Лаврентия [2]. Наружная поверхность этого крыла, как и подобные ему с мыса Хоп и острова св. Лаврентия, покрыта изысканным криволинейным орнаментом, типичным для древнеберингоморского стиля эскимосского искусства.

* *

Тип жилища, весь комплекс вещей, найденных при раскопках в Киваке, особенно наконечники стрел, ледовая пешня, каменные тесла, керамика, полозья салазок, наконец, «крылатый» предмет указывают на несомненную принадлежность обследованного в Киваке жилища к древнеберингоморской поре развития эскимосской культуры.

МЫС ЧУКОТСКИЙ

В нескольких стах метров к западу от мыса Чукотского, в обрыве берега, резко обозначается мощный слой черной земли, над которым возвышается холмик, покрытый яркозеленым травяным покровом (рис. 8). При ближайшем рассмотрении здесь, на высоте 10—12 м над уровнем моря, при ручье, вытекающем из языка, расположенного выше фирнового поля, оказалась группа остатков девяти небольших полуземлянок с центральной несколько больших размеров, соединенной с малыми коридорными ходами. Непосредственно к холмику, образованному этим коллективным жильем, ближе к обрыву берега примыкают заброшенные мясные ямы.

Культурный слой всего этого плоского холмика, состоящего из жирного чернозема, судя по его обнажению, мощностью не менее 1,5 м. Шурфы, площадью всего около 1 м², заложенные в двух пунктах, — у обрыва на краю мясной ямы и у одного из коридорных входов в жилище, дали небольшое количество костей, преимущественно моржа и лахтака, и всего несколько вещей. У обрыва шурф был заложен на глубину 1 м, а у входа в жилище на глубину только 0,6 м, так как глубже оказалась мерзлота.

Из найденных здесь предметов представляют интерес два кремневых клинка мужского **ножа** нешлифованные и употреблявшиеся, вероятно, как боковые вкладыши. На табл. 17, рис. 22, дано изображение одного из них.

Здесь же были найдены два хорошей сохранности каменных **тесла** из плотных изверженных пород. Как видно по их изображениям (табл. 17, рис. 17 и 18), обтесыванием и последующей отжимной ретушью им придана требуемая форма, подшлифованы только рабочие края (табл. 17, рис. 17). Обращает на себя внимание очень крутая, почти под прямым углом, заточка лезвия тесла, изображенного на табл. 17, рис. 17, подобно тому, как это мы видим у описанных Коллинзом [2] древних берингоморских тесел-скобелей.

Оба тесла употреблялись, несомненно, вставленными в костяные обоймы.

Тут же был найден большой **клин** из моржового клыка (табл. 17, рис. 29) и черепки глиняной посуды с рубчатым поверхностным орнаментом, подобным тому, какой мы видели на черепках из Кивака.

Принимая во внимание незначительный объем вынутой земли, трудно было рассчитывать найти предметы, хорошо датирующие описанное поселение. Однако, учитывая отсутствие шлифованных сланцевых ножей, даже женских, наличие маленьких квадратных жилищ, соединенных между собою коридорными ходами, и особенности керамики, можно думать, что здесь мы имеем дело с поселением древнеберингоморской стадии эскимосской культуры.

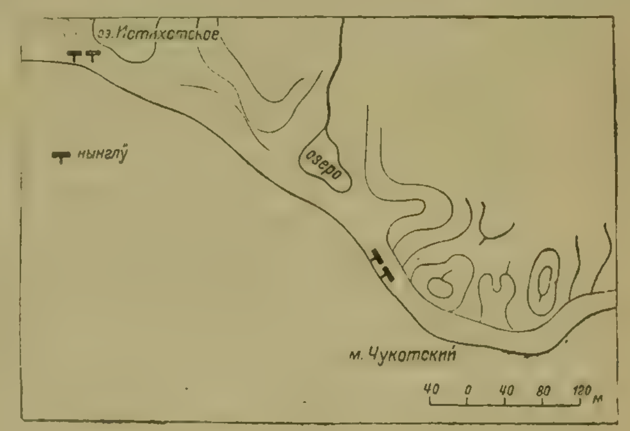

Рис. 8.

* * *

На полпути между мысом Чукотским и озером Гидрографическим, ближе к последнему, в обрыве морского берега также имеется обнажение культурного слоя небольшой сравнительно мощности, от 1 до 1,5 м. Небольшой подчисткой этого культурного слоя, помимо костей моржа, лахтака и оленя,

[1] Collins, 1937; 174; табл. 57; рис. 18 и 19.
[2] Collins, 1937; 152—153; рис. 16.

[1] Collins, 1929; табл. 6.
[2] Collins, 1937; табл. 20, рис. 1.

было обнаружено несколько предметов, часть которых представляет несомненный интерес.

Наконечник китового гарпуна из моржового клыка оказался обычного типа, с закрытым гнездом, простой базальной шпорой, обширной продолговатой дырой для линя и прорезом для концевого копьеца в плоскости, перпендикулярной дыре для линя. Гораздо интереснее **изделия из китового** уса. Из них прежде всего заслуживает внимания вырезанная из китового уса рыбка (табл. 17, рис. 27) с дырочкой, высверленной в ее голове для подвешивания; затем коробочка со стенками из китового уса и деревянным донцем овальной формы размером 6 × 8,4 см, высотою 6 см; наконец, костяная закрутка, употребляющаяся при изготовлении упрочненных луков, помещенная в специальном футляре из китового уса (табл. 17, рис. 26). Особый интерес представляет оформление нижней половины этого футляра, в виде плетенки из четырех полос китового уса, технически выполненной так же, как квадратные плетенки из раскопок Гейста[1] и Коллинза[2] на острове св. Лаврентия.

Судя по найденным вещам, можно думать, что стойбище близ озера Гидрографического, культурный слой которого мы исследовали, относится к пунукской стадии развития эскимосской культуры.

АВАНЬ

Между мысом Чукотским и бухтой Провидения, у самого берега моря, находится озеро Истихетское (рис. 8). Озеро это, площадью около 20 км², вытянулось в меридиональном направлении и от моря отделено только узкой галечниковой косой-пересыпью. В западной части этой косы, между морем и озером, и на прилегающей невысокой террасе, еще недавно было эскимосское поселение Авань. Среди остатков круглых яранг новейшего времени на упомянутой террасовидной площадке сохранились остатки типичных квадратных эскимосских полуземлянок с коридорным входом и боковыми камерами близ входа в коридор. Как и для всех подобного рода эскимосских жилищ, в качестве строительного материала для них были использованы кости кита, главным образом нижнечелюстные.

Судя по очень хорошей сохранности полуземлянок, — у некоторых сохранились потолочные перекрытия очень низкого коридорного входа, они не должны быть особенно древними. Небольшая расчистка культурного слоя при входе в одно из таких жилищ подтвердила такое предположение. Там были найдены только черепки глиняной посуды, шлифованные сланцевые женские ножи и наконечник гарпуна новейшего типа.

В обрыве берега моря обнаружены остатки более древних жилищ и ям для хранения мяса. В размываемом морским прибоем береге резко выделяется своим черным цветом поверхностный культурный слой мощностью 2—2,5 м. Расчисткой этого культурного слоя, помимо костей промысловых животных, главным образом моржа и нерпы, обнаружен ряд предметов. Здесь дается описание наиболее характерных из них.

Наконечник гарпуна найден только один китовый (табл. 18, рис. 1) из моржового клыка, с закрытым гнездом, простой базальной шпорой, продолговатой дырой для линя и с прорезом для концевого копьеца в плоскости, перпендикулярной дыре для линя. Зато найдено несколько концевых копьецов из глинистого сланца, как от моржовых, так и от китовых наконечников гарпуна (табл. 18, рис. 2 и 10). Найден также и **колок** для насада наконечника гарпуна.

Из промысловых орудий имеется еще наконечник деревянной стрелы с двумя асимметрично расположенными бородками (табл. 18, рис. 14) и обычные **грузики** из обрезков моржового клыка для птичьей **бола**.

Из инструментов заслуживают упоминания обломок тесла из плотного песчаника (табл. 18, рис. 12) с хорошо сохранившейся нижней рабочей частью, тщательно отшлифованной и заточенной. **Тесло** это, как и тесловидные скобели, которых найдено два экземпляра, вставлялись в костяную рукоятку или обойму. Очень типичен найденный там же маленький **клин** из моржового клыка с остро затесанным нижним концом и пяткой со следами удара молотом.

Количественно значительна и разнообразна серия **мужских** сланцевых **ножей**, более или менее тщательно отшлифованных, образцы которых приведены на табл. 18, рис. 3, 4 и 11.

Многочисленны и разнообразны также **женские** сланцевые ножи (ulu) (табл. 18, рис. 16 и 17); в некоторых из них имеются **биконически** высверленные дыры для прикрепления к ручке. Там же были найдены **обсидиановые осколки**, часть из которых с краевой ретушью.

От **добывания огня** сверлением сохранилась деревянная дощечка (табл. 18, рис. 19) с высверленными и обуглившимися ямочками.

Очень типична **кирка-мотыга** (табл. 18, рис. 21) из китовой кости. Это, как всегда, крупный инструмент (длиной 43 см) слегка выгнутой формы, с гладкой внутренней стороной и рядом глубоких желобков на выпуклой стенке для привязывания к ручке. Рабочий нижний конец притуплен от длительного употребления.

Среди прочих костяных изделий должны быть упомянуты лопаточка из китового ребра, вероятно для выколачивания снега из одежды, **крюки** из оленьего рога для подвешивания посуды (табл. 18, рис. 24).

Очень интересна плечевая кость собаки с круглыми высверленными на ее концах дырами (табл. 18, рис. 15), которая, по аналогии с найденной на острове св. Лаврентия Коллинзом[3] вместе с жальцем, вероятно, была стержнем рыболовного крючка. В Авани в культурном слое найдено значительное количество китового уса, как в заготовках (табл. 18, рис. 20), так и в поделках, **главным** образом в коробочках со стенками из китового уса и деревянными доньями.

---

[1] Geist and Rainey, 1926; табл. 36, рис. 11.
[2] Collins, 1937; табл. 56, рис. 8 и 9.
[3] Collins, 1937; табл. 79, рис. 8.

Судя по размерам деревянных доньев (7,5 × 16 см и 14 × 25 см), некоторые из этих коробков-ведерок были значительных размеров.

Глиняная посуда в Авани не такая грубая и толстостенная, как в Киваке. Тесто лучшего качества, примешанный к глине песок мелкозернистый. Это преимущественно сравнительно высокие круглодонные котлы с наружными ушками для подвешивания (табл. 18, рис. 23). Толщина стенок в редких случаях доходит до 1,5 см, обычно менее 1 см; венчики прямые, чуть-чуть отогнутые внутрь и слегка утолщающиеся к краю. Орнамент рядами рубцов, нанесенных лопаточкой, характерный для более древней эскимосской керамики, не встречен. Косые полосы, различимые на поверхности некоторых черепков, нанесены пучками травы при сглаживании наружной поверхности сосуда.

Из других предметов следует отметить: костяную **пряжку** (табл. 18, рис. 5); половинку **снеговых очков** тонкой и тщательной работы из моржового клыка (табл. 18, рис. 18), с узким прорезом для глаз и боковыми ушками для повязывания; костяные **панцырные пластины** с парными дырами для связывания их между собою, дырами малого диаметра, высверленными дрилем с металлической перкой (табл. 18, рис. 22).

За недостатком ряда руководящих форм трудно дать более точное время древнего аваньского поселения, но ясно, что оно относится к пунукской стадии развития эскимосской культуры, вероятно к ее позднейшему этапу.

БУХТА ПЛОВЕР

Памятуя опубликованный Коллинзом[1] из бухты Пловер наконечник гарпуна, несомненно древнеберингоморского времени, я с особым вниманием занялся исследованием остатков эскимосских жилищ в этой бухточке. Однако мои надежды найти здесь следы древнего эскимосского поселения не оправдались.

На косе, прикрывающей с юго-запада бухточку Пловер, что при входе в бухту Провидения, много хорошо различимых остатков старых жилищ и мясных ям. Полуземлянки и здесь были обычной квадратной формы, с коридорным входом. В двух пунктах при входе в землянку были заложены шурфы на глубину всего 0,5—0,6 м, так как ниже оказались грунтовые воды. Предметы, которые были найдены в культурном слое шурфов, указывают на позднее время этих жилищ. Часть из них (юго-восточная группа) относится, возможно, к протоисторическому времени, большинство же (в северо-западной части косы) к совсем недавнему прошлому.

Наиболее интересные из найденных в Пловере вещей следующие: **наконечники стрел** (табл. 18, рис. 8) из окремнелого туфа с отжимной ретушью; небольшой кремневый вогнутый скребок (табл. 18, рис. 6) и концевой скребок обсидиановый (табл. 18, рис. 7); мужские и женские шлифованные сланцевые ножи, причем первые больших и средних размеров (табл. 18, рис. 9). В некоторых из женских ножей имеются биконически высверленные дыры для привязывания к ручке. Керамика, судя по найденным черепкам, такая же, как в Авань, причем круглодонные котлы-корчаги довольно больших размеров, со стенками толщиною до 1,5 см, а у венчика до 2 см. У таких котлов имеются наружные ушки для подвешивания (табл. 18, рис. 23). Узкий полоз салазок (табл. 18, рис. 13) из моржового клыка высотою всего 4 см. У верхнего края полоза продолговатые дыры для привязывания поперечных перекладин. Широкая пластина из китовой кости, подобная тем, которые были найдены на острове Аракамчечене и у мыса Чаплина, служила подшивкой под киль умиака.

Таким образом, надо думать, что наконечник гарпуна из бухты Пловер древнеберингоморского типа, опубликованный Коллинзом, вряд ли действительно происходит из этой бухты; найден он был, вероятно, где-нибудь в другом месте и только приобретен у эскимосов бухты.

СИРЭНИК

Современное эскимосское поселение Сирэник (Sirhenik — удача) расположено на довольно обширной террасовидной площадке, омываемой с юга морем, с востока речкою Сирэник-кейвук, за которой сразу же обнажаются отвесные скалы мыса Улахпен. С запада площадка, на которой расположен поселок, примыкает к высокой скале Якун, отвесно обрывающейся к морю, а с севера к ней вплотную подходит возвышенность соседнего материкового плато. Современный эскимосский поселок занимает восточную часть этой площадки; в южной, отвесно обрывающейся к морю, находятся остатки древних поселений (рис. 9). Мощный, местами свыше 4 м толщиною культурный слой, протяжением в несколько десятков метров, своим черным цветом резко выделяется на фоне светло-серого берегового обнажения.

Остатки древних жилищ и связанных с ними мясных ям имеются в трех пунктах: на севере под увалом, непосредственно примыкая к жилищам современного поселения; в центральной части площадки, также по соседству с современным поселком, и в западной части площадки. Полуземлянки

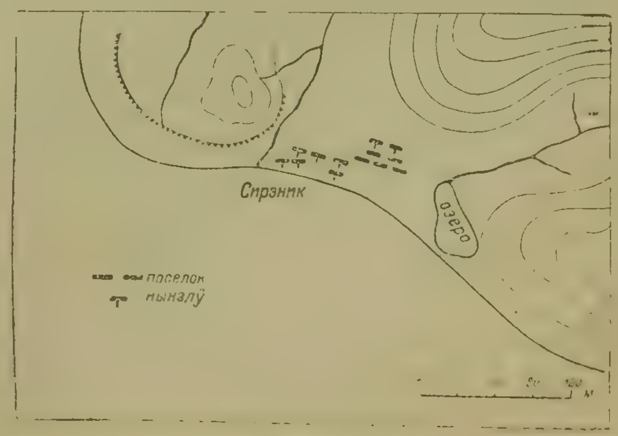

Рис. 9.

[1] Collins, 1929: 5; рис. 1.

к северу от поселка не разведаны, но по ряду соображений они кажутся наиболее поздними из древних поселений в Сирэник. Центральные, в том числе две лучше других сохранившиеся полуземлянки, судя по результатам произведенной разведки, должны быть отнесены к пунукской стадии развития эскимосской культуры. Западная группа, в которой хорошо различимы остатки четырех полуземлянок, по всем данным, самая древняя и относится к древнеберингоморской стадии эскимосской культуры.

Раскопки в Сирэник были произведены в несравненно большем масштабе, чем в других пунктах полуострова. Разведку там начал И. П. Лавров, дальнейшие раскопки производились мною. В восточной части обнажения культурного слоя был снят пласт земли объемом около 25 м^3, в западной емкостью всего около 4 м^3. Вскрытая восточная часть культурного слоя частично захватила и ямы для хранения мяса, связанные с двумя расположенными по соседству полуземлянками центральной части площадки, о которых шла речь выше. Эти полуземлянки представляли собою внушительные сооружения, для которых максимально были использованы кости кита. Жилища эти были больших размеров, площадью около 200 м^2 каждое, с узким, но длинным (14 м) коридорным входом со стороны моря. Сделав выемку земли для описываемых жилищ, строители по стенам как самого жилища, так и коридора установили сплошным рядом черепа кита (белухи-зубатки) так, что на оба жилища было использовано около 150 черепов.

Культурный слой в этой, восточной части поселения, помимо костей кита, моржа, лахтака и нерпы, заключал в себе кости медведя, северного оленя, песца, лисицы, зайца, собаки, различных птиц и рыб, а также большое количество китового уса, местами целыми пластами. Нижний горизонт культурного слоя подстилался скоплением створок моллюска (*Mytilus edulis* L.). Число вещей, найденных в этом секторе, также велико, свыше 1100, не считая обломков различных предметов, осколков камня и кости, черепков глиняной посуды. В нижних горизонтах попадались предметы, характерные для древнеберингоморской стадии эскимосской культуры, в средних — типичные для раннего пунука, в верхних — для развитого пунука.

В западном секторе, как сказано, хорошо сохранились остатки четырех полуземлянок, из которых одна расположена вблизи описанных выше, группа из трех остальных — западнее. Эти полуземлянки меньших размеров, не так отчетливо выступают над поверхностью земли, задернованы и густо поросли травою. В отличие от восточных, где обнажены не только черепа китов, но много и других китовых костей, преимущественно нижнечелюстных, служивших остовом жилища, на западных костей кита не видно, и они обнаруживаются только при тщательном поверхностном обследовании этих полуземлянок. Коридорные входы в полуземлянки, как полагается, обращены к морю, и на некотором расстоянии от входа в коридоры имеются небольшие боковые камеры.

Культурный слой, вскрытый в обрыве у мясных ям, связанных с западными жилищами, дал вещи, типичные только для древнеберингоморской стадии эскимосской культуры. Следует отметить, что здесь, в западном секторе, в обнажении культурного слоя типичные древнеберингоморские вещи попадались в самом верхнем горизонте, на глубине до 1—1,5 м от поверхности, в то время как в восточном секторе они находились на значительной глубине, порядка 4 м от поверхности.

Получилось такое впечатление, что в древнеберингоморское время эскимосы жили в западной, несколько повышенной части площадки, причем кухонные отбросы того времени распространились и на несколько пониженную юго-восточную часть этой площадки. В пунукское время постройки были сооружены по соседству с уже разрушившимися древними полуземлянками, и древний культурный слой был перекрыт более поздними отложениями мощностью от 2 до 4 м.

Описание вещей, найденных в Сирэник, дается независимо от местонахождения их в восточном или западном секторе, но для типологически важных вещей указывается, где они были найдены.

ОРУДИЯ ПРОМЫСЛА МОРСКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ

Наконечники гарпунов. Заготовки для наконечников гарпунов встречались и на других древних стойбищах, но в Сирэник они были найдены в большом количестве. Все они представляют собою обрезки дистального конца клыков молодых моржей и имеют один и тот же характер. С внутренней стороны клыка, на некотором (от 6 до 16 см) расстоянии от его переднего конца, конец надрубался теслом на три четверти его толщины и затем обламывался. Таким образом, из клыков молодых моржей (дистальные концы никогда не бывают изношены и стерты) получались заготовки для наконечников гарпунов различных размеров (от 7 до 15 см), в зависимости от величины наконечников, которые хотели сделать. Длина заготовки по наружной, выгнутой поверхности клыка, естественно, больше, чем по внутренней (табл. 19, рис. 1 и 2). Из наружного более длинного края широкой части заготовки впоследствии выделывается базальная шпора. В дальнейшем острой кремневой пластиной заготовке придавалась шестигранная или иная требуемая форма (табл. 19, рис. 3 и 4), затем просверливалась дыра для линя (табл. 19, рис. 5); далее, как мы видим (табл. 19, рис. 5), оформлялось гнездо; наконец, происходило окончательное оформление и наносился орнамент.

Наконечник гарпуна крупных размеров (11 см длиной) из моржового клыка древнеберингоморского типа (табл. 19, рис. 9) несколько отличается от находимых ранее. У него широкое, мелкое, корытообразное открытое гнездо, подобно гнездам наконечников гарпунов с мыса Дежнева, описанных в соответствующем разделе (табл. 7, рис. 1, 2 и 13); для пояска гнезда два узких, но длинных прореза; тройная симметричная шпора с длинным центральным и короткими боковыми шипами, причем к концу шпора эта отогнута назад (к спинке); круглых дыр для линя две—одна впереди гнезда, а другая в нижней его части, а не ниже гнезда; при этом дыры для линя на спинке наконечника не соединены глубоким желобком, что характерно для наконечников гарпунов древнеберингоморского типа (табл. 7, рис. 3 и 6). Наблюдается еще одна своеобразная особенность этого наконечника. В то время как все до сих пор известные нам наконеч-

ники гарпунов древнеберингоморского типа с тройной симметричной шпорой оснащены боковыми каменными вкладышами, в данном случае боковых вкладышей нет, но имеется широкий прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя. Наконечник этот был найден в восточном секторе культурного слоя, но не в самом нижнем его горизонте, а в среднем (на глубине 3 м от поверхности), видимо во вторичном месте залегания. Дело в том, что наконечник был покрыт орнаментом в древнеберингоморском стиле, уцелевшем только местами на его поверхности, но в свое время попал в зону морского прибоя, который закруглил все острые выступы наконечника и почти целиком стер орнамент. Позднее он был на берегу подобран, а затем уже попал в тот горизонт культурного слоя, где был найден.

Наконечник гарпуна из моржового клыка, найденный в западном секторе культурного слоя, на глубине 1,5 м от поверхности, также древнеберингоморской стадии развития эскимосской культуры (табл. 19, рис. 10), но полной его аналогии мы не знаем. Открытое гнездо широкое, мелкое, корытообразное; два прореза с краевыми желобками для пояска гнезда, но на спинке прорезы эти не сближены, как это обычно наблюдается в древних берингоморских наконечниках типа 1 Коллинза, а слились вместе так, что вместо четырех отверстий в прорезе для пояска получилось три; базальная шпора тройная, симметричная, с более длинным центральным шипом; дыра для линя, в которой сохранились его остатки из волокон китового уса, биконически высверленная, но не в обычном направлении от брюшка к спинке наконечника, а в плоскости шпоры и боковых отверстий пояска гнезда; два кремневых вкладыша в боковых вырезах, в плоскости, перпендикулярной дыре для линя. Вся поверхность наконечника, за исключением гнезда и брюшковой части шпоры, покрыта орнаментом в древнеберингоморском стиле.

Описанный наконечник гарпуна, следовательно, отличается от наконечников древнего берингоморского типа 1 Коллинза наличием всего одной дыры для линя, вместо двух, и своеобразным устройством пояска гнезда. По целому ряду соображений можно думать, что этот наконечник древнее наконечников типа 1 Коллинза.

В том же западном секторе и в том же горизонте, что и описанный выше наконечник, найден обломок другого подобного же наконечника гарпуна. Типологические особенности наконечника вследствие небольших размеров обломка сообщить нельзя, но из-за прекрасно сохранившейся орнаментации приводится его изображение на табл. 19, рис. 12.

В нижнем слое восточного сектора, на глубине около 4 м, найден костяной наконечник гарпуна бирниркского типа (табл. 19, рис. 11). Диагностические его признаки следующие: открытое гнездо с прямыми стенками; один прорез и противолежащий желобок для пояска гнезда; двойная, слабо расчлененная асимметричная шпора; круглая дыра для линя непосредственно над гнездом; в прорезах два небольших размеров боковых вкладыша из раковины; выступающие части этих вкладышей разрушились, но в выемках-гнездах плотно сидят остатки вкладышей. Орнаментирован двумя линиями, образующими угол, вершина которого между вкладышами, а расходящиеся концы доходят до пояска гнезда. Следует отметить одну техническую деталь: у верхнего края (вершины) гнезда сделан узкий поперечный прорез, в который, как бы для упора, вставлена узенькая пластинка из моржового клыка.

К бирниркскому же типу относится и наконечник гарпуна, изображение которого дано на табл. 19, рис. 13. Этот наконечник, найденный вместе с описанным выше, костяной; его гнездо открытое, с прямыми стенками; два прореза для пояска гнезда, в которых прекрасно сохранился сам поясок, скрученный из волокон китового уса; базальная шпора двойная, асимметричная; дыра для линя круглая; на переднем конце наконечника острая бородка, альтернативная шпоре. Тип этот хорошо известен среди древних наконечников с мыса Барроу; подобные же наконечники были найдены Свердрупом[1] при раскопках на острове Четырехстолбовом из группы Медвежьих, против устья реки Колымы; от изображенного на табл. 19, рис. 13, они отличаются только наличием противоположной бородке выемки для бокового каменного вкладыша.

В восточном секторе культурного слоя, на глубине около 2 м от поверхности, было найдено несколько костяных наконечников гарпуна хорошо известного типа туле 2 Матиассена или IV Коллинза. Изображение двух из них дано на табл. 19, рис. 7 и 8. Открытое гнездо этих наконечников конической формы, со срезанной вершиной; для пояска гнезда один прорез с противолежащим желобком или только круговой желобок; дыра для линя круглая, продолговатая или треугольная; одна асимметричная шпора; две острые симметричные бородки; не орнаментированы.

Интересен незаконченный наконечник гарпуна подобного же типа (табл. 19, рис. 6), откуда видно, что базальная шпора и боковые бородки оформлялись прежде, чем проделывалась дыра для линя или гнездо пояска.

В среднем же по глубине слое (от 2 до 3,5 м от поверхности) восточного сектора стойбища найдена серия наконечников гарпунов, типичных для раннего и развитого пунука. Особенно многочисленны наконечники типа III(a)x Коллинза, различающиеся между собою только размерами и в деталях (табл. 19, рис. 14, 15, 16, 19, 20 и 21). Типологические их особенности следующие: гнездо открытое, с прямыми стенками, слегка расширяющимися книзу; один прорез для пояска гнезда с противолежащим желобком (табл. 19, рис. 14 и 16), чаще два прореза для пояска, обычно один значительно выше другого (табл. 19, рис. 15, 19, 20 и 21); одна простая базальная шпора; круглая дыра для линя, биконически высверленная, с желобками, направленными книзу; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя; материал — чаще кость, реже моржовый клык; орнамент — четко прочерченными линиями, характерными для раннего пунука, или точками и сходящимися под острым углом линиями, — типичный для развитого пунука.

Наконечники гарпунов, изображенные на табл. 19, рис. 17 и 18, от вышеописанных отличаются главным образом устройством базальной шпоры. У этих наконечников гнездо открытое; для

[1] Mathiassen, 1927; 2: 180; рис. 12.

пояска гнезда один прорез и противолежащий желобок; шпора двойная или тройная, слабо расчлененная; дыра для линя круглая, с желобками, направленными книзу; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя; орнаментированы простыми линиями. Из десяти наконечников этого типа четыре из моржового клыка и шесть костяных.

Наконечников гарпунов с закрытым гнездом найдено только три, все из моржового клыка; два из них изображены на табл. 19, рис. 22 и 23. Первый (табл. 19, рис. 23) с острой базальной шпорой, круглой дырой для линя, прорезом для концевого копьеца в плоскости дыры для линя. Форма овальная в поперечном сечении, с перехватом чуть выше дыры для линя; орнамент, типичный для развитого пунука, точками и врезными линиями. Второй наконечник (табл. 19, рис. 22) несколько иной конфигурации, с прорезом для концевого копьеца в плоскости, перпендикулярной дыре для линя, не орнаментирован.

Совсем миниатюрный (длиною менее 6 см) костяной наконечник гарпуна, найденный на глубине около 2,5 м от поверхности, типологически крайне прост: при открытом гнезде с прямыми стенками (табл. 22, рис. 25) имеется один короткий продольный прорез с противолежащим желобком для пояска гнезда; простая боковая шпора; дыра для линя не круглая, а в виде поперечного прореза, непосредственно над гнездом; передний конец заострен; форма наконечника уплощенная. Наконечник этот ближе всего к типу туле 1 Матиассена или V Коллинза. По своим размерам он слишком мал, чтобы употребляться для промысла морских млекопитающих; гарпуном с таким наконечником, по всей вероятности, добывали рыб.

Наконечников **китовых гарпунов** в Сирэник найдено всего два, точнее один, так как второй не закончен обработкой. Не характерен и первый наконечник, так как при наличии закрытого гнезда, боковой шпоры, большой длинной дыры для линя нет на переднем конце прореза для копьеца.

Концевые **копьеца** наконечников гарпунов из глинистого сланца в Сирэник найдены в значительном числе. Все они имеют треугольную, с прямым основанием форму (табл. 20, рис. 1—5, 10—12), в редких случаях они обтесанные, с подправкой отжимкой ретушью (табл. 20, рис. 4). В большинстве же случаев очень тонкие (до 1 мм), тщательно отшлифованные (табл. 20, рис. 2 и 11). Толстые встречаются реже (табл. 20, рис. 1 и 3), таких всего пять; их лезвия двусторонне заточены, у переднего конца намечается продольный, но короткий хребтик.

Колков для насада наконечников гарпунов в Сирэник найдено немного. Там имелись обычные для эскимосской культуры веретенообразные колки с круглой дырой для петли (табл. 20, рис. 14), уплощенной на переднем конце формы. Колок, изображенный на табл. 20, рис. 15, из моржового клыка, круглый в поперечном сечении, с двумя небольшими дырами-прорезами для привязывания — одной у основания, другой посредине; передний конец, вставляющийся в гнездо наконечника гарпуна, срезан и затесан с двух сторон.

В среднем и нижнем горизонтах восточного сектора и в западном секторе найдены **ледовые** гарпунные **пешни** из моржового клыка типа, характерного для древних беринговоморских стоянок острова св. Лаврентия. Пешни, найденные в восточном секторе (табл. 20, рис. 7 и 9), обе из клыков молодого моржа, с заостренным передним концом и конически затесанным верхним, вставляющимся в древко гарпуна, покрытым по всей поверхности, почти до половины, поперечными насечками. Ледовая пешня, найденная в западном секторе (табл. 20, рис. 6), отличается от предыдущих тем, что она несколько больших размеров и способ прикрепления к древку у нее иной. В то время как первые пешни своим конически заостренным череном вставлялись в конец древка гарпуна, эта пешня прикладывалась к древку плоской стороной, срезанной в своей верхней половине, а затем уже специальной обмоткой привязывалась к древку.

Для прочности крепления верхняя половина и этой пешни покрывалась поперечными насечками. Подобным же образом к древку прикреплялась и костяная ледовая пешня, найденная в верхнем горизонте восточного сектора (табл. 20, рис. 8); в последней добавочно просверлены две дыры: одна вверху, в срезанной части для костяной заклепки, другая внизу для привязывания к древку.

Необычную форму имеет наконечник из моржового клыка из восточного сектора, изображенный на табл. 20, рис. 13. Он мог служить и ледовой пешней и остроконечником для определения толщины и прочности льда.

Деревянные **пробки** для надувания гарпунных **поплавков** из тюленьей шкуры в Сирэник найдены обычной формы, в двух вариантах: высокие (табл. 20, рис. 21) и плоские (табл. 20, рис. 20). Для завязывания в горлышке поплавка пробки эти имеют глубокий круговой желобок; для надувания высверлены круглые сквозные дыры, затыкающиеся деревянными или костяными колышками.

Ручки для привязывания линя к поплавку (табл. 20, рис. 22) деревянные, обычного типа, в виде коротких стержней с утолщениями на концах.

В числе предметов, непосредственно не связанных с гарпунным комплексом, но относящихся к промыслу морских млекопитающих, найдены тюленьи скребки и затычки для ран.

Деревянные **тюленьи скребки** найдены в нескольких экземплярах. Все они представляют собой слегка изогнутые деревянные лопаточки с четырьмя пальцами (табл. 20, рис. 16), на которые надеваются тюленьи когти. Посредине проделано ушко для веревочек от когтей. Скребки эти и их применение при охоте на тюленя подробно описаны Нельсоном[1] и Мердоком[2]. Совершенно такие же пятипалые скребки были найдены Гейстом при раскопках на острове св. Лаврентия[3].

Деревянные **затычки** для **ран**, довольно существенно варьирующие по размерам и форме, также были найдены в значительном числе. Наиболее типичные из них изображены на табл. 20, рис. 17, 18 и 19. Затычки эти находились и в восточном и в западном секторе культурного слоя.

Наконечники копий из Сирэник имеются в значительном количестве. Изготовлены они из окремнелого туфа или сланца. Один из таких наконечни-

[1] Nelson, 1899; табл. 52, рис. 10 и 11.
[2] Murdoch, 1892: 253—254; рис. 253.
[3] Geist and Rainey, 1936; табл. 43, рис. 7.

ков, не вполне законченный обработкой, изображен на табл. 20, рис. 23.

Найдено около десятка шлифованных наконечников копий из глинистого сланца. Их размеры слишком велики для того, чтобы быть копьецом гарпуна, даже китового, а устройство их вогнутой базы не таково, чтобы ими можно было пользоваться как ножами. Интересно, что все они имеют конически или биконически высверленные дыры для привязывания к переднему концу древка. Один из таких наконечников, цельный, с одной дырой для привязывания к древку и вогнутым основанием, изображен на табл. 20, рис. 24. Другой, также цельный, найден с необычным черенковым основанием и двумя дырами для привязывания. От восьми подобных наконечников сохранились только половинки, больше нижние (табл. 20, рис. 25 и 26), причем излом всегда на линии высверленных дыр для привязывания.

ОРУДИЯ ОХОТЫ НА ПТИЦ И НАЗЕМНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ

Наконечников птичьих дротиков в восточном секторе Сирэник было найдено немного, но некоторые из них достаточно типичны. Центральный зубец дротика из моржового клыка, изображенный на табл. 22, рис. 16, плоский, с череном, вставляющимся в древко, и продольным прорезом-дырой для привязывания; передний конец очень острый; асимметрично расположенных острых бородок пять: две по одному краю и три по другому. Другой подобный же наконечник (табл. 22, рис. 15), также из моржового клыка, отличается только большей своей длиной и наличием четырех асимметрично расположенных бородок. Третий наконечник из моржового клыка (табл. 22, рис. 18) проще двух предыдущих и имеет только две симметричные бородки.

Боковым зубцом птичьего дротика служил, по всей вероятности, наконечник с двумя односторонними бородками, изображенный на табл. 22, рис. 17.

Метательная дощечка для дротиков и, возможно, легких гарпунов сохранилась не полностью (табл. 20, рис. 27). Судя по сохранившейся части, именно той, которая захватывалась рукою (на рисунке видна ямка для большого пальца), дощечка эта была типа, характерного для западных аляскинских эскимосов, и по форме подобна той, которая была найдена Гейстом на острове св. Лаврентия [1].

Лук и стрелы. Хорошо сохранившихся цельных луков из Сирэник нет, но найдено четыре маленьких деревянных лука, из которых два — детские игрушки, а два — миниатюрные модели настоящих луков. По их изображениям (табл. 21, рис. 1, 2 и 3; рис. 2 из китового уса) можно составить представление о форме настоящих луков. Однако, помимо таких простых луков, сирэникцы, повидимому, имели и сложные, упрочненные луки. К такому заключению нас приводит находка ряда костяных пластин и отдельных деревянных частей, которые можно рассматривать как части сложного лука. В качестве примера дается изображение тщательно отделанной, слегка выгнутой деревянной пластины

[1] Geist and Rainey, 1936; табл. 48, рис. 1.

(табл. 21, рис. 10), одной из концевых частей сложного лука. Подобный же предмет был найден и Гейстом [1] при раскопках на острове св. Лаврентия; разница заключается только в том, что в нашем экземпляре один конец с плечиками для упора тетивы, а другой конец клиновидный, вставляющийся в следующее расщепленное звено, а у Гейста один конец с плечиками для тетивы, а другой расщепленный, вильчатый, соединяющийся с другим клиновидным звеном.

Инструмент, необходимый при изготовлении упрочненного лука, **закрутка** для сухожильных или китовых волокон веревочек, обычно употребляется парами, — в Сирэник представлен одним экземпляром (табл. 21, рис. 9), и притом деревянным, из материала, необычного для таких инструментов.

Очень интересна серия **наручников**, защитных пластинок, повязывающихся на левую руку выше запястья при стрельбе из лука. В Сирэник найдено пять таких наручников: два из них (табл. 21, рис. 4 и 5) из нижних горизонтов восточного сектора культурного слоя, два из среднего (табл. 21, рис. 7 и 8) и один из верхнего горизонта (табл. 21, рис. 6).

Наручник, изображенный на табл. 21, рис. 5, сделанный из моржового клыка, больших размеров (3,5 × 11 см, если учесть его обломанную часть), обычной для таких предметов слегка выгнутой формы, с закругленными углами; в средней суживающейся части два прореза для повязывания на руку. Интересен орнамент наружной поверхности этого наручника. Он представляет собою парные кривые линии и концентрические кружки с радиально отходящими от них шипами. И крестик в центре, и концентрические кружки, и криволинейные фигуры, образованные парами параллельно идущих линий,— все это мотивы древнеберингоморского стиля. Техника здесь между тем иная. Вместо тонких процарапанных линий древнеберингоморского стиля гравировки на кости, здесь линии четкие, достаточно глубоко врезанные, как это было принято в гравировке пунукского времени. Поэтому данный предмет я склонен рассматривать как относящийся к раннему пунуку, времени, переходному от древнеберингоморского этапа к пунукскому.

Другой наручник из нижних слоев (табл. 21, рис. 4) костяной, таких же размеров, как и предыдущий, но без орнамента. Этот наручник необычной формы и с конструктивными деталями, не известными мне в подобных предметах, имеющих в Сибири весьма широкий ареал распространения. Костяная пластина, из которой сделан данный наручник, имеет, как полагается, корытообразную форму, но оба его конца слегка приподняты кверху; посредине необычных два глубоких прореза; по краям продолговатые узенькие дырочки для повязывания на руку: два у одного края и один у другого. Не орнаментирован.

Наручники из средних горизонтов небольших размеров, один из моржового клыка (табл. 21, рис. 8), другой костяной (табл. 21, рис. 7); оба орнаментированы в пунукском стиле и, вероятно, относятся к этому времени. Для повязывания на руку у обоих этих наручников по краям проделано по одному узкому прорезу.

Наручник из верхнего горизонта (табл. 21, рис. 6) из моржового клыка, имеет три узких про-

[1] Geist and Rainey, 1936; табл. 65, рис. 10.

реза для привязывания: два у одного края и один у другого; без орнамента.

Стрел, сохранившихся целиком, найдено не было, но, судя по многочисленным дрезкам и наконечникам, длина стрел колебалась от 60 до 70 см. Некоторые стрелы были целиком деревянные; это главным образом стрелы с тупым утолщенным передним концом, в большинстве же они были с костяными наконечниками. Древки стрел в среднем около 50 см; они или круглые в поперечном разрезе, диаметром около 1 см, или слегка уплощенные (6—9 × 11 мм); задний конец древка (табл. 21, рис. 14) там, где выемка для тетивы, всегда несколько шире (13—13,5 мм). В одном случае задний конец древка был костяной (табл. 21, рис. 12). Уплощенные передние концы стрел, целиком из дерева, имеются в нескольких вариантах, показанных на табл. 21, рис. 11, 13 и 15. Диаметр утолщенного переднего конца таких стрел от 13 до 20 мм.

Костяные наконечники стрел многочисленны и разнообразны. В нижних слоях восточного сектора было найдено только два костяных наконечника (табл. 21, рис. 23 и 25), остальные почти все в среднем по глубине слоев (от 1,5 до 4 м от поверхности). Стрела (табл. 21, рис. 25) по типу и орнаментации очень похожа на найденную в Киваке (табл. 17, рис. 1). Это длинный, овальный в поперечном разрезе наконечник, с прорезом на переднем конце для копьеца, но с череном вильчатым, а не коническим, как в подобной же стреле из Кивака; две совершенно такие же симметричные острые и доходящие до самого черена бородки; орнаментация из ряда глубоко врезанных линий. Второй наконечник стрелы из нижнего горизонта (табл. 21, рис. 23) отличается от предыдущего отсутствием бородок и орнаментом, своей круглой в поперечном разрезе формой, утолщением посредине и наличием конического черена.

Каменные копьеца из окремнелого туфа, вставляющиеся в разрез переднего конца костяных наконечников таких стрел, изображены на табл. 21, рис. 23 и 25.

Наконечники стрел из основной толщи культурного слоя могут быть сведены к следующим типам. Плоские и длинные костяные наконечники, ромбические в поперечном сечении, с вильчатым череном (табл. 21, рис. 17) или коническим (табл. 21, рис. 19). Плоские же костяные наконечники овальной, до круглой в поперечном разрезе, формы в нижней половине и треугольной или ромбической в верхней, с отчлененным коническим череном и одной (табл. 21, рис. 21), реже двумя бородками (табл. 21, рис. 16).

Сравнительно короткие и плоские наконечники с двумя симметричными бородками и плоским заостренным череном имеются в нескольких вариантах (табл. 21, рис. 20, 22 и 26). Наконец, черенковый наконечник с лавролистным передним концом изображен на табл. 21, рис. 24.

Тупые наконечники стрел могут быть подразделены на две группы: костяные черенковые наконечники и наконечники из моржового клыка или зуба с гнездом для насада на древко.

По первой группе приводится изображение заготовки для короткого, тупого наконечника стрелы, которая дает представление о технике изготовления такого наконечника (табл. 22, рис. 1). Из наконечников этой группы можно продемонстрировать три типа: 1) простой круглый в поперечном сечении наконечник с вильчатым череном (табл. 22, рис. 2); 2) наконечник вытянутой грушевидной формы с коническим череном (табл. 22, рис. 3) и, наконец, 3) круглый в поперечном сечении наконечник с вильчатым основанием и с утолщающимся трехдольным передним концом (табл. 22, рис. 4). Наконечник стрелы подобного же трехдольчатого типа мы знаем из древнего стойбища в Уэлене; такой же, но с клиновидным череном, известен из коллекции Расмуссена с мыса Барроу [1], вероятно из бирниркского комплекса; этот же тип еще в XIX веке бытовал у западных аляскинских эскимосов [2], подобно уэленскому с гнездом для насада на древко. Простые из моржового клыка тупые наконечники стрел с гнездом для насада на древко обычной яйцевидной или желудевидной формы представлены на табл. 22, рис. 5, 6 и 7.

В верхнем горизонте найдены длинные костяные наконечники стрел с одной (табл. 22, рис. 9) и двумя (табл. 22, рис. 8) острыми односторонними бородками, с черенами не заостренными, а, напротив, утолщенными на самом конце.

Подобно миниатюрным лукам, из Сирэник имеется целая серия деревянных и два экземпляра миниатюрных костяных стрел. Это небольшие, около 8 см длиной, стрелки, диаметром около 5 мм, с простыми острыми, тупыми или бородчатыми передними концами (табл. 22, рис. 10, 11 и 12).

Вместе с луками они имели ритуальное назначение и изготовлялись для праздничных церемоний.

Грузики от птичьих **бола** найдены в большом числе и по типам ничем не отличаются от подобных, найденных на других древних эскимосских стойбищах. Все они (табл. 22, рис. 19, 20 и 21) из моржовых зубов или из обрезков моржового клыка с высверленной дыркой для подвешивания.

В Сирэник, как и в Киваке, найдены маленькие деревянные цилиндрики (табл. 22, рис. 22) со срединным круговым желобком, часть которых окрашена в красный цвет. Петля из китового уса (табл. 22, рис. 30) с таким цилиндриком составляла один снаряд для ловли уток.

ОРУДИЯ РЫБОЛОВСТВА

Наконечники лососевых гарпунов. Из средних по глубине горизонтов восточного сектора происходят наконечники гарпунов, изображенные на табл. 22, рис. 23 и 24. Оба они миниатюрные, из моржового клыка. Первый из них по величине и форме очень похож на описанный нами с мыса Чаплина (табл. 13, рис. 5), но только не закончен отделкой; в нем нет гнезда, но дыра для линя непропорционально больших размеров. Другой наконечник с закрытым гнездом, одной боковой тупой шпорой; дыра для линя круглая, биконически высверленная; передний конец листовидной формы, с перехватом в верхней трети. Нижняя половина этого уплощенного наконечника имеет овальную в поперечном разрезе форму, а передняя листовидная ромбическая, вследствие наличия хребтиков, которые идут по обеим поверхностям от переднего конца по направлению к дыре для линя. Подобные миниа-

[1] Mathiassen, 1930a; табл. 7, рис. 13.

[2] Волков и Руденко, 1910; рис. 12m. Nelson, 1899; табл. 59b, рис. 16.

тюрные наконечники из моржового клыка были находимы на острове св. Лаврентия Коллинзом [1] и Гейстом [2] в древнеберинговорских слоях и трактовались ими как детские игрушки. С таким толкованием этих наконечников согласиться нельзя хотя бы потому, что они обычно носят на себе следы длительного употребления с изношенными, а иногда и с поломанными передними концами. Гарпуны с такими наконечниками употреблялись для рыбной ловли.

Наконечники острог. В средних горизонтах восточного сектора было найдено несколько прекрасно сохранившихся костяных наконечников, которые слишком велики, чтобы могли быть зубцами птичьих и вообще метательных дротиков. Правильнее их рассматривать как наконечники рыбных острог, тем более, что подобные наконечники и зубцы острог известны в этнографических коллекциях [3].

Прежде всего следует отметить два великолепных костяных плоских наконечника (табл. 22, рис. 31 и 32) с двумя парами острых асимметричных бородок, с заостренным череном, вставляющимся в древко, и с небольшой дырой у черена для прикрепления к древку. У наконечника (табл. 22, рис. 31) сохранилась даже часть повязки из китового уса.

Очень больших размеров (длиной 38 см) плоский костяной боковой зубец остроги с двумя бородками на слегка вогнутом его внутреннем крае (табл. 22, рис. 40) и с продолговатой дырой у начала черена для прикрепления к древку.

Зубцом остроги являлся, повидимому, наконечник из моржового клыка (табл. 22, рис. 39) с двумя бородками, широким и плоским с внутренней стороны череном.

Центральными зубцами рыбных острог я считаю и наконечники, изображенные на табл. 22, рис. 33 и 34, так как размер их слишком велик, а бородки тупы, чтобы их можно было считать наконечниками птичьих дротиков. Один из этих наконечников костяной, плоский, с выпуклой одной стороной и вогнутой другой (табл. 22, рис. 33), имеет три пары асимметрично расположенных бородок и дыру близ черена для прикрепления к древку. Другой наконечник из моржового клыка, ромбической в поперечном разрезе формы (табл. 22, рис. 34), с двумя парами асимметричных бородок и с заостренным череном, вставляющимся в древко.

Возможно, что наконечниками острог являлись обломок наконечника из моржового клыка, изображенный на табл. 22, рис. 35, с рядом односторонних бородок и миниатюрный длинный костяной наконечник с рядом односторонних бородок (табл. 22, рис. 13).

Бородки или **крюки** сложных острог в Сирэник были найдены как в нижних горизонтах восточного сектора, так и в западном секторе (табл. 22, рис. 36, 37 и 38). Все они небольших размеров, костяные, по типу идентичны найденным на древнем стойбище в Уэлене и на оквикской стоянке Пунукских островов. Подобные, но несколько иной формы бородки сложных лососевых острог были найдены Матиассеном [1] при раскопках в области центральных американских эскимосов.

Рыболовные крючки, которые были найдены главным образом в средних горизонтах культурного слоя, двух типов. Первый из них представляет собою костяной стержень, подобный рыбной остроге с рядом односторонних бородок, к которому под острым углом волокнами китового уса привязано костяное жальце (табл. 22, рис. 14). Такого типа рыболовный крючок древнеберинговорского времени описан Коллинзом [2] с острова св. Лаврентия и из раскопок на севере Баффиновой Земли Матиассеном [3]. Второй тип — сложные рыболовные крючки с деревянным (табл. 22, рис. 26), костяным или из моржового клыка (табл. 22, рис. 27) стержнем с тремя жальцами. Стержни таких крючков на верхнем конце имеют ушко для лесы, а на нижнем утолщенном три радиально расположенных продольных прореза для жальцев с круговым желобком внизу для привязывания жалец к стержню. Жальца делались из дерева, кости из моржового клыка (табл. 22, рис. 28 и 29).

Рыболовные крючки этого типа на острове св. Лаврентия были найдены на стоянках сравнительно позднего пунукского времени [4], у западных аляскинских эскимосов они бытовали до конца прошлого столетия [5], а Рейни [6] описал их в комплексе вещей с оквикской стоянки Пунукских островов.

Грузила для удочек все однотипные из моржового клыка, удлиненной формы, с ушками на обоих концах для лесы; иногда, помимо концевых ушек, имеются еще боковые посредине грузила; различаются они между собою только по форме и размерам (табл. 23, рис. 15, 16, 17 и 18).

Помимо удочек, сирэникцы в зимнем подледном лове наваги пользовались такими же **сачками,** сплетенными из китового уса, какие были описаны с о. Аракамчечена. Обруч таких сачков был деревянный или из полос китового уса; тяжелым грузилом служил продолговатый булыжник с круговым желобком посредине, привязанный в вершине такого конусовидного сачка (табл. 23, рис. 1, 2; табл. 12, рис. 26; табл. 28, рис. 1).

Для ловли рыбы, кроме сачков, применялись сети и иного типа, но вследствие незначительных по величине обрывков сетей, сплетенных из китового уса, их характера и формы мы не знаем. От рыболовных сетей сохранилось много грузил из моржового клыка разнообразной формы, образцы которых даны на табл. 23, рис. 20, 21 и 22.

Отрезок оленьего рога, изображенный на табл. 28, рис. 2, возможно, служил мотовилом для наматывания рыболовной лески. По крайней мере у западных эскимосов [7] подобные предметы имели указанное выше назначение.

Очень интересен довольно сложного устройства сачок, который употреблялся, вероятно, для вычерпывания льда из проруби. Основа его из пластин

---

[1] Collins, 1937; табл. 59, рис. 18—21.
[2] Geist and Rainey, 1936; табл. 74, рис. 8.
[3] Murdoch, 1892: 268. Birket-Smith, 1924: 359; рис. 259.

[1] Mathiassen, 1927; табл. 12, рис. 10 и 11; табл. 43, рис. 1, 3 и 5.
[2] Collins, 1937; табл. 56, рис. 3.
[3] Mathiassen, 1927; 1, табл. 43, рис. 11.
[4] Collins, 1937; табл. 75, рис. 45. Geist and Rainey, 1936; табл. 54, рис. 9.
[5] Nelson, 1899; табл. 58, рис. 20.
[6] Rainey, 1941d; табл. 15(6).
[7] Nelson, 1899: 193—194; табл. 77, рис. 22 и 23.

распиленного рога оленя, с переплетом из полос древесного корня (табл. 28, рис. 3).

РАЗЛИЧНЫЕ ОРУДИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ

Молоток из отрезка ствола оленьего рога с ручкой — боковой ветвью того же рога, на конце которой проделано отверстие для подвешивания (табл. 28, рис. 4). Первоначально мы считали его колотушкой для глушения рыбы, но изображение совершенно такого же предмета мы нашли в одной из работ Биркет-Смита[1] по этнографии гренландских эскимосов, где он описан как колотушка для сала.

Мерзлый жир, который используется для горения, прежде чем положить в лампу, предварительно колотится такой колотушкой на плоском камне или дереве. Такое же назначение, вероятно, имела и колотушка из os penis моржа (табл. 28, рис. 5).

Плоские **мотыги** из китовых ребер для снятия дерна из Сирэник совершенно такие же, как и те, что описаны с острова Аракамчечена и с мыса Чаплина. Они очень больших размеров (40—50 см длиной) и широкие (до 10 см). Как видно на табл. 28, рис. 6 и 7, нижние рабочие их концы лопатоподобные, на верхних концах для прикрепления к рукоятке проделаны широкие и глубокие жолобы.

Кирки-мотыги для выкапывания съедобных кореньев из кости и из моржового клыка многочисленны и разнообразны. Часть из них подобна изображенным на табл. 2, рис. 28—30, и на табл. 15, рис. 6. Кирка-мотыга из моржового клыка со сработанным нижним концом и хорошо сохранившейся верхней частью изображена на табл. 28, рис. 8, где четко выделяются четыре зарубки для прикрепления к ручке. Имеются также и совсем короткие из моржового клыка, образцы которых даны на табл. 28, рис. 9, из западного сектора и на табл. 28, рис. 10, из восточного.

По способу прикрепления к рукоятке интересна кирка-мотыга, изображенная на табл. 28, рис. 11.

Типологически близки к коротким мотыгам **тесла** из моржового клыка, непосредственно привязывавшиеся к ручке-топорищу, которые встречаются в двух вариантах: с плечиками (табл. 28, рис. 13) и простые без плечиков.

Клинья из моржового клыка — обычной формы, встречающейся на всех древних эскимосских стойбищах. В качестве образца дается изображение одного клина (табл. 28, рис. 12) из западного сектора; один клин из восточного сектора был использован также как накладка-упор на стержень дриля.

Тесел каменных имеется целая серия; из них только два из западного сектора, в том числе изображенный на табл. 24, рис. 4, остальные из восточного. Тесло табл. 24, рис. 4, небольших размеров, из окремнелого туфа, почти без шлифовки, с круто заточенным лезвием. Тесла из восточного сектора представлены четырьмя образцами различных размеров: большое (табл. 24, рис. 1), средних размеров (табл. 24, рис. 2 и 3), и один совсем маленький из окремнелого туфа.

Как образцы костяных **обойм** для каменного тесла даются изображения одной для большого тесла (табл. 24, рис. 5) и другой для маленького тесла (табл. 24, рис. 35).

Для культурного слоя западного сектора и нижних горизонтов восточного характерно обилие разнообразных оббитых, но не шлифованных каменных орудий. В большом количестве найдены обсидиановые осколки и отщепы, частью слегка подретушированные, частью без ретуши, но со слегка притупленным от употребления острым краем (табл. 24, рис. 24 и 27); отщепы из кремня и кремнистого сланца с острорежущими краями, также со следами их использования (табл. 24, рис. 9 и 28), причем последний с ретушью по краю; ножевидные пластины из тех же материалов (табл. 24, рис. 8, 15 и 16), иногда с тонко отретушированным лезвием (табл. 24, рис. 8 и 14).

Очень разнообразны **скребки** и **скребла**, употреблявшиеся при выделке шкур. На табл. 24, рис. 6, дано изображение скребла из окремнелого туфа грубой обработки крупными сколами; другое подобное же скребло (табл. 24, рис. 10) двойное, с двумя рабочими краями. Имеются скребки меньших размеров и более тщательной отделки, самых разнообразных типов. Перечислим наиболее характерные из них: концевые скребки высокой формы (табл. 24, рис. 7 и 11) кремневые и из окремнелого туфа; двойные концевые скребки (табл. 24, рис. 13); вогнутые скребки — кремневые (табл. 24, рис. 23 и 25) и обсидиановый (табл. 24, рис. 30); боковой скребок (табл. 24, рис. 26); выпуклый скребок высокой формы (табл. 24, рис. 12 и 29).

Очень интересна серия каменных орудий из западного сектора, мало дифференцированных, которые могли употребляться как **провертки**, но могли быть использованы как скребла или ножи (табл. 24, рис. 17, 18, 19 и 20), все из окремнелого туфа. Прекрасный образец каменной **перки** для сверления дыр дан на табл. 24, рис. 21; обломок подобной же перки изображен на табл. 24, рис. 22.

Помимо каменных, употреблялись и костяные перки для просверливания дыр. Одна перка была найдена укрепленной в деревянном стержне (табл. 23, рис. 10). Костяная перка (длиной 7 см, диаметром около 0,6 см), вставленная в выемку на конце длинного деревянного стержня (27 см длиной и 2 см диаметром), обвязана обмоткой из волокон китового уса. Другой такой же стержень был найден без перки (табл. 23, рис. 9).

Костяных и из моржового клыка перок дриля имеется несколько; у одних из них рабочий конец цилиндрической формы (табл. 23, рис. 3), у других уплощенной, клиновидной формы (табл. 23, рис. 4 и 5).

Лучки для дрилей деревянные, довольно больших размеров (табл. 23, рис. 25), и меньших костяные (табл. 23, рис. 26). Такие же лучки употреблялись и для добывания огня сверлением.

Деревянные **стержни для добывания огня** были и большие (до 20 см длиной) и совсем маленькие (7—8 см). Наиболее многочисленны палочки средних размеров, изображения которых даны на табл. 23, рис. 23 и 24.

В качестве **накладок-упоров** на стержни при сверлении использовались и случайные предметы, например клинья, но чаще таранная кость оленя с естественным углублением, круглой ямкой.

Самые многочисленные из каменных инструментов в Сирэник — ножи. Оттуда мы имеем

[1] Birket-Smith, 1924; рис. 288.

прежде всего ножевидные боковые каменные вкладыши. Образцы таких ножей из кремня и окремнелого туфа даны на табл. 24, рис. 36, 38, 39 и 40. Имеются и концевые клинки ножей (табл. 24, рис. 37). Ручки для боковых каменных ножей были или деревянные или костяные. На табл. 25, рис. 16, показана ручка из отростка оленьего рога с одним глубоким и другим мелким вырезом для боковых клинков ножей и двумя узкими дырами-прорезами для подвешивания.

Следующая многочисленная серия мужских ножей из кремнисто-глинистого и глинистого сланца. Эти ножи, как и сланцевые женские, находились преимущественно в средних и верхних горизонтах восточного сектора. Один из таких ножей с широким череном, вставленным в прорез переднего конца деревянной ручки, был найден вместе с последней (табл. 25, рис. 1). Остальные ножи и ручки к ним найдены порознь. Наиболее типичные формы мужских сланцевых ножей представлены на табл. 25, рис. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12 и 14. Типичные рукоятки таких ножей изображены на табл. 25, рис. 26, 27, 28 и 35. В большие деревянные рукоятки (табл. 25, рис. 26 и 27) вкладывались клинки больших ножей или клинки с широким череном (табл. 25, рис. 14), клинки же с узким череном (табл. 25, рис. 5 и 12) вставлялись или в малые деревянные (табл. 25, рис. 28) или в костяные рукоятки уже известных нам типов без специального прореза для выковыривания черена в случае поломки клинка ножа (табл. 25, рис. 17, 19 и 20) или с таким прорезом (табл. 25, рис. 18).

В маленькие, с узким вырезом для клинка ножа, рукоятки, состоящие из двух половинок, выделанных из моржового клыка (табл. 25, рис. 21), каких в Сирэник найдено всего две, вкладывались или металлические или совсем маленькие каменные клинки, подобные изображенному на табл. 25, рис. 12.

Асимметричный однолезвийный сланцевый мужской нож был найден только один (табл. 25, рис. 13).

Очень большое количество, почти исключительно в восточном секторе, было найдено женских сланцевых ножей и костяных или деревянных ручек к ним. На табл. 25, рис. 15, дано изображение одного такого ножа, найденного вместе с ручкой. Насколько разнообразны по форме и величине женские ножи и ручки к ним, можно видеть по их изображениям: ножи — табл. 25, рис. 23, 25, 30, 31, 32 и 33; ручка костяная — табл. 25, рис. 22; ручки деревянные — табл. 25, рис. 24 и 34; табл. 26, рис. 1, 2, 3, 4 и 5.

В случае повреждения, при наличии трещин, деревянные ручки женских ножей не выбрасывались, а чинились; прорезался круговой желобок, и делалась тугая обвязка из волокон китового уса.

Костяных ножей найдено мало. Это или большой двулезвийный нож из моржового клыка с ушком для подвешивания, изображенный на табл. 25, рис. 29, или совсем маленькие, с тонким клинком костяные ножички с ушком или без ушка, как это видно на табл. 23, рис. 13 и 14. Последние два ножичка, вероятно, женские для кройки и других тонких работ. Такое же назначение имели, вероятно, ножи из моржового клыка, сделанные из поломанных наконечников птичьих дротиков (табл. 23, рис. 6 и 7); оба они на нижнем конце заострены, один клиновидно, другой долотовидно, а на верхнем имеются ушки для подвешивания.

Предмет, изображенный на табл. 24, рис 31, — хорошо известный тип **отжимника**, употреблявшегося при изготовлении каменных орудий. Он состоит из тщательно выделанной из оленьего рога ручки с глубоким и длинным открытым гнездом, в которое вставляется костяной стержень, отжимник. Благодаря форме гнезда, суживающегося к наружной поверхности, стержень из него не выпадает, но свободно в нем передвигается так, что при желании может быть из него выдвинут то больше, то меньше. Наружный валик на переднем конце ручки у края гнезда удерживал на месте обмотку, которой стержень закреплялся в гнезде. Такая конструкция рукоятки позволяла использовать ее для работы различными переменными отжимниками. Подобные отжимники западных, аляскинских эскимосов описаны Мердоком [1].

Шилья многочисленны и разнообразны; это или заостренные кости и их осколки (табл. 27, рис. 13, 16, 20 и 21), или заостренные пластинки (табл. 27, рис. 12), или, наконец, колки из моржового клыка с ушками на противоположном острию конце или с головкой (табл. 27, рис. 14, 15 и 22).

Костяные **иглы** найдены двух типов: сравнительно толстые и длинные (табл. 27, рис. 18) и тонкие (табл. 27, рис. 19).

Игольник простой из трубчатой кости птицы без орнамента (табл. 23, рис. 11).

Игольники, шилья, ножички эскимосками обычно привязывались к женским мешкам, в которых хранились лоскуты меха, кожи, различные мелочи и принадлежности женских рукоделий. Ручки таких мешков делались из моржового клыка, часто орнаментировались. Изображение подобной ручки, без орнамента, дано на табл. 23, рис. 8; на нижней поверхности ручки специальные выемки, чтобы удобнее было держать в руке.

Наперстков не сохранилось, так как они, вероятно, как и у современных эскимосов, делались из тюленьей кожи. Хранились такие наперстки на ремне с костяным держателем на конце. Один из таких держателей изображен на табл. 29, рис. 4. Подробного типа наперсткодержатель опубликован Матиассеном из раскопок на севере Баффиновой Земли [2].

ДОМАШНЯЯ ПОСУДА

Ложки в Сирэник двух типов: яйцевидные с короткой ручкой и с ручкой длинной. Ложки с короткими ручками костяные (табл. 26, рис. 8, 9) и деревянные (табл. 26, рис. 7), очень мелкие, глубиною всего 2—4 мм; на конце ручки обязательно или дырочка, или зарубки для подвешивания. Ложки с длинными ручками роговые (табл. 26, рис. 10) типа, уже известного нам по раскопкам жилищ в Уэлене и у мыса Чаплина; встречаются с длинными ручками и простые ложки деревянные грубой работы. В восточном секторе найден также небольшой деревянный совочек.

Очень интересны найденные в нижних горизонтах культурного слоя восточного сектора два костяных уполовника, один из которых изображен на табл. 26, рис. 16. Изготовлен он из китовой

[1] Murdoch, 1892: 288—289; рис. 281.
[2] Mathiassen, 1927: 1; табл. 63, рис. 6.

кости (челюсти белуги) с длинной и узкой ручкой, на конце которой ушко для подвешивания; в широкой части кости сделан вырез и, чтобы получить углубление этого уполовника, один край по вырезу наложен на другой; оба они плотно связаны полоской китового уса. Подобный же уполовник был найден Коллинзом[1] с предметами древнеберинговоморского комплекса при раскопках на острове св. Лаврентия.

Сосудов-ведерок из китового уса (табл. 28, рис. 15) с деревянными доньями (табл. 26, рис. 6 и 11; табл. 28, рис. 14) найдено много, причем при общей эллиптической форме доньев размеры их весьма разнообразны, от самых маленьких 2,7 × 4 см до самых больших с доньями 16 × 20 см. В некоторых случаях стенки к доньям привязывались китовым усом. Ручки для таких сосудов обычно изогнутой формы, деревянные или костяные, с дырочками на концах для привязывания, например, из ребра нерпы (табл. 26, рис. 12); иногда бывали и прямые (табл. 26, рис. 14 и 15).

Ручка из моржового клыка, изображенная на табл. 26, рис. 13, помимо дыр на концах, имеет круглое биконическое отверстие в своей средней части.

Для подвешивания сосудов использовались различного вида **крючки** из оленьего рога, образцы которых даны на табл. 28, рис. 16 и 17.

Интересно небольшое крупноячеистое ситечко из китового уса (табл. 26, рис. 17); его ободок из сложенных в несколько рядов полосок китового уса, перевязанных волокнами из китового же уса; такими же волокнами выплетена и сетка ситечка.

Особый интерес представляет **керамика** из Сирэник, большое количество черепков которой было найдено в западном секторе культурного слоя, а главным образом в средних и нижних горизонтах восточного сектора.

Огромное большинство — грубо сделанные крупные сосуды баночной формы с выпуклым дном. Как правило, сосуды толстостенные, от 1 до 1,5 см толщиной, утолщающиеся к краю венчика (табл. 26, рис. 20), где их толщина доходит до 2 см. Цвет теста интенсивно черный (жирной сажи), один и тот же по всей толщине черепка, что зависит как от самого состава теста, так и от слабого обжига. Связующий материал — песок, мелкий, с горошину величиной, гравий, растительные волокна и волос. Орнамент — ряды косых параллельных линий (табл. 26, рис. 20 и 21), нанесенных лопаточкой или иным подобным орудием (табл. 26, рис. 19), с вырезанными на нем параллельными желобками, что делает ее поверхность рубчатой, или **шашечный** (табл. 26, рис. 22, 23 и 24), нанесенный специальным штампом (табл. 26, рис. 18).

Такая шашечная орнаментация глиняных сосудов, как известно, в восточной Азии имела широкий ареал распространения; найдена она и Коллинзом[2] при раскопках на острове св. Лаврентия. Дощечка из моржового клыка с глубоко врезанными косыми линиями для нанесения орнамента на наружной поверхности глиняных сосудов, найденная в Сирэник (табл. 26, рис. 19), точно такая же, какую мы знаем из Уэлена (табл. 4, рис. 25). Та же примерно форма, только размеры меньше, те же продольные желобки на длинных ребрах.

Костяной штамп, изображенный на табл. 26, рис. 18, — один из тех, каким наносился шашечный орнамент.

Как в восточном, так и в западном секторе культурного слоя Сирэник встречаются черепки глиняных сосудов с орнаментом иного типа. Почти гладкая наружная поверхность таких сосудов сглаживалась пучком травы, от которого получались либо параллельные, либо взаимно перекрещивающиеся ряды неглубоких, но различимых полосок.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Из Сирэник имеется несколько типов **салазок** с полозьями из моржового клыка. Прежде всего заслуживают внимания очень тяжелые, массивные полозья, найденные в западном секторе и в нижних горизонтах восточного. Это очень крупные, около 40 см длиной, до 8 см высотой и около 4 см шириной, полозья из клыков старых моржей (табл. 28, рис. 19). Для укрепления поперечных перекладин таких салазок по верхней поверхности полоза засечками тесла делались небольшие поперечные желобки, а непосредственно под ними вырубались широкие продольные дыры в верхней половине полоза (табл. 28, рис. 20). В некоторых случаях вместо таких проушин биконически высверливались пары круглых дыр более сантиметра в диаметре. Точно такие же полозья известны из древних беринговоморских стойбищ на острове св. Лаврентия[1]. Но одновременно с такими тяжелыми полозьями от салазок, служивших для перевозки тяжестей, бытовали и легкие салазки с узкими полозьями из моржового же клыка. В западном секторе культурного слоя Сирэник найдена прекрасно сохранившаяся пара легких полозьев из моржового клыка особой формы (табл. 28, рис. 21). Полозья эти имеют нормальную длину 40 см; средняя и задняя их часть высотою 5—6 см, а передняя круто, сообразно естественному изгибу моржового клыка, поднимается кверху и к концу суживается. Ширина этих полозьев всего около 1 см, за исключением участков желобков для поперечных перекладин, где ширина полоза достигает 1,8 см. Под такими площадками для перекладин довольно большие продольные прорезы. На передних концах полозьев длинные продольные прорезы и зарубки для тяговых ремней. Помимо темнокоричневого, почти черного цвета этих полозьев, характерного для особо древних вещей из Сирэник, очень характерен и несомненно очень древний стиль орнамента, покрывающий лицевую их сторону, из остро врезанных, встречающихся под острым углом линий. Часть подобного же полоза (табл. 28, рис. 23), также из западного сектора, мы имеем с иным орнаментом, тоже из глубоко врезанных и тонких прямых линий и вертикальных шпор. Что такой тип салазок не случаен, подтверждается находкой обломка еще одного полоза этого же типа, отличающегося от первого из описанных образцов наличием под желобчатой площадкой для перекладин вместо продольного прореза пары дыр (табл. 28, рис. 22). Наружная сторона и здесь орнаментирована врезными линиями.

Полозья как тяжелого, так и облегченного типа совместно были найдены и на оквикской стоянке

[1] Collins, 1937: 166; табл. 47, рис. 16.
[2] Collins, 1937: 169; рис. 17.

[1] Collins, 1937; табл. 44, рис. 3; табл. 45, рис. 1 и 2.

Пунукских островов[1], причем и там легкие полозья орнаментированы в стиле, близком к стилю орнаментированных полозьев из Сирэник, описанных выше.

Эскимосы поселка Сирэник объяснили мне, что только для перевозки тяжестей, в частности мяса и умиаков, употреблялись салазки с тяжелыми полозьями; такие же салазки, легкие полозья которых только что описаны, имели специальное назначение. Легкие салазки употреблялись в морском промысле тюленя с каяка. При добыче тюленя его опускали в люк каяка, для чего клали на такие легкие салазки и при их помощи втягивали в передний конец каяка. Упершись затем задним концом древка гарпуна в тушу тюленя, салазки из-под него вытаскивали. Следующую тушу таким же способом укладывали в заднюю половину каяка. Таким образом эскимос мог добыть не менее трех тюленей, не приставая к берегу или льдине.

Полозья салазок из моржового клыка, найденные главным образом в среднем горизонте восточного сектора, типа, известного нам по раскопкам на острове Аракамчечене и у мыса Чаплина. Это невысокие (около 4,5 см), довольно узкие (1,5 см шириной), полозья с рядом круглых дыр у верхнего края; в некоторых экземплярах в дырах сохранились завязки из волокон китового уса (табл. 28, рис. 24). Полозья этого типа обычны для эскимосских поселений пунукского времени.

Имели ли древние сирэникцы собачьи нарты и пользовались ли они собаками как транспортными животными, ответить на этот вопрос с полной определенностью я затрудняюсь. Все же находки в верхних горизонтах восточного сектора ряда предметов, которые можно рассматривать как деревянные полозья собачьих нарт (табл. 28, рис. 18), или как деревянные гнутые копылья нарт, или, наконец, как застежка от собачьей упряжки (табл. 27, рис. 2, 3 и 4), позволяют думать, что в более позднее время обитатели Сирэник имели ездовых собак. К этому следует еще прибавить наличие вертлюгов. Часть таких вертлюгов из моржового клыка изображена на табл. 27, рис. 5 и 6.

Миниатюрная **лодочка** из лиственничной коры, вероятно, детская игрушка (табл. 27, рис. 11), подобная той, какая была найдена Коллинзом[2] при раскопках на острове св. Лаврентия, не дает представления о типе лодки. Иное дело две модели лодок, — одна из моржового клыка, (табл. 27, рис. 9), другая деревянная (табл. 27, рис. 10), найденные в восточном секторе; они дают ясное представление об умиаке. На этих моделях хорошо распознаются и носовая и кормовая части такого судна. Помимо указанных выше, сирэникцы делали и подлинные модели умиака, т. е. обшитые кожей по деревянному каркасу. Нами найдено несколько деревянных поперечных перекладин каркаса такого маленького умиака (табл. 27, рис. 7 и 8). Точно такие же поперечные перекладины были найдены Коллинзом[3] на острове св. Лаврентия среди вещей древнеберингоморского комплекса и описаны им как перекладины игрушечного умиака. Подобная же перекладина, но уже в натуральную величину, с острова св. Лаврентия опубликована Гейстом и Рейни[4]. Что касается назначения этих моделей лодок, то они скорее изготовлялись для праздничных церемоний, чем были детскими игрушками.

Лодочные багры или мясные крюки из Сирэник трех типов, все из моржового клыка. Тип первый (табл. 27, рис. 31) — большой крюк с круглой дырой и глубоким вырезом на переднем конце для прочного прикрепления к древку; зубец длинный и острый. Тип второй (табл. 27, рис. 30) — с тремя круглыми дырами и выемкой на переднем конце, для привязывания к древку; зубец короткий. Наконец, тип третий (табл. 27, рис. 29), небольших размеров, с одной продольной дырой для привязывания к древку.

Для закрепления ремней при вытаскивании на берег умиаков, перетаскивания тяжестей, в том числе туш моржа или кусков китового мяса, в употреблении были различного рода **закрепы** или **ручки**. Даем изображения наиболее типичных.

Из западного сектора имеется совсем простая рукоятка для петли ременного линя (табл. 27, рис. 23) в виде круглого в поперечном разрезе стержня из моржового клыка, слегка изогнутого, с круговыми насечками посредине для петли. Из средних горизонтов восточного сектора ручка из моржового клыка того же типа (табл. 27, рис. 24), но тщательно выделанная, с широким круговым желобком для петли линя посредине; орнаментирована в пунукском стиле. Из разных слоев имеются грубо сделанные коротенькие закрепы того же простого типа (табл. 27, рис. 25 и 27) или треугольной, трапециевидной, как на древнем стойбище в Уэлене, или, наконец, продолговатой формы, с дырой в центре и выемкой на одной или двух продольных сторонах для петли (табл. 27, рис. 26 и 28). Подобные же закрепки были найдены на оквикской стоянке Пунукских островов[1].

Подковки из моржового клыка, подвязывающиеся под обувь при хождении по льду, из Сирэник только одного типа (табл. 27, рис. 1), с продольным прорезом посредине, двумя, соединенными желобком дырами на одном конце и одной дырой для привязывания на другом, с восемью пирамидальными шипами.

Круг к ледовой палке в виде кольца из связки полосок китового уса диаметром 10 см, со вторым внутренним кольцом диаметром всего 4 см; оба кольца обмотаны узкой полоской китового уса и между собою переплетены так, что получается нечто подобное кольцу современных лыжных палок (табл. 23, рис. 19). По сообщению Нельсона[2], западные аляскинские эскимосы такие кольца надевали на один из концов ледовых палок. Проходя по льду в подозрительных местах, пишет Нельсон, путник наносит палкой сильный удар перед собою, прежде чем сделать шаг; если лед тонок, наконечник палки пробивает лед, но кольцо, приходя в соприкосновение с поверхностью льда, не дает палке погрузиться глубже.

РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Пуговица и **бусина** из моржового клыка найдены в среднем горизонте восточного сектора. Пуговица овальной формы, с ушком на внутренней стороне, наружная же покрыта прорезным сетчатым

[1] Rainey, 1941d; рис. 16 (2).
[2] Collins, 1937; табл. 59, рис. 6.
[3] Ibid.; табл. 59, рис. 2.
[4] Geist and Rainey, 1936; табл. 36, рис. 11.

[1] Rainey, 1941d; рис. 35 (1 — 3).
[2] Nelson, 1899: 214 — 215; рис. 67.

орнаментом (табл. 29, рис. 3). Бусина, изображенная на табл. 29, рис. 2, орнаментирована прямыми линиями в пунукском стиле.

Пряжки найдены две: одна из моржового клыка (табл. 29, рис. 1), другая — деревянная.

Спиночесалка — плоский деревянный кружок с круглой дырой в центре для насада на палочку.

Удивительно, что в Сирэник в верхнем горизонте западного сектора найдена всего одна костяная **панцырная пластина**. По узкому ее краю по паре продольных прорезов для связывания пластин между собою.

Стержень из моржового клыка с рядом круговых желобков (табл. 27, рис. 17), по всей поверхности служил ручкой женского рабочего мешка или застежкой, подобной опубликованной Нельсоном [1].

В Сирэник найден ряд поделок из китового уса, назначение которых не совсем ясно. Из них приводятся изображения: связка полос китового уса (табл. 30, рис. 9); специальная плетенка (табл. 30, рис. 22) из четырех полос китового уса, которую мы уже знаем из раскопок у мыса Чаплина (табл. 16, рис. 9) и Чукотского, а также из раскопок Коллинза [2] и Гейста [3] на острове св. Лаврентия. Нижняя челюсть песца (табл. 30, рис. 10), привязанная китовым усом к двум палочкам, — возможно, скобель, употреблявшийся при обработке мелких шкурок.

ИСКУССТВО

Выше описан ряд орнаментированных вещей из Сирэник, которые уже дают представление о декоровке найденных там вещей. Здесь дополнительно приводится ряд образцов графического и объемного искусства сирэникцев.

На табл. 29, рис. 5, изображен фрагмент тонкой пластинки из моржового клыка с нанесенным пунктирным орнаментом и обрезок моржового клыка с конически высверленной дырой, частично орнаментированного прорезными линиями (табл. 29, рис. 23).

Пластина из моржового клыка, изображенная на табл. 29, рис. 22, по форме подобна защитному наручнику и орнаментирована в том же стиле, как и наручники пунукского времени с острова св. Лаврентия [4]. Интересна серия орнаментированных ручек из моржового клыка. Одна из них покрыта простыми, встречающимися под углом линиями (табл. 29, рис. 29); другая, изображенная на табл. 29, рис. 28, орнаментированная также простыми линиями, изящно оформлена. Особенно интересна декоровка предметов, изображенных на табл. 29, рис. 21 и 26, в основном уже пунукская, но с рядом черт, характерных еще для древнеберингоморского орнамента: изогнутые линии с насаженными на них рядами шипов. Орнамент обломка какого-то предмета из моржового клыка, приведенный на табл. 29, рис. 27, типичный пунукский; он состоит не только из параллельных или сходящихся под острым углом линий, но и с точками, высверленными несомненно сверлом с металлической перкой.

В среднем горизонте восточного сектора вместе с описанными выше орнаментированными предметами был найден также **трезубец** из моржового клыка (табл. 29, рис. 24) типа, хорошо известного по случайным находкам и из раскопок с островов Пунукских и св. Лаврентия. В основании этого трезубца, как и всех ему подобных, высверлено круглое гнездо, в котором уцелела часть древка. Обе стороны орнаментированы точками и линиями в классическом пунукском стиле, причем рисунок одной стороны несколько отличается от рисунка на другой стороне.

В том же горизонте, что и трезубец, было найдено единственное металлическое орудие, стержень миниатюрного дриля с миниатюрной железной перкой для высверливания точек при орнаментировании различных предметов из моржового клыка. Это маленький деревянный стерженек, изображенный на табл. 23, рис. 12, на одном конце которого вставлена коротенькая, диаметром около 0,6 мм, перка, которая снаружи в такой степени окислилась, что трудно различить ее форму. Рентгеновский снимок, сделанный с этого стерженька, показал, что перка вставлена в стержень не глубже, чем натек ржавчины на его поверхности.

Крылатых предметов в Сирэник найдено не было, за исключением одной маленькой не законченной обработкой вещицы.

В среднем и верхнем горизонтах восточного сектора было найдено довольно много **скульптурных изображений животных,** вырезанных из моржового клыка. Там оказались фигурки птиц (табл. 29, рис. 6 и 7) в трактовке, характерной для эскимосского искусства позднего времени; изображение рыбы (трески) с орнаментом пунукского стиля (табл. 29, рис. 8); весьма обобщенные, но достаточно выразительные изображения тюленей (табл. 29, рис. 9, 10 и 16) и лисиц или песцов (табл. 29, рис. 11 и 14); оригинальное изображение полярного медведя (табл. 29, рис. 15) и собаки о двух головах (табл. 29, рис. 12). Особенно интересны скульптурные изображения китов. Одно из них — столь же обобщенное и схематичное, как и изображение тюленей (табл. 29, рис. 13), другое (табл. 29, рис. 17) более реалистично передает характерные формы этого животного; третье (табл. 29, рис. 18) уже в известной мере стилизовано и покрыто орнаментом в пунукском стиле.

Нет никакого сомнения в том, что, за редкими исключениями (птицы), фигурки эти не были игрушками. Все они либо служили амулетами, обеспечивающими удачу на охоте, либо являлись аксессуарами праздничных церемоний, также связанных с охотничьим промыслом.

ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Помимо описанных выше изображений животных, в восточном секторе культурного слоя были найдены различные **амулеты.** Из них прежде всего заслуживают быть отмеченными клыки медведя (табл. 30, рис. 11) и особенно клыки маленьких моржей с просверленными у корня дырами и специальными завязками для подвешивания (табл. 30, рис. 1, 2 и 3). В качестве амулетов хранились или носились, повидимому, и отдельные кости: таранная моржа (табл. 30, рис. 7), фаланга моржа (табл. 30, рис. 6), большая берцовая кость птицы (табл. 30, рис. 5), лопатки моржей с повязкой из волокон китового уса у шейки, наконец, мениски позвонков китовых (табл. 30, рис. 4 и 8) с дырой

[1] Nelson, 1899; табл. 45, рис. 12.
[2] Collins, 1937; табл. 56, рис. 9.
[3] Geist and Rainey, 1936; табл. 36, рис. 11.
[4] Collins, 1937; табл. 65, рис. 9—11.

в центре, подобные тем, которые еще и ныне эскимосы в качестве оберега вешают на грудь маленьким детям.

Амулетами, вероятно, были и окатанные морским прибоем позвонки, принявшие форму полушаровидных подвесок с большой круглой дырой (табл. 29, рис. 19 и 20).

Замечательна по совершенству отделки, тонкости и тщательности работы **ручка от бубна** из моржового клыка (табл. 29, рис. 25). Несколько отличается от обычных своей массивностью и уплощенностью для удобного держания в руке, характерною ее особенностью является наличие у нижнего конца кольца для подвешивания. Классический орнамент пунукского стиля, с точками, высверленными металлическим сверлом, внутри которых заклепки из китового уса, покрывает всю ее поверхность.

Из раскопок у мыса Чаплина и Чукотского мы уже видели вырезанные из китового уса изображения ножа и рыбы. Подобных предметов в Сирэник найдено свыше тридцати. Одни из них несомненно изображают рыб (табл. 30, рис. 15, 16, 17 и 20), другие явно ножи (табл. 30, рис. 14, 19 и 21), иные имеют форму ложки (табл. 30, рис. 12) или других неопределимых вещей. Почти все эти предметы в Сирэник были найдены в одном и том же месте. Точно такие же вещи были находимы Матиассеном[1] при раскопках в области центральных эскимосов и Коллинзом[2] на острове св. Лаврентия, причем первый описывает их как предметы утилитарного назначения, а второй — как детские игрушки. Не могу согласиться ни с одним, ни с другим объяснением их назначения; думаю, что они представляют собою модели различных предметов, предназначенных для каких-то обрядовых действий.

Раскопки в Сирэник показали, что там эскимосы жили, начиная с древнеберингоморской стадии их культуры и, вероятно, почти без перерывов до настоящего времени. Прежде других был заселен западный участок обследованной площадки, позднее восточный, где главным образом и производились раскопки, еще позднее северо-восточный, где в настоящее время живут эскимосы. Вещей, характеризующих древнеберингоморскую стадию, сравнительно немного, что объясняется незначительным объемом раскопок, произведенных в западном секторе. В массе преобладают вещи пунукского времени, поскольку работы велись главным образом в восточном секторе культурного слоя, непосредственно примыкающем к более поздним жилищам. Весьма ценные результаты несомненно обещают дальнейшие раскопки как западных древнеберингоморских, так и восточных пунукских жилищ этого важного в археологическом отношении пункта.

НУНЛИГРАН

Чукотское, ранее эскимосское поселение Нунлигран (Нунлигрен) находится к югу от бухты Преображения у мыса Аччен. Остатки древних жилищ расположены по обеим сторонам распадка, по дну которого протекает ручей (рис. 10), идущего от

Рис. 10.

озера по направлению к морю. Остатки жилищ находятся примерно на равном расстоянии как от поселка Нунлигран, что к югу от них, так и от фактории управления Северного морского пути в бухте Преображения, что к северу. И. П. Лавровым был обследован культурный слой у жилищ, находящихся к западу от ручья, а затем у жилищ, расположенных к востоку.

ЗАПАДНОЕ СТОЙБИЩЕ

Жилища-полуземлянки западного стойбища занимали большой холм, одним склоном обращенный к морю, другим к ручью. Всего на холме обнаружено около пятнадцати остатков жилищ. Некоторые из них сохранились настолько хорошо, что различимы основные устои стен и частично даже перекрытия. Холм обильно порос травяной растительностью. В нижней части холма ямы для хранения мяса, причем некоторые из них используются для этой цели и в настоящее время.

После закладки нескольких разведочных шурфов в одном из сбросов, обращенных к ручью, был обнаружен культурный слой, в котором была заложена траншея в 1,5 м шириной до мерзлоты, от периферии до основания одного из жилищ. Культурный слой начинался непосредственно под дерном и состоял главным образом из створок моллюсков (Mytilus edulis L.), костей моржа, нерпы, оленя, костей птиц, кусков дерева, черепков глиняной посуды и различных изделий из кости и камня.

ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА

Наконечники гарпунов. На западном стойбище найдены две заготовки для наконечников гарпунов из кости и восемь наконечников гарпунов трех типов. Одна из заготовок небольших размеров, длиною всего около 6 см, плоская и предназначалась для изготовления маленького лососевого наконечника гарпуна (табл. 31, рис. 1). Другая заготовка нормальных для тюленьего гарпуна размеров (около 9 см), с хорошо оформленной шпорой, про-

[1] Mathiassen, 1927; 1; табл. 35, рис. 10, 11 и 19; табл. 52, рис. 2; табл. 79, рис. 13.

[2] Collins, 1937; табл. 56, рис. 4 — 7

резом для концевого копьеца, но без дыры для линя и оформленного гнезда (табл. 31, рис. 2).

Наконечник гарпуна, изображенный на табл. 31, рис. 3, лавролистного, уплощенного типа туле 1 Матиассена или типа V Коллинза, с открытым гнездом, но не вполне, с круговым желобком для пояска, прикрывающего гнездо, одной простой асимметричной шпорой и круглой дырой для линя. Нет ни вкладышей, ни концевого копьеца. Таких наконечников найдено три, все костяные.

Другой тип наконечников гарпуна из того же жилища — производный первого, тип туле 3, с полузакрытым гнездом (табл. 31, рис. 4), без прорезов или желобков для пояска гнезда, с простой асимметричной шпорой, круглой дырой для линя и прорезом для концевого копьеца в плоскости дыры для линя. Все четыре наконечника этого типа костяные.

Наконечник гарпуна, изображенный на табл. 31, рис. 5, из моржового клыка, принадлежит к группе уже описанных ранее маленьких наконечников гарпунов, употреблявшихся для добычи крупных рыб. Он поворотный и вместе с тем бородчатый, хотя бородки тупые; гнездо закрытое, мелкое; на ребре короткой асимметричной шпоры и против гнезда узкий прорез для петли, надевающейся на колок и тем обеспечивающей более прочный насад наконечника; дыра для линя круглая; передний конец притуплен от длительного употребления и частично обломан.

Ледовая пешня (табл. 31, рис. 27), костяная (из os penis моржа), овальная в поперечном сечении, заостренная на нижнем конце и слегка уплощенная на верхнем, прикрепляющемся к древку. Верхняя треть этой пешни на участке, прикрепляющемся к древку, сплошь покрыта поперечными насечками. От двух других пешен, из которых одна была костяная, а другая из моржового клыка, сохранились только верхние части.

Упоры для пальца, изображение одного из которых дано на табл. 31, рис. 6, из моржового клыка в виде колонок с желобком, прилегающим к древку гарпуна, и продолговатой дырой для привязывания к древку.

Штифтик или колок для деревянной гарпунометалки изображен на табл. 31, рис. 10. Плоским своим основанием он закреплялся на переднем конце гарпунометалки; штифтик, приподнятый кверху, служил упором.

Наконечники стрел двух типов: простой, костяной, уплощенной формы наконечник, изображенный на табл. 31, рис. 7, с коническим череном и круговым желобком (шейкой) у основания черена, и наконечники тупые. Тупые наконечники стрел из кости (табл. 31, рис. 8 и 9) или из моржового клыка (табл. 31, рис. 18 и 19), с большими гнездами соответственно большому диаметру древка стрел (до 1, 2 см). Форма их разнообразна: имеются и желудевидные, и яйцевидные с заостренным или притупленным передним концом, и, наконец, цилиндрические. Очень интересен наконечник (табл. 31, рис. 19) с частично обломанной стенкой, вследствие чего хорошо видно устройство гнезда. Обращает на себя внимание бугорок в центре основания гнезда, указывающего на то, что гнездо сверлилось или при помощи трубки или, вероятнее, сверлом с асимметричной перкой.

Интересна заготовка наконечника стрелы из моржового клыка (табл. 31, рис. 17). В законченном виде должен был получиться трехлопастный наконечник с череном, по форме воспроизводящий хорошо известный тип трехлопастных бронзовых или железных наконечников стрел. Это единственный наконечник такого типа, впервые найденный у эскимосов.

Маленький **защитный наручник** из моржового клыка (табл. 31, рис. 11), не совсем обычной четырехугольной формы, с двумя узкими прорезами по продольным краям и с непрерывным рядом по краю наружной поверхности высверленных ямочек; одна такая же орнаментальная ямка близ центра. Все эти правильные высверленные круглые ямки выполнены сверлом с железной перкой.

Грузики для птичьих бола. О широком применении закидушки для ловли птиц в Нунлигране свидетельствует большое разнообразие грузиков для этого снаряда. Все они (табл. 31, рис. 12, 13, 14 и 16) из моржового клыка, за исключением одного (табл. 31, рис. 16), для которого использован моржовый зуб. Форма их различная: четырехугольная с пирамидальной вершиной, или почти шаровидная, или просто из случайного обломка клыка. В такой же мере, как форма грузиков, разнообразна и форма отверстий или ушек для подвешивания. Иногда отверстия эти круглые большего или меньшего диаметра; имеются и треугольные или состоящие из двух глубоких прорезов, встречающихся в теле грузика под прямым углом (табл. 31, рис. 14).

Из рыболовных принадлежностей встречаются только крючки и грузила к сетям. **Рыболовные крючки** двух типов: составные и цельные. От составных крючков имеется несколько жалец (табл. 31, рис. 25), все они из моржового клыка, плоские и тщательно заостренные на верхнем конце; на нижнем конце глубокая зарубка для привязывания к стержню.

В западном стойбище найдены два цельных рыболовных крючка из моржового клыка, изображение одного из которых дано на табл. 31, рис. 26. Крючки эти с продолговатым ушком у верхнего края стержня и с тремя жальцами. Рыболовные крючки этого типа неизвестны в древних комплексах эскимосской культуры, но были достаточно широко распространены в протоисторическое время и хорошо известны в этнографических комплексах западных американских и азиатских эскимосов.

Грузило к рыболовной сети из переднего конца моржового клыка обычного продолговатого типа, с парой биконически высверленных дыр по концам верхнего края для подвешивания.

РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Ножевидная **пластинка** из моржового клыка с притупленными краями (табл. 31, рис. 23), которую по аналогии с подобными же орудиями, бытовавшими до последнего времени, можно рассматривать как ковырялку (marrow extractor) **для извлечения съедобных моллюсков** из раковин и мозга из костей.

Шильце-проколка (табл. 31, рис. 24) из осколка моржового клыка, небольших размеров уплощенной формы.

Костяная игла крупных размеров (табл. 31, рис. 31) без ушка, но с глубокой зарубкой у верх-

него края, откуда можно заключить, что ею пользовались для шитья в таком виде, в каком она найдена.

Клинья из моржового клыка обычной формы; изображение одного из них дано на табл. 31, рис. 28.

Обращает на себя внимание отсутствие обтесанных каменных орудий. Из каменных орудий в западном жилище найдены только обычного типа шлифованные женские сланцевые ножи (табл. 31, рис. 37).

Изящной формы **ручка** от небольшого **женского ножа** из моржового клыка с двумя орнаментальными вырезами в верхней ее половине (табл. 31, рис. 36).

Ручек от мужских сланцевых **ножей** найдена целая серия. Все они костяные и подразделяются на два типа, хорошо известные нам по раскопкам у мыса Чаплина и в Сирэник.

Костяные ручки первого типа, с глубоким гнездом на переднем конце для черена клинка ножа и с глубоким прорезом в одной из стенок гнезда для извлечения черена в случае поломки ножа, найдены в двух вариантах: одноклинковые (табл. 31, рис. 40 и 41) и двуклинковые (табл. 31, рис. 42). Наблюдаются некоторые различия и в деталях. Вследствие тонкости стенок гнезда для черена и не редких, вероятно, вследствие этого случаев их излома у верхнего края гнезда, как правило, имеется круговой желобок для специальной обмотки, увеличивающей прочность гнезда.

В иных случаях, когда образовывалась трещина, для скрепляющей повязки прорезались специальные ушки, как это видно на табл. 31, рис. 41. Для подвешивания на противоположном клинку конце ручки или просверливалась круглая дыра (табл. 31, рис. 41), или проделывался боковой прорез (табл. 31, рис. 42); в иных случаях таких прорезов делалось несколько (табл. 31, рис. 40).

Второй тип ручек мужских ножей — составные ручки, из двух половинок. Одна половинка такой составной ручки из моржового клыка изображена на табл. 31, рис. 39. Прорез для клинка очень узкий (2 мм шириной) и сравнительно мелкий (4 мм глубиной). Другая ручка костяная (табл. 31, рис. 38), с узким небольшим гнездом для черена ножа, который удерживался в гнезде плотной обвязкой без второй приставной половины, но, возможно, с приставной пластинкой с небольшим вырезом соответственно вырезу гнезда.

Интересна небольшая **ложечка** из моржового клыка (табл. 31, рис. 35), необычно глубокая, с длинной ручкой.

Глиняная посуда из западного жилища, судя по нескольким черепкам, была сравнительно тонкостенной, толщиною 4—5 мм, из хорошо замешанного теста и неплохого обжига.

Плоский **гребень** из пластины моржового клыка с зубцами на одном из коротких его ребер (табл. 31, рис. 32). Судя по небрежному оформлению его зубцов, часть из которых обломана, можно думать, что гребень этот служил не для расчесывания волос на голове, а для целей технических, например, при обработке шкур. Противоположное зубцам короткое ребро гребня настолько хорошо заострено и отточено, что с успехом могло применяться для резания.

Другая зубчатая пластинка (табл. 31, рис. 29) настолько тонка, что по зубчатому краю толщина ее выражается долями миллиметра.

Интересна **серьга** из моржового клыка овальной, с выпуклой наружной поверхностью, формы, со стерженьком, вставляющимся в мочку уха (табл. 31, рис. 33), на конце которого проделана дырочка для какой-то подвески. Серьги подобного типа до последнего времени пользовались широким распространением, в частности, среди западных, аляскинских эскимосов [1].

Недостаточно ясно назначение двух предметов из моржового клыка, изображенных на табл. 31, рис. 21 и 30. Один из них (табл. 31, рис. 30) представляет собой круглый в поперечном разрезе стержень, на одном конце которого — круговой желобок для привязывания, а другой конец имеет полусферическую прекрасно отполированную поверхность. Возможно, что здесь мы имеем дело с лощилом для сглаживания рубцов при сшивании шкурок или полосок выделанных моржовых кишек. Другой стержень (табл. 31, рис. 21) — часть какого-то предмета с продольным прорезом-ушком на месте излома и с орнаментом на конце в виде трех колец с вертикальными шипами.

Спиночесалка из моржового клыка — диск (табл. 31, рис. 20) толщиною около 1,5 см, с круглой цилиндрической дырой в центре.

Фигурки, вырезанные из моржового клыка: зайчика в сидячей позе (табл. 31, рис. 34) и тюленя (табл. 31, рис. 15); последнего с дырочкой в хвостовой части для подвешивания.

Особенно интересна скульптурная из моржового клыка фигурка женщины (табл. 31, рис. 22), которая, видимо, долгое время носилась в качестве амулета. При крайне условном воспроизведении фигуры человека четко различимы груди и бедра, подчеркивающие половые признаки этой фигурки.

* * *

Несмотря на сравнительно небольшое количество предметов из раскопок западного нунлигранского стойбища, в своей совокупности они представляют настолько однородный комплекс, что без колебания время заселения этого стойбища можно отнести к самому концу пунукской стадии развития эскимосской культуры, хронологически относящемуся уже к протоисторическому времени.

ВОСТОЧНОЕ СТОЙБИЩЕ

Стойбище, остатки которого обнаружены на восточной стороне ручья, имеет менее выраженный рельеф, чем западное стойбище. Склоны более пологи, травяной покров был густой, но неравномерной высоты. Основания жилищ плохо различимы; китовые кости едва выступают над поверхностью земли, замшели и плохо заметны.

Разведка была начата у подножья холма, близ одного из жилищ, и постепенно приближалась к его основанию. Культурный слой был обнаружен сразу под дерновым покровом и состоял из костей моржа, нерпы, оленя, собаки. Слоя ракушечника не обнаружено, но попадались остатки черных пленок, покрывавших разрушившиеся от времени створки моллюска (Mytilus edulis L.). В изобилии находились черепки глиняной посуды и изделия из кости, камня и китового уса.

[1] Nelson, 1899; табл. 24, рис. 4, 9, 10 и 15.

Костяной наконечник гарпуна (табл. 32, рис. 1) с закрытым гнездом, простой асимметричной базальной шпорой, круглой дырой для линя, от которой книзу направлены желобки. К сожалению, передний конец обломан, и это не дает возможности с достаточной определенностью установить тип наконечника. Однако, учитывая едва заметные ложные бородки и характер орнаментации врезными линиями, можно думать, что мы имеем дело если не с оквикской формой, то во всяком случае с относящейся ко времени не позднее раннего пунука.

Колок из моржового клыка для насада наконечника гарпуна, найденный на восточном стойбище, обычной формы и недостаточно типичен для хронологической характеристики.

Ледовая пешня гарпунная из моржового клыка (табл. 32, рис. 17) конструктивно проста; на нижнем конце клинообразно заострена, а верхняя ее треть, вставляющаяся в древко гарпуна, по всей своей поверхности покрыта глубокими поперечными насечками для прочности прикрепления. Типологически она близка к древним оквикско-берингоморским формам.

Очень интересны костяные **наконечники стрел**, из которых один сохранился почти целиком (табл. 32, рис. 19), от другого (табл. 32, рис. 20) уцелел только обломок, но дающий достаточное представление о его типе. Наконечники эти в поперечном разрезе овальной формы, с боковыми очень острыми бородками, с коническим череном, вставляющимся в древко, и прорезом на переднем конце для копьеца. Очень характерны пары симметричных острых бородок, из которых одна у самого основания наконечника, а другая пара, или одна бородка, близ середины наконечника. По типу и характеру оформления бородок, включая глубокие прорезные орнаментальные линии, эти наконечники относятся к древнему оквикско-берингоморскому типу наконечников стрел, известному уже нам по находкам на древнем уэленском стойбище, в Киваке и Сирэник.

Вместе с указанными наконечниками стрел было найдено и **концевое копьецо** (табл. 32, рис. 2) из окремнелого туфа, листовидной формы, с прямым основанием очень тонкой работы и древки стрел (табл. 32, рис. 28 и 29).

Интересны также **наконечники дротиков** из моржового клыка. Один из них (табл. 32, рис. 26) с обломанным передним концом, овальной в поперечном разрезе формы, уплощенной базой, вставляющейся в древко, и продолговатой дырой у основания для привязывания; в сохранившейся части этого наконечника дротика три небольшие асимметрично расположенные бородки. Другой, также поврежденный наконечник дротика ромбической в поперечном разрезе формы, с череном и очень острой бородкой (табл. 32, рис. 21).

Прекрасно сохранился центральный наконечник птичьего дротика из моржового клыка (табл. 32, рис. 18), с уплощенным основанием, вставляющимся в древко, с продольным прорезом у основания для крепления и с пятью асимметричными, небольшими, но острыми бородками.

В отличие от западного стойбища, для восточного характерно присутствие значительного количества нешлифованных **каменных орудий.** Оттуда имеются кремневые клинки мужских ножей (табл. 32, рис. 3 и 9); короткие ножевидные каменные вкладыши (табл. 32, рис. 10 и 14) из того же материала; род долотца из окремнелого туфа (табл. 32, рис. 4) и прекрасный концевой скребок (табл. 32, рис. 15); наконец, перки дрилей (табл. 32, рис. 5 и 13), обе кремневые. Кроме того, там же найдено довольно большое число отщепов из обсидиана и кремня, часть которых была использована как вогнутые скребки (табл. 32, рис. 16), большинство же (табл. 32, рис. 6, 7, 8, 11 и 12) для различных работ по кости острорежущими краями этих отщепов, в некоторых случаях подретушированными.

Из шлифованных сланцевых изделий были найдены только обломки треугольного концевого копьеца и женских ножей обычного типа (табл. 32, рис. 32).

От женского ножа имеется и костяная ручка хорошей сохранности, изображенная на табл. 32, рис. 31.

Обитатели восточного стойбища пользовались и маленькими ножичками, вставленными в ручки, составленные из двух половинок. Одна из половинок такой ручки из моржового клыка представлена на табл. 32, рис. 30. Боковой вырез, узкий и короткий, предназначен для маленького клинка; наружная поверхность покрыта поперечными насечками для более прочного связывания двух половинок вместе.

Клинья, шилья и проколки из западного стойбища обычного типа (табл. 32, рис. 22 и 23); подобно перкам дриля, они все из моржового клыка; перки дрилей имеют цилиндрическую форму с клиновидным рабочим краем (табл. 32, рис. 24 и 25).

Каменных тесел найдено не было, но имеются хорошо сохранившиеся роговые **обоймы** для таких **тесел**, изображение одной из которых дано на табл. 32, рис. 33. Тип этих обойм точно такой же, как и у найденных на древнем уэленском стойбище, с квадратной проушиной для ручки-топорища.

Очень интересен **сосуд** из **моржового клыка**, чашечка-корытце (табл. 32, рис. 34). Длина его 16 см, ширина 4,5 см и высота 3,2 см; на одной из узких сторон у края сквозной прорез для подвешивания. Подобные сосуды меньших размеров, скобели для жира, с побережья Чукотского полуострова мы знаем только из древнего уэленского стойбища.

Салазки, судя по сохранившимся обломкам их полозьев, были двух типов; со сравнительно высокими (5,5 см), но узкими из моржового клыка полозьями, по верхнему краю которых имелся ряд биконически высверленных дыр для привязывания поперечных перекладин и с более низкими (4,7 см), но также узкими полозьями, в которых для укрепления поперечных перекладин прорезались узкие продольные отверстия. Наружная сторона таких полозьев, как это видно на табл. 32, рис. 35, покрывалась орнаментом из горизонтальных, вертикальных и косых глубоко врезанных линий и из полосок с поперечной косой штриховкой. Последний тип, как мы знаем, характерен для наиболее древней стадии эскимосской культуры.

В восточном стойбище были найдены **закрепки** из моржового клыка для тягового ременного линя подтреугольной формы с круглой дырой в центре, типа, известного уже из древних стойбищ, и **моржовый** зуб с просверленной небольшой дырочкой для подвешивания, который, возможно, был амулетом (табл. 32, рис. 27).

Принимая во внимание весь комплекс вещей из восточного жилища в Нунлигране, можно считать, что оно было обитаемо одновременно с древним поселением на склоне холма в Уэлене. Несмотря на весьма древний характер большинства найденных там предметов, нет ни одного орнаментированного в древнеберингоморском стиле.

ЭНМЫЛЕН

Чукотское, ранее эскимосское поселение Энмылен, благодаря его географическому положению у мыса Беринга, посещалось многими исследователями. Ряд предметов из Энмылена имеется в коллекции Борисова. Там же во время плавания на судне «Мод» побывал Свердруп. Небольшую археологическую разведку в Энмылене произвел Лавров. Топография этого поселка и места древних поселений (рис. 11) там довольно подробно описаны Свердрупом [1].

Рис. 11.

Современное поселение Энмылен расположено у самого мыса Беринга, на небольшой береговой площадке, у подножья скал. К востоку скалы круто обрываются к морю, так что берег там недоступен со стороны моря. К северу простирается значительных размеров плато. Между этой равниной и площадкой, на которой расположен поселок, нет никакого сообщения; между ними возвышается скала, которая на протяжении 2 км обращена к морю отвесной стеной. У подножья скалы попадаются китовые кости и группы камней, указывающие на остатки древних жилищ. В Энмылене, пишет Свердруп, немного выше низменного берега, где теперь расположено большое число юрт, в виде уступа тянется след прежнего берега.

Лавровым в Энмылене обнаружены три группы жилищ: 1) современный поселок у самого берега; 2) сравнительно недавнее поселение с остатками круглых яранг на возвышенности к западу от современного поселка; 3) группа развалин старых жилищ, расположенных также на возвышенности у подножья горы между двумя первыми группами жилищ. Здесь на площадке высотою 20—25 м над уровнем моря найдены остатки примерно двадцати жилищ. В этом месте море вдается в берег и в 70 м от уреза воды начинается крутой подъем на площадку, в 200—250 м от края которой подножье горы. Обрыв площадки прикрыт кухонными отбросами, поросшими густой травой. Жилища на этой площадке были расположены группами и, видимо, сообщались между собою. Одна из полуземлянок выделяется среди других своими большими размерами. Часть жилищ распознается только по своим очертаниям, другие по торчащим из земли китовым костям; различима и их конструкция. Расчисткой небольшого участка, 10 × 10 м², на склоне, обращенном от жилищ к морю, вскрыт культурный слой мощностью всего 40—45 см, насыщенный раковинами съедобного моллюска (Mytilus edulis L.), костями моржа, лахтака, нерпы и кита; встречаются кости собаки, зайца, птиц и многочисленные изделия из кости, камня, дерева, китового уса и черепки глиняной посуды. Культурный слой подстилается сплошным слоем ракушечника толщиною 1—1,5 см, лишенным культурных остатков, ниже которого почва, также лишенная культурных остатков, оказалась мерзлой.

[1] Свердруп, 1930: 325 — 326.

ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА

Из Энмылена имеются две **заготовки** из кости для **наконечников гарпуна.** На них мы обращаем внимание потому, что они вместе с другими заготовками иллюстрируют процесс изготовления таких орудий. В заготовке, изображенной на табл. 33, рис. 2, намечена общая форма наконечника, участок базальной шпоры, конически высверлена дыра для линя, сделан пропил для концевого копьеца. Однако в процессе этой работы часть переднего конца обломалась, и заготовка была выброшена. Другая заготовка (табл. 33, рис. 1) предназначена для наконечника гарпуна типа, изображенного на табл. 33, рис. 10. Из кости вытесана требуемой формы болванка, определено положение сложной асимметричной шпоры и просверлена дыра для линя.

Костяной **наконечник гарпуна,** изображенный на табл. 33, рис. 5, представляет особый интерес. Гнездо у него открытое с прямыми стенками; один прорез для пояска гнезда с противолежащим желобком; тройная асимметричная шпора; круглая дыра для линя; боковые вырезы для каменных вкладышей в одной плоскости с дырой для линя у самого переднего конца наконечника; намечены едва заметные ложные бородки; орнаментирован глубокими врезанными линиями. Интересен этот наконечник своим сходством с некоторыми наконечниками из древнего уэленского стойбища, отличающимися от него только в деталях конструкции. Близкие по типу наконечники опубликованы Рейни с оквикской стоянки Пунукских островов [1]. Таким

[1] Rainey, 1941d; табл. 4.

образом можно думать, что в данном случае мы имеем дело с достаточно древней формой наконечника гарпуна.

Замечательный наконечник гарпуна, изображенный на табл. 33, рис. 3, к сожалению, на переднем конце обломан. Он представляет собою прекрасный образец одного из самых сложных типов наконечников древнеберингоморской стадии эскимосской культуры. Гнездо открытое, с прямыми стенками; два прореза для пояска гнезда, сближенные в глубоком желобке на спинке наконечника; круглая дыра для линя; тройная асимметричная шпора с центральным шипом много длиннее боковых придаточных; прорез для концевого копьеца в плоскости, перпендикулярной дыре для линя: материал — моржовый клык; орнаментирован в изысканном древнеберингоморском стиле. Для его орнаментации очень характерны ложные бородки на острых ребрах наконечника и возвышения в виде бугорков в концентрических кружках, а также мотив птичьей головки с «клювом» и «глазками». Такого же типа наконечник гарпуна с азиатского побережья Берингова пролива опубликован Свердрупом [1], но отличается от нашего наличием не ложных бородок, а настоящих острых бородок. Подобные же наконечники гарпунов известны с острова св. Лаврентия [2] и Малого Диомида [3].

Великолепной сохранности наконечник гарпуна на табл. 33, рис. 4, с мелким открытым гнездом с прямыми стенками; два прореза для пояска гнезда сближены в желобке на спинке наконечника, дыра для линя круглая; шпора двойная, причем наиболее крупная ее доля расчленена и асимметрична; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя; материал — моржовый клык; орнаментирован в древнеберингоморском стиле. По типу данный наконечник может быть отнесен к древней берингоморской или ранней пунукской стадии эскимосской культуры на острове св. Лаврентия. Подобный наконечник со стойбища Мийовагх на острове св. Лаврентия опубликован Коллинзом [4].

На табл. 33, рис. 6 дано изображение шпоры наконечника гарпуна, орнаментированной в древнеберингоморском стиле.

Наконечники гарпуна, изображенные на табл. 33, рис. 7, 8 и 10, с открытым гнездом, одним прорезом для пояска гнезда и противолежащим желобком; базальная асимметричная шпора двойная, иногда с придаточным рудиментарным шипом; дыра для линя круглая; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя; материал — кость; форма в поперечном сечении уплощенная. Наконечники гарпунов этого специального типа Коллинз относит к раннему пунуку. К этому же времени следует отнести и наконечник гарпуна с открытым гнездом и с прямыми стенками; у него два прореза для пояска гнезда, сближенные на спинке наконечника и расположенные один выше другого; дыра для линя круглая, шпора простая острая; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя; форма уплощенная, с легким перехватом посредине; материал — моржовый клык; орнамент простыми прорезными линиями.

С Чукотского полуострова, пока только из Энмылена, мы имеем наконечники гарпунов типа, приведенного на табл. 33, рис. 13 и 14. Это плоские костяные поворотные и вместе с тем бородчатые наконечники гарпунов с двумя и тремя парами симметричных бородок. Гнезда у них полузакрытые, с круговым желобком для пояска гнезда на одном наконечнике и с прорезом и противоположным желобком для пояска гнезда на втором; дыра для линя узкая треугольная; шпора простая; нет ни боковых вкладышей, ни концевого копьеца; не орнаментированы. Такого типа наконечники мы знаем с мыса Хоп [1], где вместо прорезов для пояска гнезда просверлены дыры, из района мыса Барроу [2] и на востоке в области центральных эскимосов [3]. Насколько мы знаем, в Америке эта форма наконечников гарпунов поздняя, непосредственно предшествующая историческому времени. Конически высверленные гнезда этих наконечников уже полузакрыты, вследствие чего нет крайней необходимости в пояске гнезда, и его иногда не бывает.

Наконечники гарпунов с закрытым гнездом в Энмылене двух типов. К первому относится маленький костяной, вероятно тюлений, наконечник с одной простой шпорой, продолговатой дырой для линя и прорезом для концевого копьеца в плоскости дыры для линя (табл. 33, рис. 11), ко второму — маленький бородчатый поворотный наконечник гарпуна из моржового клыка (табл. 33, рис. 12), ромбической в поперечном сечении формы, с узким прорезом для линя. Подобно таким же, описаннным ранее, и этот наконечник предназначался для добычи лососевых рыб.

Из других частей гарпуна в Энмылене приобретены две головки древка гарпуна из моржового клыка и ледовая пешня.

Головка древка гарпуна, изображенная на табл. 33, рис. 15, овальной в поперечном разрезе формы, с конически высверленным гнездом для колка и клиновидно с одной стороны заостренным нижним концом, соприкасающимся с древком; в теле головки для прикрепления к древку проделаны одна сквозная и одна боковая дыра.

Головка, изображенная на табл. 33, рис. 16, отличается от предыдущей только тем, что клиновидное ее основание, вставляющееся в расщеп древка, затесано двусторонне и для крепления проделаны два ушка.

Ледовая пешня, изображенная на табл. 33, рис. 17, полукруглая в поперечном разрезе, с вырезом в верхней половине, прилегающей к древку, и с круглой дырой посредине для крепления.

Кроме описанной выше, приобретенной из Энмылена, имеется несколько обломков ледовых пешен более древнего типа, с коническим череном, вставляющимся в древко, покрытым по всей поверхности поперечными насечками.

Из двух **наконечников дротиков** один (табл. 33, рис. 26) плоский, в поперечном разрезе трехгранный, с двумя прорезами для прикрепления к древку, а другой (табл. 33, рис. 18) овальной в поперечном разрезе формы, с прорезом у основания и двумя выемками для крепления. Третий наконечник, вероятно, от остроги, не законченный обработкой, с тремя парами асимметричных бородок (табл. 33, рис. 19).

[1] Свердруп, 1930; табл. 25, рис. 2.
[2] Collins, 1937· табл. 24—25, рис. 15.
[3] Collins; 1937; табл. 27, рис. 5.
[4] Collins, 1937; табл. 27, рис. 5.

[1] Mathiassen, 1930a; табл. 12, рис. 2.
[2] Collins, 1936: 46; рис. 45d.
[3] Mathiassen, 1927 : 1; табл. 37, рис. 9; табл. 39, рис. 4.

Наконечник копья, вероятно китового, из глинистого сланца уже знакомой нам формы (табл. 34, рис. 21) по раскопкам в Сирэник, с вогнутой базой и двумя биконически высверленными дырами (на месте излома) для прикрепления к древку.

Наконечников **стрел** из раскопок в Энмылене немного, но типологически они очень интересны. Один из них (табл. 33, рис. 21) длинный, плоский, костяной с острой бородкой у основания и прорезом для концевого копьеца; широкие плоскости орнаментированы двумя параллельными линиями с прерывистой между ними. Тип этот близок к древним берингоморским или ранним пунукским наконечникам стрел с острова св. Лаврентия [1].

Прекрасный образец кремневого копьеца костяного наконечника стрелы приведен на табл. 34, рис. 13: это тоненькая (2 мм) треугольная пластинка, тщательно отретушированная по краям с отшлифованными поверхностями. Другое такое же треугольное копьецо, но более широкой формы, со слегка выпуклыми ребрами и незначительно вогнутой базой, столь же тоненькое (табл. 34, рис. 14), скорее предназначалось для оснащения наконечника гарпуна — оно слишком широко для наконечника стрелы.

Интересно миниатюрное, толщиною всего 1 мм, трехгранное сланцевое копьецо (табл. 34, рис. 19) скорее для наконечника стрелы, чем гарпуна.

Второй тип костяного бородчатого наконечника стрелы (табл. 33, рис. 20) подобен найденному нами в Сирэник (табл. 21, рис. 26); у обоих передний конец листовидный, с двумя симметрично расположенными бородками, но у энмыленского нанаконечника черен короче и расщеплен.

Третий тип — небольшие, бородчатые, черенковые наконечники стрел: один из них костяной, плоский, с двумя односторонними бородками (табл. 33, рис. 9); другой из моржового клыка, четырехугольный в поперечном разрезе у основания и треугольный на переднем конце, с одной бородкой (табл. 33, рис. 22).

Четвертый тип костяного наконечника стрелы плоской лавролистной формы, ромбической в поперечном сечении (табл. 33, рис. 23).

От длинного, круглого в сечении наконечника стрелы сохранилась только нижняя половина с череном (табл. 33, рис. 24).

Очень интересен приобретенный в Энмылене защитный наручник из моржового клыка (табл. 33, рис. 25). Он довольно больших размеров и обычной формы, с узкими прорезами посредине продольных краев для повязывания. Его поверхность покрыта типичным орнаментом в классическом пунукском стиле, состоящим из параллельных линий и кружков с точками в центре. Следует отметить геометрическую правильность вырезанных кружков и высверленных точек, которая могла быть достигнута только при наличии железного инструмента.

Если не считать описанного выше наконечника остроги, то из Энмылена из рыболовных принадлежностей мы имеем только костяное жальце сложного рыболовного крючка (табл. 34, рис. 1) и приобретенное там костяное грузило для удочки. **Грузило** это (табл. 34, рис. 8) продолговатой, утолщающейся к концу, четырехугольной формы; на верхнем конце проделаны дыры для лесы, а на нижнем для привязывания крючка. Следует заметить, что такое грузило могло служить также стержнем для сложного крючка, так как в нижней, утолщенной его половине на ребрах высверлены глубокие гнезда для укрепления в них жальца [1]. Если это так, то здесь мы имеем дело с формой, повидимому, поздней, пунукского или протоисторического времени.

РАЗЛИЧНЫЕ ОРУДИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ

Для раскопанного в Энмылене участка культурного слоя характерно наличие довольно значительного числа нешлифованных каменных орудий. Впрочем, прежде чем приступить к описанию каменных орудий, следует упомянуть о приобретенном в Энмылене костяном предмете, изображенном на табл. 34, рис. 2. Это костяной наперсток для большого пальца руки. Совершенно такой же наперсток воспроизведен в работе Иохельсона о коряках [2]. По его словам, такой наперсток коряки надевали на большой палец левой руки при изготовлении каменных орудий, чтобы не поранить его при ударе отбойником по оббиваемому камню, зажатому в руке. Судя по темнокоричневому его цвету, наш наперсток несомненно ископаемый. У верхнего края наперстка имеется небольшое ушко, как нам объяснили, для ремешка, которым он соединялся с костяным кольцом, надевающимся на указательный палец левой руки (табл. 35, рис. 16).

Среди **каменных орудий** в первую очередь заслуживают внимания ножевидные осколки кремневые и из окремнелого туфа, с острорежущими краями, которые употреблялись для различных работ по кости и дереву (табл. 34, рис. 3, 4, 5, 6). По краю многих из таких пластин имеются явные следы работы в виде мелкой неправильной ретуши.

Интересно небольшое долотцо из окремнелого туфа (табл. 34, рис. 15) с хорошо зашлифованным и отточенным рабочим краем.

Два небольших цельных клинка, один с череном (табл. 34, рис. 9), другой без черена (табл. 34, рис. 10), несмотря на небольшую их величину, следует рассматривать как **клинки** мужских **ножей,** так как они слишком толсты (0,4 см), чтобы служить копьецом стрелы или наконечника гарпуна. Оба они из окремнелого туфа, тщательно обработаны отжимной ретушью. На табл. 34, рис. 11, дано изображение обломка кремневого ножа, а на табл. 34, рис. 12, — из окремнелого туфа.

Концевые мужские ножи из глинистого сланца обычного черенкового типа (табл. 34, рис. 17 и 18). Оригинальна форма длинного однолезвийного сланцевого ножа с широкой спинкой, круглой биконически высверленной дырой у черена для прикрепления к ручке (табл. 34, рис. 20).

К каменным мужским ножам из раскопок в Энмылене имеются костяные ручки, изображенные на табл. 34, рис. 31 и 32. Это уже хорошо известная форма с гнездом для черена ножа на одном конце и дырой-прорезом на другом для подвешивания; на случай излома клинка ножа для извлечения из гнезда черена и здесь имеется соответствующий прорез в одной из плоских стенок гнезда. Ручка, изображенная на табл. 34, рис. 31, без орнамента,

[1] Collins, 1937; табл. 29, рис. 6; табл. 34, рис. 2.

[1] Ср.: Collins, 1937; табл. 75, рис. 15.

[2] Jochelson, 1908 : 608; рис. 134в.

а на табл. 34, рис. 32, декорована широкими круговыми желобками с валиками в промежутках между ними.

Женских сланцевых ножей, цельных и поврежденных, из Энмылена много. В качестве образцов дано изображение двух цельных крупного размера (табл. 34, рис. 24 и 25) и одного средних размеров (табл. 34, рис. 23).

Из поврежденных женских ножей некоторые имеют конически высверленные дыры для прикрепления к ручке.

Скребки двух типов: кремневый концевой скребок высокой формы. (табл. 34, рис. 16) и кремневый вогнутый, с тщательно отретушированным рабочим краем (табл. 34, рис. 7).

Орудие из окремнелого туфа, изображенное на табл. 34, рис. 22, по первому впечатлению напоминает женский нож. Форма его овальная, верхняя половина оформлена только сколами небольших фасеток, нижняя же, рабочая, отшлифована с двух сторон. Значительная толщина и тупое лезвие указывают на то, что мы имеем **скобель,** вставлявшийся в специальную рукоятку.

Серия костяных орудий разнообразна. Прежде всего должны быть отмечены два **клинка из моржового клыка;** один из раскопок (табл. 35, рис. 30), другой приобретенный (табл. 33, рис. 27), оба одного и того же типа — с широким, треугольным в поперечном сечении собственно клинком и более узкой рукояткой с круглой дырой на конце для подвешивания. Точное назначение этих клинков не ясно; они могли употребляться как кинжалы и как ножи для свежевания туш убитых животных.

Клинья найдены в количестве шести экземпляров, все из моржового клыка. Самый большой — 16 см длиной (табл. 34, рис. 26), самый маленький — всего около 5 см (табл. 34, рис. 29). Все они имеют сильно обитую от длительного употребления верхнюю ударную площадку и заостренный нижний край. Клин, изображенный на табл. 34, рис. 26, повидимому, уже после того, как вышел из употребления, подвергся перепиливанию. На одной из плоских его сторон пропилена широкая (1,5 см поверху) и глубокая (0,9 см глубиной) борозда, но на две части его еще не раскололи. Маленький клинышек (табл. 34, рис. 29) выделан из осколка моржового клыка специальным обтесыванием.

Орудие из моржового клыка (приобретенное), изображенное на табл. 34, рис. 30, использовалось, вероятно, как тесло; его верхняя, суживающаяся часть, место прикрепления к рукоятке-топорищу, с обеих сторон покрыто глубокими поперечными насечками. Из других костяных инструментов имеются крупные шилья из кости оленя (табл. 34, рис. 33); затем совсем небольшие из моржового клыка шилья простые (табл. 34, рис. 27) или со специальной головкой (табл. 34, рис. 34) и, наконец, комплексные инструментики, на одном конце которых шильце-проколка, а на другом нечто вроде ножичка-лощила с хорошо заточенным лезвием, посредине дырочка для подвешивания (табл. 34, рис. 28).

Две **иглы** из моржового клыка с обломанным ушком, изображение одной из которых дано на табл. 34, рис. 35, были найдены вместе с игольником. **Игольник** этот (табл. 35, рис. 28) замечательной выделки. Вместо обычной трубчатой кости из крыла птицы в данном случае игольник выточен из моржового клыка, причем внутренняя его полость, несмотря на большую длину (10,5 см), высверлена с изумительной правильностью.

Костяные **перки** для сверления дыр употреблялись двух типов: или с цилиндрическим рабочим концом (табл. 35, рис. 1), или с плоским и даже желобчатым, как это имеется в перке из моржового клыка, изображенной на табл. 35, рис. 2. Не совсем ясно назначение плоского костяного лоточка с ушком для подвешивания, изображенного на табл. 35, рис. 3. Возможно, что это скобель для снимания жира с кишек. Интересен **скобель** для обработки кишек из тонкой пластины моржового клыка, со специально выделанной ручкой, приобретенный в Энмылене (табл. 35, рис. 4). Подобный чукотский скобель опубликован в работе Богораза[1]; по его словам подобные скобели при выделке кишек употреблялись не только чукчами, но и другими соседними племенами. Однако ни из раскопок, ни среди бытовавших до последнего времени у западных эскимосов скобелей для выделки кишек подобного инструмента мы не знаем. Остается упомянуть только о двух осколках кости (табл. 35, рис. 5 и 6): об одном с ушком на конце, противоположном заостренному, и о другом в виде узенькой лопаточки со специальной ручкой; и тот и другой употреблялись, вероятно, для извлечения костного мозга и съедобных моллюсков из раковин.

ДОМАШНЯЯ ПОСУДА

Обломок костяного **блюда,** найденный при раскопках в Энмылене, достаточно значителен, чтобы можно было судить о размерах и форме цельного предмета. Блюдо это, выделанное из китовой кости, овальной формы (примерно 12 × 22 см) и очень мелкое (глубина всего 2,2 см).

Судя по находке деревянного донца (6 × 12 см) в Энмылене были в употреблении также сосуды и из китового уса в виде ведерок-коробочек.

Костяная **ложка,** найденная при раскопках (табл. 35, рис. 25), очень плоская, с длинной ручкой и треугольной дырой для подвешивания. В Энмылене было приобретено несколько несомненно ископаемых, судя по их цвету и поверхностной патине, плоских роговых ложек; изображение двух из них дано на табл. 35, рис. 29 и 31. Все они хорошо известного по раскопкам на острове Аркамчечене и у мыса Чаплина типа туле-пунукской стадии эскимосской культуры.

Ископаемая приобретенная ручка к ведерку из моржового клыка (табл. 35, рис. 22). Для привязывания к ведерку на одном конце этой ручки проделано горизонтальное ушко, а на другом, после излома, в месте ушка просверлена круглая дырочка.

Особый интерес представляет приобретенный сосудик из моржового клыка в виде лодочки (табл. 35, рис. 23). Судя по ее темнокоричневому цвету, он несомненно ископаемый и долго пролежал в земле; наружная его поверхность орнаментирована параллельными и пересекающимися под острым углом прямыми линиями; на одном из коротких краев было высверлено отверстие для подвешивания. Полной аналогии такого сосуда мы не знаем, но можно думать, что он употреблялся или как ковшичек, или как скобель для снимания жира с кишек.

Черепки глиняной посуды из Энмылена показывают, что последняя была толстостенной (толщи-

[1] Bogoras, 1904 — 1909 1: 387; рис. 180.

ной от 0,7 до 1,2 см), из плохо замешанного теста с примесью мелкого, с горошину, гравия и связующих элементов в виде волос. Обжиг плохой: все горшки интенсивно черного цвета. Наружная поверхность заштрихована в результате сглаживания ее пучком травы.

РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Из раскопок доставлено четыре обломка полозьев салазок из моржового клыка. Все они одного и того же типа, узкие (от 0,7 до 1,1 см толщиной) и низкие (максимальная высота 5 см), с рядом биконически высверленных дыр по верхнему краю (табл. 35, рис. 21). Некоторые из обломков до 20 см длиной, с девятью дырами для привязывания поперечных перекладин.

Плоская костяная **пряжка** (табл. 35, рис. 18) с двумя круглыми дырами, возможно от пояса.

Костяная **панцырная пластина** коричневого цвета от пребывания в земле, с тремя парами продолговатых прорезов по краю (табл. 35, рис. 27) для связывания пластин между собою.

Застежка от одежды или собачьей упряжки в виде плоского стерженька из моржового клыка с прорезанным посредине продолговатым сквозным отверстием (табл. 35, рис. 19).

Ручка из моржового клыка (приобретена) от **бубна** обычной формы, с двумя дырами, высверленными для привязывания к ободу (табл. 35, рис. 24).

Плоская костяная **трубочка** (табл. 35, рис. 8), назначение которой не ясно, имеет тонкие стенки. Другая костяная трубочка, изображенная на табл. 35, рис. 15, как и предыдущая, плоская, орнаментирована четырьмя круговыми валиками. Неизвестно также назначение деревянного предмета (табл. 35, рис. 7) и клыка молодого моржа (табл. 35, рис. 32) со сквозным отверстием на дистальном конце для подвешивания. Судя по темнокоричневому цвету этого клыка и избитой его поверхности можно думать, что им пользовались как колотушкой.

Деревянный прямоугольный **брусок** (табл. 35, рис. 14) с двумя сквозными поперечными отверстиями; на наружной поверхности по продольным краям по две параллельные линии с зубчиками внутри.

При раскопках найдено несколько **точильных брусков** из песчаника с продольными желобками, изображение одного из которых дано на табл. 35, рис. 13.

Пуговица-застежка из коротенького стерженька моржового клыка с круговым желобком посредине (табл. 35, рис. 11).

Клык собаки (табл. 35, рис. 17) с высверленной в основании корня дырочкой для подвешивания.

СТИЛЬ ГРАВИРОВКИ

При ознакомлении с наконечниками гарпунов и другими предметами мы уже отметили вещи, покрытые гравировкой в древнеберингоморском стиле и более позднем пунукском. В дополнение к ним даются изображения еще пяти поделок из моржового клыка, найденных при раскопках, интересных своей орнаментацией.

Две подвески, одна из кусочка моржового клыка (табл. 35, рис. 10), другая из зуба моржа (табл. 35, рис. 9), покрыты очень тонкой гравировкой процарапанными прямыми прерывистыми и зубчатыми линиями в раннем древнеберингоморском стиле.

Очень интересна гравировка на обломке какого-то предмета (ручки или дротикометалки), по стилю также древнеберингоморская — концентрическими эллипсами с точками в центре и тонкими процарапанными кривыми линиями с зубчиками (табл. 35, рис. 26).

В пунукском стиле гравировка на осколке кости (табл. 35, рис. 20) и на обломке какого-то предмета из моржового клыка (табл. 35, рис. 12).

* * *

Коллекция из Энмылена, включая и приобретенные там предметы, неоднородна. Оттуда имеются вещи безусловно очень ранние, древней берингоморской стадии эскимосской культуры, притом периода расцвета, и более поздних ее этапов, предметы раннего и классического пунука, наконец, вещи позднего протоисторического времени. Ясно, что мыс Беринга был местом почти непрерывного жительства охотников за морскими млекопитающими, но так как весь материал оттуда носит случайный характер, то дать сколько-нибудь полную характеристику какого-либо из пережитых там культурных этапов не представляется возможным. Настоятельно необходимы дальнейшие раскопки в этом важном пункте берингоморского побережья Чукотского полуострова, которые обещают весьма ценные находки для познания истории и последовательного развития древней культуры Берингова моря.

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ С ПОБЕРЕЖЬЯ ЧУКОТСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В этом разделе дается описание вещей из коллекции Борисова, о которой известно только, что она собрана по побережью Чукотского полуострова, от мыса Сердце-Камень на севере до мыса Беринга на юге. Вещи с мыса Беринга (Энмылен) уже описаны в предыдущем разделе. Попутно будет сообщено о всех уже опубликованных случайных находках археологических предметов с Чукотского полуострова, со ссылкою на место их опубликования. Таким путем имеется в виду с исчерпывающей полнотой представить в настоящей работе весь материал по археологии побережья Чукотского полуострова.

ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА

Наконечники гарпунов. На табл. 36, рис. 1, дано изображение передней части наконечника гарпуна древнеберингоморского типа, орнаментированного в древнеберингоморском стиле.

Прекрасные образцы древнеберингоморских наконечников гарпунов опубликованы с азиатского побережья Берингова пролива Свердрупом [1], из бухты Пловер — Коллинзом [2], и Матиассеном [3].

---

[1] Свердруп, 1930; табл. 25, рис. 2 и 4.
[2] Collins, 1929, рис. 1.
[3] Mathiassen, 1929, рис. 10.

Наконечники гарпунов, опубликованные Свердрупом, принадлежат один к древнеберингоморскому типу, с тройной симметричной шпорой и двумя дырами для пояска гнезда, другой — к типу III Коллинза, с тройной асимметричной шпорой; оба с открытым гнездом. Наконечник гарпуна из бухты Пловер, с закрытым гнездом и концевым копьецом, орнаментирован в позднем древнеберингоморском стиле 3. Третий наконечник гарпуна, опубликованный Свердрупом, с закрытым гнездом, простой шпорой, круглой дырой для линя, с прорезом для концевого копьеца в плоскости дыры для линя; орнаментирован в характерном пунукском стиле. К этому же типу относятся три наконечника гарпуна из коллекции Борисова (табл. 36, рис. 2, 3 и 4), отличающиеся один от другого только устройством пояска открытого гнезда, в деталях устройства шпоры и орнаментации простыми линиями. Их время, повидимому, поздний пунук. Несколько более поздний (протоисторическое время) наконечник гарпуна, изображенный на табл. 36, рис. 5, который воспроизводится здесь вследствие исключительно хорошей его сохранности вместе со сланцевым копьецом.

К числу редко встречающихся на побережье Чукотского полуострова наконечников гарпунов относится костяной бородчатый наконечник, изображенный на табл. 36, рис. 6, с открытым гнездом, двумя прорезами для пояска гнезда, одной асимметричной шпорой, треугольной дырой для линя, двумя асимметрично расположенными бородками. Это тип туле 2, но с асимметричными бородками.

Значительной серией представлены костяные, в редких случаях из моржового клыка, наконечники гарпунов с открытым гнездом, плоские, лавролистной формы, типа туле 1, характерного для позднего пунука. Из коллекции Борисова дается изображение трех таких наконечников, отличающихся один от другого деталями устройства гнезда. В одном случае открытое гнездо с прямыми стенками и двумя прорезами для пояска гнезда (табл. 36, рис. 7); в другом с наклонными стенками, внутренние края которых отстоят один от другого дальше, чем наружные, с одним прорезом и противолежащим желобком (табл. 36, рис. 8); в третьем полузакрытое гнездо и только круговой желобок для пояска гнезда (табл. 36, рис. 9). Своеобразен обломок большого, судя по размерам — китового, наконечника гарпуна с прямоугольной дырой для линя, большим и глубоким прорезом для концевого копьеца в плоскости, перпендикулярной дыре для линя, орнаментированный глубоко врезанными параллельными линиями (табл. 36, рис. 10). Отметим кстати, что этот обломок был использован как упор на стержень дриля или при добывании огня сверлением, для чего на одной из его плоских сторон имеется ямка.

С острова Ратманова и с различных пунктов чукотского побережья имеются концевые кремневые и сланцевые **копьеца** наконечников гарпунов. Так как они мало варьируют по величине и форме, то дается изображение всего двух из них (табл. 36, рис. 11 и 12).

Среди **колков** для насада наконечников гарпунов имеются длинные, круглые в поперечном разрезе, из моржового клыка, со слегка уплощенным передним концом. В качестве образца приводится изображение одного такого колка от китового гарпуна (табл. 36, рис. 23).

Наиболее распространенная форма **головки** древка гарпуна цилиндрическая (табл. 36, рис. 22), с мелким гнездом для колка и клиновидно заостренным основанием.

Не совсем обычная форма **ледовой пешни** из моржового клыка (табл. 36, рис. 24). Нижний конец пешни заострен, верхняя часть в месте крепления с древком срезана; имеется сквозной прорез для повязки.

Замечательный, пока уникальный, предмет — **дротико-** или **гарпунометалка** из моржового клыка; по имеющимся данным, она приобретена в поселке Чехлюк (Секлюк) на острове Иттыгран, что к юго-западу от острова Аракамчечена. По форме эта гарпунометалка проще, чем позднейшие подобные же снаряды западных американских и азиатских эскимосов. Как видно из прилагаемого рисунка (табл. 38, рис. 21), посредине и к концу она несколько сужена; ручка простая, овальная, в поперечном разрезе имеет треугольную форму с глубоким желобком для древка метательного орудия. Передний конец обломан; не ясно устройство штифтика, в который упирается задний конец древка. Исключительно интересна, помимо формы, орнаментация. Внутренняя поверхность орнаментирована очень тонкими нацарапанными параллельными и встречающимися под острым углом линиями; вся наружная поверхность покрыта хорошо уже нам известным орнаментом в наиболее раннем древнеберингоморском стиле 1. Нацарапаны неправильной формы концентрические кружки с точками в центре; пучками и радиально, как шипы или шпоры, расходящиеся от них линии; полукруги и прерывистые, всегда чрезвычайно тонко нацарапанные линии, — все, что так характерно для этого древнего известного нам эскимосского орнаментального стиля, здесь налицо. Мы его знаем по орнаменту ряда предметов из оквикской [1] стоянки на Пунукском острове, по орнаменту «крылатого» предмета с острова св. Лаврентия [2] и одного из наконечников гарпуна из района мыса Дежнева (табл. 7, рис. 1).

Боковой зубец **птичьего дротика,** изображенный на табл. 36, рис. 14, из моржового клыка, плоский, с заостренной базой, вставляющейся в древко, и с продольным прорезом для прикрепления к нему; по наружному краю две бородки.

Интересен наконечник дротика или копья с азиатского побережья Берингова пролива, приведенный в работе Свердрупа [3], судя по характеру орнамента — позднего пунукского времени.

Наконечник дротика или остроги из моржового клыка с четырьмя асимметричными бородками уплощенной формы (табл. 36, рис. 38), очень больших размеров.

Наконечники стрел могут быть подразделены на три группы: костяные или из моржового клыка остроконечные и тупые и наконечники каменные.

Острые наконечники стрел в большинстве костяные, плоские, с расщепленным, вильчатым (табл. 36, рис. 15) или черенковым основанием, без бородок (табл. 36, рис. 16 и 17), или с бородками (табл. 36, рис. 18); встречаются и трехгранные с одной бород-

---

[1] Rainey, 1941 d: рис. 19 (6—9); рис. 24 (6—7); рис. 26 (1—3).
[2] Collins, 1937: 42; рис. 4.
[3] Свердруп, 1930; табл. 25, рис. 3.

кой (табл. 36, рис. 19). Все эти наконечники, судя по цвету кости и типологически, позднего пунукского времени и даже протоисторические. К этому же времени относятся и тупые, с гнездом для насада на древко, наконечники стрел цилиндрической, желудевидной и яйцевидной формы (табл. 36, рис. 13).

Современными я считаю кремневые и из дымчатого кварца наконечники стрел удлиненной формы, черенковые, с плечиками (табл. 36, рис. 20 и 21).

Закрутки для упрочненного лука всегда употребляются парой для закрепления «канатика» из сухожильных или китового уса волокон на спинке лука. Они представляют собою уплощенной формы стерженьки с концами, загнутыми в противоположные стороны, как это видно на изображении одного из них на табл. 36, рис. 25. Судя по цвету моржового клыка, из которого они сделаны, закрутки эти недавнего происхождения.

Грузики птичьих бола все из моржового клыка, разнообразных, но общераспространенных форм (табл. 36, рис. 26 и 27). Интересны те из них, которые представляют собою фигурки тюленей (табл. 36, рис. 28 и 29). Бола с подобными грузиками, в виде фигурок белых медведей, птиц и тюленей, с мыса Хоп описана Нельсоном [1].

Грузила рыболовные к удочкам трех типов: сравнительно короткие и круглые в поперечном разрезе, утолщенные в нижней трети из моржового клыка или сланцевые с круглыми дырочками на обоих концах для лесы (табл. 36, рис. 33); примерно той же формы, но значительно более длинные из моржового клыка (табл. 36, рис. 35); наконец, уплощенной формы, книзу расширяющиеся, с дырой для лесы на верхнем конце и ушками посредине для нескольких крючков (табл. 36, рис. 34).

Грузило к сетям из моржового клыка, обычной формы, с двумя дырами у верхнего края для подвешивания (табл. 36, рис. 32).

РАЗЛИЧНЫЕ ОРУДИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ

Ни одна мастерская изготовления каменных орудий на Чукотском полуострове еще не открыта. Среди кухонных отбросов культурного слоя и при раскопках древних эскимосских жилищ обычно находятся уже законченные орудия, изредка отщепы, которые также носят следы использования их в качестве орудий. Из случайных находок с побережья Чукотского полуострова имеется только один **нуклеус** призматической формы (табл. 36, рис. 30), от которого отделялись очень тонкие и узкие пластины.

Среди законченных орудий на первое место должны быть поставлены по их важности в быту древних эскимосов топоры с поперечным лезвием, или тесла.

Массивное оббитое со всех сторон **тесло**, изображенное на табл. 36, рис. 36, из окремнелого туфа, частично отшлифовано; лезвие одностороние заточенное и притупленное от долгого употребления. Интересны следы пропила, хорошо видные вдоль одного из продольных краев, при помощи которого и последующего удара заготовка была отделена от глыбы. Два других тесла, одно из нефритовидной породы (табл. 36, рис. 37), другое из окремнелого туфа (табл. 37, рис. 5), хорошо отшлифованы почти по всей поверхности, обычной прямоугольной формы, с односторонне заточенным лезвием. Наряду с большими встречаются и совсем миниатюрные тесла, вставлявшиеся в костяные обоймы, например, нефритовое, изображенное на табл. 36, рис. 31.

Очень интересно небольшое круто заточенное нефритовое тесло в роговой обойме, изображенное на табл. 37, рис. 1. Другая роговая обойма (табл. 37, рис. 2), судя по форме гнезда, предназначена была для тесла плоского и больших размеров.

Ручки мотыг, которые, как правило, делались из дерева, равно как и ручки-топорища тесел, редко встречаются при раскопках. Поэтому из случайных находок интересна деревянная ручка от мотыги (табл. 37, рис. 3) и ручка для тесла из моржового клыка (табл. 37, рис. 4), приобретенная в Ногакуте. Ручка кирки-мотыги расширена на переднем конце и удлинена; поверхность, соприкасающаяся с мотыгой, вогнута; для крепления мотыги к ручке, помимо зарубки у верхнего края ручки, прорезана специальная треугольная дыра в теле ручки и сделана зарубка на ее середине. Такой тип известен уже в пунукское время [1] и затем получил широкое распространение среди эскимосов как на западе, так и на востоке занятой ими территории. Более специальная форма ручки из моржового клыка. И здесь на переднем конце имеется специальная выемка-жолоб для обоймы тесла, а для крепления биконически высверлены две дыры на переднем конце ручки.

Образец **скребка** для выделки шкур дан на табл. 37, рис. 6; он из окремнелого туфа, грубо обтесан, употребляется вставленным в специальную рукоятку. Пользовались также вставленными в рукоятку плоскими шлифованными **скобелями**, образец которого дан на табл. 37, рис. 7.

Нож из халцедона листовидной формы (табл. 37, рис. 10) с довольно грубой отжимной ретушью; его лезвие острое, но не ровное, извилистое в профиле.

Длинный кремневый нож однолезвенный со спинкой и широким череном (табл. 37, рис. 13) вставлялся в конце длинной деревянной или костяной ручки.

Вероятно, в качестве мужских ножей, но, возможно, как наконечники копья или дротика употреблялись клинки кремневый (табл. 37, рис. 9) и из дымчатого кварца (табл. 37, рис. 8).

Первый из них листовидной формы, с широким и длинным череном; тщательно отретуширован отжимной техникой. Второй также листовидной формы, но с коротким череном и небольшой выемкой у основания; вся поверхность ретуширована.

Шлифованные сланцевые мужские **ножи** все лавролистной формы, с широким череном, вставлявшимся в костяную ручку. В качестве образца один из таких ножей из наших раскопок на острове Ратманова дан на табл. 37, рис. 11; остальные (табл. 37, рис. 12, 16 и 22) из различных пунктов побережья Чукотского полуострова. Очень интересен лавролистный клинок, вставленный в костяную ручку (табл. 37, рис. 22).

Образец сланцевого же мужского, но однолезвийного ножа со спинкой и широким череном дан на табл. 37, рис. 14.

Интересен большой, вероятно для разрезывания китового сала и мяса, сланцевый двулезвийный

[1] Nelson, 1899: 134; табл. 51, рис. 8.

[1] Collins, 1937; табл. 79, рис. 1 и 2.

нож, изображенный на табл. 37, рис. 23; передний его конец обломан.

Женские сланцевые **ножи** (ulu) общераспространенного типа. На табл. 37, рис. 15, дано изображение одного из таких маленьких ножей в костяной ручке, другого (табл. 37, рис. 17) — с конически высверленными дырами для привязывания к ручке.

Очень интересны маленькие нефритовые ножички с выгнутой спинкой и прямым лезвием, тщательно отшлифованные. У черена одного из них (табл. 37, рис. 18) коническая ямочка, недосверленная дырочка. Возможно, что при пользовании такими ножичками их вставляли в костяные рукоятки с очень узким гнездом.

Молоток из моржового клыка с круглой дырой-втулкой для ручки (табл. 37, рис. 19) (приобретен в Нейине—Кныехвен) интенсивно коричневой окраски от долгого пребывания в земле. Интересен орнамент в пунукском стиле, параллельными глубоко врезанными линиями.

Гребни. Очень интересный гребень из моржового клыка с длинными зубцами с азиатского побережья Берингова пролива опубликован Свердрупом [1]. Оригинально оформление его ручки, орнаментированной в древнеберингоморском стиле. Такого же типа, но несравненно проще, имеющийся в коллекции Борисова гребень из моржового клыка в деревянной ручке со ст. Владимир. Ряд длинных зубцов расположен по эллипсу; в ручке гребень закреплен при помощи костяной заклепки. Такие гребни хорошо известны по эскимосским этнографическим коллекциям как с азиатского побережья, так и из Америки.

Иного типа два гребня из моржового клыка с короткими сработанными зубцами (табл. 37, рис. 20 и 21). Эти гребни употреблялись, вероятно, при выделке шкур.

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ МОРЖОВОГО КЛЫКА

Переходя к рассмотрению самых разнообразных изделий из моржового клыка, интересных прежде всего с художественной точки зрения, в первую очередь следует ознакомиться с моделью **каяка.** Этот небольшой килевой каяк замечателен гравировкой на его верхней поверхности. В центре люка там, где сидит человек, вырезано барельефное изображение человеческого лица (табл. 38, рис. 6). Маска лица выполнена схематично: намечены глаза, рот, нос. Остальная верхняя поверхность сплошь покрыта классическим клювовидно-глазным мотивом орнамента в древнеберингоморском стиле, выполненном тончайшими нацарапанными линиями. В килевой части каяка, близ носа, было ушко для подвешивания. Подобные модели, как мы знаем, обычно трактуются как детские игрушки. В данном случае мы несомненно имеем дело с моделью, предназначенной для какого-либо ритуального обряда, связанного с промыслом морского зверя. Модель эта очень древняя; помимо стиля орнамента, об этом свидетельствует темно-коричневый ее цвет, результат долгого пребывания в земле. Каково бы ни было практическое назначение этой модели, она важна как документ, указывающий на то, что уже в древнеберингоморское время азиатские эскимосы владели каяком в его совершенной форме, вполне закрытой от доступа волн в лодку.

[1] Свердруп, 1930; табл. 25, рис. 5.

Ложечка из моржового клыка яйцевидной формы с короткой и широкой ручкой (табл. 38, рис. 18), помимо своей формы, интересна орнаментом, покрывающим верхнюю поверхность ручки. Посредине две волнистые линии, от которых по обе стороны идут ряды параллельных прямых линий. Присматриваясь к этим волнистым линиям, нетрудно заметить, что они стилистически подобны волнистой линии, которую мы видим на костяном надбровнике древнеберингоморского времени, найденном Коллинзом [1] на острове св. Лаврентия. Отсюда можно сделать вывод о времени этой ложечки.

Повидимому, очень древни и художественно оформленные **колышки** из моржового клыка (табл. 38, рис. 1 и 2), назначения которых мы пока не знаем. Один из них увенчан как бы распускающимся трехлепестковым бутоном. На поверхности обоих спирально спускающийся вниз желобок, свидетельствующий о знакомстве с принципом винта. В этой связи интересно отметить, что винтообразно вырезанные колонки из моржового клыка были найдены Коллинзом в древнеберингоморском комплексе вещей при раскопках на острове св. Лаврентия [2]. Заметим кстати, что оба эти колышка темнокоричневого цвета, характерного для ископаемой кости.

Крылатый предмет, назначение которого не выяснено, в данном случае напоминающий бабочку не только по форме, но и по размерам. «Бабочка» эта (табл. 38, рис. 3), как и все крылатые предметы, вырезана из моржового клыка. Туловище и крылышки четко расчленены, особенно на нижней поверхности — брюшке. На нижней поверхности между брюшком и крылышками проделаны ушки; в области шейки, как полагается, неглубокое гнездо. Брюшко и вся верхняя поверхность покрыты орнаментом — процарапанными сплошными и прерывистыми линиями, повторяющими очертание контуров крыльев, а на спинке подчеркивающими ее форму. Типологически эта «бабочка» несомненно ранняя древнеберингоморская. Последнее вытекает как из относительной реалистичности изображения бабочки, так и из характера орнамента (ср. с «бабочками» из раскопок на острове св. Лаврентия Гейста [3] и Коллинза [4]. Древность ее подтверждается и темнокоричневым, почти черным ее цветом.

Среди предметов, орнаментированных в пунукском стиле, в первую очередь должен быть отмечен фрагмент (табл. 38, рис. 4) клиновидного «церемониального» предмета, как подобные вещи называет Гейст, хотя на клин он похож мало и генетически скорее связан с трезубцем — предметом, с которым мы познакомились при описании вещей из раскопок в Сирэник (табл. 29, рис. 24). Так же как и у трезубца, основание этого предмета прямоугольное, с цилиндрическим в центре гнездом для насада на древко, с тремя подымающимися кверху ответвлениями, связанными между собою. Точно такие же предметы не только по форме, но и по характеру

[1] Collins, 1937; табл. 58, рис. 12.
[2] Collins, 1937; табл. 59 рис. 15.
[3] Geist and Rainey, 1936; табл. 60 и 61, рис. 3.
[4] Collins, 1937; табл. 20 и 21.

…аментации мы знаем из раскопок Гейста[1] на острове св. Лаврентия; там же такой предмет был приобретен Коллинзом[2], подобные же были описаны и ранее[3]. Коллинз[4] считает их пунукским вариантом «крылатых» предметов, так как и здесь мы имеем цилиндрическое базальное гнездо для насада на древко, но крылья, вместо того чтобы оставаться свободными, привязаны к вершине центральной вертикальной колонки. Полная аналогия нашему предмету — цельный, воспроизведенный в работе Гейста и Рейни[5]. Следует подчеркнуть удивительную устойчивость формы и орнаментации всех известных нам подобных церемониальных предметов.

Часть **игольника** из крыловой кости птицы, покрытого снаружи характерным орнаментом из параллельных линий и вертикальных к ним зубцов, изображена на табл. 38, рис. 13. Точно такой же игольник был приобретен Коллинзом[6] на острове св. Лаврентия.

Крючок-наперсткодержатель из моржового клыка для наперстков, сделанных из тюленьей кожи, воспроизведен на табл. 38, рис. 12. Наперсткодержатель этот, очень типичный для эскимосской культуры, представляет собою пластинку с прорезом посредине на три четверти ее длины и с ушком для подвешивания. Плоская его поверхность орнаментирована с обеих сторон характерными для пунукского времени концентрическими кружками и параллельными линиями с рядами перпендикулярных к ним зубцов. Такие крючкообразные наперсткодержатели сильно варьируют в деталях; многочисленные их образцы описаны рядом авторов[7].

Костяная пряжка (из поселка Нихлан) со скульптурной головой ушастого зверька (табл. 38, рис. 5); спинка орнаментирована пунктирными линиями, на брюшке ушко для привязывания.

Очки снеговые из моржового клыка (табл. 38, рис. 7) с очень узкими прорезами для глаз широко распространенного как среди азиатских, так и среди американских эскимосов типа, покрытые снаружи орнаментом пунукского стиля. Многочисленные образцы подобных очков опубликованы в работах

[1] Geist and Rainey, 1936; табл. 62, рис. 4 и 5; табл. 72, рис. 1.
[2] Collins, 1937; табл. 68 и 69, рис. 6.
[3] Collins, 1929; табл. 10c. d. e. Hrdlicka, 1930; табл. 23b.
[4] Collins. 1937: 199.
[5] Geist and Rainey, 1936; табл. 62, рис. 4.
[6] Collins. 1937; табл. 66, рис. 7.
[7] Murdoch, 18 2: 321, рис. 328. Nelson, 1899; табл. 44, рис. 1—9. Thalbitzer. 1914: 522, рис. 250. Mathiassen, 1930a; табл. 11, рис. 2—6; табл. 16. рис. 2.

Мердока[1], Нельсона[2], на острове св. Лаврентия были найдены Коллинзом[3] в древнеберингоморском и пунукском комплексах. Темный коричневый цвет этих очков, как и описанного выше наперсткодержателя, подтверждает их ископаемое происхождение.

Исключительный образец эскимосского художественного творчества — ручка из моржового клыка (вероятно, от женского мешка), воспроизведенная на табл. 38, рис. 20. Она представляет собою две геральдически противопоставленные головы кита, скульптурно выполненные с обширным ушком посредине сверху и двумя маленькими у основания голов. За исключением голов кита, вся остальная поверхность ручки покрыта тонким орнаментом в пунукском стиле, элементы которого нам хорошо известны по раскопкам Гейста[4] и Коллинза[5] на острове св. Лаврентия.

Из **скульптурных фигурок**, найденных на древних эскимосских стойбищах Чукотского полуострова, заслуживают внимания фигурки тюленя из горной смолы (табл. 38, рис. 16), морского бобра из моржового клыка (табл. 38, рис. 14) с орнаментом из параллельных линий и вертикальных к ним зубцов, фигурки птичек из моржового клыка (табл. 38, рис. 15 и 17).

Ручка от бубна из моржового клыка, общераспространенного типа, интересна оформлением своей верхней части в виде клюва гуся или утки, с орнаментом из параллельных линий пунукского стиля (табл. 38, рис. 19).

Интересен **амулет** из клыка волка с ушком для подвешивания и вырезанным на одной из его поверхностей глазом, так что получается впечатление птичьей головки (табл. 38, рис. 8).

Хрдличка[6] опубликовал замечательную скульптурную фигурку человека из моржового клыка с северо-восточного побережья Азии. То, что есть у нас, из коллекции Борисова, имеет мало общего со статуэткой, опубликованной Хрдличкой. Это три, видимо, амулета, вырезанные из моржового клыка, представляют собою очень схематичное воспроизведение человеческих фигурок. Они имеют совсем новый вид и, возможно, даже современные чукотские, а не эскимосские охранители-защитники (табл. 38, рис. 9, 10 и 11).

[1] Murdoch, 1892: 260; рис. 259 - 261.
[2] Nelson. 1899; табл. 14.
[3] Collins. 1937; табл. 58, рис. 1 и 2; табл. 60, рис. 6; табл. 79, рис. 11.
[4] Geist and Rainey, 1936: 180, рис. 29.
[5] Collins. 1937; табл. 70, рис. 22.
[6] Hrdlička, 1930, табл. 25.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ЖИЛИЩА

Типичным постоянным жилищем азиатских эскимосов была полуземлянка, при постройке которой, за недостатком леса плавника, широко использовались кости кита.

Первые сведения о таких полуподземных жилищах эскимосов были сообщены в 1655 году в отписке якутского воеводы Степана Дежнева, который против островов Диомида и Гвоздева видел становище, «что башни из китовой кости»[1]. Позднее, в 1711 году, Петр Попов, спустившись вниз по реке Анадырю (направляясь к мысу Дежнева) писал о чукчах (эскимосах. — *С. Р.*), живущих по обе стороны мыса Чукотского: «Живут они в земляных юртах»[2]. В 1732 году, во время плавания из устья реки Камчатки на Чукотский полуостров, Иван Федоров высадился со своими спутниками к северу от мыса Чаплина, и там они «осматривали две юрты пустые деланы в земле китовыми костьми, старые и разрытые», а несколько позднее у мыса Дежнева осмотрели «оных юрт числом шесть, сделаны в земле, деревянные, лесу елового»[3].

Того же типа, что и у эскимосов, постоянные жилища были и у чукчей. Крашенинников[4] о них писал: «Делаются наподобие камчатских в земле, но несравненно больше: живут в них по множеству народа». По сообщению спутников Биллингса[5], зимние жилища чукчей были похожи на алеутские. Внутренняя их часть имела форму продолговатого четырехугольника. Свод делался из жердей, китовых костей, покрывался травой, дерном и засыпался землей. Вход в жилье был сверху через особое отверстие. Посредине устанавливался очаг.

Врангель, который повсеместно, от мыса Баранова до Берингова пролива, далее вдоль Берингова моря к югу от пролива встречал остатки заброшенных подземных жилищ, высказал предположение, что они когда-то были обитаемы эскимосами, впоследствии переселившимися в Америку.

«На север и запад Шалаурова острова, — писал Врангель[1], — скалы подымаются на пятнадцать сажен высотою; западная сторона их склоняется к морю и покрыта вся китовыми ребрами, лежащими здесь в небольших отдельных кучах. Они составляют следы хижин народа, некогда здесь обитавшего и питавшегося рыбой и морскими млекопитающими, преимущественно китами, употребляя их огромные ребра вместо бревен и шестов при сооружении хижин». И далее: «Судя по остаткам хижины, они были несколько углублены в землю и покрывались китовыми ребрами и землею». Того же, что и Врангель, взгляда на принадлежность древних землянок на побережье Чукотского полуострова эскимосам придерживался и Нельсон[2]. Он видел развалины древних эскимосских поселков вдоль сибирского побережья Ледовитого океана, в частности у мыса Ванкарем.

Полуразрушенные, полуподземные жилища у мыса Ванкарем Хупер[3] видел еще в 1881 году. «Вблизи оконечности мыса Ванкарем, — писал он, — мы находили развалины домов, подобные тем, в которых теперь живут иннуиты, наполовину подземные, с остовами из костей кита. Возможно, что они были прежними постройками иннуитов, которые по каким-то причинам переправились через проливы и попытались укрепиться на сибирском берегу... Жилища эти, которые были находимы разными путешественниками во многих местах вдоль этого берега, совершенно не похожи на жилища, употребляемые чукчами».

Богораз[4] подобное «жилище из челюстей» видел в чукотском поселке Нунлигран. Судя по подробному описанию этого жилья, землянка имела два входа, причем верхним, через крышу в центре, пользовались летом, а зимою узким и длинным подземным тоннелем.

Жилища, только незначительно углубленные в землю, с коротким, очень низким коридорным входом, для постройки которых в значительной мере используются китовые кости, до сих пор

[1] Берг, 1920: 15.
[2] Берг, 1920: 38.
[3] Ibid.: 48.
[4] Крашенинников, 1755; 2: 25—28.
[5] Сарычев, 1811: 5.

[1] Врангель, 1841: 295, 333.
[2] Nelson, 189[illegible]: 263—255.
[3] Hooper, 1884: 63, 99.
[4] Bogoras, 1904—1909; 1: 120—123.

сохранились у эскимосов острова Ратманова и в современном поселке Наукан на материке.

В результате систематических раскопок у Гамбелл на острове св. Лаврентия Коллинз [1] различает следующие четыре типа эскимосских жилищ — три древних и четвертый современный.

1. Жилища древнеберингоморского периода: малые прямоугольные, квадратные; полуподземные, пол каменный; стены из горизонтально положенных малых бревен со случайными нижнечелюстными костями кита, удерживаемые на месте деревянными или костяными кольями; форма крыши неизвестна; длинный входной коридор, расположенный ниже, чем пол жилища, с каменным полом и стенами, бревенчатой крышей.

1а. Видоизмененное древнеберингоморское жилище начало входить в обиход в ранней стадии последующего пунукского периода; подобное во всех основных чертах древнейшей форме, но почти вдвое больше; крыша из деревянных плах.

2. Жилище иного типа относится несомненно к поздней стадии пунука; полуподземное, прямоугольно-квадратное; пол каменный, стены сложены из камней, моржовых черепов и китовых костей, заменивших бревна; входной коридор уже и ниже или на одном уровне с полом жилища; коридор перекрыт китовыми ребрами или камнями; круглые расширения или отделения при входе.

2а. Видоизменение вышеописанной формы со стенами целиком каменными и главным образом над почвой; входной коридор; внутренняя каменная стена образует перегородку; основа крыши иногда из челюстей кита; покрывались, возможно, моржовыми шкурами; жилище несомненно летнее.

3. Жилище, отличающееся от предыдущих некоторыми фундаментальными особенностями. Вошли в обиход во время пунукского периода и бытовавшие еще 40—50 лет назад. Полуподземное, прямоугольно-квадратное; пол из хорошо пригнанных тесанных плах или чурок; стены из малых бревнышек и китовых челюстей; низкие обширные нары вдоль двух или трех сторон; от двух до шести тяжелых стоек, подымающихся с пола близ центра, поддерживающих две или три тяжелые китовые челюсти, положенные параллельно, как балки крыши; центральная часть крыши плоская, нижние части наклонены, целиком покрыты дерном; небольшая отдушина из китового позвонка; длинный узкий входной коридор, на одном уровне с жилищем сложен и покрыт бревнами, иногда имеют каменный пол.

4. Современные жилища на острове св. Лаврентия восьмиугольные, построены на поверхности; остов деревянный, крыша из шкур моржа; внутреннее спальное помещение ввезено из Сибири, вероятно, в XIX веке.

Для того чтобы составить представление о былом устройстве эскимосских жилищ, крайне ценны описания жилищ аляскинских эскимосов, оставленные первыми русскими путешественниками, посетившими Аляску в начале XIX века.

«Дома свои коняги [2], — читаем мы у Хвостова и Давыдова [3], — строят следующим образом: врывают в землю бревна или колотые доски, несколько наклонно к внутренней стороне, а крышу делают плоскую или кругловатую. Потом обкладывают все это травою и землею. Это их общая кухня, в кою входят через небольшое отверстие, покрываемое тюленьей кожей; в середине сего шалаша разводят огонь, а над оным в крыше оставлено полое место для выхода дыма. Вместо пола стелют сухую траву, а по бокам кладут некоторые домашние снаряды. В иных есть лавки, но всегда шалаш сей весьма нечист. Из кухни в сторону есть небольшое круглое отверстие, закрываемое доскою, куда с великим трудом пролезть можно, дабы взойти в теплый покой, называемый русскими жупан и занимаемый обыкновенно двумя или тремя семействами, а весьма редко одним. Таких жупанов у каждой кухни бывает по два и по три, смотря по числу семей, живущих вместе. Пол сего покоя всегда ниже поверхности земли, стены в нем наклонные, крышка сводится поверх земли, и в ней или в боку находится окно. Вместо стекла служат бобровые или другие тонкие и прозрачные кишки, а вместо рамы четыре палочки: свету в покой очень довольно входит. Жупаны содержатся чисто, в них стелют пол из досок, если лес недалеко, а в противном случае сухую траву и часто сплетенные из травы рогожки.

Во всяком селении построен бывает шалаш, называемый кажим, в коем бывают игрища. Крышка оного сводится кругловато, в ней сделано большое окно, закрываемое сшитыми кишками, и внутри вокруг лавка».

О жилищах эскимосов залива Нортона, южных соседей конягов, Загоскин [1] писал:

«Туземцы Нортонова залива имеют летние жилища особо от зимних; постройка как тех, так и других следующая: на избранном для зимника месте вынимают земли на аршин и более; по углам ставятся приличной толщины столбы от одной с половиной до двух сажен высоты, стены набираются из колотых плах, которые также ставятся стоймя и вровень с угловыми столбами — из бревен пирамидально возводится вся крыша. В отверстие, оставшееся на середине, вставляется особый небольшой люк или рама, которая обтягивается кишками морских животных и заменяет окно. Стропила снаружи обставляются досками или карбасником, потом все строение засыпается землею так, что издали землянки туземцев представляются в виде небольших холмиков. Для входа в зимники выкапывается в земле узкий и длинный коридор, сажени в полторы или две длиною, коридоры обставляются тыном и также засыпаются землею. В зимник заходят ползком. Под светлым люком прямоугольная яма для очага... На каждом туземном жилье есть общественное здание, известное по кадьякскому произношению под названием кажима. Кажимы строятся сходно с зимниками, но в больших размерах. Иные по десять сажен в квадрате и четыре или пять высотою, вместо нар и полок по всем их сторонам протягиваются лавки и в некоторых кажимах на Квихпаке и Кускоквиме в два и три яруса; сверх обыкновенного хода из сеней, таких же узких и низких как у зимников, в кажимах устраивается особый, из подполья через яму огнища, которая бывает до четырех футов глубины».

Описывая жилище алеутов, Веннаминов [2] сооб-

[1] Collins, 1937: 260 — 261.

[2] Коняги — эскимосы американского побережья Берингова пролива.

[3] Хвостов и Давыдов, 1812; 2: 19 — 21.

[1] Загоскин, 1848; 1: 55 — 56.

[2] Вениаминов, 1840; 2: 199.

щает, что в прежнее время они были очень больших размеров, так что в каждом из них помещалось от 35 до 40 семейств. О древних жилищах он писал[1]: «Нередко, и особенно в самой глубокой древности, вместо всех столбов, перекладин и стропил употребляли одни ребра больших китов, которые обоими концами ставили подле стены, врывая несколько в землю, а между другими двумя вверху утверждали распорки или быки, связывая их ремнями, отчего из них образовывалось полукружие; потом на них утверждали несколько бревен, положенных вдоль юрты и в соразмерном друг от друга расстоянии, на которые клали сплошь доски. Вверху, посредине строения между стропилами, делались несколько люков или отверстий, из коих одни служили для входа и выхода из жилища и вместе окнами и дымовыми трубами, а другие отверстия прямо для дыма и света».

Раскопок жилищ на побережье Чукотского полуострова мы не производили, тем не менее археологические разведки, связанные с отдельными жилищами, позволяют сделать ряд выводов.

Прежде всего предстоит разрешить кардинальный вопрос: действительно ли охотники за морскими млекопитающими, древние поморы чукотского побережья, издревле жили в полуземлянках? Вопроса этого не было до открытия оквикской стоянки на Пунукских островах и описанного нами древнего уэленского стойбища. Ни на островах, ни на материке в указанных пунктах, несмотря на насыщенный кухонными остатками и орудиями культурный слой, никаких признаков полуподземных жилищ обнаружено не было. Можно было бы думать, что и в том и другом пункте мы имеем дело со стойбищами сезонного характера, летними, где жилища были только наземные и не устраивалось мясных ям для хранения на зиму запасов мяса. С другой стороны, не случайно, что в Уэлене и на оквикской стоянке мы имеем своеобразную, повидимому, древнейшую стадию эскимосской культуры в районе Берингова моря, а не с временными стойбищами более поздних и лучше нам известных стадий эскимосской культуры. Правда, Рейни[2] пишет, будто бы Гиддингс на острове св. Лаврентия нашел остатки жилища оквикского времени. Однако это не была типичная полуземлянка; жилище это имело, повидимому, круглую форму, и устланный камнями пол не был глубоко погружен в землю. Кроме того, возможно, что это жилище относилось уже к ранней древнеберингоморской стадии эскимосской культуры, отмеченной древнеберингоморским стилем искусства 1.

Таким образом, вполне возможно, что при дальнейших исследованиях будет определенно установлено, что предки эскимосов пришли на берингоморское побережье с каким-то типом наземного жилища и только постепенно перешли к постройке полуподземных зимних жилищ, приспособляясь к новым для них условиям оседлой жизни в Арктике.

На стадии ипиутак, бирнирк и древнеберингоморской постоянным зимним жилищем берингоморцев и соседящих с ними племен была полуземлянка. У мыса Хоп полуземлянки были очень небольших размеров и сравнительно неглубоко врыты в землю. Типичные древние берингоморские жилища несколько больших размеров и глубже погружены в землю.

По литературным данным, не вдаваясь в детали, мы знаем, что остатки полуземлянок распространены по всему арктическому побережью Азии от острова Четырехстолбового до мыса Дежнева. Начиная от мыса Дежнева, остатки их мы видели повсюду вдоль побережья от Берингова пролива вплоть до мыса Беринга. Известны также их остатки в западной и южной части Анадырского залива. И здесь, как и на острове св. Лаврентия, квадратные небольших размеров полуземлянки связаны с культурными остатками древнеберингоморского периода. Такие полуземлянки с коридорным входом встречаются, как обособленные жилища, так и группами, соединенные между собою коридорными ходами. Остатки таких жилищ мы видели на острове Ратманова, у мыса Низменного, у мыса Чукотского, в Сирэник, у мыса Беринга. Вполне возможно, что, подобно тому как это наблюдали Хвостов и Давыдов у конягов, центральное помещение такого коллективного жилья служило общей кухней, а периферийные, связанные с центральным помещением коридорными ходами, жилищем отдельным семьям.

Как и на острове св. Лаврентия, на азиатском побережье эскимосские жилища более позднего времени, пунукской стадии эскимосской культуры, были больших по сравнению с древнеберингоморскими размеров. Особенность, которая бросается в глаза при сравнении древнеберингоморских и пунукских жилищ на Чукотском полуострове, — широкое использование китовых костей как строительного материала для жилищ в пунукское время. Особенно показательны в этом отношении жилища в Сирэник, где для постройки одного, хотя, быть может, многосемейного жилища использовалось до восьмидесяти одних только черепов кита, не считая нижнечелюстных костей, ребер и позвонков кита.

Нигде на побережье Чукотского полуострова мы не видели среди жилищ в древних поселениях эскимосов остатков построек, выделяющихся среди остальных своими большими размерами. Отсюда можно заключить, что у азиатских эскимосов ни в древнеберингоморское время, ни позднее не было специальных общественных или мужских построек, подобных кажимам западных американских эскимосов. Последнее, быть может, объясняется тем обстоятельством, что, насколько мы знаем, эскимосские поселения на побережье Чукотского полуострова никогда не были особенно многолюдными. Нигде мы не встречали древних стойбищ, где бы имелось более десятка-двух однотипных полуземлянок, да и то вряд ли были одновременными.

Какими изменениями в социальном строе эскимосов обусловливалась перемена в типе жилищ — вопрос дальнейших исследований. Возможно, что новый тип жилья пунукского времени возник вместе с патриархальной семьей, пришедшей на смену матриархальной древней берингоморской.

О деталях в конструкции жилищ пока мы знаем слишком мало. Нельзя с определенностью сказать, пользовались ли древние азиатские эскимосы центральным световым и для дыма отверстием в крыше, как входным, помимо коридора. Несомненно только, что интенсивное использование костей кита как строительного материала для жилища было есте-

1 Вениаминов, 1940: 205.
2 Rainey, 1941d: 465—471.

ственным результатом развития китобойного промысла только в сравнительно позднее пунукское время.

Орудия, которыми пользовались эскимосы **при постройке жилищ**, были: тяжелые мотыги из моржового клыка, мотыги из ребер кита, большие клинья из моржового клыка для раскалывания стволов деревьев на плахи и каменные тесла для обделки этих плах и китовых костей. Типы клиньев и тесел рассмотрим позднее.

Тяжелые из цельных моржовых клыков мотыги были самым обычным орудием древнеберингоморского периода на острове св. Лаврентия [1]. На Чукотском полуострове такие мотыги мы имеем с древнего стойбища в Уэлене (табл. 2, рис. 30), из Кивака (табл. 17, рис. 25). Изготовлялись они, как сказано, из цельных клыков моржей, в некоторых случаях из больших его отрезков, и предназначались для копки земли при постройке полуземлянок и рытья мясных ям. Возможно, что ими пользовались и при устройстве прорубей во льду. Нижний конец таких мотыг обычно затесан с двух сторон. Способов прикрепления к ручке было несколько. Чаще всего слегка затесана внутренняя сторона верхнего конца, прилегающего к ручке, и для прочности крепления покрыты поперечными насечками; несколько поперечных желобков на том же верхнем конце служат для привязывания. В иных случаях в верхней части вместо ряда поперечных желобков — одна широкая выемка. У коротких мотыг в верхней части обычно один или два глубоких желобка для привязывания.

Подобные мотыги из стойбищ более позднего времени по существу ничем не отличаются от древнеберингоморских. Точно такие же мы имеем из таких поздних стойбищ, как Наукан, остров Аракамчечен, мыс Чаплин (табл. 15, рис. 6), Авань, верхние горизонты восточного сектора Сирэник.

Второй тип мотыг — для снятия дерна при расчистке площадки под жилье и для заготовки дерна на покрытие полуземлянки, из обрезка китового ребра — появляется, повидимому, позднее. В комплексе древнеберингоморских вещей он не был обнаружен ни на острове св. Лаврентия, ни при наших раскопках на Чукотском полуострове. Такие мотыги мы находили на поздних пунукских стойбищах на острове Аракамчечене, на мысе Чаплина, в верхнем горизонте культурного слоя восточного сектора в Сирэник (табл. 28, рис. 6). Подобные мотыги характерны и для культуры туле в Северной Америке [1].

Для выемки земли, сгребания снега и в древности пользовались лопатами, изготовленными из лопатки моржа или китовой кости. Лопаты из лопатки моржа, употреблявшиеся для этой цели в древнеберингоморское время и позднее, почти не подвергались обработке; им придавали только соответствующую форму и устраивали прорезы для прикрепления к ручке [2]. Одна такая лопатка нами найдена при раскопках в Сирэник. Снеговые лопаты (snow chovels) из китовой кости типа, изображенного на табл. 15, рис. 18, с мыса Чаплина, появляются, повидимому, поздно, в пунукское время, и современные такие же хорошо известны по этнографическим коллекциям с Чукотского полуострова.

ДОБЫВАНИЕ РАСТИТЕЛЬНОЙ ПИЩИ

Промысел морских млекопитающих, как известно, был основой питания древних эскимосов. Между тем большое количество костяных, роговых, реже из моржового клыка кирок-мотыг для выкапывания съедобных кореньев, находимых на всех древних стойбищах, свидетельствует о том, что прежде, как и ныне, эскимосы в меру своих возможностей добывали и растительную пищу. Богораз [2] приводит длинный список растений, корни которых употреблялись в пищу на Чукотском полуострове. О выкапывании кореньев и о добывании их запасов из мышиных нор у западных, аляскинских эскимосов писал и Нельсон [3].

Кирки для выкапывания съедобных кореньев отличаются от мотыг значительной длиной при малом поперечном сечении и заостренным нижним концом. Простейший тип такой кирки из отростка оленьего рога с проушиной в верхней ее части изображен на табл. 15, рис. 2; уплощенная костяная кирка с зарубкой для прикрепления к ручке изображена на табл. 15, рис. 3; все они варьируют по форме и способу прикрепления к ручке (табл. 10, рис. 16; табл. 18, рис. 21). О типе ручек к киркам для выкапывания съедобных кореньев можно судить по деревянной ручке, изображенной на табл. 37, рис. 3.

Помимо съедобных кореньев, азиатские эскимосы прежде, как и в настоящее время, в значительном количестве употребляли в пищу морскую капусту. Снаряд для добывания последней из раскопок у мыса Чаплина, пунукского времени, довольно сложен (табл. 15, рис. 1). Возможно, что в древности какие-то менее сложные приспособления применялись для ее добычи, хотя морскую капусту всегда без труда в летнее время можно было собирать на берегу, куда ее выбрасывал морской прибой.

ОРУДИЯ ПРОМЫСЛА МОРСКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ

НАКОНЕЧНИКИ ГАРПУНОВ

Преобладающее количество костей морских млекопитающих — моржа, лахтака, нерпы, позднее кита — в кухонных отбросах древних эскимосских стойбищ на побережье Чукотского полуострова, наличие ям для хранения мяса этих млекопитающих указывают на первенствующее значение промысла именно этих животных. Поэтому обзор способов добывания эскимосами животной пищи мы начинаем с орудий морского зверобойного промысла, в первую очередь с гарпуна — самого важного из них.

[1] Collins, 1937: 160.
[2] Bogoras, 1904—1909; 1: 198.
[3] Nelson, 1899: 268.

[1] Mathiassen, 1927; 1: 56; табл. 21.
[2] Geist and Rainey, 1936: 105; табл. 24, рис. 6 и 7. Collins, 1937; табл. 50, рис. 6; табл. 60, рис. 12.

Древко и другие части гарпуна, за исключением наконечников, повидимому, мало изменялись во времени, да и не так хорошо известны. Напротив, наконечников гарпунов много, и благодаря их изменчивости во времени и в пространстве они являются лучшими руководящими формами для характеристики стадий развития эскимосской культуры.

Гарпуну посвящено немало специальных работ. Наконечники древних эскимосских гарпунов особенно детально изучены Коллинзом. Помимо классификации, в его работе дана весьма показательная схема хронологического развития на острове св. Лаврентия, у Гамбелл[1], наконечников гарпунов с открытым гнездом, категории, преобладающей на ранних стадиях эскимосской культуры. Схема эта не противоречит и нашим наблюдениям на Чукотском полуострове. В специальной статье я уже имел случай дать обзор древних наконечников гарпунов азиатских эскимосов[2]. В настоящее время, после произведенных на Чукотском полуострове раскопок, наши сведения об этом замечательном орудии значительно пополнились рядом новых типов, которые должны быть отмечены особо.

Наконечники гарпунов с открытым гнездом

Тип, который Коллинз назвал древним беринговорским, отличается, как мы знаем, следующими признаками: открытое гнездо для колка; два прореза для пояска гнезда; тройная симметричная шпора со средним шипом более длинным; две круглые дыры для линя выше и ниже прорезов для пояска гнезда; в глубоких боковых выемках каменные вкладыши в плоскости дыр для линя или перпендикулярной им; орнаментированы в древнеберингоморском стиле или без орнамента; всегда из моржового клыка. Тип этот, вообще говоря, очень редок. На острове св. Лаврентия, у Гамбелл, из 417 найденных там во время раскопок наконечников гарпунов всего пять оказалось этого типа и только один вполне целый. В несколько большем числе на острове св. Лаврентия такие наконечники были найдены Гейстом[3] при раскопках у Кукулик. Два таких наконечника описаны Дженнессом[4] с острова Малого Диомида. С Аляски, в частности из района мыса Барроу, их известно только три[5]. С азиатского побережья, из района Берингова пролива, теперь мы знаем пять наконечников гарпунов древнеберингоморского типа. Один из них опубликован Свердрупом[6] и четыре в Музее этнографии в Ленинграде, из которых два опубликованы нами (табл. 7, рис. 3 и 6).

Насколько мы знаем, все до сих пор найденные наконечники гарпунов рассматриваемого типа были оснащены боковыми каменными вкладышами. Между тем в Сирэник найден наконечник гарпуна, отличающийся наличием концевого копьеца в плоскости дыры для линя, вместо боковых вкладышей (табл. 19, рис. 9). При широком корытообразном гнезде для колка, характерном вообще для описываемого типа наконечников, экземпляр из Сирэник отличается далеко поставленными на спинке, а не сближенными и не помещенными в желобке равновеликими прорезами для пояска гнезда. Местами сохранившаяся орнаментация в древнеберингоморском стиле исключает сомнения относительно древности этого наконечника.

Наконечники гарпунов древнеберингоморского типа, судя по стилю их орнаментации, характерны для первой половины древнеберингоморского периода развития эскимосской культуры. Наличие двух дыр для линя и другие конструктивные детали, с ними связанные, определяют особое положение этих наконечников. Сложность их конструкции, естественно, побуждает искать более простые предшествующие им формы. Одной из таких форм, как мне кажется, был наконечник гарпуна из района мыса Дежнева (табл. 7, рис. 1). Кроме того, стиль орнаментации этого наконечника (древнеберингоморский 1), помимо конструктивных его особенностей, свидетельствует о том, что он древнее классического древнеберингоморского типа наконечников гарпунов. То же самое следует сказать о бородчатом наконечнике гарпуна с боковыми каменными вкладышами из того же района, изображенном на табл. 7, рис. 2.

Рейни[1] в описании оквикской стоянки показал, что одновременно с предметами, в частности с наконечниками гарпунов, орнаментированными в древнеберингоморском стиле 1 и специально с мотивом, четко воспроизведенным на наконечнике гарпуна (табл. 7, рис. 1), маленький кружок с радиально расходящимися от него длинными шипами, — встречаются наконечники гарпунов иного типа, хорошо представленные у нас из древнего уэленского стойбища. Тип этих наконечников генетически не связан с типом древним берингоморским, бытовал, видимо, ранее этого последнего и генетически связан с наконечниками гарпунов так называемого бирниркского типа.

Представителем особого типа, синхронного древнеберингоморскому и производного от типа, представленного на табл. 7, фиг. 1, является наконечник гарпуна из западного сектора культурного слоя Сирэник (табл. 19, фиг. 10). Очень широкое корытообразное гнездо; двойной прорез для пояска гнезда, слившийся на спинке в один общий; тройная симметричная шпора с длинным средним шипом; одна дыра для линя и каменные боковые вкладыши — все это, равно как и материал (моржовый клык), одинаково характерны для сравниваемых наконечников. Только оформление шпоры, детали устройства прорезов для пояска гнезда, положение вкладышей относительно дыры для линя, а главное, стиль орнаментации, более поздний на наконечнике из Сирэник, позволяют последний рассматривать как особый тип, относящийся к первой половине древнеберингоморского этапа эскимосской культуры.

На побережье Чукотского полуострова хорошо представлен тип наконечника гарпуна, характерный для древней берингоморской или ранней пунукской стадии, тип II Коллинза или бирниркский Матиассена, Д. и Н. Гейста и Рейни. Диагностические признаки этого типа такие: открытое гнездо; два, реже один прорез для пояска гнезда; тройная,

---

[1] Collins, 1937; рис. 27 в тексте.
[2] Руденко, 1947.
[3] Geist and Rainey, 1936; табл. 70, рис. 6, 7, 9, 11 — 135 стр. 206, рис. 37 — 39 в тексте.
[4] Jenness, 1928a; табл. 13a, 1928b, рис. 3a.
[5] Collins, 1929, табл. 2f, Wissler, 1916: 410. Mathiassen, 1929, рис. 13b.
[6] Свердруп, 1930; табл. 25, рис. 4.

[1] Rainey, 1941d.

реже двойная или более сложная асимметричная шпора с шипами более или менее равной длины, хотя одна из них обычно выступает более, чем остальные; одна круглая дыра для линя; в глубоких вырезах два боковых каменных вкладыша, в плоскости дыры для линя или перпендикулярно ей. Форма сечения тела наконечника при тройной шпоре круглая, при двойной уплощенная. Орнамент в уэлено-оквикском стиле, в стиле древнем берингоморском или не орнаментированы.

Основное отличие этого типа наконечников от классических древнеберингоморских — наличие одной дыры для линя вместо двух и асимметричное положение шпоры. Форма гнезда совершенно такая же, как и у древнеберингоморских, обширная корытообразная, но прорезы для пояска гнезда, как правило, не одинаковой длины и не на одном уровне, а один из них расположен выше другого, так что поясок, прикрывающий гнездо, слегка скошен. В некоторых случаях вместо двух прорезов для пояска гнезда — один и противолежащий желобок. На спинке, там, где прорезы для пояска сближаются, иногда, как у древнеберингоморских, от дыры для линя к прорезам ведет глубокий желобок, в котором и сближаются прорезы.

Тип этот впервые был описан Мердоком [1] и Отисом Мейзоном [2], господствует он в коллекции Стивенсона из Бирнирк у мыса Барроу и в деталях описан Уисслером [3], преобладает в коллекции Ван Валена, оттуда же и описан Альденом Мейзоном [4]. Такие наконечники нередки на острове св. Лаврентия и встречены там в нескольких вариантах [5]. С острова Малого Диомида описаны Дженнессом [6], с Пунукских островов описаны Рейни [7]. На побережье Чукотского полуострова наконечники гарпунов этого типа, с тройной и более сложной шпорой, найдены в довольно большом количестве и приурочены пока к двум районам: Берингова пролива на севере и мыса Беринга на юге.

В этой группе прежде всего должны быть отмечены наконечники гарпунов с древнего уэленского стойбища, наидревнейшие, орнаментированные в уэлено-оквикском стиле (табл. 1, рис. 4), и подобные же наконечники из оквикской стоянки на Пунукских островах [8]; большое количество с тройной асимметричной шпорой из района мыса Дежнева (табл. 7, рис. 4, 5, 7, 8, 12 и 13), из Уэлена (табл. 1, рис. 3) и с мыса Беринга (табл. 33, рис. 5). Наконечники гарпунов бирниркского типа, уплощенной формы, с двойной асимметричной шпорой, имеются на мысе Дежнева (табл. 7, рис. 9), из Сирэник (табл. 19, рис. 11), из Энмылена у мыса Беринга (табл. 33, рис. 4).

Коллинз наконечники гарпунов рассматриваемого типа, типа бирнирк, считает производными типа древнеберингоморского (тип 1), с чем вряд ли можно согласиться. Более древние наконечники гарпунов, уэлено-оквикские, с очень сложной шпорой, оригинальной орнаментацией, глубоко врезанными линиями, схематичными изображениями животных и с оформлением шпоры в виде головы животного же, были предшественниками этого типа в Бирнирке и на древнеберингоморском этапе эскимосской культуры.

Наконечники типа бирнирк, как правило, орнаментированы в позднем древнеберингоморском стиле 3, характерном для позднего древнеберингоморского этапа развития эскимосской культуры. В литературе неоднократно отмечалось как характерная черта для бирниркских наконечников гарпуна с мыса Барроу наличие вместо двух боковых вкладышей только одного, или одной бородки, или, наконец, одной бородки и противоположного вкладыша. Экземпляр такого наконечника с одним вкладышем, орнаментированным в уэлено-оквикском стиле, мы имеем с древнего стойбища в Уэлене (табл. 1, рис. 4). Другой, также с одним вкладышем, имеется из района мыса Дежнева (табл. 7, рис. 11). Плоский костяной наконечник гарпуна бирниркского типа с двойной асимметричной шпорой и одной бородкой был найден при раскопках в Сирэник (табл. 19, рис. 13).

Наконечники гарпунов бирниркского типа с двойной шпорой, боковыми вкладышами и с одной бородкой и вкладышем или без него, как правило, изготовленные из рога или костяные, по арктическому побережью распространены от устья Колымы (находка Свердрупа на острове Четырехстолбовом [1]), через Уэлен и мыс Хоп [2] до мыса Барроу. На острове св. Лаврентия Коллинз считает их случайными. Однако находки подобных наконечников гарпунов на оквикской стоянке Пунукских островов [3] показывают, что этот неустойчивый тип наконечника гарпуна имел в древности гораздо более широкое распространение, чем предполагалось.

Как мы видели, наконечники гарпунов ранних этапов развития эскимосской культуры в массе своей были оснащены боковыми каменными вкладышами. Между тем уже в отдаленное время имелись наконечники, оснащенные концевым копьецом вместо боковых вкладышей. Серии наконечников с концевым копьецом (тип III Коллинза) мы знаем и с древней уэленской стоянки (их там очень много) и с оквикской. С острова св. Лаврентия известны серии наконечников с концевым копьецом, орнаментированные в древнеберингоморском стиле. Такие же наконечники, орнаментированные в древнеберингоморском стиле, имеются и с азиатского побережья: из района Берингова пролива [4] и с мыса Беринга (табл. 33, рис. 3). Очевидно, уже на самых ранних известных нам стадиях развития древней приморской культуры Берингова моря одновременно бытовали наконечники гарпунов с боковыми каменными вкладышами и концевым копьецом, а как исключение встречались наконечники и с концевым копьецом и с боковыми каменными вкладышами.

Тип наконечников гарпуна туле 2 Матиассена, тип IV Коллинза, так широко распространенный и характерный для культуры западных и особенно центральных эскимосов Северной Америки, на азиатском побережье встречается сравнительно

---

[1] Murdoch, 1892: 220, рис. 210.
[2] Mason, 1902: 277.
[3] Wissler, 1916.
[4] Mason, 1930.
[5] Geist and Rainey, 1936: 204; табл. 69, рис. 7. Collins, 1937: 102—103; табл. 24—25, рис. 5—10; табл. 27, рис. 14; табл. 28, рис. 1 и 2.
[6] Jenness, 1928; табл. 12.
[7] Rainey, 1941d; рис. 9.
[8] Ibid., 1941d; рис. 9 (1—5).

[1] Mathiassen, 1927; 2: 180; рис. 72.
[2] Rainey, 1941b.
[3] Rainey, 1941d.
[4] Свердруп, 1930; табл. 25, рис. 2.

редко. Это, как известно, бородчатые наконечники гарпунов с открытым гнездом, одним или двумя прорезами или с круговым желобком для пояска гнезда, треугольной дырой для линя, одной простой асимметричной шпорой. Материал — обычно рог или кость. Классическая форма с парой симметрично расположенных бородок, но встречаются с двумя и даже с тремя парами бородок. Они известны в двух вариантах: без концевого копьеца и с концевым копьецом обязательно в плоскости дыры для линя, так как это тип плоских наконечников гарпуна. В настоящее время он известен почти на всей территории, заселенной американскими эскимосами, но только на давно уже необитаемых стойбищах: на Аляске с мыса Барроу[1], далее на восток с мыса Аткинсона и острова Бартер[2]. На востоке Северной Америки он является наиболее часто встречающимся в культуре туле. Это самый обычный тип наконечников гарпунов в Науйане (Naujan), где Матиассеном[3] их найдено не менее 31 экземпляра. Хорошо известны они в других местах обитания центральных эскимосов[4], часто встречаются и на стойбищах северной части побережья западной Гренландии[5] Единичные экземпляры были находимы и на острове св. Лаврентия[6].

На Чукотском полуострове рассматриваемый тип наконечников гарпуна с двумя симметричными бородками, но без концевого копьеца был найден на арктическом побережье у мыса Шмидта[7] и при раскопках жилища на галечниковой косе в Уэлене (табл. 5, рис. 2), а на берингоморском побережье — в верхнем горизонте культурного слоя восточного сектора в Сирэник (табл. 19, рис. 7 и 8). Наконечники типа туле 2 с концевым копьецом имеются из Наукана (табл. 10, рис. 1) и района мыса Дежнева (табл. 7, рис. 19), — с двумя парами бородок без концевого копьеца с мыса Беринга (табл. 33, рис. 14), а с концевым копьецом из района мыса Дежнева (табл. 7, рис. 24), с тремя парами бородок без концевого копьеца с мыса Беринга (табл. 33, рис. 13).

Таким образом, мы видим, что наконечники гарпунов типа туле 2 и его производные спорадически встречаются по всему обследованному побережью Чукотского полуострова, но, как и в Америке, везде в комплексе вещей сравнительно позднего времени, отвечающем на острове св. Лаврентия развитому пунуку и туле — на американском континенте. Между тем наконечники рассматриваемого типа нельзя считать типичными для какого бы то ни было этапа развития эскимосской культуры на Чукотском полуострове. Удивительно все же, что такие, казалось бы, специальные и редкие наконечники гарпунов, как с двумя или тремя парами симметричных бородок (табл. 33, рис. 13 и 14), встречаются и на юге Чукотского полуострова, у мыса Беринга, и так далеко на северовостоке, как мыс Хоп и север Баффиновой Земли на арктическом побережье Северной Америки или северо-запад Гудсонова залива[1]. Последнее может быть объяснено только интенсивными связями в это время между берингоморским и арктическим побережьем Чукотского полуострова и арктическим Северной Америки, а возможно, и переселением отдельных семейств из одной области в другую.

Небольшие плоские, в форме ивового листа, наконечники гарпунов, типа туле 1 Матиассена или типа V Коллинза, хорошо представлены в наших собраниях с Чукотского полуострова. Диагностические признаки этого типа следующие: открытое гнездо, круговой желобок, один прорез с противоположным желобком или два прореза для пояска гнезда; иногда вместо прорезов для пояска пары высверленных дыр; дыра для линя треугольная или круглая; одна простая боковая шпора; нет ни боковых вкладышей, ни концевого копьеца; не орнаментированы; материал — рог или кость, реже клык моржа. Наконечники этого типа, с круговым желобком для пояска гнезда, мы имеем в нескольких экземплярах с западного стойбища в Нунлигране (табл. 31, рис. 3) и с побережья Берингова пролива (табл. 36, рис. 9). За пределами Чукотского полуострова такие наконечники известны с острова св. Лаврентия[2], где они были найдены в очень небольшом числе. Из области центральных американских эскимосов нам известно только два подобных наконечника[3]. Наконечники с одним прорезом для пояска гнезда и противолежащим желобком (табл. 1, рис. 2; табл. 7, рис. 21; табл. 13, рис. 3; табл. 36, рис. 8) мы имеем из раскопок в Уэлене, с берингоморского побережья от мыса Дежнева до мыса Чаплина. Единичные экземпляры таких наконечников мы знаем с острова св. Лаврентия[4]. В этой серии выделяется наконечник из древнего стойбища в Уэлене (табл. 1, рис. 2). В отличие от всех остальных, в которых прорез для пояска проделан в длинном ребре наконечника, прорез в наконечнике из Уэлена на его спинке. Кроме того, вместо обычной, треугольной дыры для линя, в нем дыра для линя круглая и не в центре тела наконечника, а смещена к короткому ребру. Судя по цвету, патине, комплексу вещей, в которых этот наконечник найден, по его декоровке — простой глубоко врезанной линии, он много древнее остальных, стоит особняком, и его можно рассматривать как дериват бирниркского типа наконечников гарпунов.

Наконечников с двумя прорезами для пояска гнезда, сближающимися на спинке наконечника, в нашем собрании всего три: два с треугольной дырой для линя (табл. 36, рис. 2 и 7) и один с круглой (табл. 10, рис. 2). Последний необычно больших для данного типа наконечников размеров (длиной 12,5 см). Район их распространения ограничен, и вне Чукотского побережья Берингова моря мы их пока не знаем.

Матиассен опубликовал наконечник гарпуна рассматриваемого нами типа с мыса Дежнева из коллекции Расмуссена[5], отличающийся наличием

[1] Murdoch, 1892: 220, рис. 209.
[2] Mathiassen, 1930a; табл. 1, рис. 1 и 5; табл. 5, рис. 1.
[3] Mathiassen, 1927; 2: 16.
[4] Boas, 1907: 248. Jenness, 1925. Wissler, 1916: 150.
[5] Birket-Smith, 1924; рис. 25 и 20b.
[6] Geist and Rainey, 1936: 93 — 94; табл. 18, рис. 8; табл. 63, рис. 8. Collins, 1937: 205—206; табл. 70, рис. 4—6.
[7] Nordenskiöld, 1882, 1: 404; рис. 5.

[1] Mathiassen, 1927: 1; табл. 87, рис. 9; табл. 89, рис. 4; 1930a; табл. 12, рис. 2.
[2] Geist and Rainey, 1936: 93; табл. 18, рис. 7. Collins, 1937; табл. 71, рис 15, 16 и 22.
[3] Mathiassen, 1927; 1; табл. 1, рис. 1.
[4] Geist and Rainey, 1936: 93; табл. 18, рис. 5. Collins, 1937: 203; табл. 71, рис. 12 и 13.
[5] Mathiassen, 1930a; табл. 18, рис. 2.

пары круглых сквозных отверстий вместо двух прорезов для пояска гнезда. Подобный же наконечник с двумя парами круглых дыр (табл. 10, рис. 3) был добыт и нами при раскопках в Наукане в комплексе очень поздних вещей. Напомним, что такой способ крепления пояска гнезда обычен в поздних стоянках центральных эскимосов и в Гренландии. Круглые отверстия в таких наконечниках гарпунов высверливались дрилем с железной перкой.

Матиассен[1] считает, что формы, которые по типологическим соображениям рассматриваются как более простые, в действительности были и более древними. Отсюда наконечники гарпунов рассмотренного типа (туле 1) он считал формой более древней, чем, например, наконечники гарпунов типа туле 2. Коллинз показал[2], что маленькие без концевого копьеца и вкладышей наконечники гарпунов типа туле 1 на острове св. Лаврентия — один из очень поздних доисторических типов. Наши наблюдения подтвердили, что и на Чукотском полуострове они появляются поздно, в таких комплексах, какие характерны для западного стойбища в Нунлигране или в культурном слое Наукана.

На Чукотском полуострове, как и на острове св. Лаврентия, лучше всего представлена группа наконечников гарпунов с открытым гнездом типа туле 3, Матиассена, С Гейста и Рейни или тип III Коллинза. Для этой группы характерны: один прорез с противоположным желобком или два прореза для пояска гнезда; круглая дыра для линя; асимметричная простая, реже двойная или тройная шпора; прорез для концевого копьеца в плоскости дыры для линя; материал — кость или рог, реже моржовый клык; орнамент преимущественно пунукского стиля или без орнамента. На острове св. Лаврентия тип этот бытовал от древнеберингоморского периода до последнего времени. Разновременны такие наконечники гарпунов и на Чукотском полуострове. Наконечники этого типа, орнаментированные в уэлено-оквикском стиле, мы знаем с древнего уэленского стойбища (табл. 1, рис. 9 и 13), равно как и с оквикской стоянки Пунукских островов[3]. Один такой наконечник из района мыса Дежнева опубликоваа Свердрупом[4]. Это крупный, вероятно моржовый, наконечник гарпуна из моржового клыка со сложной тройной шпорой и рудиментарными бородками; орнамент в древнеберингоморском стиле.

Массивные наконечники с одним прорезом и противолежащим желобком для пояска гнезда, с двойной или тройной сильно выступающей шпорой из Сирэник (табл. 19, рис. 17 и 18) или из Энмылена (табл. 33, рис. 7, 8 и 10) относятся, по всей вероятности, к раннему пунуку. Все они орнаментированы простыми линиями в пунукском стиле. Из четырех найденных в Энмылене — все костяные или роговые; из девяти из Сирэник пять из моржового клыка.

Наконечники гарпунов рассматриваемого типа с одним прорезом и противолежащим желобком для пояска гнезда, но простой шпорой на Чукотском полуострове встречаются редко: всего несколько экземпляров мы имеем из Сирэник (табл. 19, рис. 14 и 16), один из раскопок жилища на косе в Уэлене (табл. 5, рис. 1). Зато очень многочисленна серия наконечников этого типа с двумя прорезами для пояска гнезда, причем наружный край шпоры является прямым продолжением ребра тела наконечника, иногда с незначительным вздутием у основания шпоры. Прорезы для пояска гнезда сближены и на спинке наконечника чаще на одном уровне, у открытого же гнезда редко на одном уровне (табл. 10, рис. 2), а как правило, прорез на стороне шпоры расположен много ниже, чем на противоположной. Такие наконечники мы имеем из раскопок жилища в Уэлене (табл. 5, рис. 3), из района мыса Дежнева (табл. 7, рис. 17), из Яндыгая (табл. 12, рис. 4), с острова Аракамчечена, с мыса Чаплина (табл. 13, рис. 1), из Сирэник (табл. 19, рис. 15 и 19), с мыса Беринга (табл. 36, рис. 3) — одним словом, со всего обследованного нами побережья Чукотского полуострова. Часть из этих наконечников без орнамента, большинство же орнаментировано в характерном пунукском стиле.

Самые поздние, протоисторические наконечники гарпунов этого типа были найдены при раскопках жилища на береговой косе в Уэлене (табл. 5, рис. 3 и 4). В двух из них, вместо прорезов для пояска гнезда, были металлическим сверлом высверлены по две пары дыр диаметром около 2 мм, а в одном, кроме того, дыры еще меньшего диаметра на переднем конце для заклепки железного копьеца.

Сравнительно немногочисленный в древнем берингоморском периоде, позднее, в пунукское время, тип 3 наконечников гарпуна становится преобладающим. На острове св. Лаврентия, у Гамбелл, из 417 найденных там наконечников гарпунов типа 3 оказалось 161; преобладает он и в раскопках Дженнесса у мыса принца Уэльского на Аляске. Хорошо известны они также по раскопкам Матиассена в области центральных американских эскимосов и далее на восток вплоть до Гренландии.

Редкая, известная только из района мыса Дежнева своеобразная форма плоского наконечника гарпуна с открытым гнездом, двумя на одном уровне прорезами для пояска гнезда, круглой дырой для линя, двойной симметричной шпорой, с прорезом для концевого копьеца в плоскости дыры для линя (табл. 7, рис. 18) и без прореза[1].

Наконечники гарпунов с закрытым гнездом

Если мы обратим внимание на форму открытого гнезда эскимосских наконечников гарпунов, то заметим постепенное и систематическое его суживание во времени. У древнеберингоморских наконечников гнездо очень широкое и корытообразное. Еще шире оно у наконечников, которые мы считаем доберингоморскими (табл. 7, рис. 1 и 2). Столь же широкое и корытообразное гнездо у наиболее древних наконечников типа бирнирк. В течение пунукского времени гнезда наконечников гарпунов становятся более узкими, а вместо корытообразных — прямостенными, прямоугольными в поперечном сечении. В позднем пунуке, как на это в свое время обратил внимание Коллинз[2], на смену гнездам прямоугольным, с одним и тем же поперечным сечением как вверху, так и внизу, появляются наконечники с трапециевидной формой гнезда в поперечном разрезе. В то время как раньше

---

[1] Mathiassen, 1927; 2: 14.
[2] Collins, 1937: 310.
[3] Rainey, 1941d; рис. 4 и 6.
[4] Свердруп, 1930; табл. 25, рис. 2.

[1] Mathiassen, 1930a; табл. 18, рис. 6.
[2] Collins, 1937: 213—214.

колок удерживался в гнезде только пояском, теперь гнездо вырезывается таким образом, что оно само частично может удерживать колок. Это достигается особым устройством стенок гнезда, направляющихся внутрь; основание гнезда делается шире, чем вершина, и колок удерживается на месте без пояска даже в том случае, если гнездо полностью не закрыто.

Клинообразное устройство такого гнезда развивается и далее за счет сужения кверху его открытой части, так что прорез в верхней части делается много меньше, чем в нижней. Такие изменения в форме гнезда можно иллюстрировать на ряде примеров (табл. 5, рис. 1; табл. 10, рис. 1; табл. 12, рис. 20; табл. 13, рис. 4). В конечном счете открытое гнездо приобретает форму конуса или трехгранной пирамиды со срезанной вершиной, заключенной в теле наконечника с узким прорезом в наружной его стенке, и в таком случае поясок становится излишним, что мы в действительности и наблюдаем (табл. 31, рис. 4). Так постепенно на очень позднем этапе, уже в протоисторическое время, открытые гнезда исчезают совсем, превращаясь исключительно в закрытые.

Несмотря на эту совершенно очевидную эволюцию формы гнезда в наконечниках эскимосских гарпунов, неправильно было бы все наконечники с закрытым гнездом считать формами поздними.

Конструкция закрытого гнезда, как мы знаем по раскопкам на острове св. Лаврентия, была известна эскимосам и на древнеберингоморской стадии развития их культуры. Это положение подтверждается и раскопками на Чукотском полуострове.

Наконечников гарпунов с закрытым гнездом на ранних стадиях развития эскимосской культуры, по сравнению с наконечниками, у которых гнездо открытое, вообще мало. Они получают преобладание поздно, только в протоисторическое время, а в историческое время наконечники с открытым гнездом полностью выходят из употребления.

На табл. 9, рис. 4, 5 и 8, мы имеем наконечники гарпунов с закрытым гнездом и концевым копьецом (тип III Коллинза), с прекрасным древнеберингоморским орнаментом. Наконечник гарпуна с закрытым гнездом, по форме подобный известным наконечникам гарпунов древнеберингоморского времени, но с открытым гнездом с побережья Берингова пролива [1] и с мыса Беринга (табл. 33, рис. 3), имеется с древнего уэленского стойбища (табл. 1, рис. 14). Вообще следует заметить, что нет ни одного наконечника с закрытым гнездом, который не повторил бы в деталях тип и форму подобных же наконечников с открытым гнездом. Так, наконечник гарпуна (табл. 1, рис. 15) из Уэлена подобен точно такому же наконечнику с открытым гнездом, изображенному на табл. 1, рис. 10; наконечник пунукского типа из Сирэник с закрытым гнездом (табл. 19, рис. 23) подобен наконечнику (табл. 19, рис. 16) с открытым гнездом оттуда же. Нетрудно подобрать аналогов наконечникам с закрытым гнездом из района мыса Дежнева (табл. 7, рис. 22 и 23) среди подобных же наконечников с открытым гнездом. Заметим кстати, что все древние наконечники гарпунов с закрытым гнездом, равно как и все китовые наконечники, о которых речь будет ниже, изготовлялись из моржового клыка. Только протоисторические и позднейшие наконечники гарпунов с закрытым гнездом, с треугольной или круглой дырой для линя, простой асимметричной шпорой и концевым копьецом (например, табл. 13, рис. 20; табл. 33, рис. 11), за редкими исключениями, костяные или роговые.

[1] Свердруп, 1930; табл. 25, рис. 2.

Китовые наконечники гарпунов

Находки наконечников китовых гарпунов по сравнению с находками тюленьих и моржовых на Чукотском полуострове, как и на острове св. Лаврентия, крайне малочисленны. Не считая приобретенных у эскимосов, из раскопок мы имеем всего четыре цельных таких наконечника и несколько поврежденных. Происходят они из сравнительно поздних стойбищ второй половины пунукского периода: из раскопок жилища на косе в Уэлене, из Наукана, с острова Аракамчечена, с мыса Чаплина, из Авани, а из Сирэник всего один поврежденный. Все они с закрытым, конически высверленным гнездом, большой треугольной дырой для линя, простой прямой базальной шпорой и прорезом для концевого копьеца в плоскости, перпендикулярной дыре для линя (табл. 8, рис. 1; табл. 12, рис. 8; табл. 13, рис. 7). Форма уплощенная; материал — моржовый клык; без орнамента.

На острове св. Лаврентия китовые наконечники гарпунов впервые появляются в пунуке. Такое позднее их появление там, — что подтверждается и раскопками на побережье Чукотского полуострова, — по мнению Коллинза [1], показывает, что промысел кита, притом в незначительных размерах, начал практиковаться эскимосами только в пунукское время; с другой стороны, отсутствие не только наконечников китовых гарпунов, но также и китовых костей на ранних стоянках древнеберингоморского времени, в частности на стоянке Хилсайт у Гамбелл на острове св. Лаврентия, указывает, повидимому, как он полагает, на то, что древнеберингоморские эскимосы вовсе не промышляли кита. Наличие китовых костей на древних стоянках Коллинз объясняет так: их получали от животных, прибитых к берегу течением после того, как они были убиты, но кем, остается неизвестным.

Вопрос о времени, когда эскимосы начали охотиться за китами, остается пока невыясненным. Рейни [2], например, полагает, что кита предки эскимосов добывали уже на оквикской стадии. Отсутствие наконечников китовых гарпунов в находках древнеберингоморского времени еще не доказывает отсутствие промысла кита. Среди сотни наконечников гарпунов в культурном слое в Сирэник, например, нами найден только один, да и тот поврежденный, наконечник китового гарпуна, тогда как в пунукское время кит добывался там весьма интенсивно. При таком соотношении в Сирэник нет ничего удивительного, что из древнеберингоморских стоянок, до сих пор немногочисленных и притом слабо изученных, мы пока не имеем наконечников китового гарпуна. Такие наконечники еще могут быть найдены. С другой стороны, молодых или небольших китов, таких, как белуха (Delphinapterus leucas Pall.), эскимосы могли промышлять и при помощи крупных моржовых гарпунов с такими наконечниками, как изображенные на табл. 33, рис. 3, из Энмылена или опубликован-

[1] Collins, 1937: 217.
[2] Rainey, 1941d.

ный в работе Свердрупа [1], или, наконец, такими крупными, скорее китовыми, чем моржовыми, наконечниками, какие мы имеем с древнего уэленского стойбища (табл. 1, рис. 13) или из раскопок Гейста [2] на острове св. Лаврентия, орнаментированного в древнеберингоморском стиле. Для китового промысла, кроме гарпунов, применялись ведь и копья, наконечники которых встречаются в комплексе предметов и древнеберингоморских.

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ОСНАЩЕНИЯ НАКОНЕЧНИКОВ ГАРПУНОВ

Из раскопок на Чукотском полуострове имеется много, если можно так выразиться, полуфабрикатов, которые дают ясное представление о стадиях изготовления наконечников гарпунов.

Прежде всего нужно было получить **заготовку** из моржового клыка или оленьего рога. С этой целью выбирались клыки молодых моржей с острым, еще не притупленным и не изношенным передним концом. На некотором расстоянии от переднего конца, в зависимости от размеров будущего наконечника, клык каменным теслом косо на две трети диаметра перерубался, и заготовка отламывалась (табл. 19, рис. 1 и 2). Так же поступали и с оленьим рогом. Эллиптическая до круглой в сечении форма наконечников из моржового клыка и уплощенная из оленьего рога, как мне кажется, в значительной степени предопределялась уже формой заготовки. Косой срез основания заготовки, результат техники отделения ее от клыка, всегда с вогнутой внутренней поверхности клыка, определял положение шпоры.

Следующая стадия заключалась в «гранении» заготовки снятием каменной пластиной с острорежущим лезвием выпуклых поверхностей заготовки, причем уже на этой стадии заготовке придавалась требуемая форма (табл. 19, рис. 3 и 4). Затем, обычно в шестигранной заготовке просверливалась дыра для линя (табл. 1, рис. 17; табл. 7, рис. 14; табл. 19, рис. 5; табл. 33, рис. 1 и 2). Если нужно было получить бородчатый наконечник, вырезывались бородки (табл. 19, рис. 6), оформлялась шпора, намечалось гнездо для колка и прорезы для пояска гнезда; одновременно намечались выемки для боковых вкладышей или прорез для концевого копьеца (табл. 1, рис. 20; табл. 7, рис. 15). Оформлением гнезда, затем шлифовкой поверхности, оснащением вкладышами или концевым копьецом, наконец, гравировкой поверхности заканчивалось изготовление наконечника гарпуна.

Наконечники гарпунов, оснащенные боковыми каменными вкладышами, как мы видели, характерны для ранних этапов эскимосской культуры - уэлено-оквикского и древнеберингоморского; они имеются в бирниркском и раннем пунукском комплексах; на развитом пунукском, равно как и на тульском этапе их уже нет, они вышли из употребления.

Что представляют собою **каменные вкладыши** наконечников гарпунов, можно видеть по их изображениям (табл. 24, рис. 33 и 34). Изготовлены они обычно из кремня, роговика, реже из окремнелого туфа или из раковины моллюска. По форме это или миндалевидное орудьеце, очень похожее на наконечник стрелы, тщательно обработанное по всей поверхности отжимной ретушью, в особенности по рабочему краю, или осколок кремня с тщательно обработанной только наружной, выступающей из наконечника поверхностью. Боазом [1] было высказано предположение о закреплении вкладышей в гнездах-выемках при помощи особого цемента. Действительно, как правило, каменные вкладыши чрезвычайно прочно сидят в своих гнездах. Их наружный край часто бывает зазубрен и сильно изношен, а вкладыш между тем остается как бы впаянным в моржовый клык. Я все же сомневаюсь, чтобы какой-либо цемент, клей, смола или что-либо подобное применялось для укрепления вкладышей в их гнездах. Никакая смола в природе на Чукотском полуострове не встречается; клей для орудия, употребляемого для охоты на водных млекопитающих, неприменим. Я думаю, что наконечники гарпунов, как и все мелкие поделки из кости, рога или из моржового клыка, изготовлялись из материала сырого, свежего, размягченного распариванием в теплой воде, подобно тому как это наблюдалось при производстве костяных поделок у ряда народностей Сибири. В такие свежесделанные наконечники вставлялись вкладыши, которые впоследствии, когда кость высыхала, держались в них настолько крепко, что не могли уже быть извлеченными из своего гнезда без полома вкладыша.

Немало наполовину сломанных каменных вкладышей в наконечниках гарпунов из моржового клыка, оставшаяся половина которых прочно сидит в своем гнезде. В роговых наконечниках гарпунов каменные вкладыши держались хуже, и обычно такие наконечники находятся без вкладышей.

Концевые копьеца наконечника гарпунов, в противоположность вкладышам, крайне редко сохраняются на месте. При раскопках на сотню наконечников гарпунов с прорезом для концевого копьеца редко один попадается с копьецом. Последнее объясняется как конструкцией таких наконечников, устройством концевого прореза, так и хрупкостью глинистого сланца, материала, из которого обычно изготовлялось копьецо.

Первоначально копьецо для наконечника гарпуна делалось из кремня или окремнелого туфа и не шлифовалось. Такие копьеца были найдены на острове Ратманова (табл. 36, рис. 11), в Киваке, на древнем стойбище в Уэлене, в западном (древнеберингоморском) секторе культурного слоя Сирэник (табл. 24, рис. 32), у мыса Беринга (табл. 34, рис. 14). Большинство из них имеет несколько удлиненную треугольную форму с прямым основанием (табл. 24, рис. 32), очень плоски, около 2 мм толщиной, тщательно отретушированы отжимной техникой на обеих поверхностях. Подобные копьеца известны у западных американских эскимосов [2], у эскимосов центральных [3], на острове св. Лаврентия, на Алеутских островах [4].

Сланцевые гарпунные копьеца (табл. 20, рис. 1—3, 10—12) имеют примерно ту же форму, но тщательно отшлифованную.

Выше уже отмечалось, что сланцевые копьеца

---

[1] Свердруп, 1930; табл. 25, рис. 2.
[2] Geist and Rainey, 1936; рис. 26 в тексте.

[1] Boas, 1907.
[2] Murdoch, 1892: 221; рис. 212. Mason, 1902: 266; рис. 61.
[3] Mathiassen, 1927: 1; табл. 74, рис. 1. Boas, 1907; рис. 284 a — c.
[4] Jochelson, 1925: 50—55.

чрезвычайно редко находятся на месте, в наконечниках гарпунов. Последнее, как было сказано, объясняется хрупкостью материала — глинистого сланца — и недостаточной прочностью укрепления копьеца в наконечнике гарпуна. По словам приморских чукчей [1], сланцевые копьеца в наконечники китовых гарпунов вставлялись после каждого удара вместо поврежденных. Сольберг [2] в своей работе о каменной индустрии у восточных эскимосов склоняется к мысли, что сланцевые копьеца в костяных наконечниках гарпунов появились очень поздно, одновременно и даже позднее распространения среди эскимосов железа. К этому заключению Сольберг приходит на основании отсутствия генетической связи между сланцевым копьецом и предшествующими ему наконечниками из кремня и других плотных пород, исходя из неудовлетворительности глинистого сланца как материала и целесообразности использования его для данной цели только при отсутствии железа, как его заменитель, и ряда сопоставлений, касающихся эволюции наконечников стрел североамериканских индейцев.

Ближе к истине Мердок [3], считающий, что железные копьеца наконечников гарпунов заменили более ранние сланцевые. Матиассен [4] опровергает мнение Сольберга о позднем происхождении концевого копьеца. Треугольное копьецо из кремнистого сланца, пишет он, древняя общеизвестная всем эскимосам форма.

Внедрение твердого копьеца, думается мне, из какого бы материала оно ни было сделано, в конце костяного наконечника гарпуна, увеличивающее его эффективность, безусловно очень древнее изобретение. Если древние уэлено-оквикские и древнеберингоморские костяные наконечники стрел, как мы знаем, были оснащены концевым копьецом, почему тогда же не могли оснащаться такими копьецами и наконечники гарпунов? И действительно, мы знаем, что наконечники гарпунов с древнего уэленского стойбища и с оквикской стоянки [5] Пунукских островов оснащались концевым копьецом. Сланцевые шлифованные копьеца употреблялись уже на древнеберингоморской стадии эскимосской культуры, во всяком случае на позднем ее этапе, как это можно видеть на изображении наконечника гарпуна из бухты Пловер [6], орнаментированного в древнеберингоморском стиле. Несомненно все же, что широкое распространение сланцевые шлифованные концевые копьеца наконечников гарпунов получили в области Берингова моря на пунукской стадии развития эскимосской культуры.

ДРЕВКО И ПРОЧИЕ ЧАСТИ ГАРПУНА

Цельных **древок гарпунов** ни при раскопках на Чукотском полуострове, ни на острове св. Лаврентия найдено не было. Поэтому длины их мы не знаем, о форме в поперечном разрезе можно судить только по форме головок этих древок, в тех случаях, когда они были из моржового клыка или костяные, и по гарпунным ледовым пешням. Древки в разрезе были круглые или овальные. Передний конец был толще, чем задний. В некоторых случаях имелись

[1] Bogoras, 1904 — 1909; 1: 209.
[2] Solberg, 1907: 66 — 69.
[3] Murdoch, 1884: 219.
[4] Mathiassen, 1927: 2: 39.
[5] Rainey, 1941d; рис. 7.
[6] Collins, 1929: 5; рис. 1.

упоры для пальца, важные при метании гарпуна непосредственно рукою. Бывали, повидимому, древки и без костяной головки, цельные деревянные. В таких случаях в переднем их конце имелось гнездо для колка, на который насаживался наконечник. Судя по остаткам древок с острова св. Лаврентия, где их было найдено больше, чем на побережье Чукотского полуострова, более поздние пунукские, видимо, ничем не отличались от древнеберингоморских [1].

Головки гарпунов древнеберингоморского времени на Чукотском полуострове пока не найдены. С острова св. Лаврентия известны всего три головки этого времени: одна из раскопок Гейста [2], орнаментированная в древнеберингоморском стиле, и две из раскопок Коллинза [3], из которых одна орнаментирована в том же стиле. Все они овальной в поперечном сечении формы, с неглубоким гнездом-ямкой (1,5—2 см) для черена колка. Подобные же орнаментированные древнеберингоморские головки древка гарпуна известны с острова Малого Диомида [4], на американском побережье с мыса Хоп [5] и из залива Коцебу [6].

Головки гарпунов из наших раскопок на Чукотском полуострове все позднего времени, из моржового клыка, овальной в поперечном разрезе формы, с неглубоким (около 1 см) гнездом и более или менее круто срезанной нижней половиной, прилегающей к древку. Для прочности крепления соприкасающаяся с древком часть покрыта поперечными насечками и имеет или ушко (табл. 10, рис. 7), или специально просверленные дыры для заклепок (табл. 5, рис. 7). Подобные же головки были найдены на острове св. Лаврентия [7]. В отличие от древних берингоморских, орнаментированных и тщательно сделанных, головки гарпунов позднейшего времени гладкие и проще по конструкции. Их черен, на что обращал внимание еще Коллинз, вместо конического или раздвоенного, клиновидный, срезанный с одной стороны, подобно позднейшим историческим. Головка древка гарпуна с мыса Чаплина (табл. 13, рис. 6) короткая и круглая, подобно поздним историческим и некоторым туле-пунукским [8].

Колки для насада наконечников гарпунов из раскопок на Чукотском полуострове крайне малочисленны абсолютно и по сравнению с числом наконечников гарпунов. То же самое отмечено и на острове св. Лаврентия [9]. Колки с Чукотского полуострова однотипны и мало варьируют в деталях, независимо от типа наконечника гарпуна. Древнеберингоморские там пока не найдены, но передний их конец должен был быть значительно толще, соответственно диаметру гнезда наконечника, чем у более поздних бирнирского или пунукского этапа эскимосской культуры. Передний конец уэленских и бирнирских колков (табл. 1, рис. 21), равно как и в развитом пунуке при прямых стенках гнезда

[1] Collins, 1937: 219.
[2] Geist and Rainey, 1936: 215, рис. 44b.
[3] Collins, 1937; табл. 17, рис. 1.
[4] Jenness, 1928a; табл. 13c.
[5] Mathiassen, 1929; рис. 15a и b.
[6] Collins, 1929; табл. 7c.
[7] Geist and Rainey, 1936; табл. 20, рис. 8 и 9. Collins, 1937; табл. 73, рис. 6 и 7
[8] Mathiassen, 1927: 1; табл. 3, рис. 9 и 10. Collins, 1937; табл. 33, рис. 26.
[9] Collins, 1937: 124.

(табл. 20, рис. 15), был уплощенным, в отличие от веретенообразных, с малым диаметром на переднем конце колков более позднего времени, для наконечников с закрытым гнездом. Основание колка, как правило, значительно большего диаметра, чем передний конец.

Упоров для пальца к древку гарпуна в нижних горизонтах культурных слоев и на древних стойбищах нами не найдено. Упоры, существенно различные по типу из Нунлиграна (табл. 31, рис. 6) и из Наукана (табл. 11, рис. 11), характерны для позднего пунука и протоисторического времени.

Ледовые гарпунные **пешни** многочисленны и разнообразны по форме. Не вдаваясь в детальное их рассмотрение, можно выделить три основных типа. Тип первый: короткие, сделанные обычно из переднего конца клыка молодого моржа; верхняя часть или черен, вставляющийся в древко, конический и шероховатый от насечек теслом по всей поверхности черена; нижний конец заострен (табл. 1, рис. 22 и 24) или слегка уплощен (табл. 17, рис. 4; табл. 20, рис. 9). Тип этот характерен для наиболее древних стойбищ, таких, как древнее уэленское, Кивак, западный сектор культурного слоя Сирэник, восточное поселение в Нунлигране. Этот же тип найден в древнеберингоморском комплексе на острове св. Лаврентия[1] и на оквикской стоянке Пунукских островов[2]. С ними в общих чертах сходны и ледовые пешни типа туле центральной области американских эскимосов[3].

Тип второй сходен с предыдущим, но тяжелее и большего размера; некоторые из пешен этого типа имеют хорошо выраженные плечики между телом и череном (табл. 20, рис. 6 и 7; табл. 31, рис. 27; табл. 32, рис. 17), причем коническая форма черена сохраняется; такие пешни найдены в Нунлигране и Сирэник.

Третий тип — позднейший, с крутым выступающим плечиком и скошенным верхним концом (табл. 5, рис. 8; табл. 8, рис. 6; табл. 20, рис. 8; табл. 36, рис. 24), форма, характерная для позднего пунука. Следует отметить, что такие пешни нередко бывают костяные (из os penis моржа) и имеют в верхней части высверленные для заклепок дыры.

ПОПЛАВКОВЫЕ МУНДШТУКИ, ПРОБКИ И ЗАКРЕПКИ

Непременной принадлежностью гарпуна, предназначенного для промысла морских млекопитающих, являются надувные пузыри при легких гарпунах и поплавки из цельных шкур тюленя при тяжелых гарпунах. В горлышко таких поплавков вставляется специальная пробка-мундштук с костяной или деревянной затычкой. В Сирэник были найдены такие деревянные мундштуки низкой (табл. 20, рис. 21) и высокой формы (табл. 20, рис. 20); кроме того, мундштук из моржового клыка, изображенный на табл. 11, рис. 9, судя по его размерам, также от поплавка из тюленьей шкуры.

Деревянные поплавки низкой формы, подобные изображенному на табл. 20, рис. 21, на острове св. Лаврентия были найдены среди вещей позднего древнеберингоморского комплекса[4]. По Коллинзу[5],

[1] Collins, 1937; табл. 32, рис. 1 — 4.
[2] Rainey, 1941d; рис. 11 (10 — 11).
[3] Mathiassen 1927: 1; табл. 4, рис. 3.
[4] Collins, 1937; табл. 32, рис. 14 — 15.
[5] Ibid.: 130.

этот тип древний и вышел из употребления в древнеберингоморское время. Деревянные поплавки высокой формы, подобные изображенному на табл. 20, рис. 20, появляются на острове св. Лаврентия в пунукское время[1]. Подобные мундштуки известны и в более поздних комплексах[2], причем иногда, как, например, один с мыса Хоп[3], они оформлялись в виде человеческой маски. Мундштук из моржового клыка проще, по типу относится к позднейшим протоисторическим и современным формам.

Естественные отверстия или прорезы от ран в тюленьей шкуре, предназначенной для поплавка, заделывались особыми пробками. Такие пробки бывали двух типов: либо деревянные, подобные мундштукам, но без отверстия в центре, либо из моржового клыка, подобные изображенному на табл. 1, рис. 18, из Уэлена. Такие пробки были найдены Коллинзом[4] на острове св. Лаврентия в древнеберингоморском комплексе вещей.

Поплавковые закрепки или ручки для привязывания линя от наконечника гарпуна к поплавку на Чукотском побережье встречаются во всех древних эскимосских стойбищах. Наиболее типичная и древняя форма закрепки — из моржового клыка с древнего стойбища в Уэлене (табл. 1, рис. 19). Изображение деревянных закрепок этого же типа дано на табл. 5, рис. 18; табл. 20, рис. 22 — из жилища на косе в Уэлене и из Сирэник. На острове св. Лаврентия, по сообщению Коллинза[5], закрепки из моржового клыка были находимы только в древнеберингоморском комплексе вещей, а деревянные в пунукском.

НАКОНЕЧНИКИ КИТОВЫХ КОПИЙ

Из южных стойбищ Чукотского полуострова, главным образом из Сирэник, имеется серия крупных, до 6 см шириною, массивных наконечников из глинистого и кремнистого сланца, которые, повидимому, употреблялись как клинки китовых копий (табл. 20, рис. 5, 24, 25 и 26; табл. 34, рис. 21).

За исключением одного, более тонкого, чем другие, и цельного из Сирэник (табл. 20, рис. 24), с одной дырой для прикрепления к древку, все они толстые, с хорошо отшлифованными поверхностями и заточенными лезвиями, с парами конически высверленных дыр около середины наконечника. На уровне этих дыр наиболее слабое место наконечника, и здесь они обычно поломаны. У некоторых таких наконечников основание прямое (табл. 20, рис. 5), у большинства же оно вогнутое, нередко с довольно глубокой полулунной выемкой. Те из них, у которых основание прямое, могли вставляться как кольеца в костяные наконечники, большинство же закреплялось непосредственно в конце древка. Насколько мы знаем, подобные наконечники пока не были находимы на древних эскимосских стойбищах. На острове св. Лаврентия они встречались при раскопках жилищ новейшего времени[6], на востоке они известны в культуре туле[7].

[1] Collins, 220; табл. 73, рис. 19.
[2] Geist and Rainey, 1936; табл. 43, рис. 1[illegible]
[3] Mathiassen, 1930a; табл. 13, рис. 16.
[4] Collins, 1937; табл. 32, рис. 16 — 18.
[5] Ibid.: 221.
[6] Geist and Rainey, 1936; табл. 33, рис. 20.
[7] Mathiassen, 1927; 1; табл. 44, рис. 1 — 3.

ТЮЛЕНЬИ СКРЕБКИ

Тюленьи скребки в нескольких экземплярах найдены при раскопках в восточном секторе культурного слоя в Сирэник. Изображение одного из них дано на табл. 20, рис. 16. Подобными скребками аляскинские, как и азиатские, эскимосы царапали по льду, чтобы ввести в заблуждение гревшихся на солнце тюленей, когда охотник подползал к ним [1]. Прорезы на спинке скребка проделывались для привязывания тюленьих когтей, надетых на деревянные зубцы [2]. В древних культурных отложениях острова св. Лаврентия такие скребки найдены не были, но оттуда они имеются из современных, недавно покинутых эскимосами и разрушенных жилищ [3]. На востоке, в области центральных американских эскимосов, они известны в комплексе вещей культуры туле [4].

СКОЛКИ И ЗАТЫЧКИ ДЛЯ РАН

В районе мыса Дежнева приобретена булавка из моржового клыка, характерной формы, со шляпкой, изображенная на табл. 8, рис. 7. Подобная же булавка, под этим именно названием, опубликована Норденшельдом из раскопок у мыса Шмидта [5]. Соллас [6], как мы уже отмечали, разъяснил, что такие булавки употреблялись эскимосами для скалывания вместе сторон ран убитых тюленей и других крупных животных с целью сохранения крови животного, вытекание которой нежелательно. Эскимосы, отправляясь на промысел морского зверя, имели с собой специальные футляры с запасом подобных булавок. Такие сколки для закрывания ран известны по раскопкам в области центральных американских эскимосов [1], у современных центральных [2] и гренландских эскимосов [3].

Другой подобного же назначения инструмент — деревянные затычки для ран были находимы на различных сравнительно поздних стоянках, и особенно много их найдено при раскопках в восточном секторе культурного слоя Сирэник (табл. 20, рис. 17, 18 и 19). По поводу этих затычек, известных у западных, аляскинских эскимосов, Нельсон писал [4]: «Тюлени, добытые зимою, достаточно жирны, чтобы убитыми плавать на воде, но весною и иногда в другие сезоны они настолько тощи, что тонут, и охотник теряет их. Чтобы обеспечить их плавучесть, во время буксировки, обычный прием заключается в устройстве прорезов в коже различными режущими орудиями; длинным острым инструментом из оленьего рога сало отделяется от мышц по площади в фут или более в диаметре. Затем, при помощи полой трубки, сделанной из крыловой кости птицы или другого материала, дуется воздух, и это место надувается; деревянная затычка вставляется в прорез и туго вгоняется, чтобы воспрепятствовать выходу воздуха. С помощью нескольких таких надутых пятен тюлень плавает, и нет опасности его утраты».

О затычках, употребляющихся центральными эскимосами для закрытия ран в тушах извлеченных из воды животных, правда несколько иного типа, писал Боаз [5]. Они же употреблялись и у гренландских эскимосов для закрывания ран, нанесенных гарпуном.

При раскопках на острове св. Лаврентия затычки, подобные опубликованным нами, Коллинз нашел в комплексе вещей древнеберингоморских, но он не подчеркивает особо широкое их распространение в пунукское время [6].

ОРУДИЯ ПРОМЫСЛА НАЗЕМНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ И ПТИЦ

ДРОТИКИ И КОПЬЯ

По самому происхождению наших коллекций из раскопок трудно было ожидать иметь в ней целые копья или дротики с древками. И действительно, мы располагаем только каменными или костяными наконечниками таких орудий, причем далеко не всегда можно решить, какое назначение имел рассматриваемый наконечник или клинок. Уильсон [7], Мейзон [8] и ряд других авторов [9], занимавшихся классификацией интересующих нас орудий, преимущественно каменных, справедливо отмечают трудности, с которыми приходится встречаться при разграничении каменных наконечников копий дротиков, ножей и стрел. Маленькое орудие может быть наконечником стрелы; большое того же самого типа может быть наконечником дротика при легком древке и копья при тяжелом. Орудия названных групп могут вместе с тем служить ножом. Назначение таких орудий легче установить при наличии древка или рукоятки.

Сольберг [7] находил, что при анализе эскимосских каменных орудий всегда можно решить, имеем ли мы дело с ножом или наконечником копья. Однако те критерии, которые для этой цели предлагает Сольберг (форма, степень изношенности от работы и т. п.), не всегда могут привести к цели.

Каменных наконечников копий, употреблявшихся для охоты на медведя (возможно, и на оленей), с Чукотского полуострова мы знаем несколько. Два весьма тщательно оформленных двусторонней отжимной ретушью, из кремня и окремнелого туфа с длинным и коротким черенами, изображены на табл. 14, рис. 1; табл. 37, рис. 9. Наконечники копий кремневые и из окремнелого туфа, часть которых, повидимому, не закончена обработкой, имеются из различных пунктов — из Уэлена, Дежнева, с мыса Чаплина, из Аванн и Сирэник. Наконечником же копья, надо думать, служил также массивный с обломанным череном наконечник из кремнистого сланца из района мыса

[1] Murdoch, 1892, рис. 253 в.
[2] Nelson, 1899; табл. 52, рис. 11.
[3] Geist and Rainey 1936; табл. 43, рис. 7.
[4] Mathiassen, 1927; 1; табл. 41. рис. 9 и 10.
[5] Nordenskiold, 1882; 2: 121; рис. 2.
[6] Sollas, 1911: 326; рис. 193, 2 и 3.
[7] Wilson, 1897: 947.
[8] Mason, 1891.
[9] Fowke, 1896: 142.

[1] Mathiassen, 1927; 1; табл. 5. рис. 12 15; табл. 82, рис. 1; табл. 65, рис. 23; табл. 85, рис. 4.
[2] Stefansson, 1914; рис. 7. Boas, 1907; рис. 475.
[3] Birket-Smith. 1924: 329 Thalbitzer, 1914; рис. 155.
[4] Nelson, 1899: 130 — 141; табл. 52. рис. 19.
[5] Boas, 1888: 410; рис. 400 a—c, 401.
[6] Collins, 1937: 138; табл. 35, рис. 11 — 14.
[7] Solberg, 1907.

Дежнева (табл. 8, рис 14). Подобных наконечников копий с острова св. Лаврентия или островов Диомида мы не знаем, вероятно, потому, что там редки медведи и нет оленей, у американских же эскимосов они хорошо известны [1]. В расщелине на переднем конце древка такие наконечники копий укреплялись при помощи обмотки из китового уса [2].

Каменные наконечники, которые можно было бы рассматривать как наконечники метательных дротиков, на Чукотском полуострове встречаются редко. В качестве примера можно сослаться только на наконечник, изображенный на табл. 37, рис. 8.

Костяные наконечники дротиков встречаются чаще, например простой наконечник из моржового клыка из Энмылена (табл. 33, рис. 26) или с мыса Чаплина (табл. 14, рис. 16), в котором на конце имеется прорез для сланцевого копьеца.

Костяных, почти исключительно из моржового клыка, наконечников птичьих дротиков с Чукотского полуострова имеется немало. Среди них есть очень крупные, тяжелые наконечники из Энмылена (табл. 33, рис. 18), из Нунлиграна (табл. 32, рис. 21 и 26), из района мыса Дежнева (табл. 8, рис. 9 и 10), массивные центральные от сложных птичьих дротиков с древнего стойбища в Уэлене (табл. 2, рис. 13 и 15), из Сирэник (табл. 22, рис. 35) и легкие, очень изящные, с острыми бородками из стойбища в Уэлене (табл. 2, рис. 12), из Сирэник (табл. 22, рис. 15 и 16), из Нунлиграна (табл. 32, рис. 18); наконец, боковые зубцы птичьих дротиков из древнего стойбища в Уэлене (табл. 2, рис. 16 и 17), с побережья Берингова пролива (табл. 36, рис. 14), из Сирэник (табл. 22, рис. 17).

Судя по образцам нашего собрания и главным образом по раскопкам на островах св. Лаврентия и Пунукских, птичьи дротики с тремя боковыми зубцами у нижней трети древка появились на ранней стадии развития эскимосской культуры: их мы знаем с оквикской на Пунукских островах [3] и древнеберингоморских стоянок острова св. Лаврентия [4]. Позднее они были одним из самых распространенных эскимосских орудий и на позднейших стадиях их культуры, вплоть до самого последнего времени.

На поздних стоянках, таких, как жилище на косе в Уэлене (табл. 5, рис. 25) или жилище у мыса Чаплина (табл. 14, рис. 14), были найдены изящные и очень длинные (свыше 25 см), но узкие (до 3 см шириной) клинки из моржового клыка, которые, возможно, также метательные дротики. У этих клинков одна сторона плоская, другая с поперечной сводчатостью, с явно различимым хребтиком посредине; концы (обломанные) были заострены, ребра заточены; плоские черены вставлялись в древко.

Эти клинки очень похожи на описанные ниже костяные ножи или кинжалы, но отличались от них длиною и плоским череном, закрепленным, возможно, в длинное древко.

МЕТАТЕЛЬНАЯ ДОЩЕЧКА

Метательная дощечка — так в американской литературе принято называть приспособление для метания эскимосских птичьих дротиков и легких гарпунов. Алеутская деревянная дротикометалка действительно представляет собою плоскую дощечку, к современной же западных эскимосов это название уже не подходит. С Чукотского полуострова мы имеем подробно нами описанную замечательную из моржового клыка дротико- или гарпунометалку из Секлюк (табл. 38, рис. 21), орнаментированную в древнеберингоморском стиле 1. Другая, деревянная, от которой сохранилась только часть из Сирэник (табл. 20, рис. 27), иного типа, общераспространенного среди западных, аляскинских эскимосов [1].

Подобные же приспособления с острова св. Лаврентия [2], относящиеся к древнеберингоморскому периоду, отличаются от наших и от современных типов [3] и ближе к типу бирниркскому [4]. Во всяком случае дротико- или гарпунометалка — древнейшее приобретение эскимосской культуры, известное, как мы теперь знаем, уже на заре древнеберингоморской стадии эскимосской культуры. Весьма существенные вариации позднейших форм и недостаток образцов из раскопок древних стоянок не позволяют пока проследить изменения этого снаряда во времени.

ЛУК И ЗАЩИТНЫЙ НАРУЧНИК

Из раскопок на Чукотском полуострове нет цельных луков, но их частей и моделей луков значительное количество. Миниатюрные деревянные и из китового уса луки имеются из различных пунктов побережья. Среди них следует различать две группы: маленькие деревянные и миниатюрные деревянные и из китового уса. Первые могли быть детскими игрушками (табл. 21, рис. 1); что же касается миниатюрных деревянных и из китового уса (табл. 5, рис. 9; табл. 21, рис. 2 и 3), то последние изготовлялись со специальной ритуальной целью для праздника «кита» и др. И те и другие тем не менее дают представление о типе простого эскимосского лука.

Остатки сложного упрочненного лука в виде костяных пластин срединных или концевых, а также отдельных сегментов (табл. 21, рис. 10) указывают на наличие у древних эскимосов такого лука. Бытование сложного лука, упрочненного обмоткой из волокон китового уса или сухожильных нитей, подтверждается также находкой специальных закруток (табл. 13, рис. 12; табл. 21, рис. 9; табл. 36, рис. 25).

Простые игрушечные и миниатюрные модели луков находились и при раскопках на острове св. Лаврентия [5], на арктическом побережье Северной Америки [6] и в области центральных эскимосов [7].

Когда у эскимосов появился сложный лук, остается все же неясным. Коллинз [8] предполагает, что сложный лук более позднего происхождения и характерен для пунукской и последующих стадий развития эскимосской культуры. На острове св. Лав-

[1] Murdoch, 1892: 243—244; рис. 244 и 246. Boas, 1907: 388; рис. 182 а.
[2] Волков и Руденко, 1910; рис. 3 а и б.
[3] Rainey, 1941d; рис. 13
[4] Collins, 1937; табл. 33, рис. 1—10.

[1] Волков и Руденко, 1910; рис. 10 и др.
[2] Collins, 1937 табл. 37. рис. 1—2.
[3] Nelson, 1899; 151. Murdoch, 1892: 117.
[4] Mason, 1930; табл. 1.
[5] Geist and Rainey, 1936; табл. 47, рис. 2 и 3; табл. 50, рис. 3; табл. 65, рис. 5, 9 и 10. Collins, 1937; табл. 55, рис. 1 и 2, табл. 56, рис. 15; табл. 59, рис. 26 и 27.
[6] Mathiassen, 1930a; табл 7, рис. 15.
[7] Mathiassen, 1927; I: табл. 8, рис. 1; табл. 66, рис. 5—7; табл. 75, рис. 7; табл. 79, рис. 7 и 8.
[8] Collins, 1937: 134.

рентия при раскопках в Мийовагх у Гамбелл в комплексе вещей раннего пунука был найден небольшой лук, упрочненный деревянными пластинками и китовым усом [1]. В этом маленьком упрочненном луке мы имеем древнейшее пока свидетельство его бытования у эскимосов.

Защитные наручники, как мы знаем, найдены на Чукотском полуострове в значительном количестве и притом разнообразные по величине, форме и стилю орнаментации. Среди них имеются совсем простые из моржового клыка или китового уса (табл. 10, рис. 13; табл. 21, рис. 6), большой костяной необычной формы, с прорезами посредине (табл. 21, рис. 4) из моржового клыка с круглыми вставками из китового уса или с кружками по краю (табл. 13, рис. 16; табл. 31, рис. 11) или роговой со слегка намеченным орнаментом по продольному краю (табл. 21, рис. 7). Особенно интересны три защитных наручника из моржового клыка, орнаментированных по всей поверхности; два из них из Сирэник (табл. 21, рис. 5 и 8), орнаментированы в раннем пунукском стиле, и один из Энмылена (табл. 33, рис. 25) с типичным позднепунукским орнаментом.

Серию защитных наручников мы знаем из раскопок на острове св. Лаврентия [2]. В Америке они известны в коллекциях с мыса Хоп и Барроу [3]. В области центральных эскимосов, в культуре туле они отсутствуют.

О наших наручниках с Чукотского полуострова можно сказать то же, что и с святолаврентьевских и западноамериканских. Они весьма изменчивы по форме, размерам и материалу: моржовый клык, кость, рог, китовый ус. Нельзя указать и пары совершенно одинаковых наручников; здесь нет того стандарта, который присущ многим другим типам древних эскимосских орудий. Вообще азиатские наручники проще по форме: среди них нет лироподобных, какие встречаются на острове св. Лаврентия и в северо-западной Америке.

Подобно сложным лукам, и защитные наручники у эскимосов появились сравнительно поздно. До сих пор не известен ни один из наручников, который был бы найден в комплексе древнеберинго-морских предметов. Все они либо совсем без орнамента, наиболее поздние, либо орнаментированы в пунукском стиле. Своей орнаментацией выделяется наручник (табл. 21, рис. 5) из нижних горизонтов восточного сектора культурного слоя Сирэник, который, вероятно, является древнейшим образцом этого типа вооружения. Между тем этот наручник по своему оформлению совсем не прост; самые простые наручники относятся к протоисторическому и новейшему времени. Отсюда можно заключить, что защитные наручники были позаимствованы древними эскимосами уже в готовом виде от своих соседей, вероятно западносибирских.

СТРЕЛЫ

Стрел с цельным древком и тем более с оперением при раскопках на Чукотском полуострове найдено не было. О древках стрел мы можем судить

[1] Collins, табл. 60, рис. 8.

[2] Collins, 1937; табл. 22, рис. 10; табл. 65, рис. 9—11; табл. 67, рис. 5 и 6.

[3] Mathiassen, 1930a; табл. 7, рис. 11 и 12; табл. 14, рис. 1 и 2. Murdoch, 1892: 210; рис. 193 и 194.

только по сохранившимся, правда нередко большим их обломкам. Как правило, древки стрел из легкого (ива) дерева, толщиной около 10 мм, слегка уплощенные, почти круглые (9 × 11 мм) в поперечном сечении. У основания, близ выреза для тетивы, они расширены и уплощены (6 × 13,5 мм), иногда на плоских поверхностях снабжены рядами нарезок (табл. 10, рис. 14; табл. 21, рис. 12 и 14), возможно для крепления оперения. О длине стрелы, если пропорции выдержаны, можно судить по моделям, маленьким цельным стрелам (табл. 22, рис. 11 и 12). Сколько-нибудь существенных отличий в размерах и форме древков стрел ни во времени, ни территориально на Чукотском полуострове не подмечено. Их форма, повидимому, осталась неизменной с древнейших времен до современности.

Коллинз [1] отметил резкие отличия в типе наконечников стрел древнеберингоморской стадии и последующей пунукской, отличие, какое не прослеживается и в типах наконечников гарпунов. Это положение подтверждается и раскопками на Чукотском полуострове.

Наконечники стрел с коническим череном, двумя острыми, прижатыми к телу у самого черена бородками, с прорезом для концевого кольца, древнеберингоморский тип Коллинза. На Чукотском полуострове они найдены только в очень древних комплексах вещей. Их мы имеем из Кивака (табл. 17, рис. 1), из восточного стойбища в Нунлигране (табл. 32, рис. 19 и 20), где уже две пары прижатых бородок, из нижнего горизонта восточного сектора Сирэник (табл. 21, рис. 25), где, в отличие от прочих, вместо конического черена черен расщепленный; наконечник с мыса Беринга, (табл. 33, рис. 21), и, наконец, винтообразно скрученный из древнего стойбища в Уэлене (табл. 2, рис. 9), подобный наконечнику из Хилсайт на острове св. Лаврентия [2]. Все эти наконечники костяные или роговые, ни одного нет из моржового клыка. Помимо формы и материала, особого внимания заслуживает наличие на всех этих наконечниках, за исключением того, что с мыса Беринга (табл. 33, рис. 21), возможно более позднего времени, орнамента в виде косых глубоко врезанных линий. Этот орнамент уэленского стиля, древнейшей уэлено-оквикской стадии, по традиции удержался на наконечниках стрел и в древнее берингоморское время, в частности на стойбище Кивак и на острове св. Лаврентия [3].

По поводу этого типа стрел Рейни [4] правильно, как мне кажется, замечает, что здесь мы имеем дело с боевыми, а не с промысловыми наконечниками стрел, ибо целесообразное при поражении врага расположение острых бородок у самого черена не имеет никакого преимущества при охоте за дичью.

На предшествующей уэлено-оквикской стадии и на стадии древнеберингоморской одновременно с только что описанным типом бытовали и совсем простые, круглые в сечении легкие роговые или костяные наконечники стрел с заостренным коническим череном (табл. 17, рис. 3) или с череном незаостренным (табл. 2, рис. 1).

Древнейшим, повидимому, типом эскимосских

[1] Collins, 1937: 135—137.

[2] Collins, 1937; табл. 29, рис. 7.

[3] Ibid.; табл. 34, рис. 3 и 5.

[4] Rainey, 1941d: 546.

наконечников стрел на азиатском континенте были те, которые мы знаем с древней уэленской стоянки в двух вариантах. Первый из них — наконечники стрел круглые или слегка уплощенные в поперечном сечении, с коническим череном и прорезом для копьеца на переднем слегка утолщенном конце; они сильно варьируют по длине, причем толщина стрелы обратно пропорциональна ее длине (табл. 2, рис. 3 и 5), без орнамента или с орнаментом в виде глубоких врезных линий. Второй вариант отличается от первого наличием, вместо конического, расщепленного, вильчатого черена (табл. 2, рис. 6, 7 и 8). Этот вариант менее варьирует по размерам.

Наконечников стрел этого уэленского типа мы пока не знаем за пределами азиатского материка. Подобного типа наконечники известны с реки Лены выше Якутска и с Нижней Лены, из раскопок Окладникова [1] на реке Букачан (левый приток реки Лены). Там они датируются началом первого тысячелетия до нашей эры; в погребениях с такими наконечниками появляется бронза.

Следует отметить, что, в отличие от поздних наконечников стрел со шлифованным сланцевым концевым копьецом, наконечники стрел описанных выше древних типов всегда сопровождаются или вовсе не шлифованными кремневыми, или из окремнелого туфа копьецами, или лишь слегка подшлифованными (табл. 21, рис. 23 и 25).

Костяные наконечники стрел более поздних стадий, начиная с раннего пунука до современных эскимосских, мало различаются между собою. К типам древнеберингоморским близок наконечник (табл. 21, рис. 23) из Сирэник, сходный с одним из опубликованных Коллинзом [2], отличающимся от него только вздутием посредине тела наконечника. Наиболее характерным отличием более ранних, пунукских, от более поздних наконечников стрел является материал — кость — и чаще уплощенная форма; более поздние обычно из моржового клыка, нередко трехгранной формы и часто с одной небольшой бородкой. Судя по комплексу вещей, в котором они найдены, к более раннему периоду относятся костяные плоские и короткие наконечники стрел с двумя симметричными бородками (табл. 21, рис. 20 и 26; табл. 33, рис. 20), уплощенные костяные наконечники с одной или двумя бородками и коническим череном с плечиками (табл. 21, рис. 16 и 21; табл. 36, рис. 17); к более позднему — наконечники костяные или из моржового клыка с одной или двумя бородками, коническим череном с шишечкой, круглые или треугольные в поперечном сечении (табл. 22, рис. 8 и 9) или, наконец, плоские с коническим или вильчатым череном (табл. 21, рис. 17; табл. 36, рис. 16).

Протоисторические, близкие к историческому времени наконечники: круглый с двумя острыми бородками, коническим череном и концевым прорезом для каменного копьеца с мыса Чаплина (табл. 13, рис. 11) и уплощенной формы, с тремя бородками, коническим череном и концевым прорезом для железного копьеца из Наукана (табл. 10, рис. 9). Последний наконечник со знаком собственности владельца. Судя по желобку вокруг прореза для концевого копьеца, в наконечник, изображенный на табл. 10, рис. 9, вставлялось кремневое копьецо с череном и плечиками, подобное изображенному на табл. 10, рис. 10. Подобные наконечники стрел хорошо известны у современных азиатских и американских эскимосов [1].

Так называемые птичьи стрелы с тупым концом найдены в большом числе и разнообразны по оформлению тупой головки. Впрочем, я не совсем уверен в том, что стрелы с тупым концом непременно предназначались для охоты на птиц. Напротив, насколько мы знаем из сибирской этнографии, стрелы с тупым, утолщенным концом употреблялись при промысле мелкого пушного зверя, чтобы не испортить его шкурку.

Из этой категории прежде всего должна быть отмечена серия стрел с утолщенным, притупленным передним концом, без специального наконечника (табл. 5, рис. 12; табл. 21, рис. 11 и 13). Затем имеются костяные тупые наконечники с расщепленным или коническим череном (табл. 22, рис. 2, 3 и 4) и, наконец, особенно много костяных и главным образом из моржового клыка тупых наконечников стрел с гнездом для насада на древко. Как видно из приведенных рисунков (табл. 2, рис. 10; табл. 5, рис. 13 и 14; табл. 13, рис. 13; табл. 22, рис. 5, 6 и 7; табл. 31, рис. 8, 9, 18 и 19; табл. 36, рис. 13), они сильно варьируют по величине и форме: цилиндрические, яйцевидные, желудевидные, иногда просто зуб моржа с высверленным гнездом и без дополнительной отделки. Такие наконечники, как известно, получили широкое распространение и за пределами Чукотского полуострова. Их мы знаем на острове св. Лаврентия [2], в северо-западной Америке [3], в области центральных американских эскимосов [4].

На острове св. Лаврентия тупых наконечников стрел в древнеберингоморском комплексе встречено не было, откуда Коллинз [5] сделал вывод, что этот элемент в эскимосской культуре появился поздно, только в пунуке. Непрерывное распространение тупых птичьих стрел в кругополярной области, замечает он, подобно таковому внутриматериковых элементов, таких, как лыжи, переносная колыбель, медвежий праздник, поскольку мы их не знаем на древнеберингоморском этапе, можно рассматривать как элементы иной культуры внутриматерикового комплекса.

Коллинз прав, считая, что тупые стрелы — элемент внутриматериковой, а не приморской береговой культуры, особенно если принять во внимание, что они предназначались главным образом для охоты на пушного зверя. Возможно, что на острова Берингова моря и в Северную Америку они проникли сравнительно поздно, хотя Рейни [6] дает изображения тупых наконечников стрел с оквикской стоянки Пунукских островов. На Чукотском полуострове они получили широкое распространение также довольно поздно, в конце пунука, но в специальных формах известны там с древнего уэленского стойбища (табл. 2, рис. 10) и из нижних горизонтов восточного сектора культурного слоя Сирэник (табл. 22, рис. 4).

---

1 Окладников, 1946: 71; табл. 10.
2 Collins, 1937; табл. 31. рис. 1.

1 Nelson, 1899: табл. 59a, рис. 10; табл. 59b, рис. 9. Волков и Руденко, 1910; рис. 12a, b, h; рис. 14g, i.
2 Geist and Rainey, 1936; табл. 21, рис. 7. Collins, 1937; табл. 74, рис. 72 и 73.
3 Murdoch, 1892; рис. 1895. Nelson, 1899, табл. 61c.
4 Stefansson, 1914: 98.
5 Collins, 1937: 224 — 225.
6 Rainey, 1941d; рис. 14, 10 — 12.

ГРУЗИЛА ПТИЧЬИХ БОЛА

Бола, или закидушка, для ловли птиц (уток), широко распространенная среди аляскинских эскимосов, до настоящего времени бытует кое-где среди эскимосов и береговых чукчей на Чукотском полуострове. Орудие это состоит из нескольких (от 4 до 10) шнурков или ремешков длиною 60—70 см, связанных вместе на одном конце. К свободному концу каждого шнура привязан костяной грузик. Снаряд этот кидается в стаю пролетающих над головой птиц. На полете шарики распределяются по кругу, радиусом которого являются шнурки, а центром место их скрепления. При соприкосновении снаряда с птицей шарики, действующие как шары боласа, запутывают ее, и она падает на землю. Грузики от закидушек на побережье Чукотского полуострова были найдены во всех позднейших эскимосских стойбищах, но ни в одном из древних стойбищ. Их не оказалось на древнем стойбище в Уэлене, в Киваке, в западном секторе культурного слоя Сирэник, в восточном стойбище Нунлиграна.

Форма таких грузиков неустойчива. Это либо совсем не обработанный зуб моржа, за исключением дыры, проделанной в корне (табл. 13, рис. 14; табл. 22, рис. 20; табл. 31, рис. 16), или обрезок моржового клыка неправильной формы и не обработанный (табл. 13, рис. 18 и 19), или хорошо оформленный грузик с коническим концом, в вершине которого проделана дыра (табл. 10, рис. 12; табл. 13, рис. 15; табл. 31, рис. 12; табл. 36, рис. 27). Имеются грузики и в виде шариков из моржового клыка, тщательно выделанные, с дырой для шнурка, погруженной в вершину грузика, что, по наблюдению Коллинза, является преобладающим методом устройства ушка в Беринговом проливе (табл. 12, рис. 15; табл. 31, рис. 14; табл. 36, рис. 26). Все типы наших грузиков имеются в богатой коллекции из раскопок на острове св. Лаврентия Гейста и Коллинза. Они сходны и с обычными в культуре туле.

Нельсон [1] в своей работе об эскимосах Берингова пролива дает изображение закидушки с мыса Хоп, где грузиками, вместо шариков, являются фигурки пяти белых медведей, птицы и тюленя. Вполне возможно поэтому, что и наши, одна из раскопок в Нунлигране, в западной стоянке (табл. 31, рис. 15), и две приобретенные фигурки тюленей с дырочкой для подвешивания в хвостовой части (табл. 36, рис. 28 и 29), служили грузиками болы. Замечу кстати, что все они очень хорошей сохранности и весьма поздние.

Отсутствие птичьей бола на ранних стадиях эскимосской культуры и нахождение древнейшего ее образца в бирниркском комплексе у мыса Барроу [2], отсутствие ее в области центральных эскимосов и наличие в культуре туле [3] — все это говорит о местном, арктическом происхождении этого снаряда, появившегося, как мы уже отмечали, сравнительно очень поздно.

ЛОВУШКИ И ПЕТЛИ

Из этнографической литературы, хотя бы из работ Мердока [4] и Нельсона [5], мы знаем, насколько широко эскимосы применяли всевозможные ловушки и петли в промысле зверя и птицы. К сожалению, раскопочный материал слабо освещает эту сторону культуры.

[1] Nelson, 1899; табл. 51, рис. 8.
[2] Mason, 1930: 386.
[3] Mathiassen, 1927; 2: 54.
[4] Murdoch, 1892.
[5] Nelson, 1899.

Из раскопок на Чукотском полуострове имеется с мыса Чаплина костяная лопаточка (табл. 13, рис. 22) для заглаживания следов на снегу при постановке капканов на песца или лисицу. Имеется также несколько деревянных колышков, с зазубриной на одном конце и заостренных на другом, которые можно рассматривать как насторожки самоловов; наконец, имеются силки или петли из китового уса (табл. 22, рис. 30). Интересно, что в Киваке и в Сирэник были найдены маленькие деревянные цилиндрики с круговым желобом посредине для прядки китового уса (табл. 17, рис. 13; табл. 22, рис. 22), точно такие же, и притом окрашенные в красный цвет, какие были найдены при раскопках на острове св. Лаврентия Коллинзом [1]. Последний думает, что они служили поплавками петель-силков из китового уса, предназначенных для ловли птиц.

СНЕГОВЫЕ ОЧКИ

Снеговые очки мы рассматриваем как предмет, связанный с весенним зверовым промыслом. Прибор этот совершенно необходим в условиях Арктики, когда весною при ярком и низком солнце и не сошедшем еще снеге на суше, а особенно на ледяных полях в море даже в начале лета, свет ослепляет глаза. Благодаря узкому прорезу для глаз такие очки без уменьшения ширины горизонта защищают зрачки от прямых и отраженных от снега солнечных лучей. Естественно поэтому, что такие очки мы знаем еще в древнеберингоморское время [2]. Наиболее древние снеговые очки, которые мы имеем с Чукотского полуострова, — костяные с древнего стойбища в Уэлене (табл. 2, рис. 14); по типу орнаментации они имеют много общего с очками, опубликованными Рейни [3] из раскопок в Ипиутак у мыса Хоп. Очки из района мыса Дежнева (табл. 38, рис. 7) из моржового клыка более позднего времени и орнаментированы в раннем пунукском стиле. Очки, найденные при раскопках в Авани (табл. 18, рис. 18), в комплексе поздних пунукских вещей, того же типа, но не орнаментированы.

Являясь общеэскимосским достоянием, бытующим и по сей день, снеговые очки претерпели известную эволюцию. Снеговые очки, опубликованные Рейни [4] из оквикской стоянки на Пунукских островах, с характерным, по его терминологии, оквикским, т. е. в древнеберингоморском стиле 1, орнаментом, вероятно, примерно той же древности, что уэленские или ипиутакские, упомянутые выше. Их отличительная особенность та, что они имеют маленькие, но круглые отверстия для глаз. Древнеберингоморские, опубликованные Коллинзом [5], снеговые очки имеют уже продолговатые, а не круглые отверстия, но не такие узкие, как позднейшие пунукские или щелевидные современные.

[1] Collins, 1937; табл. 57, рис. 18 и 19.
[2] Ibid.; табл. 68, рис. 1 и 2.
[3] Rainey, 1941b; табл. 2, рис. 12.
[4] Rainey, 1941d; рис. 17 (12).
[5] Collins, 1937; табл. 58, рис. 1 и 2

ОРУДИЯ РЫБОЛОВСТВА

НАКОНЕЧНИКИ ГАРПУНОВ

Маленькие и простые костяные наконечники гарпунов типа туле I Матиассена или типа V Коллинза часто и, на мой взгляд, справедливо рассматриваются как предназначенные для добычи крупных лососевых рыб. Это их назначение, для таких маленьких, как изображенный на табл. 22, рис. 25, несомненно. Напротив, неверно считать игрушечными миниатюрные наконечники гарпунов из моржового клыка вполне определенного типа с закрытым гнездом, обычно круглой дырой для линя, с простой шпорой и копьевидным передним концом. Наиболее древним из этой серии является костяной наконечник гарпуна, найденный на древнем уэленском стойбище (табл. 2, рис. 19), отличающийся от остальных наличием концевого копьеца. Кроме указанного, все найденные при раскопках на Чукотском полуострове — в Сирэник (табл. 22, рис. 24), Нунлигране (табл. 31, рис. 5) и Энмылене (табл. 33, рис. 12) — из моржового клыка описанного выше типа. Практическое использование таких малых наконечников для промысла вытекает из вполне установившейся, можно сказать стандартной, их формы и изношенности некоторых из них от длительного употребления. Вполне возможно, что гарпунчиками с такими наконечниками стреляли из лука. Точно такого же типа наконечники были найдены на острове св. Лаврентия в сравнительно поздних древнеберингоморских отложениях[1] и несколько иного типа в ранних[2].

Другого типа, но, вероятно, предназначенные для той же цели наконечники гарпунов более простого устройства, изображенные на табл. 13, рис. 5, с мыса Чаплина и табл. 22, рис. 23, из Сирэник. Аналогичные наконечники гарпунов, как лососевые, описаны Матиассеном[3] из его раскопок в области центральных американских эскимосов, из культурного комплекса туле.

ОСТРОГИ

На побережье Чукотского полуострова повсеместно и притом в значительном количестве находят наконечники острог, что указывает на интенсивную добычу крупной рыбы в лагунах, озерах и устьях рек. Очень крупные из моржового клыка или рога боковые зубцы острог имеются из Уэлена (табл. 2, рис. 26) и Сирэник (табл. 22, рис. 39 и 40). Соответствующие им центральные зубцы или используемые самостоятельно, подобно наконечникам копий, мы имеем в прекрасных образцах из Сирэник (табл. 22, рис. 31 и 32). Меньших размеров тупобородчатые центральные зубцы были найдены при раскопках в Кивак (табл. 17, рис. 2), Сирэник (табл. 22, рис. 33 и 34) и Энмылене (табл. 33, рис. 19), на острове Аракамчечене (табл. 12, рис. 17). Реже встречаются боковые зубцы малых острог (табл. 8, рис. 11; табл. 12, рис. 18). Как наконечник легкой рыбной остроги мог быть использован зубец из района мыса Дежнева (табл. 8, рис. 12); аналогичные ему мы знаем с острова св. Лаврентия[4].

[1] Geist and Rainey, 1936; табл. 54, рис. 18 и 19; табл. 59, рис. 15. Collins, 1937; табл. 59, рис. 18 — 21.
[2] Collins, 1937; табл. 23, рис. 15 и 16.
[3] Mathiassen, 1927; 1; табл. 12, рис. 7.
[4] Collins, 1937; табл. 33, рис. 16 — 18.

На Чукотском полуострове употреблялись для рыбной ловли также сложные лососевые остроги с привязной бородкой наподобие лодочного крюка, но меньших размеров. Все они из двух пунктов — с древнего стойбища в Уэлене (табл. 2, рис. 20 и 21) и из Сирэник (табл. 22, рис. 36, 37 и 38), принадлежат к одному и тому же типу и незначительно варьируют только в деталях. Интересно, что точно такие же по форме и костяные, как и наши, бородки сложных острог были найдены на оквикской стоянке Пунукских островов[1].

Бородки сложных острог были находимы в пунукском комплексе вещей на острове св. Лаврентия[2], на стоянках культуры туле в Канаде[3]. В отличие от святолаврентьевских и восточных американских, в бородках острог с Чукотского полуострова для привязывания к стержню сделаны длинные прорезы, а не круглые дыры. Сходные с нашими азиатскими бородками в Америке были найдены у мыса Барроу[4].

Судя по находкам наших бородок на древнем стойбище в Уэлене и в западном секторе культурного слоя Сирэник, а также аналогичных на оквикской стоянке Пунукских островов, можно думать, что в данном случае мы имеем дело с одним из очень древних эскимосских орудий.

КРЮЧКИ РЫБОЛОВНЫЕ И ГРУЗИЛА

На острове св. Лаврентия в позднем древнеберингоморском комплексе орудий Коллинз[5] нашел деревянный стерженек с привязанным китовым усом, маленьким голышом для веса и маленькой заостренной птичьей костью, как бы жальцем рыболовного крючка. Равным образом и нами в нижних горизонтах восточного сектора культурного слоя Сирэник был найден миниатюрный костяной наконечник, подобный наконечнику остроги, опубликованной Коллинзом, с привязанным китовым усом жальцем из моржового клыка, подобным тем, какие обычно встречаются в сложных рыболовных крючках (табл. 22, рис. 14). Подобный же примитивный рыболовный снаряд был найден при раскопках в области центральных американских эскимосов[6]. Напомним, что в Авани нами была найдена плечевая кость собаки с двумя высверленными на концах ее дырами. Находка такой же кости при раскопках на острове св. Лаврентия[7], со вставленным костяным жальцем, показала, что и здесь мы имеем дело со стержнем рыболовного крючка.

Все эти примеры показывают, что, помимо вполне установившихся типов рыболовных крючков, как в раннее, так и в позднее время были в употреблении и случайные формы, хотя находки в Авани и на острове св. Лаврентия плечевых костей собаки, приспособленных для устройства рыболовных крючков, говорят как будто бы за то, что подобные крючки могли иметь и широкое распространение.

Наличие жалец, обычно из моржового клыка, в ряде стойбищ Чукотского полуострова свидетель-

[1] Rainey, 1941d; рис. 15/1 — 3.
[2] Collins, 1937; табл. 75, рис. 19.
[3] Mathiassen, 1927; 1; табл. 12, рис. 10 и 11; табл. 43, рис. 1, 3 — 5.
[4] Mathiassen, 1930a; табл. 9, рис. 11.
[5] Collins, 1937; табл. 33, рис. 16.
[6] Mathiassen, 1927: 1; табл. 43, рис. 11.
[7] Collins, 1927; табл. 79, рис. 8.

ствует о широком распространении сложных рыболовных крючков. Такие жальца имеются из поздней стоянки в Нунлигране (табл. 31, рис. 25), из Сирэник (табл. 22, рис. 28), с мыса Чаплина (табл. 13, рис. 21), из Уэлена (табл. 2, рис. 24). Простых стерженьков крючков для единичных жалец пока не найдено, но из Сирэник имеются стержни от сложных рыболовных крючков с тремя жальцами как деревянные (табл. 22, рис. 26), так и из моржового клыка (табл. 22, рис. 27). По наблюдениям Коллинза[1], такая форма сложного рыболовного крючка для ловли трески на острове св. Лаврентия появляется только в пунуке. Такие же крючки на том же острове были найдены при раскопке и поздних протоисторических жилищ[2]. Между тем Рейни[3] считает, что они были в употреблении уже на оквикской стадии эскимосской культуры.

Цельные из моржового клыка рыболовные крючки с тремя жальцами были найдены только в сравнительно очень поздней западной стоянке в Нунлигране (табл. 31, рис. 36); по побережью Чукотского полуострова они бытовали среди эскимосов и береговых чукчей, равно как и среди аляскинских эскимосов, до самого последнего времени[4]. На острове св. Лаврентия они также были найдены в комплексе вещей пунукского времени[5].

Лесок для удочек из раскопок на Чукотском полуострове мы не имеем, но большое количество пучков и связок полос и волокон китового уса, особенно у мыса Чаплина и в Сирэник, не оставляет сомнения в том, что лески изготовлялись из китового уса. Зато грузил к удочкам имеется немало. Среди них встречаются совсем миниатюрные (табл. 2, рис. 22 и 23) и очень крупные (табл. 2, рис. 27), притом на одном и том же стойбище, как видно на примере древнего уэленского стойбища. Кроме того, они сильно варьируют и по форме, хотя имеют всего две дыры — на верхнем конце для лесы и на нижнем для крючка. Еще разнообразнее грузила из Сирэник, где найдены и круглые в поперечном разрезе (табл. 23, рис. 15), и овальные (табл. 23, рис. 16), и совсем плоские (табл. 23, рис. 17); в некоторых случаях они имеют форму гирьки (табл. 36, рис. 34) с прорезами вместо дыр для лесы. Все грузила к рыболовным удочкам, как правило, из моржового клыка, но иногда с этой целью использовался и моржовый зуб (табл. 23, рис. 18). В иных случаях грузило одновременно выполняло функции и рыболовного крючка. Так, большое грузило из Энмылена (табл. 34, рис. 8), удлиненной формы, из китовой кости, помимо отверстий на верхнем конце, по граням, в нижней трети имеет четыре глубокие ямки для вставляющихся в них жалец. В зависимости от формы Коллинз[1] только среди более древних грузил различает восемь типов. Для подобной классификации мы не располагаем достаточным материалом.

СЕТКИ РЫБОЛОВНЫЕ

При раскопках у мыса Чаплина и особенно в Сирэник найдено много обрывков сетей, сплетенных из китового уса. Все они однотипны и, повидимому, от сачков для зимнего лова наваги, которые и поныне бытуют у азиатских эскимосов. Последнее подтверждается находкой вместе с сеткой деревянных и из полос китового уса ободков от сачков и специальных грузил из продолговатых голышей с круговым желобком посредине (табл. 23, рис. 1 и 2; табл. 12, рис. 26; табл. 28, рис. 21). Такая сетка из бухты Пловер воспроизведена в работе Нельсона[2].

Сетки эти и грузила к ним находились преимущественно в поздних стоянках; подобное же грузило на острове св. Лаврентия было найдено Коллинзом[3] в позднем пунукском комплексе вещей и описано им как грузило от сачка для ловли трески.

Костяной челнок для плетения сетей с мыса Чаплина (табл. 13, рис. 24), обычного типа, широко распространенного среди эскимосов, в частности аляскинских[4].

Трудно сказать, какого типа были большие сети, употреблялись они только для лова рыбы или и для ловли тюленей, но тяжелые, обычно из отрезков моржового клыка; грузила для таких сетей, правда в стойбищах позднего пунукского и протоисторического времени, встречаются на побережье Чукотского полуострова повсюду. Их можно подразделить на два типа: с дырой для подвешивания на одном конце грузила (табл. 23, рис. 22) и, чаще, с двумя дырами на обоих концах грузила (табл. 5, рис. 24; табл. 10, рис. 19; табл. 23, рис. 21; табл. 36, рис. 32). Последний известен и из раскопок на острове св. Лаврентия[5].

Сачок для вычерпывания льда из проруби (табл. 28, рис. 3), который можно также причислить к орудиям, связанным с рыболовством, найденный при раскопках в Сирэник, не имеет аналогий. Он состоит из роговых пластин, переплетенных полосами древесных кореньев.

¹ Collins, 1937; табл. 75, рис. 4 и 5.
² Geist and Rainey, 1936; табл. 54, рис. 9.
³ Rainey, 1941d; рис. 15,6).
⁴ Bogoras, 1904 — 1909; I; рис. 67с. Nelson, 1899; табл. 69; рис. 2.
⁵ Collins, 1937; табл. 75, рис. 10.

¹ Collins, 1937: 140 — 142.
² Nelson, 1899; табл. 70. рис. 12.
³ Collins, 1937: табл. 8, рис. 4.
⁴ Nelson, 1899; табл. 73.
⁵ Collins, 1937; табл. 75, рис. 16.

ТЕХНИКА ОБРАБОТКИ МИНЕРАЛЬНЫХ, РАСТИТЕЛЬНЫХ И ЖИВОТНЫХ МАТЕРИАЛОВ

ДОБЫВАНИЕ ОГНЯ СВЕРЛЕНИЕМ

Добывание огня сверлением практиковалось эскимосами на всех стадиях развития их культуры, и принадлежности для добывания огня таким способом были найдены при раскопках всех стойбищ на побережье Чукотского полуострова. Деревянные стержни, варьируя в размерах, сводятся к одной более или менее стандартной форме, несколько утолщенной на нижнем конце и меньшего диаметра вверху (табл. 5, рис. 17; табл. 11, рис. 6; табл. 23, рис. 23 и 24). Дощечки, которые при этом сверлили, не имели, повидимому, установившейся формы (табл. 11, рис. 19; табл. 18, рис. 19). Накладки-упоры в основном были двух типов: держащиеся в руке или зубами во рту. Первые представляют собою или астрагалы оленя, естественные углубления которых использовались как ямки для упора, либо любые из обрезков моржового клыка,

или поврежденные орудия подходящей формы, в которых высверливалась ямка для упора деревянного стержня. Костяная накладка, изображенная на табл. 3, рис. 14, была, видимо, специально изготовлена для этой цели, так как на одном из ее концов имеются выемки для подвешивания.

Накладок, захватывающихся зубами, не было найдено ни в одной из древних стоянок Чукотского полуострова. Три из них, науканские, из моржового клыка (табл. 11, рис. 13, 17 и 18), очень позднего протоисторического, а быть может, и исторического времени; одна каменная (табл. 5, рис. 20), приобретенная в Уэлене, возможно, даже современная.

На острове св. Лаврентия накладки второго типа были найдены Коллинзом в древних культурных комплексах, но он отмечает, что они были обычны в пунукское время[1]. Во всяком случае, судя по наличию указанных двух типов упоров-накладок, эскимосы применяли два метода при сверлении, в частности, вероятно, и при добывании огня сверлением: при помощи простого ремня и при помощи лучка. Лучки, употреблявшиеся для этой цели, могли быть и деревянные и костяные (табл. 12, рис. 10; табл. 23, рис. 25 и 26).

ИЗГОТОВЛЕНИЕ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ

Техника изготовления каменных орудий известна и подробно описана в ряде специальных исследований. Применительно к культуре, нас интересующей, она получила освещение в работе Холмса[2].

Самый процесс изготовления каменных орудий сводится, как известно, к пяти основным моментам: отбиванию пластин или осколков от валуна или ядрища, предназначенных для приготовления орудия; к грубому отесыванию заготовки для придания ей желаемой формы; тонкому обтесыванию сторон; отделке поверхности и лезвий при помощи ретуши; к шлифовке лезвия или всего орудия.

Пока нам не известно ни одной мастерской, где бы эскимосы делали каменные орудия. На стойбищах, в жилищах и погребениях, обычно находятся или уже готовые цельные орудия, или орудия поврежденные, или, наконец, обломки орудий. Встречаются также полуфабрикаты, заготовки орудий или осколки, которые сами по себе могли быть использованы как орудия без дальнейшей обработки. Нигде на эскимосских стойбищах, насколько мы знаем, до сих пор не находилось ни призматических нуклеусов, ни узких ножевидных пластинок, столь характерных как для позднего палеолита Европы, так и для мезолита и неолита. Не найдено ни отбойников, ни каменных ретушеров. Единственный призматический обсидиановый нуклеус, имеющийся в наших собраниях с Чукотского полуострова (табл. 36, рис. 30), находка случайная, и места, где он был найден, мы не знаем.

Возможно, что первичные стадии изготовления каменных орудий производились в мастерских, там, где добывался для них камень. На местах поселений, где найдено немало заготовок для различных каменных орудий, производилась только окончательная отделка орудий при помощи отжимной ретуши.

От одного из приморских коряков бухты Корфа, отец которого был специалистом по изготовлению каменных орудий, я слышал, что при раздроблении выбранного булыжника или при отделении от него осколков всегда булыжник держится в левой руке, обернутым куском кожи, чтобы при ударе не поранить руки. По сведениям Иохельсона[1], о чем уже говорилось выше, с этой же целью коряки надевают на большой палец левой руки специальный костяной наперсток, подобный приведенному нами из древнего стойбища у мыса Беринга (табл. 34, рис. 2).

Ретушеры-отжимники обычно представляли собою слегка выгнутые костяные стержни овальной в поперечном сечении формы. Наиболее совершенную форму имеет сложный отжимник в рукоятке из оленьего рога из Сирэник, изображенный на табл. 24, рис. 31. Отжимники в подобных же рукоятках известны и из северо-западной Америки[2].

Мы знаем, что большинство эскимосских каменных орудий, а на ранних стадиях их культуры почти исключительно, было обтесанное и ретушированное, но без шлифовки. Подшлифовывались только лезвия тесел. Материалом служили исключительно твердые породы, такие, как базальт, нефрит, кремень, окремнелый туф, обсидиан, реже халцедон, яшма и др. Для ножей, скребков, перок, дрилей и других мелких орудий употреблялись почти исключительно кремень и окремнелый туф, как о том можно судить по большому количеству шлифов, которые были сделаны из обломков таких орудий.

Шлифованные орудия, характерные для поздних стадий эскимосской культуры, в области Берингова моря изготовлялись главным образом из глинистого, реже кремнистого сланца; их шлифовка производилась, вероятно, на специальных брусках, образцы которых даны на табл. 14, рис. 11; табл. 35, рис. 13.

ОБРАБОТКА КОСТИ И ДЕРЕВА

Каменное тесло было одним из самых важных эскимосских орудий при обработке кости и дерева. Они находятся повсеместно и на ранних стадиях культуры, пожалуй, даже в больших количествах, чем на поздних. Тесловидными топорами приходилось обрабатывать и такой плотный материал, как клык моржа. Естественно поэтому, что тесла выделывались из наиболее твердых горных пород.

Уже указывалось (стр. 77), как теслом отрубались концы клыков моржа для заготовок наконечников гарпунов; им же обтесывались, не говоря уже о роге и кости, моржовые клыки, когда им нужно было придать ту или иную форму; теслом вырубались глубокие желобки для привязывания на кирках и мотыгах из моржового клыка; им же делались глубокие насечки на всевозможных костяных орудиях в местах скрепления их с древком или рукояткой. Само собой разумеется, что все солидные работы по дереву также производились теслом. Теслом, как известно, вытесывались до самого последнего времени все плахи, которые шли на постройку жилища.

Форма тесел прямоугольная, удлиненная; длина обычно в два раза больше ширины (например, табл. 17, рис. 21; табл. 36, рис. 36 и 37), не всегда

[1] Collins, 1937: 236; табл. 82, рис. 37—40.
[2] Holmes, 1897.

[1] Jochelson, 1908: 608; рис. 134b.
[2] Mason, 1894; табл. 39, рис. 4. Murdoch, 1892: 289; рис. 281.

правильная (табл. 10, рис. 11 и 17; табл. 18, рис. 12; табл. 24, рис. 1 и 2); размеры не постоянны, от 7 до 14 см длиной; рабочий край, лезвие, как правило, зашлифовано так, что его грани сходятся под углом, близким к 45°, причем внутренняя грань с продольною осью тесла образует больший угол, чем наружная. Длинными теслами, особенно больших размеров, возможно было пользоваться привязанными непосредственно к рукояткам-топорищам, маленькие же, удлиненной формы и короткие (табл. 17, рис. 18; табл. 24, рис. 2 и 3), для прикрепления к топорищу обязательно вставлялись в специальную роговую или костяную обойму.

В общей серии каменных тесел выделяются экземпляры с гранями лезвия, заточенными очень круто, под углом 75—80° (табл. 17, рис. 17; табл. 37, рис. 1), найденные на наиболее древних стойбищах полуострова, в Киваке и в западном секторе культурного слоя Сирэник. Такие тесла с острова св. Лаврентия описаны Коллинзом [1], как тесловидные скребки (adzelike scrapers). Этот тип орудий он справедливо считает характерным для древней берингоморской культуры, подчеркивая, что за пределами эскимосской территории такой тип неизвестен. Точно функция орудий этого типа не ясна, хотя Коллинз считает резонным предположение, что они употреблялись для скобления шкур или кож, ибо рабочие их края слишком круты, чтобы быть эффективными для резания. Непригодны они и для скобления чего-либо из твердого материала, такого, как кость или моржовый клык.

Мое мнение как раз обратное. Тесла с такими тупыми, почти под прямым углом заточенными краями лезвий были особенно эффективными при работе на прочном материале, таком, как моржовый клык, ибо при наносимых ими сильных ударах они оказались наиболее стойкими, не так скоро притуплялись и не зазубривались. Анализ насечек на обрубленных концах моржовых клыков и везде там, где моржовый клык перерубался, обнаруживает следы работы именно таким теслом. Для работ по дереву, наоборот, более эффективны были тесла с более заостренными лезвиями.

Особо выделяются миниатюрные долотовидные, удлиненной формы тесла (табл. 32, рис. 4; табл. 34, рис. 15), оба из древних стойбищ. Подобные орудия скорее всего могли употребляться для работ по дереву.

Несравненно реже встречаются тесла из моржового клыка (табл. 28, рис. 13; табл. 34, рис. 30), иногда с череном, непосредственно привязывающиеся к рукоятке-топорищу. Такие тесла, разумеется, могли служить для работ только по дереву.

Тесловидное орудие в форме сапки из оленьего рога, найденное при раскопках в Наукане и изображенное на табл. 10, рис. 18, могло употребляться и при обработке дерева и как сапка при земляных работах.

Роговые и костяные обоймы, в которые вставлялись каменные тесла для последующего их привязывания к ручке-топорищу, из раскопок на Чукотском полуострове трех типов.

Тип первый — наиболее древний, так как такие обоймы были найдены только на древнем стойбище в Уэлене и на восточном в Нунлигране. Эти обоймы (табл. 3, рис. 8 и 9; табл. 32, рис. 33) из оленьего рога, с прямоугольной, иногда квадратной втулкой для насада на топорище. Интересно, что одна из наиболее древних обойм, найденных на острове св. Лаврентия, также со втулкой для насадки на топорище [1].

[1] Collins, 1937: 152—154; рис. 16 в тексте

Второй тип — совсем простые, также роговые обоймы для небольших тесел. Прекрасный образец такой обоймы с нефритовым теслом приведен на табл. 37, рис. 1.

Третья группа — роговые или костяные обоймы с длинным череном-обухом, привязывающимся к рукоятке-топорищу; они характерны для более поздних эскимосских поселений (табл. 6, рис. 1; табл. 24, рис. 5; табл. 37, рис. 2).

Вариантом этого типа является обойма, изображенная на табл. 6, рис. 2, позднего протоисторического времени с высверленными на черене-обухе дырами для привязывания к ручке.

На Чукотском полуострове пока не найдено обойм для тесел из моржового клыка с ушками для прикрепления к топорищу древнеберингоморского или пунукского времени, подобных тем, которые известны из раскопок на острове св. Лаврентия [2]. Нет и «башмакоподобных» [3], которые Коллинз считает типом поздним пунукским, а Рейни, напротив, очень древним оквикским [4]. Эта специализированная форма пока известна только с Пунукских островов [5] и с острова св. Лаврентия, причем с последнего из очень поздних протоисторических жилищ [6].

Ручек-топорищ у нас имеется только две: одна оригинальной формы из моржового клыка, приобретенная (табл. 37, рис. 4), имитирующая поздние европейские топорища.

Следующим общераспространенным и крайне важным орудием, применявшимся при работах не только по дереву, но и по кости, были клинья из моржового клыка. Важность этого орудия в быту видна из непременного наличия, и притом во многих экземплярах, клиньев на всех древних стоянках в одних и тех же неизменных формах.

Клинья, как правило, делались из переднего конца моржового клыка и соответствующим образом затесывались; на верхнем конце — пятке — всегда видны следы в виде выщербин от ударов по клину молотком. В зависимости от специального назначения клинья сильно варьируют в размерах — от совсем миниатюрных, 4—5 см длиной (табл. 3, рис. 6; табл. 34, рис. 29), до очень больших, 16—22 см длиной, при соответственной ширине (табл. 3, рис. 7; табл. 34, рис. 26).

Как уже отмечалось, клинья из моржового клыка были самым обычным орудием для раскалывания кости и клыков. Насколько можно было убедиться по многочисленным образцам, добытым при раскопках, моржовый клык, предназначенный для различных поделок, никогда не перепиливался нацело. В нем обычно проделывался более или менее глубокий пропил, иногда два альтернативных пропила, а затем при помощи клина, после такой подготовки, раскалывался на две части.

[1] Collins, 1937; табл. 46, рис. 6.
[2] Collins, 1937; табл. 46, рис. 3; табл. 60, рис. 2.
[3] Geist and Rainey, 1936; табл. 63, рис. 9. Collins, 1937; табл. 78, рис. 20 и 21.
[4] Rainey, 1941d; табл. 20, рис. 10.
[5] Collins, 1937; табл. 78, рис. 20 и 21.
[6] Geist and Rainey, 1936; табл. 13, рис. 7.

Следы от клина на таких расколотых частях клыка всегда различимы в виде вмятин на грани пропила (табл. 4, рис. 4 и 5).

Молотом для удара по клину мог служить любой булыжник, но в некоторых случаях пользовались специальными молотками, приделанными к ручке. На табл. 15, рис. 7, дано изображение одного такого молотка из гранитного булыжника с глубоким круговым жолобом для привязывания к рукоятке. Одна из его поверхностей носит следы длительного пользования им как молотом. Такой молот мог употребляться не только при обработке кости или дерева, при забивании кольев и тому подобных работах, но и для дробления трубчатых костей с целью извлечения из них мозга.

Интересны по своей оригинальной форме два молота из моржового клыка: один с круглой втулкой для ручки, орнаментированной в пунукском стиле (табл. 37, рис. 19); другой, по своему оформлению имитирующий железный молоток (табл. 15, рис. 11).

Как молотком, или, точнее, колотушкой, судя по избитой всей его поверхности, пользовались клыком молодого моржа, найденным при раскопках у мыса Беринга (табл. 35, рис. 32), на переднем конце которого проделано круглое отверстие для подвешивания.

Изготовление многочисленных и разнообразных, иногда весьма тонкой работы, всевозможных предметов из дерева, китового уса, рога, кости и, наконец, из моржового клыка было немыслимо без комплектов небольших режущих, пропиливающих и скребущих каменных орудий. И действительно, такие орудия при сколько-нибудь значительных по размерам раскопках эскимосских стойбищ, особенно наиболее древних, встречаются в большом количестве. Предназначенные для работ на таком прочном материале, как кость и особенно клык моржа, они всегда изготовлялись из очень твердых пород, таких, как кремень, обсидиан, халцедон, окремнелый туф и т. п.

Плоские осколки с острорежущими краями (табл. 24, рис. 9, 24, 27 и 28; табл. 34, рис. 3, 4, 5 и 6) употреблялись как ножи, о чем свидетельствуют следы такого их употребления, ясно различимые на рабочих лезвиях. Некоторые из таких осколков имеют одностороннюю ретушь по краям и могли употребляться как пилки или скребки для работы по кости и дереву (табл. 24, рис. 14). Часть из них — вогнутые скребки (табл. 24, рис. 23 и 30), при помощи которых изготовлялись такие предметы, как костяные иглы или древки стрел. Типичных неолитических пилок мы не нашли, не известны они и из раскопок на острове св. Лаврентия и на Пунукских островах. Тем не менее мы знаем, что эскимосы широко практиковали распилку костей и моржового клыка, которая, повидимому, могла производиться, как и при распилке камня, при помощи костяных орудий, песка и воды.

Несмотря на столь распространенную на всех стадиях развития эскимосской культуры практику резьбы и гравировки по кости, типичных резцов, таких, как в верхнем, скажем, палеолите Западной Европы, здесь мы не имеем. Встречаются орудия, которые могли служить резцами (табл. 24, рис. 18 и 19), но редко. Отсюда можно заключить, что резьба, гравировка по кости производились не специальными резцами, как это принято думать, а просто осколками кремня или обсидиана с острорежущими краями.

Для сверления дыр служили ручные провертки (табл. 24, рис. 17 и 18), но в несравненно большем употреблении были дрили с каменными (табл. 24, рис. 21 и 22; табл. 32, рис. 13) и особенно с костяными, чаще из моржового клыка, перками (табл. 3, рис. 4; табл. 11, рис. 8; табл. 23, рис. 3, 4 и 5; табл. 32, рис. 24 и 25; табл. 35, рис. 1 и 2). Напомним, что при раскопках в Сирэник было найдено два деревянных стержня дрилей: один из них с костяной перкой, укрепленной в гнезде обмоткой из китового уса (табл. 23, рис. 10), другой без перки (табл. 23, рис. 9). Накладками для дрилей служили такие же накладки-упоры на стержень, как и при добывании огня сверлением.

На предметах костяных и из моржового клыка с гравировкой в пунукском стиле часто встречаются миниатюрные круглые ямочки, иногда как точки, иногда чуть большего диаметра, со вставленными в них заклепочками из китового уса. Миниатюрное сверло для таких работ с железной перкой, изображенное на табл. 23, рис. 12, было найдено при раскопках в Сирэник.

ОРУДИЯ ДЛЯ РАСЧЛЕНЕНИЯ ТУШ УБИТЫХ ЖИВОТНЫХ И ДЛЯ ОБРАБОТКИ ШКУР

Самым распространенным орудием, необходимым для свежевания убитых животных, расчленения их туш и самых разнообразных работ, были ножи. Они находятся на всех эскимосских поселениях и весьма разнообразны и по материалу, из которого они изготовлялись, и по технике изготовления, и по форме.

Реже других встречаются ножи относительно больших размеров, лавролистной, треугольной или асимметричной со спинкой формы из халцедона, кремня или окремнелого туфа (табл. 14, рис. 2; табл. 37, рис. 10), которыми работали, держа непосредственно в руке, без специальной ручки. Значительно более были распространены, особенно на ранних стадиях, узкие каменные ножи, вложенные в костяные или деревянные ручки. Прекрасные экземпляры таких ножей имеются из древнего стойбища в Уэлене в рукоятке (табл. 3, рис. 17) и вне рукоятки (табл. 3, рис. 21 и 22). Судя по костяным рукояткам таких ножей с одним или двумя вырезами-гнездами для клинков (табл. 3, рис. 23, 24 и 27), ножи этого типа нередко бывали большой длины. Бытовали также ножи, состоящие из рядов каменных вкладышей, вставленных в рукоятки костяные или из моржового клыка. Такие сложные ножи были и двулезвийные (табл. 3, рис. 26; табл. 4, рис. 2) и однолезвийные (табл. 25, рис. 16).

Наиболее типичными эскимосскими ножами следует считать ножи черенковые, укрепленные на конце длинной рукоятки, ножи для снимания, в частности, шкур с убитых животных. Такие ножи двух типов: однолезвийные или двулезвийные. Однолезвийные встречаются реже; лезвие у них выгнутое, спинка прямая, иногда вогнутая. Такие ножи, обычно кремневые или из окремнелого туфа, не шлифовались (табл. 17, рис. 8; табл. 24, рис. 8;

табл. 37, рис. 13); они характерны для древнейших стойбищ, таких, как Кивак или западный сектор Сирэник. Однолезвийные ножи сланцевые всегда отшлифованы по всей поверхности (табл. 25, рис. 13; табл. 34, рис. 20) и характерны для более поздних стадий эскимосской культуры на Чукотском полуострове. Клинки ножей двулезвийных, черенковые и нешлифованные, встречаются редко (табл. 32, рис. 9; табл. 34, рис. 9), зато сланцевых шлифованных очень много. В особенно большом числе они находятся на поздних этапах рассматриваемой культуры. Более всего небольших, сравнительно коротких клинков (табл. 25, рис. 2; табл. 34, рис. 18), но встречаются и средних размеров (табл. 11, рис. 2; табл. 37, рис. 12 и 16), а иногда и очень большие (табл. 37, рис. 23). Один из таких черенковых ножей был найден в деревянной рукоятке (табл. 25, рис. 1), другой в костяной (табл. 37, рис. 22).

Деревянные рукоятки, подобные изображенной на табл. 25, рис. 1, очень типичны для толстых сланцевых клинков с широким череном (табл. 11, рис. 5; табл. 25, рис. 26). Рукоятка костяная, подобная изображенной на табл. 37, рис. 22, с рядом орнаментальных высверленных дыр, была найдена при раскопках только позднего жилища на косе в Уэлене (табл. 6, рис. 7).

Самый распространенный тип — плоские костяные рукоятки для двулезвийных черенковых ножей с глубоким и узким гнездом на одном, реже на двух концах для черена клинка. Тип этот известен в двух вариантах: со сплошным гнездом (табл. 25, рис. 17 и 19) и с гнездом, в одной из плоских сторон которого проделан продольный прорез для извлечения черена на случай поломки клинка и замены его другим (табл. 12, рис. 23; табл. 14, рис. 18 и 19; табл. 25, рис. 18; табл. 31, рис. 40, 41 и 42). На Чукотском полуострове этот тип рукояток встречается только на поздних стойбищах, соответствующих пунукскому этапу на острове св. Лаврентия.

Редкий тип деревянной рукоятки, изображенной на табл. 14, рис. 4, предназначен, вероятно, для маленьких узеньких ножей, подобных изображенным на табл. 3, рис. 12; табл. 37, рис. 18.

Деревянные рукоятки с врезанным боковым клинком ножа известны на острове св. Лаврентия в древнеберингоморском комплексе [1]; встречаются они там и позднее [2]. Этот элементарный тип рукоятки на указанном острове бытовал до последнего времени [3]. Напротив, рукояток костяных, вышеописанного типа для черенковых ножей, на острове св. Лаврентия мы не знаем, но у американских эскимосов на стадии туле они известны в обоих вариантах [4].

Последняя категория рукояток ножей, заслуживающая особого внимания, — это составные из двух половинок, выделанные из моржового клыка, с прорезом на конце для узкого и тонкого клинка. Эта рукоятка подобна рукояткам хорошо известного эскимосского орудия, употребляющегося до последнего времени для резания кости или моржового клыка, — «antler chisel» Мердока [1] или «whittling knife» Матиассена [2]. Такие рукоятки, вообще говоря, предполагают наличие очень узенького, вряд ли каменного, скорее железного и даже стального клинка. Удивительно поэтому, что такие рукоятки на острове св. Лаврентия появляются рано, если не на древнеберингоморской, то во всяком случае на ранней пунукской стадии [3]; у нас на Чукотском полуострове они хорошо представлены на древнем стойбище в Уэлене (табл. 4, рис. 5 и 6), но известны и на более поздних стоянках (табл. 14, рис. 4; табл. 25, рис. 21; табл. 31, рис. 39; табл. 32, рис. 30). Рейни [4] отмечает широкое распространение ножей с такой рукояткой от древнеберингоморской стадии до современных, учитывая не опубликованные из коллекций университета на Аляске, и склонен причислить их к оквикскому комплексу орудий.

Женские полулунные ножи из шлифованного сланца (ulu), как и следовало ожидать, в изобилии встречаются на всех стойбищах, особенно позднейшего времени. Они очень варьируют по величине — от маленьких, 5—6 см длиной (табл. 25, рис. 30), до средних, 11—12 см (табл. 34, рис. 24 и 25), а судя по размерам ручек (табл. 12, рис. 13), и до 18 см и более длиною. Форма их также существенно варьирует — от низких до очень высоких (табл. 25, рис. 30; табл. 8, рис. 16), от полулунных и треугольных до почти трапециевидных.

Рукоятки женских ножей деревянные, костяные, роговые или из моржового клыка, обычно низкой формы, слегка, а иногда и со значительно вогнутой спинкой. В редких случаях украшены прорезным (табл. 31, рис. 36) или выгравированным (табл. 9, рис. 1) орнаментом.

В общем женские сланцевые ножи с Чукотского полуострова ничем не выделяются среди массы уже известных нам таких орудий с острова св. Лаврентия или из Северной Америки.

Костяные или из моржового клыка ножи на побережье Чукотского полуострова, как и на острове св. Лаврентия, встречаются в поздних стоянках. Такие ножи двулезвийные, длинные и узкие, с одной стороной плоской, другой слегка приподнятой, с хорошо различимым срединным хребтиком; передний конец всегда острый, ребра слегка заточены. На конце такого ножа, его рукоятке обычно имеется отверстие для подвешивания.

Подобные ножи известны на острове св. Лаврентия [5] в пунукское время, а в Северной Америке в культуре туле [6].

Возможно, что такие ножи употреблялись не только в хозяйственном быту, но и на охоте или на войне.

Каменные скребки для обработки шкур особенно характерны для ранних стадий, и встречаются они главным образом на наиболее древних стойбищах. Материалом для скребков чаще всего служил кремень, окремнелый туф или яшма. Все они из массивных осколков. Внутренняя или нижняя их сторона обычно обработана только частично, иногда плоская; вогнутая, наружная сторона отесана по

---

[1] Collins, 1937: табл. 29, рис. 11.
[2] Ibid.; табл. 38, рис. 1.
[3] Geist and Rainey, 1936: табл. 40, рис. 5.
[4] Mathiassen 1927; I; табл. 17, рис. 8, 10, 13 и др.; табл. 83, рис. 8. Mathiassen, 1930a; табл. 4, рис. 1 и 2; табл. 10, рис. 1—3; табл. 15, рис. 2—4.

[1] Murdoch, 1892: 173, рис. 143.
[2] Mathiassen, 1927; I; табл. 22, рис. 1—4.
[3] Collins, 1937: 145—146; табл. 38, рис. 5—7.
[4] Rainey, 1941: 504—505.
[5] Collins, 1937; табл. 74, рис. 5 и 6.
[6] Mathiassen, 1927; I; табл. 18, рис. 15.

всей поверхности и особенно тщательно по рабочему краю. Наиболее типичная форма — грушевидная с широким рабочим краем и узким, вставляющимся в рукоятку. Размеры скребков колеблются от малых, 3—4 см длиной (табл. 24, рис. 11; табл. 32, рис. 15), до крупных, 5—7 см длиной (табл. 24, рис. 7; табл. 34, рис. 16). Как исключение встречаются скребки двойные, маленькие, тщательно отретушированные (табл. 24, рис. 13), и крупные, грубо обтесанные с обеих сторон, тесловидные (табл. 24, рис. 10).

Скобели отличаются от скребков тем, что они обычно больших размеров и их рабочие края не так остры, как у скребков; для работы же их, как и скребки, вставляли в специальные ручки. Материал, из которого они изготовлялись, мягче, чаще всего кремнистый или кремнисто-глинистый сланец. Скобели более характерны для поздних стоянок чукотского побережья. Часть скобелей — крупные осколки, которым обтесыванием придана надлежащая форма, и только иногда рабочий их край слегка подшлифован (табл. 37, рис. 6), чаще же вся их поверхность отшлифована (табл. 10, рис. 20; табл. 34, рис. 22; табл. 37, рис. 7).

Костяные скобели для снимания жира с кишек — типичное женское эскимосское орудие. Среди найденных при раскопках на Чукотском полуострове можно выделить несколько типов.

Первый, наиболее древний тип — всегда из моржового клыка, в виде корытца или глубокого продолговатого ковшичка (табл. 4, рис. 13; табл. 35, рис. 23), иногда с ушком для подвешивания (табл. 4, рис. 19), края заточены, но не остро, иногда снаружи орнаментированы (табл. 35, рис. 23). Такие скобели известны и из оквикской стоянки[1] на Пунукских островах и позднее на древнеберингоморском и пунукском этапах эскимосской культуры[2].

Второй тип — скобели желобо- или корытообразной формы, но более мелкие (табл. 12, рис. 19). Этот тип, известный в пунуке, получил широкое распространение по всей территории, заселенной эскимосами.

Тип третий — редкий, возможно случайный, корытообразный, но асимметричной формы (табл. 14, рис. 8), рабочий край которого заострен; противоположный, за который скобель держат в руке, широкий, притупленный. Особо следует отметить плоский ножевидный скобель из моржового клыка (табл. 35, рис. 4), приобретенный в Энмылене, который, по словам местных жителей, употреблялся при обработке кишек моржа.

ОРУДИЯ ДЛЯ ШИТЬЯ, ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ И ЛИЧНОГО УБРАНСТВА

Шилья и проколки — самые обычные находки на всех раскопанных стоянках, начиная от простых заостренных осколков костей (табл. 11, рис. 7; табл. 16, рис. 2 и 3; табл. 27, рис. 13) до специально выделанных из моржового клыка с головкой, или заостренными локтевыми костями оленя (табл. 27, рис. 20), или крупными осколками из моржового клыка (табл. 12, рис. 24; табл. 14, рис. 20). Шилья и проколки заострялись, повидимому, на специальных брусках, образец которых с мыса Беринга дан на табл. 35, рис. 13.

Иглы для шитья найдены двух типов: без ушка и с ушком. Иглы без ушка, которые, кстати сказать, встречаются редко, на заднем конце имеют зарубку для нити (табл. 31, рис. 31). Среди иголок с ушком встречаются крупные образцы, обычно костяные (табл. 27, рис. 18), и тонкие, из моржового клыка (табл. 27, рис. 19). Маленькие иглы хранились в специальных **игольниках** из крыловых костей птиц (табл. 23, рис. 11), иногда орнаментированных в характерном пунукском стиле (табл. 38, рис. 13), иногда в трубочках, специально выделанных из моржового клыка (табл. 35, рис. 28). Судя по большому количеству встречающихся на стойбищах волокон китового уса, можно думать, что шили тонкими нитками и шнурками, ссученными из этих последних, но возможно, что пользовались и сухожильными нитями.

Хотя при раскопках **наперстков** найдено не было, так как они изготовлялись из сырой тюленьей кожи с поперечным прорезом у одного из краев (такие наперстки описаны рядом авторов[1]), но доказательством наличия их и на Чукотском полуострове служит наперсткодержатель из Энмылена, прекрасно орнаментированный в позднем пунукском стиле (табл. 38, рис. 12). Изображения точно таких же крючков-держателей наперстков аляскинских эскимосов приводятся в работах Нельсона и Талбицера[3].

Наперсткодержателем, но уже другого типа, были, повидимому, специальной формы застежки из пластинки моржового клыка с ушком посредине, такие, как изображенная на табл. 12, рис. 14, или из двух полулуний (табл. 29, рис. 4), подобно найденной Коллинзом на острове св. Лаврентия[4] и описанной Нельсоном[5] с Аляски; такая же форма известна и в культуре туле[6].

Вероятно, к кроильно-швейным принадлежностям относятся тщательно выделанные из моржового клыка и отшлифованные стерженьки, которые могли служить лощилами для сглаживания швов и других подобных целей (табл. 31, рис. 30).

Во всеобщем употреблении у современных эскимосов были женские швейные мешки. Из раскопок таких мешков нет, но часть из найденных при раскопках ручек, вероятно, от таких мешков (табл. 29, рис. 29; табл. 38, рис. 20).

Гребней для расчесывания волос хорошей сохранности при раскопках найдено не было, а те, что имеются в нашем собрании, относятся к очень позднему времени. Между тем среди вещей, приобретенных Свердрупом[7] на азиатском побережье Берингова пролива, имеется гребень из моржового клыка, судя по причудливому орнаменту, вырезанному на его ручке, древнеберингоморского времени. Таким образом, костяные гребни для расчесывания

---

[1] Murdoch, 1892: 319; рис. 326b. Nelson, 1899: 109; табл. 44, рис. 11, 14, 18, 20 и др. Thalbitzer, 1914: 523; рис. 252 a и b.

---

[1] Rainey, 1941d; рис. 21.
[2] Collins, 1937, табл. 30, рис. 5—7.
[3] Nelson, 1899: 100; табл. 44, рис. 21. Thalbitzer, 1914; табл. 35.
[4] Collins, 1937; табл. 82. рис. 23.
[5] Nelson 1899: 110; табл. 44, рис. 21
[6] Mathiassen 1927: 1; табл. 52, рис. 17; табл. 63, рис. 6; 1930a; табл. 14, рис. 7.
[7] Свердруп, 1930; табл. 25, рис. 5.

волос с длинными зубцами издревле бытовали на Чукотском побережье. В большем количестве имеются гребни не для расчесывания волос на голове, но употреблявшиеся для целей технических — для удаления волос или мездры со шкур, для расчесывания травы, для расщепления волокон сухожильных или китового уса при изготовлении ниток. Такие гребни обычно делались узкими, с небольшим числом зубцов, всегда из моржового клыка, с длинной (табл. 12, рис. 11) или с короткой ручкой (табл. 37, рис. 20 и 21). Такие гребни от длительного употребления срабатывались до такой степени, что от длинных зубцов оставались только небольшие сглаженные и заполированные зубчики.

На многих стоянках были найдены также **спиночесалки** — плоские диски с круглой дырой в центре для палки, на которую они насаживались. Такие спиночесалки (табл. 6, рис. 20; табл. 16, рис. 10; табл. 31, рис. 20) изготовлялись, как правило, из моржового клыка, но бывали и из дерева и из китового уса. Эти предметы особенно типичны для более поздних стадий эскимосской культуры на Чукотском полуострове.

Из **украшений** имеется только серьга из моржового клыка, найденная в западном поселении в Нунлигране. Серьга эта представляет собою небольшой овальной формы диск с ножкой, продевающейся в мочку уха, и с маленькой дырочкой на конце ножки (табл. 31, рис. 33). В пунукском комплексе такая же серьга найдена на острове св. Лаврентия [1]; по Нельсону [2], этот же тип серьги очень распространен среди аляскинских эскимосов. Резные из моржового клыка бусы, которые могли служить и пуговками-застежками, были находимы и на очень древних стойбищах, например в Уэлене (табл. 4, рис. 11 и 12), и в более позднем комплексе в Сирэник (табл. 29, рис. 2). Плоская, овальной, почти круглой формы пуговка из моржового клыка, с ушком (надломленным) на внутренней поверхности и с сетчатым орнаментом на наружной, была найдена только в одном экземпляре в Сирэник (табл. 29, рис. 3). Подобные пуговицы, но больших размеров, были найдены в древнеберингоморском комплексе на острове св. Лаврентия [3].

Из этих находок ясно, что резные из моржового клыка, изысканной формы и с гравировкой бусы, как украшение, и пуговицы для одежды издревле бытовали у приморского населения Чукотского полуострова.

В качестве застежек, возможно поясов, употреблялись также простые, из моржового клыка, пряжки (табл. 29, рис. 1), причем одна из них, специальной формы, в виде фигурки медведя, орнаментирована на верхней поверхности в пунукском стиле; на нижней ее поверхности ушко для ремня (табл. 38, рис. 5).

ПОСУДА И ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

Керамика. Глиняная посуда, лампы для освещения и обогревания жилища и сосуды для приготовления пищи до появления металлической посуды у эскимосов бытовали повсюду. Черепки глиняной посуды, за редкими исключениями, обычны во всех эскимосских стойбищах, особенно позднейшего времени. При раскопках их не оказалось только на древнем уэленском стойбище, что, может быть, объясняется весьма малыми размерами произведенных там раскопок.

Этнографические сведения о способе изготовления глиняной посуды эскимосами крайне ограничены. По Нельсону [1], эскимосы острова св. Михаила глиняную посуду изготовляли следующим способом. Некоторое количество плотной голубой глины смачивалось и нацело проминалось руками до тех пор, пока она не делалась пластичной; затем к ней примешивали короткую и жесткую траву из рода болотных и небольшое количество мелкого черного вулканического песка со взморья. Дно сосуда образовывалось круглым, плоским пластом заготовленной глины, а по краям его возводились стенки из тонкого пояска глины, обводимого несколько раз вокруг до тех пор, пока не получалась требуемая высота. Вершина и край формы сглаживались, и сосуд с обеих сторон остается либо гладким, либо фестонится пальцами. Стенки сосуда обычно оставались гладкими, но иногда они орнаментировались серией просто врезанных линий, сделанных палочкой. После изготовления и орнаментации сосуд ставился возле огня, пока не просыхал, затем разводили огонь снаружи и изнутри и обжигали в течение часа или двух таким сильным жаром, какой возможно только получить.

По сообщению Гордона [4], в то время, когда он посетил Аляску, искусство изготовления глиняной посуды у западных американских эскимосов уже совсем исчезло, хотя старики помнили еще время, когда в каждом поселке были одна или две женщины, занимавшиеся изготовлением глиняных ламп или сосудов для варки. Гордоном записан следующий процесс изготовления глиняной посуды со слов одного старика с мыса Ном. Некоторое количество глины, добытое в известных местах тундры, доводилось до состояния мягкой пасты смачиванием моржовой кровью и разминанием руками. Известное количество песка со взморья подбавлялось вместе с перышками с груди белой куропатки. Из этого материала выделывался сосуд руками при помощи плоской деревянной лопаточки. Наружная поверхность заглаживалась и либо оставлялась в таком виде, либо декоровалась врезными линиями при помощи заостренной палочки. Окончательная полировка шероховатостей поверхности, вместо грубо вырезанной лопаточки, иногда производилась обертыванием необожженного сосуда травяной цыновкой, которая оставляла свой отпечаток. Законченный сосуд обжигался затем на костре.

Плохое качество эскимосской глиняной посуды отмечалось нами уже неоднократно. Никакой эволюции в смысле улучшения качества глиняной посуды, начиная с древнеберингоморской стадии до последнего времени, не наблюдается. Все черепки, независимо от того, из ранних или поздних стойбищ они происходят, имеют черный цвет как на поверхно

[1] Nelson, 1899: 201.

[1] Collins, 1937; табл. 82, рис. 18.
[2] Nelson, 1899; табл. 24.
[3] Collins, 1937; табл. 58, рис. 3—5.
[4] Gordon, 1906: 83—84.

сти, так и в изломе. Обжиг настолько плохой, что органические включения — стебли травы — обугливались, но не сгорали. В качестве связывающего материала употреблялись главным образом песок и мелкий гравий крупностью до горошины, вследствие чего огромное большинство сосудов, как правило, толстостенные, в сантиметр и более толщиной. При изготовлении древней керамики в Киваке, в западном секторе культурного слоя Сирэник, кроме того, примешивался и волос или волокна китового уса. Черепки с таким связывающим элементом обычно тоньше и легко расслаиваются. Для этой же цели примешивались и стебли травы. Совместное использование как связывающего материала мелкого гравия с растительными или животными волокнами, повидимому, не практиковалось.

Оформлялись сосуды непосредственной моделировкой из куска глины, но более тонкие расслаивающиеся, вероятно, выполнены техникой последовательного наложения колец, о которой сообщал Нельсон. Коллинз[1] нашел только единственный краевой черепок с явными следами кольцевой техники.

При раскопках нами не найдено ни одного цельного сосуда; судя же по черепкам, они были преимущественно больших размеров, нередко до 30—35 см в диаметре у венчика. Явно выраженных плоских доньев в коллекции нет, откуда можно заключить, что сосуды были со сферическими доньями. Сосуды более позднего времени часто имеют наружные налепные ушки для подвешивания. На древних стоянках сосудов с такими ушками нет.

Наружная поверхность сосудов сглажена, но без признаков лощения. Сглаживание поверхности в большинстве случаев производилось пучком смоченной травы, оставившим на поверхности характерные следы.

В массе сосуды не орнаментированы, а те, что с ушками, имеют совершенно гладкую поверхность. Между тем на наиболее древних стойбищах иногда находятся черепки со следами неглубоких параллельных линий, покрывающих почти всю поверхность сосуда, исключая донья. Этот орнамент получался, видимо, в процессе изготовления сосуда, оформления при помощи специальной лопаточки (табл. 9, рис. 7) или пластинки (табл. 4, рис. 25; табл. 26, рис. 19) из моржового клыка, покрытой рядами параллельных борозд. Эта же керамика на острове св. Лаврентия[2] была найдена в древнеберингоморском комплексе. Известна она и на неолитических стоянках Японских островов[3].

Коллинзом[4] на острове св. Лаврентия, в стойбище Мийовагх, был найден один единственный большой черепок с типичным «шашечным» орнаментом. Вдавленные квадраты, со сторонами в 6 мм, были глубоко оттиснуты на гладкой поверхности сосуда. Черепки с подобными отпечатками были в значительном количестве найдены нами в Сирэник. Такие сосуды крупных размеров, до 40 см в диаметре, но сравнительно тонкие (толщина стенок 0,8—0,9 см и только у венчика несколько более сантиметра), шашки квадратные или ромбические (табл. 26, рис. 22, 23 и 24) со сторонами от 0,5 до 1,0 см. Там же в Сирэник был найден и роговой штамп (табл. 26, рис. 18) для нанесения такого орнамента.

[1] Collins, 1937; табл. 50, рис. 2.
[2] Collins, 1927; табл 52.
[3] Умехара, 1934; табл. 9, рис. 1.
[4] Collins, 1937; 169; рис. 17 в тексте.

Керамика с подобным штампованным шашечным орнаментом, как отметил Коллинз[1], в области эскимосов известна только у Нортонова залива и на острове Нунивак. Он же указал[2], что фрагменты керамики с подобным орнаментом известны среди кухонных отбросов в неолитических стоянках Японии[3]; встречаются они также на юго-востоке Азии и описаны из Сиама и Аннама[4]. Между тем главным центром этой керамики Коллинз считает юго-восточный Китай, судя по находкам на острове Ламма, близ Гонконга[5]. Там Финн выкопал большое количество черепков глиняной посуды со штампованным шашечным орнаментом, датируемым им 500—200 годами до нашей эры. В Китае она известна для времени, непосредственно предшествовавшего иньской культуре (XIV—XII века до н. э.), а на реке Амуре — с конца неолита.

На северо-востоке Сибири, в Якутии, керамика с таким орнаментом известна с конца неолита, в течение всего бронзового периода и исчезает к началу железного века[6].

На древних стойбищах побережья Чукотского полуострова мы не нашли явно выраженных обломков глиняных сосудов, которые, подобно найденным на острове св. Лаврентия, можно было бы рассматривать как части ламп-жирников. Не было найдено ни одной и каменной лампы. Очень много обломков плоских тяжелых глиняных жирников больших размеров с валиками для фитилей. Все они встречаются на сравнительно поздних пунукских и протоисторических стойбищах.

Поскольку зашла речь о жирниках, уместно вспомнить и о специальной колотушке из оленьего рога (табл. 28, рис. 4), которой зимою на плоском камне разбивают мерзлый жир, прежде чем использовать его в жировой лампе[7].

СОСУДЫ ИЗ КИТОВОГО УСА И ДЕРЕВЯННЫЕ

Сосуды со стенками из китового уса с деревянными доньями бытовали у эскимосов с древнеберингоморского до самого последнего времени. Они были во всеобщем употреблении и на чукотском побережье и в Америке, от Аляски до Гренландии включительно. Изменяясь по величине, все они имеют одну и ту же форму с овальным дном, длина которого примерно в два раза больше ширины (табл. 15, рис. 8; табл. 28, рис. 15). Стенки из цельной полосы китового уса, с заходящими один за другой краями, сшитыми полоской китового же уса.

Коллинз усматривал связь между сосудами из китового уса, распространенными только среди эскимосов, и берестяными и деревянными сосудами, широко распространенными вообще на севере Америки и Азии. Связь эту он видел, в частности, в системе сшивания стенок, а также в форме. Между эскимосскими сосудами из китового уса и берестяными севера Азии я, однако, связи этой не вижу. И своей круглой формой и техникой изго-

[1] Collins, 1928.
[2] Collins, 1937: 349.
[3] Kishinouye, 1911; табл. 24, рис. 85.
[4] Sarasin, 1933; рис. 23а. Goloubew, 1930; табл. 21.
[5] Finn, 1932, 1935.
[6] Окладников, 1944: 17.
[7] Ср.: Birket-Smith, 1924: 56; рис. 14а.

товления сибирские берестяные сосуды существенно отличаются от эскимосских из китового уса.

Описанные сосуды имели деревянные или костяные ручки самых разнообразных форм (табл. 26, рис. 12, 13 и 14; табл. 35, рис. 22). Деревянные сосуды круглой формы при раскопках на Чукотском полуострове были найдены только в позднейших протоисторических жилищах.

Крюки, главным образом из отрезков оленьего рога (табл. 15, рис. 15 и 16; табл. 18, рис. 24; табл. 28, рис. 16 и 17), встречаются так же часто, как и сосуды из китового уса. Такими крюками пользовались или для подвешивания глиняных котлов с ушками над костром, или в жилище — как вешалками для одежды и других предметов.

Обрезки передних отростков рога северного оленя, широколопастные и изогнутые (табл. 15, рис. 14), употреблялись, по словам эскимосов, для вынимания из котлов кусков вареного мяса.

ПОСУДА ИЗ КОСТИ

Из костяной посуды прежде всего заслуживают внимания мелкие, всего до 2 см глубиной, но довольно большие, продолговатой формы блюда, сделанные из китовой кости. Обломки таких блюд имеются из древних стойбищ, таких, как Кивак и Энмылен. Из моржового клыка выделывались глубокие продолговатые, корытообразной формы сосуды. Такие сосуды также были находимы в древних стойбищах, таких, как уэленское и восточное нунлигранское (табл. 32, рис. 34).

Черпаки встречаются двух типов: или из отростков рогов оленя, о которых уже говорилось выше, или из лопаток кита или моржа (табл. 26, рис. 16).

Точно такие же блюда из китовой кости, корытообразные ковшички из моржового клыка, ложки-черпаки из китовой кости (нижней челюсти белуги) известны с острова св. Лаврентия из древнеберингоморского стойбища Мийовагх [1].

Ложки, найденные при раскопках на чукотском побережье, двух типов. Первый — тонкие костяные или деревянные, в редких случаях из китового уса, очень плоские ложечки яйцевидной формы с коротенькой ручкой (табл. 26, рис. 8 и 9), иногда из моржового клыка, более глубокие, с довольно широкой, но все же короткой ручкой (табл. 38, рис. 18). Все эти ложки происходят из более древних культурных слоев, относящихся к древнеберингоморскому и раннему пунукскому этапам. К тому же времени относятся такие ложки и с острова св. Лаврентия [2]. Второй очень устойчивый и широко распространенный тип ложки из оленьего рога, круглой или овальной формы с очень длинной и узкой ручкой (табл. 14, рис. 12 и 13; табл. 26, рис. 10).

Такие ложки характерны для пунукского на острове св. Лаврентия [3] и тульского в Канаде [4] этапа развития эскимосской культуры. На побережье Чукотского полуострова они известны от мыса Шмидта [5] на севере до мыса Беринга на юге.

Нам остается еще упомянуть о маленьком решете из волокон китового уса на обруче из того же материала (табл. 26, рис. 17). Специального назначения этого решета мы не знаем; возможно, что оно служило для процеживания, но могло быть использовано и для просеивания мелкого гравия, сортируемого с целью использования его как связывающей примеси к глине при изготовлении глиняных сосудов.

¹ Collins, 1937; табл. 47, рис. 16; табл. 51, рис. 12 и 13; табл. 60, рис. 1.
² Collins; табл. 51, рис. 15.
³ Geist and Rainey, 1936; табл. 33, рис. 9; табл. 73, рис. 4. Collins, 1937; табл. 78, рис. 16.
⁴ Mathiassen, 1927; 1; табл. 28, рис. 9.
⁵ Nordenskiöld, 1882; 1; 404; рис. 6.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Каяк и умиак. Прекрасная модель каяка из моржового клыка, покрытая гравировкой в древнеберингоморском стиле (табл. 38, рис. 6), служит неопровержимым доказательством наличия такого типа закрытых лодок с люком для человека уже на древнеберингоморском этапе эскимосской культуры. Однако наряду с каяком эскимосы широко пользовались и большой открытой лодкой — умиаком, хорошие модели которого мы имеем из раскопок в Сирэник по крайней мере с раннего пунукского времени (табл. 27, рис. 9 и 10). О конструкции открытых лодок можно судить по деревянным поперечникам дна (табл. 27, рис. 7 и 8) одной из моделей умиака из тех же Сирэник. В поздних протоисторических стоянках встречаются уже подшивки под киль умиака из пластин китовой кости, подобные бытующим и поныне у эскимосов (табл. 6, рис. 19; табл. 12, рис. 28; табл. 15, рис. 17). О типе весел можно судить по их моделям (табл. 16, рис. 1).

Модели лодок и весел известны нам и по раскопкам на острове св. Лаврентия [1], где они описаны как детские игрушки. О назначении этих моделей можно сказать то же, что было уже отмечено по поводу моделей луков и стрел, а именно: что эти модели культового назначения. Богораз [2] сообщает, что игрушечные луки и стрелы (т. е. модели) чукчи приносят в жертву духу (келет). Азиатские эскимосы, по сообщению того же автора, во время зимнего праздника, связанного с «большой женщиной» (касак), особую сеть, помимо деревянных изображений птиц, обвешивают маленькими веслами. Во время праздника «хождения кругом» эскимосы к особой раме на шесте обязательно подвешивали изображения байдары.

Лодочные багры из моржового клыка имеются и из района мыса Дежнева (табл. 8, рис. 8), из Сирэник (табл. 27, рис. 9) и с мыса Беринга. Это массивные крюки, привязывающиеся к древку багра. При единой форме они существенно различаются в деталях, особенно в устройстве прикрепления к древку, как это можно видеть на приведенных рисунках. Подобные крюки, как лодочные багры аляскинских эскимосов, из района от устья реки Кускоквимы до залива Коцебу были описаны Нельсоном [6]. Подобные же орудия эскимосов мыса Барроу Мердок [7] описал как крюки для перетаскивания кусков сала или мяса китов и моржей.

¹ Collins 1927; табл. 59, рис. 1, 2 и 6; табл. 84, рис. 2
² Bogoras, 1904 — 1909: 371,

⁶ Nelson, 1899: 222 — 223.
⁷ Murdoch, 1892: 310.

Значительное количество таких крюков было найдено при раскопках на острове св. Лаврентия [1]. Основное назначение таких крюков было, надо думать, чисто навигационное: они служили баграми при причале к скалистым берегам или кромке льда, но независимо от этого ими могли пользоваться и как крюками при переноске тяжести.

Закрепки или ручки из моржового клыка для тяговых ремней, которые употреблялись при буксировке лодок, вытаскивании на берег лодок или туш убитых моржей и тому подобных целях, в нашей коллекции довольно многочисленны и разнообразны. Типичная уэленская и раннего древнеберингоморского этапа форма таких закрепок — треугольная, с выемкой для ремня у вершины и посередине противоположной ей стороны. Такие закрепки известны с оквикской стоянки Пунукских островов [2] и с острова св. Лаврентия [3]. На Чукотском полуострове они были найдены на древнем стойбище в Уэлене (табл. 4, рис. 23), у мыса Дежнева, в Сирэник (табл. 27, рис. 26).

Второй тип ременных ручек — в виде короткого стержня с круговым желобком посредине. Этот тип на острове св. Лаврентия характерен для раннего пунукского этапа [4]; примерно к тому же времени он относится и на Чукотском полуострове (табл. 27, рис. 25 и 27).

Тип третий — длинные цилиндрические стержни — известен в двух вариантах. Один из них типичен для древнеберингоморского времени, с широкой круговой полоской насечек посредине для петли ремня (табл. 27, рис. 23); другой с глубоким желобком посредине, орнаментированный в пунукском стиле (табл. 27, рис. 24).

Ледовые подковки — так мы называем пластинки из моржового клыка, с шипами на наружной поверхности, подвязывающиеся поверх обуви под сводом стопы и предохраняющие от скольжения при ходьбе по льду. В наиболее древних стойбищах на Чукотском полуострове таких подковок не найдено, да и на острове св. Лаврентия они известны только из сравнительно поздней стоянки древнеберингоморского этапа Мийовагх. Там они имеют пятиугольную или шестиугольную форму со вставными шипами [5]. Пунукские с того же острова ледовые подковки [6] имеют четырехугольную форму со вставными или цельными рельефными шипами, подобно современным, вырезанными из цельной пластины моржового клыка.

Ледовые подковки при наших раскопках были найдены только в поздних пунукских или протоисторических эскимосских стойбищах у мыса Чаплина и в Сирэник (табл. 14, рис. 5 и 10; табл. 27, рис. 1).

Подковки из Чаплина (табл. 14, рис. 5), пунукского времени, со вставными шипами и двумя парами дыр для привязывания; сплошные, с вырезом в середине, изображены на табл. 14, рис. 10.

Подковка из Сирэник и с протоисторического стойбища у мыса Чаплина — современного типа, продолговатой четырехугольной формы, со сквозным продольным прорезом посредине, с вырезанными буграми-шипами и дырами для привязывания (табл. 27, рис. 1).

Время появления ледовых подковок в эскимосской культуре пока для нас не ясно. Весьма существенно то обстоятельство, что они до сих пор не найдены на востоке на стоянках культуры туле, хотя у эскимосов Лабрадора они известны в форме кусочков гофрированной кожи тюленя, подшитой к подошве обуви [1]. Эскимосы мыса Барроу с этой же целью пользуются двумя крестовидными лоскутами кожи [2]. Описанные из раскопок на Чукотском полуострове ледовые подковки из моржового клыка хорошо известны у современных нам азиатских эскимосов и у береговых чукчей по этнографическим коллекциям с Чукотского полуострова.

Салазки и нарты. Одним из важных открытий Коллинза при раскопках у Гамбелл на острове св. Лаврентия было установление неожиданно позднего использования эскимосами собак как средства передвижения. Оказалось, что на острове остатки собачьих нарт и наличие предметов, которые могут рассматриваться как принадлежности собачьей упряжки, появляются не ранее как 200 лет назад. Раскопки на острове св. Лаврентия и у мыса Барроу показали, что в древние времена ни в западной Америке, ни на островах Берингова моря собачья тяга не была известна. Впрочем, Коллинз допускал, что столь типичный для современных эскимосов элемент культуры, как езда на собаках, современем и для более древнего периода эскимосской культуры будет найден где-либо в окрестностях Берингова пролива, возможно на сибирском его берегу. Наши раскопки на берингоморском и арктическом побережьях Чукотского полуострова показали, что и там использование собак как средства передвижения появляется очень поздно.

Из древнеберингоморской стоянки в Киваке и из западного сектора культурного слоя Сирэник того же времени имеются остатки только маленьких салазок из моржовых клыков, употреблявшихся вручную для перевозки по льду умиаков и грузов мяса. Такие салазки были двух типов: тяжелого и легкого. Тяжелые салазки, образцы полозьев которых представлены на табл. 17, рис. 28, и табл. 28, рис. 19 и 20, изготовлялись из клыков старых моржей. Их полозья длиною около 40 см, высотой около 7 см и шириной до 4 см. Скреплялись они двумя поперечными перекладинами, положенными в неглубокие выемки на верхних плоскостях полозьев, под которыми проделывались большие продолговатые дыры для привязывания. Подобные полозья были находимы в древнеберингоморских комплексах на острове св. Лаврентия [3]. Такие тяжелые салазки, как уже указывалось, могли употребляться для перевозки по льду умиаков и грузов.

Одновременно с тяжелыми салазками на древнейших стадиях эскимосской культуры существовали и легкие, промысловые, тщательно выделанные салазки в нескольких вариантах. Среди легких промысловых салазок в первую очередь должны быть отмечены салазки из западного сектора

[1] Collins, 1937: 139 — 140; табл. 35, рис. 1 — 8.
[2] Rainey, 1941d; рис. 35 (1 — 3).
[3] Collins, 1937; табл. 30, рис. 19 и 20.
[4] Collins, 1937; табл. 60, рис. 5.
[5] Ibid.; табл. 37, рис. 3 — 5.
[6] Ibid.; табл. 75, рис. 23 — 25.

[1] Turner, 1894: 217; рис. 13.
[2] Murdoch, 1892: 135; рис. 82.
[3] Collins, 1937; табл. 44, рис. 4; табл. 46, рис. 1 и 2.

культурного слоя Сирэник (табл. 28, рис. 21 и 22) с узкими легкими полозьями, элегантной формы, подробно описанные ранее. Другим также древним вариантом таких легких салазок были те, у которых на узких полозьях из моржового клыка, по верхнему ребру полоза, имелась расширенная площадка, как, например, на полозьях из Кивака или с мыса Чаплина (табл. 15, рис. 13); узкие полозья на наружной стороне бывали орнаментированы (табл. 28, рис. 23; табл. 32, рис. 35).

Третий вариант салазок с легкими узкими полозьями, также встречающийся на древних стойбищах, отличается наличием непрерывного ряда дыр у верхнего края полоза для привязывания многочисленных поперечных перекладин. Такие салазки были встречены в Киваке, в Сирэник (табл. 28, рис. 24), в Нунлигране на восточном стойбище, у мыса Беринга (табл. 35, рис. 21) и в Мийовагх на острове св. Лаврентия [1]. Следует отметить, что полозья легких, промысловых салазок с орнаментированной наружной поверхностью были найдены и на оквикской стоянке Пунукских островов [2].

Оба указанных типа — тяжелых и легких — салазок продолжали бытовать и в пунукское время, причем в пунуке как на острове св. Лаврентия [3], так и на Чукотском полуострове появляются салазки со сравнительно узким полозом, но с широкой, иногда желобчатой верхней площадкой, хороший образец которых имеется с мыса Чаплина (табл. 15, рис. 13). Подобные салазки были в употреблении у эскимосов до последнего времени как на западе Северной Америки [1], так и на азиатском побережье Берингова моря [2].

Легкие и длинные собачьи санки, нарты с принадлежностями собачьей упряжки если и появились у азиатских эскимосов раньше, чем на острове св. Лаврентия, то во всяком случае сравнительно поздно. Гнутые деревянные копылья собачьих нарт, узкие костяные подполозки под нарты, тяговые блоки собачьей упряжки (табл. 16, рис. 5) были найдены только у мыса Чаплина среди вещей позднего пунукского комплекса и в самых верхних горизонтах восточного сектора Сирэник. Там же, как и в Наукане, опять же в комплексе вещей позднего пунукского или протоисторического времени, были находимы вертлюги и тяговые блоки собачьей упряжки (табл. 11, рис. 15 и 16; табл. 27, рис. 5 и 6). Если костяные пластины, описанные как подшивки под киль умиака, окажутся подполозками собачьих нарт, то и они, как мы знаем, относятся к очень позднему времени.

Ледовые палки, описанные Нельсоном [3] у аляскинских эскимосов, служившие им при передвижениях по тонкому льду и в тундре, издревле были, повидимому, в употреблении и на азиатском континенте. Об этом свидетельствуют найденные на древних стойбищах в Уэлене и Сирэник специальные наконечники таких палок из моржового клыка (табл. 3, рис. 1 и 2), а также кольцевой обод ледовой палки, найденный при раскопках в Сирэник (табл. 23, рис. 19).

ПАНЦЫРНЫЕ ПЛАСТИНЫ

Костяные пластины от панцырей при раскопках на Чукотском полуострове были найдены во многих местах — в Уэлене, у мыса Чаплина, в Авани, в Сирэник, у мыса Беринга, иначе говоря — на всем обследованном побережье. При общей удлиненной прямоугольной форме некоторые из пластин узкие (табл. 18, рис. 22), другие, напротив, широкие (табл. 6, рис. 17; табл. 15, рис. 19); встречаются малых размеров (табл. 18, рис. 22) и очень большие (табл. 6, рис. 17; табл. 15, рис. 19); дыры для связывания пластин между собою или удлиненные прямоугольные или круглые. Все они костяные и были найдены исключительно на поздних стойбищах в комплексах вещей позднего пунукского и протоисторического времени. Все панцырные пластины из раскопок на острове св. Лаврентия [4] также костяные и из моржового клыка. На побережье Берингова пролива в Америке они начали изготовляться совсем недавно и известны по этнографическим коллекциям, собранным в прошлом столетии [5]. Как на Чукотском полуострове, и на острове св. Лаврентия панцырные пластины появляются только в пунукское время.

Весьма важен вопрос о происхождении этого, как видно, позднего в эскимосской культуре элемента. Вопросом этим занимались Хауг [6], Лауфер [7], последнее время Коллинз [4]. Насколько мы знаем, область распространения таких панцырей — аляскинское побережье Берингова пролива, острова Диомида и св. Лаврентия; на северо-востоке Азии — территория эскимосов, чукчей и коряков. Хауг, рассматривая происхождение этого типа оружия в Северной Америке, пришел к заключению, что панцыри из костяных пластинок появились в Америке из Азии, и их путь можно проследить от Японии на северо-восток через айнов, гиляков и чукчей, через Берингов пролив и промежуточные острова до западных американских эскимосов. Лауфер показал, что эти пластинчатые панцыри не могут считаться изобретенными айнами, гиляками или японцами. Между тем он полагает, что с точки зрения технологической Хауг прав в предположении сродства между панцырями Берингова пролива и таковыми Восточной Азии. Пластинчатый панцырь эскимосского типа достиг наивысшего своего развития в Японии, отгуда и пытались (Ратцель, Хауг) вывести его происхождение. Лауфер, однако, показал, что, по соображениям исторического порядка, японская теория происхождения рассматриваемых панцырей неприемлема (что было высказано нами еще в 1910 году [5]), ибо костяной панцырь на северо-востоке Азии (у су-чен) древнее, чем подобное же железное вооружение в Китае и Корее. Если японский пластинчатый панцырь произошел из какого-

---

[1] Collins. 1937; табл 45, рис. 3.
[2] Rainey, 1914d; рис. 16 (2.)
[3] Collins, 1937; табл. 77; рис. 4, 6, 7 и 9.
[4] Collins. 1937: 224.
[5] Hough, 1895: 632 — 633. Nelson, 1899: 330; рис. 92.
[6] Hough, 1895: 63 и сл.
[7] Laufer, 1914: 262 и сл.

---

[1] Murdoch, 1892; рис. 358. Nelson, 1899; табл. 76, рис. 1.
[2] Bogoras, 1904 — 1909; 1; рис. 22a.
[3] Nelson, 1899: 214 — 215; рис. 67.
[4] Collins. 1937: 325—337.
[5] Волков и Руденко, 1910: 190.

либо иноземного источника, то, по Лауферу, этим последним вероятнее всего была внутренняя Сибирь, но в целом он склоняется к точке зрения о независимом от других частей Азии развитии пластинчатого панцыря на северо-востоке Сибири и в северо-западной Америке. К этому выводу Лауфера привела культурная изолированность северо-восточных сибирских племен, у которых мы встречаем это оружие, от остальной Азии и их тесная связь с американскими племенами.

Коллинз обратил внимание на замечательный факт, подтверждаемый и нашими раскопками на Чукотском полуострове, что защитный наручник, новые типы наконечников стрел из моржового клыка, упрочненные луки появляются у эскимосов впервые на пунукской стадии их культуры вместе с вооружением, среди которого наиболее важным был пластинчатый панцырь. Внезапное появление всех этих элементов может указывать или на вторжение в северо-восточную Сибирь враждебных групп, или на постепенное просачивание к северу оружия и усовершенствованных средств войны.

Тот факт, что эскимосское вооружение пунукского времени является идентичным новейшему эскимосско-чукотско-коряцкому типу, которое в своих основных чертах так близко сродни с японским вооружением, приводит к заключению, что оружие это появилось в Беринговом проливе уже после того, как его тип вполне выработался. Это было, как полагает Коллинз, время, последующее за его вероятным появлением в Китае и Японии, около VII или VIII века нашей эры или раньше, с III столетия, когда су-чены в общем уже владели таким же оружием. Последнюю дату Коллинз склонен считать более вероятной.

ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТОВЫЕ

При археологических раскопках обычно немного встречается вещей, по которым можно составить представление о мировоззрении древнего населения. Тем не менее в нашем соображении имеется ряд предметов, культовое назначение которых не вызывает сомнения. К ним относятся различные амулеты, изображения духов, модели утилитарных вещей, принесенных в жертву, атрибуты шаманства.

Амулеты. Всевозможные эскимосские амулеты, связанные главным образом с промыслом морского зверя, подробно описаны Мердоком [1] и Нельсоном [2]. Часть из них помогает выслеживать дичь, другие заставляют ее выйти на охотника и приблизиться к нему; одни умилостивляют убитых зверей, другие играют роль охранителей.

Здесь нет необходимости в перечислении многочисленных и разнообразных эскимосских амулетов и охранителей, и мы ограничимся ссылкой только на те из них, которые являются аналогами найденным при раскопках.

Прежде всего в большом количестве встречаются клыки очень молодых моржей (табл. 16, рис. 16; табл. 30, рис. 1, 2 и 3) и клыки медведя (табл. 16, рис. 17; табл. 30, рис. 11), клыки собаки и волка (табл. 16, рис. 13; табл. 38, рис. 8) с отверстиями в корне для подвешивания или со специальной повязкой. Как амулеты клыки молодых моржей и белого медведя у эскимосов мыса Барроу описаны Мердоком [3]. Клык медведя в качестве охранителя носили эскимоски залива Кублаберланда (матери грудных детей).

Очень интересен амулет из клыка волка с выгравированным на одной из его плоских поверхностей глазом, благодаря чему клык принял облик птичьей головы (табл. 38, рис. 8).

Другая многочисленная категория амулетов, главным образом из раскопок в Сирэник, — отдельные кости животных: лопатка моржа, берцовая кость птицы (табл. 30, рис. 5), фаланги и астрагалы моржа (табл. 30, рис. 6 и 7) и т. п., с повязками из китового уса для подвешивания. О волчьих костях, носимых как амулеты, упоминает Парри [4]; о них же у западных эскимосов сообщает и Мердок. В качестве амулетов азиатские эскимосы вешают на грудь детей «от сглаза» пластины — мениски китовых позвонков, найденные также при раскопках в Сирэник (табл. 30, рис. 4 и 8). Амулетами, повидимому, служили и окатанные морским прибоем позвонки, превратившиеся в подвески с естественным отверстием (табл. 29, рис. 19 и 20).

[1] Murdoch, 1892: 435 и сл.
[2] Nelson, 1899: 436 и сл.
[3] Murdoch, 1892: 437.
[4] Parry, 1924: 497.

Следующая категория предметов, которым приписывалась сверхъестественная сила, были изображения животных и человекоподобные. Я не склонен все скульптурные из моржового клыка или дерева изображения китов, тюленей, медведей, лисиц и собак, а равно и антропоморфные изображения рассматривать как детские игрушки. Напротив, считаю, что если не все, то большинство из них имело культовое назначение. Среди них в первую очередь следует отметить изображение китов (табл. 29, рис. 13, 17 и 18). Изображения китов, связанные с определенными идеями культового порядка (умилостивление), до последнего времени сохранились в эскимосском быту. Их мы находим у азиатских эскимосов в числе непременных принадлежностей на праздниках «хождения кругом» и «кита» [1]. Такие изображения обычны и в промысловых китовых умиаках, в связках охранителей байдары. Деревянное, полое внутри, изображение кита, в котором хранились («для удачи») наконечники копий у западных эскимосов, описано Нельсоном [2]. Подобные изображения с мыса Барроу как амулеты описаны и Мердоком [3]. Очень интересно изображение собаки о двух головах из раскопок в Сирэник (табл. 29, рис. 12). Подобное же двухголовое изображение найдено на древнем стойбище западных эскимосов и описано Мердоком [4]. Амулет в виде двухголовой собаки описан и Богоразом [5]; по словам этого автора, считается, что две головы защищают одновременно и спереди и сзади. Иногда такие «защитники» делались с двумя головами и с двумя парами рук.

Изображений медведя у нас немного. Одно из них, из раскопок у мыса Чаплина, позднего пунук-

[1] Bogoras, 1904 — 1909.
[2] Nelson, 1899: 439; рис. 15.
[3] Murdoch, 1892; рис. 412 и 424.
[4] Murdoch, 1892; 406 — 407; рис. 416.
[5] Bogoras, 1907 : 365; рис. 259.

ского времени, выполнено весьма схематично, и, пожалуй, нет оснований приписывать ему культовое значение. Два других изображения — с древнего стойбища в Уэлене (табл. 4, рис. 8) и из района мыса Дежнева (табл. 9, рис. 9) — оба несомненно не были игрушками, а имели особое назначение. Один из них (табл. 9, рис. 9) носился самостоятельно как амулет или в связке «защитников», другой насаживался на древко и имел какое-то ритуальное назначение.

Среди изображений «хозяев» или «защитников» имеется, во-первых, человеческая фигурка из древнего стойбища в Уэлене (табл. 9, рис. 7). Типологически к ней близка фигурка, опубликованная Рейни[1], и особенно фигурка с азиатского побережья Берингова пролива, опубликованная Хрдличкой[2], вероятно, современная нашей. Деревянные изображения «защитников» из поздних, пунукского или протоисторического времени, поселений у мыса Чаплина и на косе в Уэлене (табл. 6, рис. 14; табл. 16, рис. 19 и 20) выполнены крайне схематично, равно как и почти современные нам (табл. 38, рис. 9, 10 и 11).

Несколько иное значение имела антропоморфная фигурка из моржового клыка, найденная на сравнительно позднем поселении в Нунлигране (табл. 31, рис. 22). Оформленной головы нет, и в головной части фигурки проделана дыра для подвешивания. Особенно подчеркнуты гипертрофированные вторичные женские половые признаки этой фигурки: груди, широкий таз и бедра. Можно думать, что эта фигурка носилась как амулет, связанный с деторождением.

Амулетом, вероятно, можно считать и изображение рыбки из Сирэник (табл. 29, рис. 8), так как рыбки-блесны, приманки имеют дырочки для подвешивания не в головной части, как в данном случае, а посредине, на спинке фигурки.

Бубны, употреблявшиеся во время празднеств и шаманских кампаний у эскимосов, как известно, иного, отличного от сибирского типа. Ручки от таких бубнов при раскопках были найдены в значительном числе, но не на древних стойбищах. Ручки из моржового клыка с типичным орнаментом пунукского стиля имеются из Сирэник (табл. 29, рис. 25) и Энмылена (табл. 38, рис. 19), большинство же из них в виде простых, не орнаментированных стержней с выемкой для обода. Последние, либо из моржового клыка, либо костяные или деревянные, происходят из очень поздних пунукских и даже протоисторических поселений, с мыса Чаплина, острова Аракамчечена и Наукана (табл. 11, рис. 23 и 24; табл. 12, рис. 27; табл. 16, рис. 6 и 7). При раскопках на острове св. Лаврентия также было найдено немало ручек от бубнов пунукского времени, но ни одной подлинно древнеберингоморской поры. Ручка из раскопок Коллинза в Мийовагх, близ Гамбелл[1], вряд ли от бубна; во всяком случае она не имеет ничего общего с вполне установившимся уже в пунукское время типом ручек от бубна. Таким образом, пока мы не знаем из области Берингова моря ни одной ручки, которую можно было бы отнести к древнеберингоморской стадии эскимосской культуры. Поэтому можно думать, что бубны появились у эскимосов сравнительно поздно, в пунукское время.

Особого внимания заслуживает группа предметов из китового уса в виде рыбок, ножей, наконечников стрел и т. п., получивших различное толкование. Коллинз, например, который нашел такие предметы при раскопках на острове св. Лаврентия[2], счел их игрушками. Они же известны из раскопок в Северной Америке, в культуре туле[3].

На Чукотском полуострове такие изделия из китового уса были найдены у мыса Чаплина (табл. 16, рис. 8), у мыса Чукотского (табл. 17, рис. 27), в большом количестве в Сирэник (табл. 30, рис. 12—21). Большинство из них рыбовидной формы, с отчетливо выраженными хвостовыми плавниками, часть имеет форму так называемого «горбатого» ножа, с боковым лезвием на конце рукоятки (табл. 16, рис. 8; табл. 30, рис. 19). Многие имеют форму, типичную для костяных однолезвийных ножей с прямой спинкой (табл. 30, рис. 14 и 21), иные форму ложечки (табл. 30, рис. 12). Совершенно одинаковая, можно сказать стандартная, форма этих вещей как на азиатском побережье Берингова моря, так и на острове св. Лаврентия и в области центральных американских эскимосов указывает на то, что мы имеем дело с предметами не случайными, не игрушками, а с вещами, изготовленными для одной определенной цели. С другой стороны, традиционная форма рыбки (табл. 17, рис. 27; табл. 30, рис. 15, 16 и 20) и наличие форм, не похожих ни на одно из известных нам эскимосских орудий, говорят о том, что это не обычные орудия из китового уса, а условные воспроизведения различных объектов, их модели, предназначенные для каких-то праздничных обрядов, или, быть может, атрибуты шаманского облачения.

Нам осталось упомянуть еще только о зубчатой пластинке из китового уса (табл. 11, рис. 14), подобной жужжалке, известной у современных эскимосов в качестве детской игрушки[4], прежде же она несомненно употреблялась в религиозных церемониях, как и у многих других народов земного шара.

ИСКУССТВО

Искусству как современных, так и древних эскимосов посвящен ряд работ[3], наиболее же подробному анализу искусство древних эскимосов подверглось в работе Коллинза по археологии острова св. Лаврентия[4]. В эскимосском искусстве древнеберингоморской стадии Коллинз различает три стиля, а в искусстве пунукской стадии два стиля с шестью последовательными фазами развития.

Древнеберингоморский стиль 1, по Коллинзу, отличается от типичного, классического древнеберингоморского сравнительной простотой. Это преимущественно линейный стиль, характеризующийся

[1] Rainey, 1941d; рис. 21 (1).
[2] Hrdlička, 1930; табл. 36.
[3] Hoffman, 1897; de Laguna, 1932—1933; Mathiassen, 1929; Collins, 1929; Rainey, 1937.
[4] Collins, 1937.

[1] Collins, 1937; табл. 55, рис. 5.
[2] Collins, 1937; табл. 59, рис. 4—7.
[3] Mathiassen, 1927; 1; табл. 35 и 79.
[4] Murdoch, 1892: 378—379; рис. 377.

избытком радиальных линий, длинных и коротких шипов и прерывистых линий. В нем использованы в известной мере также концентрические круги и слегка изогнутые линии. Иначе говоря, здесь налицо основные элементы древнеберингоморского стиля, но все возможности этих элементов не реализованы; они не выделяются и не служат основой разработанных и сложных рисунков, столь характерных для позднейшей стадии древнеберингоморского искусства. Напротив, этот более простой стиль заметно более линейный; круги, когда они имеются, более случайны по сравнению с обильной орнаментацией, состоящей из длинных радиальных линий, более коротких обособленных линий, единичных или двойных линий, к которым приставлены очень длинные шпоры или шипы. В особой таблице[1] Коллинз дает сводку основных элементов этого наиболее раннего древнеберингоморского стиля 1. Его древность стратиграфически определяется местонахождением вещей, орнаментированных в этом стиле под полом наиболее древнего на острове св. Лаврентия, у Гамбелл, жилища (стоянки Хилсайт). Однако вещей, орнаментированных в этом стиле, так мало, что Коллинз считал весьма желательным иметь больше экземпляров и, если возможно, из других мест, прежде чем определенно говорить об их генетической связи с более развитым древнеберингоморским стилем, даже в том случае, если стратиграфически это родство вероятно.

Древнеберингоморский стиль 2 более разнообразный и гармоничный. Характерный мотив — голова животного с открытой пастью. Элементы рисунка — прямые, кривые и прерывистые линии, шпоры, маленькие, сделанные от руки круги между расходящимися линиями. В этом стиле «глаза» образуются широкими кругами или малыми кругами с приставленными шпорами. Орнаментация более разнообразна, с тенденцией к использованию более или менее независимо разнообразных элементов рисунка. Древнеберингоморский стиль 2 отменно криволинеен и находится в явном контрасте со стилем 1, даже в том случае, если в нем используются одни и те же элементы. Характерные мотивы стиля 2 Коллинзом сведены в особую таблицу[2].

Различие между стилем 2 и 3 не так отчетливо, и хронологическое их разделение менее ясно. Вещи, орнаментированные в стиле 2, на острове св. Лаврентия лучше представлены в Хилсайт и в нижних слоях стоянки Мийовагх, что, по мнению Коллинза, указывает на то, что они древнее вещей, орнаментированных в стиле 3. Последний отличается главным образом подчеркиванием «глаз», т. е. приподнятых концентрических кругов и эллипсов, обычно расположенных так, что напоминают глаза животного. Эти пары приподнятых концентрических кругов или эллипсов, часто с маленькими ямочками в центре, в общей композиции напоминают голову животного. В некоторых случаях круги меньшего размера стиля 2 также дают концепцию «головы» животного, но в нем они не так убедительны. Кроме того, круги в декоративной схеме стиля 3 имеют тенденцию к упрощению или подчинению сопровождающей орнаментации, так что часть поверхности остается гладкой.

[1] Collins, 1937: 47; рис. 6 в те сте.
[2] Ibid., 1937: 96; табл. 15 в тексте.

Напротив, в стиле 2 при наличии малых кружков, прямых и кривых линий и шпор все промежуточные пространства заполняются точками или прерывистыми линиями.

Стиль пунукский, по Коллинзу, характеризуется употреблением прямых или слегка изогнутых линий, которые, в противоположность древнеберингоморскому искусству, врезаны глубоко и ровно. Для него характерны и круги, но совершенно правильные, сделанные циркулем, а также маленькие круглые ямочки и точки, одиночные или посаженные на конце коротких линий. В отличие от древнеберингоморской свободной, от руки, при помощи каменного орудия, сделанной орнаментации, орнаментация пунукская вполне продукт металлического орудия, вследствие чего она более строга и механична. Коллинз различает более древний и простой пунукский стиль 1 и более разнообразный стиль 2. Стиль 1 подразделяется им на две фазы: 1) со слегка врезанными линиями и 2) с такими же линиями, но вдобавок с врезанными шпорами, точками и (редко) кружками, сделанными от руки. Стиль 2 подразделяется на четыре фазы: 1) очень длинная шпора — линии слегка прочерчены; 2) линии врезаны более глубоко, шпоры и точки, круги, сделанные металлической перкой или циркулем; 3) короткие, глубоко врезанные шпоры, обычно приданные в парах к линиям и кругам; 4) глубоко врезанные линии — единичные, двойные, или горизонтальные полосы из четырех линий.

В недавней работе, посвященной оквикской стоянке Пунукских островов, Рейни[1] дал много образцов эскимосского искусства, предшествовавшего древнеберингоморскому. Тот стиль, который Коллинз рассматривает как древнеберингоморский стиль 1, Рейни считает оквикским, предшествующим древнеберингоморскому. Помимо своеобразных вырезанных из моржового клыка фигур человека и животных, в выгравированных рисунках нет реалистических фигур. Те же элементы, которые известны в стилях древнеберингоморском и пунукском (шпорные линии, яйцевидные круги, параллельные, лестничные линии и т. п.), встречаются здесь, но в совершенно отличных рисунках. Судя по приведенным изображениям, особенно характерными для этого древнейшего стиля являются глубоко врезанные, чаще кривые линии, иногда со шпорами, подобные тем, которые мы видели на наших наконечниках гарпунов из древнего стойбища в Уэлене.

Обзор древнего искусства азиатских эскимосов мы попытаемся сделать в схеме, предложенной Коллинзом, с дополнением Рейни.

Прежде всего следует остановиться на оригинальном, мало еще изученном орнаменте, характерном для древнего уэленского стойбища. Наиболее типичные черты этого орнамента — короткие, глубоко врезанные, но не ровные линии, а широкие посредине и сходящие на-нет по концам. Часто таким врезным линиям, при наличии добавочных штрихов, придается, правда очень схематично, вид животного, предположительно касатки. Кроме того, в этом стиле мы имеем мотивы полукружий с зубцами по наружному краю, ряды косых глубоко врезанных линий с промежуточными прерывистыми или пунктирными, комбинации косых, сходящихся

[1] Rainey, 1941d.

под острым углом, линий. В этом стиле орнаментированы наконечники гарпунов, стрел, ручки ножей.

Орнаментация короткими, глубоко врезанными остроконечными линиями, иногда в виде касатки или с добавочным боковым шипом находится в полной гармонии с «острой» формой украшенных ими наконечников гарпунов (табл. 1, рис. 4, 5, 6, 12 и 13). Помимо изображения касатки (табл. 1, рис. 4 и 5) в форме животного, его головы, оформлены острые и сложные базальные шпоры наконечников гарпунов (табл. 1, рис. 4, 7 и 9).

Тот же стиль и те же орнаментальные мотивы мы знаем только в оквикских наконечниках гарпунов и на некоторых фигурках человека, опубликованных Рейни [1].

Оригинальный уэленский прием орнаментации, не известный пока нигде, кроме древнего уэленского стойбища, заключается в устройстве на декорируемом предмете глубокой треугольной или веретенообразной выемки с параллельными, радиальными или зигзагообразными острыми врезными линиями на дне таких выемок. Этот мотив встречается и на наконечниках гарпунов (табл. 1, рис. 8, 9, 10, 11, 13 и 20), и на рукоятках ножей (табл. 3, рис. 20 и 24), и на наконечниках дротиков (табл. 2, рис. 13).

Декоровка глубоко врезанными короткими прямыми или косыми линиями, иногда со срединным шипом (табл. 1, рис. 5), характерна не только для наконечников гарпунов, но и для наконечников стрел особого типа с концевым копьецом (табл. 2, рис. 3; табл. 17, рис. 1; табл. 21, рис. 25), встречающихся, помимо древнего уэленского стойбища, в древнеберингоморском комплексе в Киваке и Сирэник на побережье Чукотского полуострова, на острове св. Лаврентия [2] и в оквикском комплексе на Пунукских островах [3]. Еще одна деталь, характерная для рассматриваемого стиля орнаментации, — это придание гранением поверхности наконечника стрелы (табл. 2, рис. 9) или гарпуна (табл. 1, рис. 1) вида скрученности данного предмета — деталь, не известная вне уэленского стойбища. Последний мотив уэленского стиля, хорошо представленный на больших плоскостях ручек ножей, — комбинации уже известных нам элементов: треугольников с радиально распределяющимися внутри них линиями, глубоких врезных сложных линий с отходящими от них под острым углом более короткими прерывистыми и пунктирными линиями (табл. 3, рис. 18, 19, 20, 23 и 24; табл. 9, рис. 1). Этот же мотив, но не так четко выраженный, встречается и на оквикских рукоятках ножей [4].

Очень интересна орнаментация стержня из моржового клыка, приобретенного в Наукане, несомненно ископаемого, судя по его темнокоричневому цвету и патине (табл. 9, рис. 10).

На обеих широких поверхностях этого предмета изображен один и тот же мотив — условное изображение «рогатой» и «бородатой» человеческой маски. Не углубляясь в анализ этого изображения, заметим только, что стилистически и по технике выполнения этот орнамент бесспорно близок уэленскому стилю и, вероятно, относится к тому же времени.

[1] Rainey, 1941d; рис. 5 (2—5, 7—9); рис. 7 (3—5, 7 и 8); рис. 9 — 5; рис. 28, 2 и 5; рис. 30, 4.
[2] Collins, 1937; табл. 34, рис. 3.
[3] Rainey, 1941d; рис. 14 (1 — 3);
[4] Ibid., 1941d; рис. 19 (2 — 3)

Этот же стиль орнаментации, притом ярко выраженный, мы видим и в декоровке полозьев салазок из западного сектора культурного слоя Сирэник (табл. 28, рис. 21).

Окидывая взором весь комплекс рассмотренных выше предметов, орнаментированных в уэленском стиле, необходимо подчеркнуть, что в нем нет ни одного четко выраженного элемента древнеберингоморского стиля даже раннего этапа, стиля 1. С другой стороны, если из многочисленных оквикских вещей, опубликованных Рейни, откинуть те, что несут на себе элементы древнеберингоморского стиля и стиля пунукского, то останутся вещи, орнаментированные в стиле уэленском.

Помимо гравюры, из древнего уэленского стойбища имеются вырезанные из моржового клыка головка и фигурка человека. Как головка (табл. 4, рис. 10), так и фигурка (табл. 4, рис. 7) имеют много общих черт с оквикскими фигурками. Узкое, длинное лицо, иногда с заостренной макушкой, подчеркнуто длинный нос — черты, характерные для тех и других [1]. На головке из Уэлена волосы намечены точками и типичными для уэленского стиля глубокими врезными линиями. Уэленская фигурка по оформлению подобна одной из изображенных у Рейни [2], а декоровка ее груди точно такая же, как и у оквикской мадонны [3]. Техника орнаментации и здесь типичная для Уэлена — глубокими врезными линиями.

Из древнего уэленского стойбища имеются два орнаментированных предмета, которые выпадают из только что рассмотренной серии. Это, во-первых, наконечник гарпуна (табл. 4, рис. 15), аналогичный каковому Рейни описал как оквикский [4], и, во-вторых, фигурка медведя (табл. 4, рис. 8). Оба последних предмета правильнее отнести к числу орнаментированных в древнеберингоморском стиле 1.

Особое место занимают снеговые очки из Уэлена. Их орнаментация не вкладывается в рамки, установленные для древнеберингоморского стиля, и имеет более всего общего с мотивами и техникой орнаментации, известной по находкам в Ипиутак, у мыса Хоп на арктическом побережье Северной Америки [5].

Вещей, орнаментированных в древнеберингоморском стиле 1, у нас с побережья Чукотского полуострова, как и у Коллинза с острова св. Лаврентия, немного. К замечательным образцам этого стиля принадлежат орнаменты на дротикометалке из Секлюк (табл. 38, рис. 21), затем на наконечнике гарпуна из района мыса Дежнева (табл. 7, рис. 1), на ряде вещей из Энмылена (табл. 33, рис. 4; табл. 35, рис. 26) и на «крылатой» вещице (табл. 38, рис. 3). Характернейшей чертой этого стиля на вещах с Чукотского полуострова являются маленькие кружки с точкой в центре, с очень длинными шпорами (табл. 38, рис. 21), одиночные или двойные концентрические круги между сплошными кривыми линиями и прерывистые линии между сплошными (табл. 33, рис 4), большие концентрические эллипсы с точкой в центре (табл. 35, рис. 26), причем значительные плоскости на поверхности предмета остаются не орнаментированными.

[1] Rainey, 1941d; рис. 16 — 30.
[2] Ibid. рис. 29 (1).
[3] Ibid., рис. 27
[4] Ibid., рис. 6 (9).
[5] Rainey, 1941b.

К числу предметов, орнаментированных в этом стиле, следует отнести и наконечник гарпуна с азиатского побережья Берингова пролива, опубликованный Свердрупом[1]. На этой вещи, помимо кружков с точками, кривых линий с зубчиками по краю, мы видим точно такую же орнаментальную «цепочку», как и на дротикометалке из Секлюк. Для этого стиля характерно свободное нанесение линий, особенно концентрических кругов и эллипсов, не стремясь к геометрически точному их воспроизведению. В этом отношении характерен орнамент на верхней поверхности «крылатой» вещицы (табл. 38, рис. 3). Лучшим образцом рассматриваемого стиля с острова св. Лаврентия является воспроизведенный Коллинзом «крылатый предмет»[2], ряд вещей, им же опубликованных с острова Малого Диомида[3] и Аляски[4], а Рейни — с островов Пунукских[5].

Стилистически, по характеру орнаментации к древнеберингоморской стадии культуры, к раннему ее этапу, характеризующемуся стилем 1, относится фигурка медведя из Уэлена (табл. 4, рис. 8). Орнамент четко врезанными, более прямыми, чем кривыми линиями сближает его с уэленским орнаментом, а наличие маленьких кружков с точками в центре сближает его с древнеберингоморским стилем 1. Фигурка медведя из Хилсайт у Гамбелл на острове св. Лаврентия, опубликованная Коллинзом[6], несмотря на одну и ту же позу животного и на идентичную с нашим медведем его трактовку, существенно отличается по стилю выполнения. Голова нашего медведя несравненно реалистичнее. При открытой пасти у него прекрасно оформлена голова с типичными короткими ушами, глазами и носом; у медведя из Хилсайт голова выполнена схематически, уши даны условно, преувеличенно большие, вместо глаз — дыры. Передние и задние лапы нашей фигурки трактованы хотя и условно, но более полно, чем рудиментарные лапы хилсайтского медведя. Орнаментация хилсайтской фигурки, вместо четко врезанных, преимущественно прямых линий фигурки из Уэлена, выполнена тонкими процарапанными, исключительно кривыми линиями, в композиции, характерной для развитого древнеберингоморского стиля. Из сопоставления этих двух фигурок не остается никакого сомнения в том, что фигурка медведя из Уэлена древнее хилсайтской с острова св. Лаврентия.

Фигурка медведя из района мыса Дежнева (табл. 9, рис. 9) отличается от уэленской не только позой и композиционно, но и стилем орнаментации. Здесь поза осаженного на все четыре лапы животного; голова относительно массы тела преувеличенных размеров; ноги хотя и расчленены, как у уэленской фигурки, но более условно выполнены; голова менее реалистична, орнамент исключительно криволинейный, подобный орнаменту фигурки медведя с острова св. Лаврентия. Хронологически фигурки медведей из района мыса Дежнева и с острова св. Лаврентия относятся, повидимому, к одному и тому же этапу древнеберингоморской культуры.

Композиционно с фигуркой медведя из района мыса Дежнева сродни фигурка медведя из Ипиутак у мыса Хоп. Рейни[1] фигурку эту относит к особой стадии эскимосской культуры, к культуре ипиутак, более древней на арктическом побережье Америки, чем стадия древнеберингоморская. Я в этом не уверен и склонен ипиутакскую фигурку рассматривать скорее как более позднюю. При кажущейся большей реалистичности ипиутакской фигурки, проявляющейся в оформлении головы и лап, она более условна. Те же голова и лапы крайне преувеличены по размерам и несообразно велики по сравнению с телом животного. Если бы был поставлен вопрос, какая из фигурок медведя — из района мыса Дежнева или из Ипиутак — является исходной формой, то все преимущества оказались бы на стороне дежневской.

Рассмотрением орнаментации фигурок медведя с острова св. Лаврентия и из района мыса Дежнева мы подошли к классическому стилю древнеберингоморской стадии культуры. Прекрасные образцы декоровки различных предметов в развитом древнем берингоморском стиле мы имеем повсюду с берингоморского побережья Чукотского полуострова — от мыса Дежнева на севере до мыса Беринга на юге. Это прежде всего наконечники гарпунов (табл. 7, рис. 8 и 13; табл. 9, рис. 4, 5 и 8; табл. 33, рис. 3), предметы, точное назначение которых неизвестно, в частности «крылатые» (табл. 9, рис. 11; табл. 17, рис. 14), модель каяка (табл. 38, рис. 6). В этом же стиле орнаментирован наконечник гарпуна из бухты Пловер, опубликованный Коллинзом[2]; наконечник гарпуна и гребень с азиатского побережья Берингова пролива, опубликованные Свердрупом[3].

Наши раскопки на Чукотском полуострове не дали нам надежного критерия для стилистического и хронологического подразделения этого изысканного древнеберингоморского орнаментального искусства. Все же можно думать, что наиболее древними его образцами были наконечник гарпуна из Сирэник (табл. 19, рис. 10) и те из предметов района мыса Дежнева, где парные «глаза» вместе с другими графическими и скульптурными дополнениями создавали впечатление морды животного (табл. 9, рис. 6 и 8), затем ряд предметов, в декоровке которых встречается особый мотив в виде голозки птицы, — на модели байдары (табл. 38, рис. 6), на наконечниках гарпунов (табл. 9, рис. 4 и 5; табл. 33, рис. 3), «крылатые» предметы (табл. 9, рис. 11; табл. 17, рис. 14). Самым поздним, как предполагает и Коллинз, был тот стиль древнеберингоморской орнаментации, где орнаментальные «глаза» приподняты в рельефе, особенно их центры (табл. 7, рис. 8 и 13); приподняты в рельефе и птичьи головки (табл. 33, рис. 3). Эта особенность четко выявлена в наконечнике гарпуна из Энмылена (табл. 33, рис. 3), получившем благодаря этому исключительно сложное оформление, не известное в каком-либо другом типе наконечников гарпунов. Об относительно позднем времени таких наконечников гарпунов говорят пережитки их формы в наконечниках гарпунов раннего пунукского времени. Кроме перечисленных выше, в древнеберингоморском художественном стиле оформлены пред-

---

[1] Свердруп, 1930; табл. 25, рис. 4.
[2] Collins, 1937: 42; рис. 4 в тексте.
[3] Ibid.; 53; рис. 8 в тексте.
[4] Collins, 1929: табл. 7а — в.
[5] Rainey. 1941d; рис. 10 (1–2); рис. 12 (12); рис. 17 (12); рис. 19 6 и 8); рис. 24 (6 и 7); рис. 26; рис. 35 (12).
[6] Collins, 1937; 49; рис. 7 в тексте.

[1] Rainey, 1942: 320.
[2] Collins. 1929: 5, рис. 1.
[3] Свердруп, 1930; табл. 25, рис. 2 и 5.

меты с Чукотского полуострова, представленные на табл. 35, рис. 10; табл. 38, рис. 1 и 2.

Не располагая достаточными стратиграфическими данными для хронологического и стилистического подразделения по этапам пунукской стадии эскимосской культуры, мы затрудняемся в дробном рассмотрении пунукской орнаментации, хотя бы по тем шести фазам, которые различает Коллинз.

В общем пунукский стиль орнаментации настолько резко отличается от предшествовавшего ему на острове св. Лаврентия и на азиатском побережье Берингова моря древнеберингоморского стиля, что они разграничиваются без труда. Прежде всего в пунуке мы вовсе не имеем столь характерных для развитого древнеберингоморского стиля мотивов, как концентрические круги и эллипсы различных размеров, «глаза» в композициях, напоминающих головы животных, птичьи головки и клювы. На смену деликатному нацарапанному криволинейному орнаменту приходит орнамент более прямыми линиями, без линий прерывистых и пунктирных, без острых шпор. Правильные пунукские линии хотя и врезаны, но не так глубоко, как в уэленском стиле. Важные дополнительные элементы, помимо сплошных линий, в пунукском орнаменте — глубокие ямки и точки (последние нередко на концах коротких линий) и особенно точно, механически выполненные кружки с ямками, точками в центре.

Все же переход от искусства древнеберингоморского к искусству пунукскому совершался постепенно, и в раннем пунуке мы имеем вещи, орнаментированные в переходном стиле, с пережитками старых мотивов, но в новой технике. К числу предметов с такой орнаментацией относится прежде всего защитный наручник из Сирэник (табл. 21, рис. 5), где наряду с пунукской техникой орнаментации налицо древнеберингоморские орнаментальные мотивы, правда несколько уже видоизмененные. То же самое можно сказать и о ряде других предметов из Сирэник (табл. 29, рис. 21, 22 и 26). К этой же категории относится замечательная ручка (табл. 38, рис. 20), симплегма из двух скульптурных голов кита, орнаментированная не в древнеберингоморском стиле, но с использованием древнеберингоморских орнаментальных элементов, не типичных для пунука, таких, как ряды пунктирных линий, линий зубчатых. Да и самое оформление голов кита по своей реалистичности резко отличается от пунукской манеры изображения животных в скульптуре. Раннее пунукское, вероятно, и изображение глаза на волчьем клыке (табл. 38, рис. 8).

Гравировка простыми неглубоко врезанными линиями характерна для наконечников гарпунов пунукского времени из Сирэник и Энмылена (табл. 19, рис. 14, 15, 16, 17, 18 и 23; табл. 33, рис. 7 и 8) и с дополнительными точками на концах линий из Сирэник (табл. 19, рис. 19, 20 и 21). В том же стиле с дополнительными ямками и рядами зубчатых линий орнаментирована и пластинка из Сирэник (табл. 29, рис. 27). К раннему пунукскому времени относится прекрасно выполненная рукоятка от бубна из Сирэник, орнаментированная глубоко врезанными линиями и кружками с точками в центре (табл. 29, рис. 25). Замечательные образцы более поздней пунукской орнаментации с рядами параллельных и зубчатых линий, с кружками, выполненными циркулем, — защитный наручник и наперсткодержатель (табл. 33, рис. 25; табл. 38, рис. 12). Очень характерна несомненно поздняя орнаментация параллельными и зигзагообразными линиями ручки и защитного наручника из Сирэник (табл. 29, рис. 29; табл. 21, рис. 8); многочисленны и разнообразны предметы, орнаментированные простыми параллельными линиями или с насаженными на них рядами коротенькими линиями (табл. 16, рис. 4; табл. 37, рис. 19; табл. 38, рис. 7, 13 и 14).

Столь характерные для позднего пунука трезубцы, найденные в двух вариантах на острове св. Лаврентия, отличающиеся по форме и характеру орнаментации, представлены и в нашем собрании с побережья Чукотского полуострова. Один из вариантов, повидимому более древний (табл. 38, рис. 4), орнаментирован параллельными линиями и треугольниками совершенно так же, как трезубец из Секловагхиагет (Seklowaghiaget) с острова св. Лаврентия, а другой (табл. 29, рис. 24) с точечками на углах и на концах коротких линий совершенно так же, как трезубец из Иевогхийок (Jevoghiyoq) с того же острова [1].

С Чукотского полуострова имеется большое количество скульптурных фигурок животных пунукского времени: тюленей (табл. 29, рис. 9, 10 и 16; табл. 38, рис. 16), китов (табл. 29, рис. 13, 17 и 18), собак или лисиц (табл. 29, рис. 11, 12 и 14), медведей (табл. 16, рис. 12; табл. 29, рис. 15), зайца (табл. 31, рис. 34), птиц (табл. 29, рис. 6 и 7; табл. 38, рис. 15 и 17). Все они резко отличаются от древних, более реалистических изображений животных крайней примитивностью и схематичностью. Как правило, их поверхность совершенно гладкая, только в редких случаях покрыта простым орнаментом из параллельных линий (табл. 29, рис. 18; табл. 38, рис. 14). То же самое следует сказать и об изображениях человека (табл. 16, рис. 20; табл. 38, рис. 9, 10 и 11). Несколько особое положение занимает только антропоморфная фигурка, повидимому женщины, из Нунлиграна (табл. 31, рис. 22), где формы тела, особенно груди и бедра, хорошо оформлены в круглом рельефе.

Вопрос о назначении и корнях эскимосского искусства сложен и недостаточно еще освещен. В связи с распространенным в свое время представлением о сходстве эскимосского искусства с искусством верхнепалеолитического населения Европы де Лагуна предприняла специальное сравнительное изучение палеолитического и современного эскимосского искусства [2]. При сопоставлении этих двух искусств она нашла лишь небольшое количество общих элементов, причем и они оказались не характерными специально для них, а элементами, широко распространенными среди населения земного шара во все времена. В палеолитической орнаментации, в частности в кривых и спиральных линиях в комбинации с вырезанными фигурками и поверхностными барельефами, Лагуна видит весьма условное выполнение животных форм. Все это оказалось чуждым современному эскимосскому искусству. В противоположность динамичному, гибкому, молодому, еще не установившемуся стилю палео-

[1] Collins, 1937; табл. 68 и 69, рис. 6, 1.
[2] De Laguna, 1932 — 1934.

лита, современное эскимосское искусство оказывается скованным, консервативным, результатом медленного развития в течение многих столетий. В конечном счете это изучение привело Лагуну к заключению, что не может быть и речи о какой бы то ни было генетической связи между искусством палеолита Западной Европы и современным эскимосским.

Коллинз имел возможность сравнения палеолитического искусства с искусством уже древних эскимосов. Вывод, к которому он пришел [1], тот, что большее сходство можно найти между искусствами верхнепалеолитическим и мезолитическим, с одной стороны, и искусством древнеберингоморским, с другой, с его «нацарапанным» стилем 1, чем с современным эскимосским. Коллинз считает, что между палеолитическими рисунками этого рода и рисунками, характерными для европейского неолита и позднейших сходство такое же, как и между древнеберингоморским стилем 1 и искусством пунукским и современным эскимосским. В обоих случаях древнейший, более старый стиль более обобщен и изменчив, тогда как более поздний становится более точным и более формальным.

Эти сопоставления никак не разрешают все же вопроса о происхождении стилей эскимосского искусства. Археологические исследования в области Берингова моря, в частности наши материалы из раскопок на Чукотском побережье, указывают на наличие ряда стадий в развитии стиля эскимосского искусства. Оказалось, что древнеберингоморской стадии предшествует уэленская или оквикская с глубоко врезанными линиями, графически и объемно условно выполненными изображениями животных, с изображением животных и человека в круглой форме, нередко достаточно реалистическими. На древнеберингоморской стадии графика обогащается рядом новых орнаментальных мотивов, которые в эпоху расцвета этой стадии культуры достигают своего наивысшего развития. Скульптура в круглой форме и барельефе остается на достаточной высоте еще в раннем пунуке. В развитом пунуке нет уже и следов изысканного, разработанного древнеберингоморского стиля. Мотивы графической орнаментации сводятся к простым, элементарным формам, механически выполняемым. Реалистическая скульптура деградирует до простых трехмерных идеограмм.

Таким образом, если бы теперь мы поставили себе целью искать какие-то связи эскимосского искусства с палеолитическим искусством Западной Европы, то мы должны были бы начать с его уэленского стиля. Однако хронологически и территориально между этими двумя искусствами промежуток настолько велик, что бесполезно искать каких бы то ни было генетических связей между ними. На арктическом побережье ряд элементов раннего (уэленооквикского) эскимосского искусства переживает ипиутакский, бирнирский и отчасти тульский этапы культуры, но на берингоморском побережье они затушевываются на древнеберингоморском этапе временным расцветом особого стиля, развивающегося там в это время под влиянием особых традиций, источник которых следует искать на юге. На рубеже древнеберингоморского и пунукского этапов связь с югом прекращается, и вместе с рядом новых элементов культуры, бесспорно западного сибирского происхождения, в эскимосскую культуру проникают и новые мотивы изобразительного искусства, постепенно формируется современный стиль эскимосского искусства.

Попутно несколько слов об искусстве так называемой культуры ипиутак, открытой Рейни и Ларсеном у мыса Хоп. Коллекция из Ипиутак, за исключением небольшого числа предметов, еще не опубликована, и полного представления о ней мы не имеем. Общее же мое впечатление от нее таково: там мы имеем дело с материалом разновременным. Имеются вещи, орнаментированные в древнейшем уэленском (оквикском) стиле, удерживающемся там, повидимому, долго, до туле-пунукского времени; ряд же предметов, в частности цепочка из моржового клыка и другие подвески, оканчивающиеся головами животных, которые Рейни считает протоэскимосскими, кажутся мне скорее более поздними, даже, быть может, близкими к современным.

Когда речь идет о назначении какого бы то ни было искусства, нередко ставится вопрос, имеем ли мы дело с искусством изобразительным, т. е. со стремлением воплотить в данной форме то или иное понятие или образ, или с искусством орнаментальным. В искусстве эскимосском, как в древнем, так и в современном, обе эти тенденции неразделимы. В тех случаях, когда, скажем на наконечнике гарпуна из Уэлена, мы имеем всего несколькими штрихами схематическое изображение животного, например касатки, — это искусство изобразительное. Там, где ряды линий, например на ручках ножей из того же уэленского стойбища, покрывают плоскость вещи орнаментом геометрическим, мы имеем дело, вероятно, с простым орнаментом. На древнеберингоморской стадии в разработанном его стиле не всегда легко отличить простую орнаментацию предмета от условного воспроизведения в установленном стиле заданной формы, например головы животного. Все же можно сказать, что, как правило, изобразительное искусство эскимосов связано с предметами культового назначения (изображениями защитников, охранителей, хозяев и т. п.) и предметами промысла морского зверя (гарпунами, стрелами, байдарками и т. п.); вещи же утилитарного характера обычно покрыты беспредметным орнаментом.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ

Ни в одной из многочисленных зарубежных работ, посвященных прошлому эскимосской культуры, не затрагиваются вопросы социально-экономического строя и его развития. Да это и неудивительно, если и в этнографических монографиях, освещающих современный или в недалеком прошлом быт эскимосов, отдела социального строя либо совсем нет, либо ему уделено всего несколько страниц. Объясняется это весьма элементарным подходом зарубежных исследователей к эскимосской культуре вследствие игнорирования подлинно научного марксистско-ленинского мировоззрения. Между тем у эскимосов, особенно у американских, расселенных на огромном пространстве суровой Арктики, местами изолированных от непосредственного влияния капиталистической культуры США или Канады, казалось, легче чем где бы то

[1] Collins, 1940.

ни было можно изучить их первобытно-общинный социальный строй.

Заслугой советских ученых, в частности В. Г. Богораза, является вскрытие социального строя эскимосов. По доступным ему материалам, собранным западными и американскими исследователями, Богораз[1] поставил вопросы интерпретации социального строя американских эскимосов в исторической перспективе, по стадиям развития их культуры. Последнее представляется важным и потому, что эскимосское общество, по мнению всех исследователей как в Америке, так и в Европе, является обществом первобытно-общинным.

Совокупность фактов, характеризующих социальный строй эскимосов в прошлом и настоящем, складывается в два аспекта, диалектически противоположных, но вместе с тем связанных друг с другом. Первый аспект — первобытно-общинного строя, где в каждом поселке обитаем только один дом; в доме несколько семейств и несколько поколений; в таком доме есть начальник, обычно старший возрастом, не только советчик, но и искусный охотник; положение начальника основано на добровольном признании его власти; пища съедается вместе. Однако эта жизнь не делает упора на определенные правила, например, при распределении добычи. Второй аспект — разложения первобытного общинного строя.

Проявление центробежных стремлений со стороны членов эскимосской общины, как предполагает Богораз, связано с изменением процесса производства. Он считает, что производство эскимосов, основанное на морском зверобойном промысле, прошло две основные стадии. Первая, когда тюлений промысел более или менее равномерно осуществляется во все времена года, преимущественно в прибрежной полосе, в закрытых и полузакрытых заливах и бухтах, на прибрежных ледяных полях. Именно эту стадию он склонен связывать с типичным первобытно-общинным хозяйством. Вторая стадия характеризуется промыслом моржей и китов. Она связана с большими поездками в открытое море, требует более усовершенствованных орудий производства — лодок и гарпунов, также большей активности и большего охотничьего искусства. Охота в открытом море на более крупных животных была значительно прибыльнее охоты на тюленей. В связи с этим тюлений промысел оттесняется назад и становится дополнительным промыслом. Вторая стадия зверобойного промысла также требовала коллективного способа охоты, и она является дальнейшим развитием, даже апогеем первобытно-общинного производства. Вместе с тем именно с обилием добычи эта стадия диалектически ведет к разложению первобытно-общинного общества.

Показателем разложения первобытного общества является распадение общего жилища, семьи селятся рядом, каждая семья устраивает для себя особое жилище. Богораз считает, что «такое расчленение общих жилищ на мелкие клеточки стало возможным только при большом обилии сала и ворвани, давшем возможность производить достаточное отепление отдельной ячейки».

Одиночное жилище, естественно, давало больше свободы для ремесленного производства, и распад жилища, следовательно, был связан не только с условиями потребления, но и с условиями производства и его техники.

«Разделение общего жилища естественно ведет к разделению потребления, а также к разделению права собственности на зимние запасы пищи и топлива, к индивидуальной организации их хранения и т. д.».

В этом процессе общество борется с такими стремлениями, создавая общественное мнение и устраняя тех из своих сочленов, чьи поступки вредят коллективу. Существование такого общественного суда, отмечает Богораз, защищающего общественное право, свидетельствует о разложении общественного строя насильственными стремлениями и действиями наиболее агрессивных и неуравновешенных людей. Точно так же и правила распределения охотничьей добычи, существующие у эскимосов, одновременно указывают на действенную силу общинного строя и на индивидуалистические стремления, ведущие к его разложению.

При первобытно-общинном строе общества пища — достояние общее — поедается совместно и не нуждается в распределении. С нарастанием индивидуалистических тенденций является стремление ограничить первобытно-общинный порядок и вместе с тем восстановить его действие. В случае голода у эскимосов повсюду восстанавливается древнее правило: всю пищу потреблять сообща. Туша кита, выброшенная на берег, также принадлежит всему населению. Сюда же относится широкое гостеприимство для всех приезжающих, которое строго соблюдается и в настоящее время.

Отправляясь вместе с И. П. Лавровым из бухты Провидения в далекий путь вдоль побережья Берингова моря на зафрахтованном вельботе, я был смущен отсутствием какого бы то ни было дорожного продовольствия у команды вельбота — эскимосов из Сирэник. Наша поездка была организована при содействии М. Г. Аристова, проживающего среди эскимосов около двадцати лет и пользующегося всеобщим уважением. На мой вопрос, как команда будет питаться, он меня успокоил, сказав, что везде, в каком бы поселке мы ни остановились, команда будет обеспечена всем необходимым, а вне поселков, сказал он, нам уже придется делиться с ними нашими продуктами, чтобы не получить самую дурную славу «в одиночку едящих». Мы прекрасно совершили свой путь. В поселках никто из нас не заботился о еде, в пути мы питались из запасов экспедиции, а когда на острове Аракамчечене эти запасы истощились, нас выручили бакланы, застреленные эскимосами команды вельбота.

Внутрисемейное разделение труда у эскимосов шло прежде всего по линии работ мужских и женских. Основным занятием мужчин всегда являлась охота на морских млекопитающих, белого медведя, оленя, песцов. Рыболовством занимались и мужчины и женщины. Собирание растительной пищи — выкапывание съедобных кореньев — всегда было исключительно женским занятием. Уход за жилищем и детьми, приготовление пищи, выделка шкур и пошивка из них одежды, изготовление глиняной посуды также являлось женским занятием. Впрочем, в известной мере женщины участвовали и в промысле морских млекопитающих.

С развитием разделения труда и индивидуализа-

[1] Богораз, 1936

дней производства шло и развитие форм собственности, отличных от общинно-родовой формы. Так у эскимосов возникли три вида собственности: коллективная (общинная), семейная и личная. Коллективной, общинной собственностью являются земля и воды со всем их содержимым, общее жилище, промысловые умиаки — байдары. С разложением первобытно-общинного строя выделяются индивидуальные жилища семей, возникают производственные из родственников коллектива их основные средства производства, такие, как умиак — байдара. Позднее байдара находится в частной собственности главы, обычно наиболее состоятельной, семьи.

В связи с возникновением частной собственности на средства производства и распределение добычи производится уже неравномерно. Например, если мясо убитых промысловой артелью моржей распределяется равномерно между участниками охоты, то владелец байдары, руководящий разделом, получает львиную долю моржовых клыков и шкур. Также неравномерно распределяются китовый ус и сало добытых китов.

При коллективных охотах на медведя или северного оленя, при дележе добычи решающее значение приобретает, чья стрела попала в наиболее убойное место. Отсюда широко распространенный еще в начале XIX века обычай метить знаками собственности наконечники стрел, хорошо известный и в районе Берингова моря [1].

Исходя из изложенной вкратце схемы развития общественного строя эскимосов, обратимся к фактам археологическим.

Первой, намеченной Богоразом, стадии в производстве эскимосов, стадии только тюленьего промысла, более или менее равномерно осуществляемого во все времена года, мы не знаем, да такой стадии, возможно, и не было. Древнейшие известные нам эскимосские стоянки уэлено-оквикской стадии указывают, что уже в то время, помимо тюленьего промысла, в значительном количестве добывался морж, на материке — северный олень, медведь, возможно киты. Трудно допустить, что в те отдаленные времена, при сравнительно малочисленном населении оно испытывало нужду в пище, особенно если принять во внимание свидетельства наших путешественников XVIII века, поражавшихся невероятным количеством как наземных, так и морских млекопитающих в этих краях.

Характер жилищ уэлено-оквикской стадии нам недостаточно известен; что же касается жилищ древнеберингоморской стадии, то, как мы видели, они представляли собой или небольшие одиночные полуземлянки, в которых жило по нескольку семей совместно, или систему маленьких полуземлянок, соединенных между собой короткими коридорными ходами с общей кухней в центре. Эта стадия, вне сомнения, связана с коллективным производством охоты и с общим потреблением. Это время типичного первобытно-общинного строя. Однако разложение этого строя началось уже в конце древнеберингоморской стадии и на бирниркском этапе, когда в поселках появляются обособленные жилища с индивидуальными у отдельных семей хранилищами запасов пищи.

Первобытно-общинный строй с элементами его разложения, возникшими главным образом под влиянием междуплеменного обмена и торговли, сохранился и до наших дней.

Фольклорные, а затем и исторические данные указывают на оживленный обмен продуктами азиатских эскимосов с чукчами, с одной стороны, и с американскими эскимосами, с другой. На продукты морского промысла, ремни из моржовой кожи, жир и т. п. эскимосы выменивали у чукчей продукты оленеводства, оленьи шкуры, замшу, меховые рубахи. С Аляски, куда они совершали поездки далеко на юг, они в обмен на оленьи меха и замшу получали шкуры бобров и куниц, одежды из меха водяной крысы и т. п. В XVII веке и особенно в XVIII через чукчей из Анадырской крепости они получали железные изделия, стеклянные бусы и листовой табак, а с установлением на Колыме Анюйской ярмарки русские товары через эскимосов проникают и в Америку.

В середине прошлого века на севере Берингова пролива появляются иностранные, преимущественно американские китобойные суда, команды которых завязывают торговые сношения с эскимосами обоих берегов. В связи с этим межплеменной обмен претерпевает большие изменения. Русские товары вытесняются товарами американскими. Из среды эскимосского населения выделяются посредники между китобоями и коренным населением как побережья, так и внутриматериковым.

Частная собственность на добычу в коллективной охоте или на наиболее ценные части этой добычи в эскимосском обществе появляется очень поздно, уже после того, как они пришли в соприкосновение с европейцами. Символические магические знаки, помогающие в охоте, мы находим на древнейших наконечниках гарпунов и стрел; знаки же собственности на стрелах или других предметах мы находим только на самых поздних стоянках, относящихся уже к протоисторическому времени. В наших коллекциях с Чукотского полуострова имеется только два предмета: наконечник стрелы из Наукана (табл. 10, рис. 9) и челнок для плетения сетей с мыса Чаплина (табл. 13, рис. 24), на которых вырезаны знаки собственности. Обе эти вещи относятся ко времени протоисторическому — XVIII и даже, быть может, к началу XIX века.

При патрилокальном браке положение женщины по сравнению с мужчиной, как это ошибочно отмечают почти все исследователи, приниженное. Такое положение женщины, как предполагают, связано с малым ее участием в добывающем производстве. Собирание съедобных корней, ягод и т. п. вследствие суровости климата у эскимосов отступало на задний план. Все же они вполне самостоятельны в домашнем хозяйстве, занимаются рыбной ловлей, нередко принимают участие в охоте, являются гребцами на умиаках (женских лодках) [1]. Положение женщин у эскимосов оказывается совсем не такое уж приниженное. В древности их положение было особенно высоким, что следует из исключительно важной роли, какую они играли в области магии и религии. Известны сильные и влиятельные эскимоски-шаманки. Очень показательны в этой связи слова, сказанные Богоразу эскимосом мыса Чаплина: «Напрасно думают, что женщины слабее мужчин в охоте. Домашнее колдовство сильнее, чем те заклинания, которые произносятся на тундре. Тщетно ища, ходит муж вокруг, но те, которые си-

[1] Волков и Руденко, 1910: 181.

[1] Штакенбург, 1932.

дят у лампы, действительно сильны, им легче подозвать к берегу добычу».

Знаменательно вместе с тем, как это отмечает Богораз, что в эскимосской космогонии женские божества и женские духи решительно преобладают над мужскими. Три основных их духа — все женщины: дух сухопутной земли (Pinga), дух воздуха (Hila) и самая главная из них — подводная владычица «Большая женщина» (Nulirahak азиатских эскимосов, Sedna — американских), и эти женские духи определенно враждебны мужским.

В большинстве фольклорных вариантов у подводной владычицы совсем нет мужа. По другим у нее есть супруг и ребенок, которых она держит в повиновении и страхе.

Женщина — владычица ветра и молнии (Asiaq) с безобразной внешностью (позднейший вариант) ищет и с трудом находит себе мужа, но и он занимает у нее подчиненное положение.

Достойно примечания, что эта женщина, владычица ветра и молнии, существует собиранием растительных продуктов, трав и корней. Нельзя ли отсюда предположить, что представления об этой владычице сложились в древности, когда предки эскимосов жили еще в стране, где собирание растительной пищи имело существенное значение в питании населения

Из приведенных материалов можно заключить, что в далеком прошлом у эскимосов преобладал материнский род. Пережитки матриархального строя можно усматривать и в наблюдавшихся случаях, когда дети после смерти матери и при наличии отца переходили к родственникам матери.

Преобладание женщин в условиях матриархата у эскимосов можно предполагать на наиболее ранних известных нам стадиях их культуры — уэленокквикской и ранней берингоморской.

Льюс Морган имел достаточно точные данные об эскимосской системе родства, частично собранные им лично. Сводка эскимосского материала помещена в его работе «Системы родства и свойства в человеческой семье» [1]. Морган отчетливо подчеркнул основные черты, которые отличают эскимосскую систему родства от системы ганованской, и дал заключение, что она по форме классификационная, но много элементов в ней относится к описательной форме. Позднее (1878), подчеркивая, что эскимосы не принадлежат к ганованской семье, он отмечал, что их водворение на американском континенте произошло, по сравнению с ганованской семьей, лишь недавно или в новейшее время. Эти положения теперь подтверждаются и археологическими данными.

[1] Morgan, 1871: 267.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Раскопки на побережье Чукотского полуострова подтвердили предположение, основанное на случайных находках, что север Берингова моря, с Беринговым проливом и островами, а также западное и восточное побережья Чукотского моря издревле представляли собою единую культурную область. Это был центр длительного развития и процветания специальной культуры морских зверобоев, распространившейся затем на громадных пространствах арктического побережья. Несмотря на рекогносцировочный характер наших изысканий на Чукотском полуострове, нам удалось обнаружить там наличие всех стадий развития культуры, именуемой эскимосской, стадий, установленных исследованиями американских и датских ученых на островах севера Берингова моря, а также на арктическом побережье Аляски. Вместе с тем добытый нами материал позволяет, если не разрешить, то несколько осветить ряд все еще спорных вопросов по истории заселения Америки и о происхождении замечательной культуры охотников за морскими млекопитающими.

Древнейшей известной нам стадией культуры Берингова моря была уэлено-оквикская. Двойное название этой стадии объясняется тем, что ее элементы впервые были обнаружены на оквикской стоянке Пунукских островов, но в более чистом виде и полнее она представлена у нас древним уэленским стойбищем.

В это время еще не было типичных полуподземных жилищ и ям для хранения запасов мяса, столь характерных для последующих стадий, вследствие чего культурный слой этого времени распознается только по более интенсивной травяной растительности, его покрывающей, на совершенно гладкой поверхности земли. Жилища на этой стадии были или наземными или незначительно в своей нижней части погруженными в землю, вероятно круглой формы с полом, вымощенным камнями. Основным занятием населения был промысел морских млекопитающих, хотя крупную роль в жизни населения играла охота на наземных млекопитающих, птиц и рыболовство. На уэлено-оквикской стадии мы имеем дело уже со сложным гарпунным комплексом, с конструктивно очень сложными наконечниками гарпунов, гарпунными поплавками и ледовыми пешнями. На этом именно этапе наконечники гарпунов имеют наиболее сложные базальные шпоры, оснащены уже и каменными вкладышами и концевыми каменными копьецами. Одновременно с охотой на морских млекопитающих добывались олени и медведи, кости которых имеются в кухонных остатках. Кроме того, олений рог наравне с моржовым клыком широко использовался для изготовления всевозможных орудий, преимущественно наконечников гарпунов, стрел и острог, обойм для тесел и т. п.

Наконечники стрел, притом в образцах, идентичных наконечникам стрел конца неолита, начала бронзы в Восточной Сибири, встречаются не в меньшем количестве, чем наконечники гарпунов, что также подтверждает крупную роль в это время сухопутной охоты. На этой стадии уже имеются специальные многобородчатые птичьи дротики и остроги для промысла крупных лососевых рыб, как простые, так и сложные. Наличие грузил и жалец от сложных крючков указывает на то, что рыбу ловили и удочками. Каменные орудия почти исключительно обтесанные; шлифованные сланцевые орудия являются редким исключением. Особенно характерно для данной стадии культуры наличие большого числа орудий с каменными вкладышами, главным образом наконечников гарпунов и ножей, а также длинных кремневых или из окремнелого туфа ножей, вложенных в костяные ручки. Огонь, как и позднее, добывался сверлением. Много орудий из моржового клыка, таких, как кирки-мотыги, клинья и т. п. Из моржового клыка изготовлялись весьма совершенной формы сосуды и корытовидные скобели для снимания жира с кишек. В ходу, повидимому, были уже промысловые салазки на полозьях из моржового клыка. Глиняная посуда если и имелась, то в крайне незначительном количестве. Очень оригинально и своеобразно уэлено-оквикское искусство, отличающееся глубоко врезанным линейным орнаментом, приданием некоторым предметам, в частности наконечникам гарпунов, подобия животного, и особенно реалистическим изображением человеческих фигур. Общественная организация в это время была первобытно-общинной с вероятным преобладанием матриархата.

Район распространения этой древнейшей стадии: острова Пунукские и св. Лаврентия, мыс Чаплина

на азиатском материке (если верна справка Рейни, будто бы в американском Музее естественной истории имеются не опубликованные наконечники гарпунов оквикского типа, доставленные Богоразом с мыса Чаплина), на севере — Уэлен, на юге — восточное стойбище в Нунлигране. Коллекция из Нунлиграна с восточного стойбища, как мы видели, очень невелика, для того чтобы с определенностью утверждать об ее уэленском возрасте. Между тем наличие многих параллельных и идентичных форм с формами уэленскими, отсутствие вещей, типичных для более поздних стадий культуры, древнеберингоморской и пунукской, говорит о принадлежности упомянутого нунлигранского стойбища к рассматриваемой стадии. На арктическом побережье эта культурная стадия прослеживается у мыса Хоп по некоторым вещам из Ипиугак и, возможно, до мыса Барроу в бирниркском комплексе, но не далее на восток. На запад она могла распространяться до мыса Баранова и Медвежьих островов, судя по найденным на острове Четырехстолбовом наконечникам гарпунов. Вполне вероятно, что ранняя фаза этой стадии культуры представлена в Уэлене, а более поздняя в Бирнирке. Время ранней фазы — конец II, начало I тысячелетия до нашей эры, конец неолита, начало бронзы в долине реки Лены. Время второй фазы — предположительно вторая половина I тысячелетия до нашей эры.

В последних столетиях до нашей эры на севере Берингова моря независимо или, вероятнее, под воздействием южных культурных влияний наступает следующая древнеберингоморская стадия. В это время население жило уже в малых прямоугольных полуземлянках с каменным полом и бревенчатыми стенами, с длинным и узким коридорным входом. Основой существования был промысел морских млекопитающих, главным образом моржей, — кости, находимые в кухонных остатках, показывают, что главной животной их пищей были нерпа, морж, лахтак и кит. Гарпунный комплекс по существу остался тот же, но появилась одна новая форма наконечника гарпуна — так называемая древнеберингоморская — и сравнительно незначительно изменилась основная форма наконечников гарпунов предшествующей стадии. На материке олень добывается, но редко; изделий из рога оленя мало. За редкими исключениями, все костяные изделия из моржового клыка. Для охоты на птиц попрежнему употребляются птичьи дротики. Первые находки — гарпуно- или дротикометалки. Пользовались простым луком и различными стрелами, как боевыми, для промысла зверя, так и для охоты на птиц. Впервые появляются очень характерные для этой стадии костяные наконечники стрел, боевые, с острыми и длинными бородками у самого черена и каменным концевым копьецом — форма, генетически связанная с костяными наконечниками стрел предшествующей уэленской стадии, также с каменным концевым копьецом. Судя по наличию острог и обилию грузил, рыболовство было развито, хотя и на этой стадии цельных рыболовных крючков не было найдено, — возможно, что они представляли собою просто костяное жальце, вложенное в деревянный стержень. Как и на предыдущей стадии, оббитые каменные орудия самых разнообразных типов решительно преобладают над шлифованными, хотя последние появляются уже в значительном количестве, особенно тесла и ножи. За редким исключением, каменные вкладыши встречаются только в наконечниках гарпунов. В употреблении были каяк и умиак; салазки с полозьями из моржового клыка были двух вариантов: тяжелые — для перевозки грузов, и легкие — промысловые; известны были и ледовые подковки. Глиняная посуда и глиняные лампы были во всеобщем употреблении, но в обиходе были также сосуды костяные и из китового уса с деревянными донцами. На древнеберингоморской стадии появляются своеобразный, тщательно разработанный и изысканный криволинейный орнамент с рядом мотивов, не известных на других стадиях интересующей нас приморской культуры. Первобытно-общинная организация общества в конце этой стадии начинает разлагаться, появляются обособленные жилища с индивидуальными у отдельных семей хранилищами запасов пищи.

Область распространения древнеберингоморской стадии ограничена. На побережье Чукотского полуострова мы ее теперь знаем от мыса Дежнева на севере до мыса Беринга на юге, а затем на островах Пунукских, св. Лаврентия и Диомидовых. Отдельные предметы этой культуры на арктическом побережье встречаются на западе до мыса Баранова, а на аляскинском побережье — на полуострове Сьюард и в заливе Коцебу.

В то же время на арктическом побережье до мыса Барроу на востоке и до устья реки Колымы на западе продолжается поздняя фаза уэлено-оквикской стадии в ее ипиутакском и бирниркском вариантах.

Необычный обряд погребения в Ипиутак, где были найдены погребенные с искусственными глазами из моржового клыка, затычки ноздрей и наротники, по мнению Коллинза, как уже отмечалось, свидетельствуют о китайском культурном влиянии, времени не ранее чем династии Чу или Хань, что соответствует времени около нашей эры, следовательно — времени древнеберингоморской стадии. Является, впрочем, вопросом, правильно ли обычай вставлять искусственные глаза умершим, закрывать ноздри и надевать наротники объяснять китайским культурным влиянием. Не правильнее ли этот обычай связывать с влиянием, идущим из Океании через субарктическую область юга Аляски? Напомним, что Хрдличка на острове Кадьяке нашел череп с искусственными глазами; о том же сообщала и де Лагуна, производившая раскопки в заливе Кука.

Примерно в III—IV столетии нашей эры связи севера Берингова моря с югом, повидимому, прекратились. Зато устанавливаются тесные взаимоотношения с северо-востоком Азии. Появление как раз в это время на побережье Берингова моря и на островах нового вооружения и не известных до того элементов культуры безусловно западного, сибирского происхождения свидетельствует о тесных культурных связях. Наступает пунукская стадия культуры Берингова моря. Жизнь на этой стадии протекала в основном на той же базе, что и ранее. Жилища стали больше, но строились по тому же плану. В качестве строительного материала широко используются китовые кости, особенно черепа, что вместе с появлением бесспорных китовых наконечников гарпунов говорит о том, что на этой стадии китовый промысел достиг максимального развития. Помимо кита, морж, лахтак и нерпа остаются

попрежнему основными промысловыми животными. На материке продолжают все же охотиться за оленем, повсюду добывается мелкий зверь, всевозможные виды птиц и рыб, особенно лососевые в озерах, треска и навага в море. Орудия охоты и рыболовства остаются по существу теми же; те же киркимотыги, клинья, мясные крюки, некоторые формы ножей, дрилей с их накладками-упорами, сверла, шилья и женские ножи. Однако орудия из обтесанного камня почти полностью заменены шлифованными, преимущественно сланцевыми. В то время как на древнеберингоморской стадии как материал для костяных орудий решительно преобладает моржовый клык, в пунуке снова на сцену выступает кость и отчасти рог. Такими же остались глиняные сосуды и лампы, ведерки из китового уса. Ряд элементов между тем подвергся существенным изменениям: частично наконечники гарпунов, конструкция которых упрощается, птичьи дротики, наконечники стрел, грузила рыболовных удочек, ножи и их ручки, тесла, полозья салазок, ледовые подковки. «Крылатые» предметы, столь характерные для предшествующей стадии, исчезают, и вместо них появляются так называемые «трезубцы». Решительным изменениям подвергается искусство, которое, как и ряд орудий, становится проще. С другой стороны, появилось много орудий сибирского происхождения: упрочненные луки, защитные наручники, панцыри, некоторые виды стрел, птичьи бола, тюленьи скребки, рыболовные крючки, тяжелые из моржового клыка грузила к сетям, костяные из моржового клыка длинные ножи и кинжалы, роговые и костяные ложки с длинными ручками, шаманские бубны, гравировка с помощью металлических инструментов. Это время дальнейшего разложения первобытно-общинного общества.

Область распространения пунукской стадии примерно та же, что и древнеберингоморской: на азиатском материке от мыса Дежнева на севере по крайней мере до мыса Беринга на юге, острова св. Лаврентия, Пунукские и Диомида, на арктическом побережье Америки — мыс Хоп. У мыса Барроу, на базе бирниркского варианта, развивается стадия туле, во многом сходная с пунукской, которая на рубеже I и II тысячелетий нашей эры распространяется на восток по арктическому побережью Канады вплоть до Гренландии. Наше арктическое побережье от мыса Дежнева до устья Колымы еще недостаточно изучено, но, по имеющимся случайным находкам, там мы скорее обнаружим стадию туле, чем пунукскую.

Последняя, близкая к современности стадия эскимосской культуры Берингова моря, начавшаяся с начала XVII века, характеризуется появлением сравнительно небольшого количества новых элементов. Появляется передвижение на собаках и вместе с ним нарты с плоскими костяными подполозками, вертлугами и блоками собачьей упряжки; костяные подшивки под киль умиаков; лыжи, длинные, без бородок, треугольные в поперечном сечении наконечники стрел из моржового клыка; капканы на песцов и костяные лопаточки для заглаживания следов при постановке капканов; железные кольеца наконечников гарпунов; двуручные скребки для выделки шкур, каменные и железные; фигурки из моржового клыка птиц, млекопитающих и человека; бусы.

Возвращаемся к вопросу о происхождении той древней культуры морских зверобоев, которая, как мы видели, получила свое развитие на севере Берингова моря и сохранилась до наших дней вместе с эскимосскими племенами.

В вопросе о происхождении этой культуры в целом существенное значение имеют следующие элементы: 1) костяные орудия с каменными вкладышами; 2) гарпунный комплекс вместе с кожаной лодкой; 3) искусство.

Оснащение костяных орудий каменными вкладышами настолько характерная особенность европейского мезолита, что он невольно вспоминается, как только приходится встречаться с костяными орудиями с такими вкладышами. Эти параллели возникли и в моем представлении, когда я впервые увидел наконечники гарпунов с Чукотского полуострова, оснащенные каменными вкладышами. Вполне естественно, что и Коллинз[1] отметил возможную многозначимость факта оснащения древних берингоморских и бирниркских наконечников гарпунов каменными вкладышами, подобно костяным орудиям из Маглемозе в Северной Европе. Позднее[2] на этом вопросе он остановился подробнее.

Ножи с рядами боковых каменных вкладышей находили в Америке в доисторических эскимосских стойбищах в заливе Смита, в Западной Гренландии[3], на острове Саутхемптоне[4] и в древних стоянках стадии туле из района Гудзонова залива[5] и Баффиновой Земли, залива Пондз[6]. Рукоятки ножей с боковым вырезом для клинка или с боковым клинком-вкладышем известны из бухты Диско в Западной Гренландии[7], из северо-восточной Гренландии[8] с известной гульской стоянки Науйан[9], с острова св. Лаврентия[10].

Эти случайные находки ни в какой мере не типичны для тех культурных комплексов, в которых они найдены, и не показательны хронологически. Можно думать, что ножи с боковыми нешлифованными каменными клинками-вкладышами древнее ножей с вкладышами шлифованными сланцевыми. Между тем ножи последнего типа с острова св. Лаврентия Коллинз[11] относит уже к древнеберингоморской стадии. Наконечники гарпунов с каменными вкладышами известны только в области Берингова моря и на арктических побережьях Америки, у мысов Барроу и Хоп и в Азии — у Уэлена, у мыса Большого Баранова и на Медвежьих островах. Единственный наконечник гарпуна с боковым вкладышем, судя по выемке для него, — из центральной арктической области, описан Матиассеном[12] с острова Bylot.

Если ножи с боковыми каменными вкладышами в арктической Америке встречаются только спорадически, то у мыса Барроу и особенно у мыса Хоп они известны уже вместе с наконечниками гарпунов, оснащенными каменными вкладышами, а у

---

1 Collins, 1935: 467.
2 Collins, 1943.
3 Wissler, 1918: 120 — 125.
4 Boas, 1907; рис. 173.
5 Mathiassen, 1927; 2: 70.
6 Mathiassen, 1927; 1; табл. 46, рис. 9. Boas, 1907; рис. 179
7 Porsild, 1915 рис. 41E.
8 Thomsen, 1917; рис. 26
9 Mathiassen, 1927; 1; табл. 18, рис. 4.
10 Collins, 1937; табл. 38, рис. 2 и 3; табл. 71, рис. 1.
11 Collins, 1943: 227; рис. 3d и e.
12 Mathiassen, 1927; 1: 209; табл. 61, рис. 17.

мыса Хоп и со стрелами. Еще более знаменательно нахождение одновременно большого количества наконечников гарпунов и ножей с боковыми каменными вкладышами на уэленском древнем стойбище.

Еще до наших находок в Уэлене, основываясь на костяных орудиях с каменными вкладышами из Ипиутак и на ножах и дротиках с боковыми вкладышами, типичных для древнейших стадий неолитической культуры (исаковской и серовской), открытых Окладниковым [1] в Прибайкалье, Коллинз сделал попытку проследить распространение таких орудий на огромном пространстве от Скандинавии до Аляски. Под скандинавскими он разумеет костяные наконечники с боковыми каменными вкладышами из стоянок культуры Маглемозе в Швеции, Дании, Бельгии, Северной Германии и Эстонии, ссылаясь на работы Кларка [2], Мадсена [3] и Вебека [4].

Промежуточными географически, а возможно также и во времени, он считает наконечники стрел и дротиков или ножи с боковыми каменными вкладышами с реки Пышмы [5] (Приуралье), подобные же дротики или ножи из района Байкала [6] и ножи с вставленными кремневыми клинками, найденные Андерсоном [7], из неолитической стоянки Янг-Шао в Ханьсу и восточном Тибете. К перечисленным находкам можно было бы еще прибавить замечательный кинжал с каменными вкладышами из неолитического погребения на Онежском озере [8], многочисленные костяные с каменными вкладышами поздненеолитические ножи и наконечники стрел из Шигирского и других торфяников восточного Урала [9], костяные клинки с боковой выемкой для каменных вкладышей из Забайкалья [10].

Таким образом теперь как будто бы еще больше данных для установления если не непосредственного родства между мезолитическими и неолитическими культурами северной Европы и культурой эскимосской, то во всяком случае для установления пережиточной мезолитической традиции оснащения костяных орудий каменными вкладышами.

По предположению Курвен [11], серпы с кремневыми лезвиями из швейцарских свайных построек, из раскопок в Испании, Египте и Месопотамии, равно как и современные австралийские ножи и копья с рядом маленьких режущих лезвий по краю, являются пережитком у древних земледельцев и современных охотников соответственно двух мезолитических универсальных орудий — ножа и копья, оснащенных боковыми каменными вкладышами. Такой вывод в отношении серпов Коллинз [12] считает жизненным, но боковые вкладыши австралийских копий, с его точки зрения, могут быть объяснены как явление конвергентное. Во всяком случае боковые вкладыши из Океании, как отмечает Коллинз, археологически не зафиксированы. Эскимосы между тем, по его словам, представляют собою чистый тип охотничьего народа, носителя этой мезолитической традиции.

Прежде всего следует обратить внимание на одну весьма существенную особенность каменных вкладышей мезолитических, какими мы их знаем в Европе и Западной Азии, и ранних неолитических. В огромном большинстве эти вкладыши представляют собой тонкие кремневые пластины, длинные и узкие, отколотые от призматических нуклеусов. Часто такие пластинки, вставленные рядами в соответствующие вырезы костяного орудия, совсем не имеют следов дополнительной обработки. В некоторых случаях таким тонким пластинкам с острорежущими продольными краями придавалась трапециевидная или иная геометрическая форма, но и при этом рабочий, режущий край, как правило, не ретушировался. Такими вкладышами оснащались костяные орудия и в раннем неолите севера Евразии: Оленеостровский могильник на Онежском озере, уральские торфяники, ангарские погребения Прибайкалья.

Каменные вкладыши, которыми оснащались костяные орудия эскимосов, будь то наконечники гарпунов, стрел, кинжалы или ножи, иной формы и иной техники изготовления. Узких и длинных пластин, отколотых от призматических нуклеусов, столь характерных для верхнего палеолита Западной Европы, мезолита и энеолита Евразии, вплоть до начала бронзы у эскимосов нигде не было найдено. Все известные нам каменные вкладыши костяных эскимосских орудий имеют форму миндалевидных наконечников стрел. Иногда их форма неправильная, но они всегда по всей своей поверхности обработаны отжимной ретушью. Узкие и длинные ножи, поодиночке или парами вставляющиеся одним из своих продольных ребер в костяную ручку прямоугольной формы, также отретушированы на всей своей поверхности. В тех случаях, когда костяные ножи оснащались рядами каменных вкладышей указанной миндалевидной или овальной формы, например нож острова Саутхемптона [1] или ножи из Уэлена (табл. 4, рис. 2), для каждого вкладыша вырезалось самостоятельное гнездо соответствующей формы. В мезолитических же и ранних неолитических орудиях Старого Света, оснащенных рядами каменных вкладышей, мы имеем один сплошной предназначенный для них желобок.

Поэтому мне кажется, что наличие каменных вкладышей в костяных орудиях эскимосов, на ранних стадиях развития их культуры, недостаточно убедительный аргумент для установления генетических связей между эскимосской и мезо-неолитическими культурами Евразии. Не думаю, чтобы такой способ оснащения костяных орудий мог считаться и пережиточной традицией, исходящей от европейского мезолита. И здесь, как и в Австралии, мы имеем дело с другим ареалом практики оснащения костяных орудий каменными вкладышами. В этой связи небезынтересно вспомнить о ноже из залива Диско, где вкладышами являются зубы акулы [2].

Как нами уже отмечалось, Дженнесс и Коллинз предков эскимосов рассчитывают найти на севере Сибири. Коллинз [3] предполагает, что к северу или к востоку от Байкала, по берегам рек и озер лес-

---

[1] Окладников, 1938, 1941.
[2] Clark, 1936; рис. 41, 47, 55b.
[3] Madsen 1873; табл. 40.
[4] Vebaek, 1938; рис. 1 и 2.
[5] Толмачев, 1913; табл. 6, рис. 8 — 12.
[6] Витковский, 1881; табл. 3, рис. 4, 6. Окладников, 19. рис. 2, 3, 7 и 9.
[7] Andersson 1934: 230, 242, 249; табл. 21,1.
[8] Равдоникас 1940; рис. 16.
[9] Дмитриев, 1935; рис. 23 и 26.
[10] Толмачев, 1929; табл. 1, рис. 1.
[11] Curwen, 1941.
[12] Collins, 1943: 224 — 225.

[1] Boas 1907; рис. 178.
[2] Mathiassen, 1934; табл. 3, рис. 21.
[3] Collins, 1943; 232 — 233.

ной зоны, будут найдены жилища непосредственных предков эскимосов, которые оттуда постепенно распространились к побережью Ледовитого и Берингова морей. У Берингова пролива обильный запас пищи и вообще благоприятные условия жизни дали внезапный расцвет культуры, и мезо-неолитический образ жизни внутриматериковых охотников превратился в эскимосский образ жизни морских зверобоев.

Любопытно, что ни одним из зарубежных авторов, занимавшихся эскимосской доисторией, ни в какой мере не освещена проблема перехода внутриматериковых охотников к охоте за морскими млекопитающими в открытом море, да еще в условиях полярных морей.

Элементами культуры, и притом исключительно важными, которые только и могли обеспечить существование в арктической зоне на морском побережье и на островах, были гарпунный комплекс с поворотным наконечником гарпуна и кожаная лодка. Мы знаем, что без поворотного наконечника гарпуна с такими приспособлениями, как поплавок из тюленьей шкуры, промысел морских млекопитающих немыслим. Нам известен ряд восточносибирских народностей, в частности ительмены, которые в своих деревянных лодках промышляли морского зверя в устьях рек, но в открытое море не выходили. В Арктике нет материала для изготовления деревянных челноков или берестяных на деревянном каркасе лодок, какие мы знаем в лесной зоне. Там возможно было строить лодки только по деревянному каркасу, обтянутые кожей, которая заменила либо бересту, либо другую древесную кору или луб — материал, служивший для этой цели предкам арктиков до прихода их в эти крайние широты. Умиак и каяк были известны эскимосам в области Берингова моря на самых ранних известных нам стадиях культуры. Они несомненно были уже опытными мореплавателями. Где же их предки могли усовершенствоваться в мореплавании, и притом не только в каботажном, но и в открытом море, более того — в зверовом промысле — в морских условиях, в устьях сибирских рек или где-либо на юге? В связи с данным вопросом весьма важно выяснить ареал распространения поворотного наконечника гарпуна вне области, населенной эскимосами, и его происхождение.

На Камчатке до сих пор не было раскопано стоянок береговых жителей, промысел морских млекопитающих для которых был бы основой их жизни. Тем не менее единичные находки поворотных наконечников гарпунов свидетельствуют о том, что культура, родственная эскимосской, на Камчатке будет обнаружена. В значительном количестве поворотные наконечники гарпунов были найдены в кухонных кучах на Курильских и других островах, окаймляющих с востока материк Азии. Часть из них простой формы, с раздвоенной базальной шпорой и неизменно открытым гнездом. Там имеются, однако, наконечники гарпунов и с тройной симметричной шпорой, подобные беринговоморским. Некоторые по форме и орнаментации очень напоминают оквикские, в частности наши наконечники гарпунов с древнего уэленского стойбища.

Древнейшие известные нам наконечники гарпунов в области Берингова моря — по форме наиболее сложные, и не случайно, что столь же сложную форму имеют и древнейшие наконечники гарпунов с островов к югу от полуострова Камчатки.

Железные поворотные наконечники гарпунов-стрел, как известно, до последнего времени бытовали и у негритосов Филиппинских островов.

Каково же распространение поворотных наконечников гарпунов на севере Евразии?

Гжессинг[1] на одной из своих смелых картограмм, указывая на географическое распространение в арктической области «эскимосских» гарпунов, отводит им все арктическое побережье Сибири и Европы от мыса Дежнева на востоке до горла Белого моря на западе. Между тем на севере Азии, западнее устья реки Колымы, нам пока не известно ни одной находки поворотного наконечника гарпуна и вообще никаких следов эскимосской культуры.

Здесь уместно отметить результаты исследований А. П. Окладникова в Колымском крае летом 1946 года. Обследуя долину реки Колымы и часть арктического побережья от устья этой реки до Баранова мыса, он пришел к заключению, что эскимосская культура Баранова мыса во всех частных признаках резко отличается от древней корякской, открытой в долине Колымы. В своем отчете он пишет:

«Замечательно, что существовавшая на протяжении ряда веков в районе устья Колымы древняя приморская (эскимосская) культура не обнаруживает прямой связи с той континентальной арктической культурой, которая была распространена по соседству с ней — в низовьях Колымы и далее к западу в зоне лесотундры. Можно предполагать поэтому, что в долине Колымы встретились две различных культуры, различных по происхождению племенных групп».

В старых промысловых полуземлянках, вероятно ненецких, открытых Чернецовым на полуострове Ямал[2], не найдено ни одного предмета, типичного для эскимосской культуры, не говоря уже о поворотных наконечниках гарпунов.

Ничего общего с поворотными наконечниками гарпунов не имеют и осколки кости с круглой дырой из раскопок Шмидта на Оленьем острове Кольского залива Баренцова моря[3]. Что касается наконечников гарпунов, найденных на Скандинавском полуострове[4], то они имеют мало общего с эскимосскими и ни в какой мере не могут осветить проблему происхождения эскимосских наконечников гарпунов.

Таким образом, и к югу, через Камчатку, к островной гряде, окаймляющей с востока материк Азии, в область издревле развитого мореплавания и гарпунного комплекса, следует направить дальнейшие изыскания для разрешения проблемы происхождения древней культуры Берингова моря.

Перехожу к искусству. Теперь мы знаем, что разработанному, изысканному криволинейному древнеберингоморскому стилю гравировки на кости предшествовал более простой стиль орнаментации — уэленский или оквикский. Материала пока еще недостаточно, чтобы дать полную характеристику искусства этого времени и особенностей его стиля.

---

[1] Gjessing. 1944: 17; рис. 4.
[2] Чернецов, 1935.
[3] Шмидт, 1930; табл. 1 рис. 6 и 7.
[4] Solberg. 1909: 38 — 40; рис. 39 — 43. Björn, 1930; рис. 2; Björn, 1931; рис. 14 — 16.

Несомненно одно: лучшие художественные образцы в скульптуре, более реалистичные воспроизведения фигур животных и людей мы видим как раз на этой стадии культуры. Строгая и простая, но крайне выразительная гравировка, которую мы видим на различных предметах, имеет либо свой самостоятельный смысл, либо подчеркивает те или иные формы изображаемого объекта. Она нередко символическая, но и там, где она кажется беспредметной, она дает подчеркнутую выразительность декорируемой вещи, причем приемы орнаментации не случайные, а строго выработанные. Знаменательно, что элементы этого уэленского орнаментального стиля пока вне эскимосской территории мы знаем только на древних наконечниках гарпунов с Японских островов.

Стиль гравировки древнеберингоморский[1] имеет ряд общих мотивов с уэленским, но он не такой выразительный и более деликатный. Развитый древнеберингоморский орнаментальный стиль 2 и 3 не вывести из уэлено-оквикского. Он более разработан и имеет гораздо больше общих черт с криволинейным орнаментом островной неолитической керамики и с орнаментом, типичным для Океании, чем с уэленским стилем орнаментации. Вполне возможно, что этот стиль пришел в район Берингова моря вместе с какой-то волной переселенцев с юга, вместе с новыми типами поворотных наконечников гарпунов и рядом других элементов культуры. Несравненно более условный и обобщенный, по сравнению с уэленским стилем, стиль древнеберингоморский в течение известного отрезка времени господствовал на севере Берингова моря, но не распространился на Аляску и далее на восток. Стиль этот постепенно вырождается и переходит в пунукский.

Переход от древнеберингоморского к пунукскому стилю совершается постепенно, путем упрощения и замены криволинейных тонких, как бы процарапанных линий линиями более определенно подчеркнутыми, а затем и четко врезанными. Наконец, с применением металлических инструментов стиль этот становится все беднее и механизируется. Этот процесс замены одного стиля другим сопутствует внедрению в быт ряда новых элементов культуры, принесенных несомненно с запада, из Сибири, в результате непосредственного контакта, а быть может, и физического смешения с коренным материковым населением.

Таким образом, и история эскимосского искусства ведет нас к южным истокам, а не к древним связям с западом.

Как неоднократно уже отмечалось, древнейшее известное нам население севера Берингова моря, уэлено-оквикское, занималось промыслом морских млекопитающих, в частности моржей, но занималось охотой и на наземных млекопитающих, особенно на оленей, рог которых не в меньшей мере, чем клык моржа, использовался для изготовления орудий. Внутриматерикового населения Чукотского полуострова этого времени мы еще не знаем, но выявляются уже кое-какие параллели с археологическими находками в долине реки Лены. Следовательно, в это отдаленное время кое-какие связи намечаются с внутриматериковым населением Восточной Сибири, но в основном более определенные связи были с югом, с каким-то еще для нас неясным культурным центром, крайним северным форпостом которого был Уэлен. Еще ярче связи с югом выражены на следующей, древнеберингоморской стадии. Никаких признаков металла на этих двух древнейших стадиях культуры Берингова моря пока нет, хотя мы не можем себе представить, как без металлического орудия могли быть сделаны прорезы для пояска гнезда в наконечниках гарпунов этого времени.

Оригинальный так называемый ложнотекстильный и шашечный орнамент керамики этого времени за пределами Берингова моря известен в Восточной Сибири из поздненеолитических и раннего бронзового времени поселений, особенно же широко такая керамика была распространена в неолите на юго-востоке Азии и на ближайших островах.

В первой половине I тысячелетия нашей эры приморское население Чукотского полуострова, как мы видим, впервые вступает в тесный контакт с внутриматериковым населением. Какие события произошли на материке, почему этот контакт стал тесным именно в это время — мы пока не знаем. Вполне возможно, что в это время какие-то палеоазиатские племена, чукото-коряко-юкагирской группы, перешли к оленеводческому хозяйству, что обеспечило им подвижность и дало возможность занять не обитаемую до них внутреннюю часть Чукотского полуострова и войти таким путем в тесное соприкосновение с поморами. Взаимоотношения эти были и мирного характера и враждебного; их вооружение было позаимствовано поморами. В результате враждебных столкновений и, возможно, перехода части бродячего внутриматерикового населения к оседлой жизни на морском побережье во второй половине I тысячелетия нашей эры началось продвижение предков современных американских эскимосов на восток, и на тульской стадии они расселились вдоль всего арктического побережья Америки.

Арктическое побережье Чукотского полуострова археологически еще не обследовано, и если наконечники гарпунов бирниркского типа мы знаем с острова Четырехстолбового, из группы Медвежьих и мыса Большого Баранова, то наконечники гарпунов типа туле пока нам не известны западнее мыса Шмидта.

Все, что мы знаем в настоящее время о древних стадиях приморской эскимосской культуры, приводит нас к заключению, что на арктическом побережье Азии культура морских зверобоев продвигалась с востока на запад, а не в обратном направлении.

Все согласны с тем, что обилие морских млекопитающих, в частности моржа, в районе Берингова моря обусловило развитие и многовековое процветание эскимосской, как мы ее теперь называем, культуры. Если это так, то ареал распространения моржа и других морских млекопитающих в значительной мере может помочь нам уяснить причины современного и в древности расселения морских зверобоев.

На крайнем северо-востоке Азии почти все моржи добывались в Беринговом и Чукотском морях и всего несколько процентов в Восточно-Сибирском. Ни в море Лаптевых, ни в Охотском и Японском морях морж не добывался. Лахтак в огромном количестве добывался в Беринговом море, в небольшом числе в Чукотском и еще меньшем в Восточно-Сибирском море. В Охотском море добывались только случайные экземпляры

этого зверя, а в Японском совсем не добывались. Тюлень также добывался преимущественно в Беринговом море, в меньшем числе в Чукотском и Охотском морях. Таким образом Берингово и Чукотское моря, как в наше время, так, вероятно, и в древности, являлись основными районами промысла морского зверя. В Восточно-Сибирском море зверя крайне мало, а в море Лаптевых заходят только отдельные экземпляры. С другой стороны, если мы обратимся к путям миграции моржа, наиболее важного из всех промысловых животных, то увидим, что они ведут от Анадырского залива, где еще недавно было много постоянных моржовых лежбищ, вдоль Чукотского полуострова между мысом Чаплина и островом св. Лаврентия в Берингов пролив и далее в Чукотское море к острову Врангеля. Их постоянные лежбища известны недалеко от Уэлена (близ Инчоуна), временное залегание отмечается в нескольких пунктах вплоть до мыса Ванкарем. Весьма существенно, что ледовые залежки моржей в Беринговом море и в Чукотском до мыса Сердце-Камень обычно бывают вблизи берега, в остальной же части Чукотского моря очень далеко, на многие десятки километров от берега. Последнее в значительной мере зависит от ширины берегового припая. В то время как на азиатском побережье Берингова моря береговой припай узок (обычно 1,5—3 км шириной), по побережью Чукотского моря он достигает ширины в 30—40 и далее на запад до 120—150 км. Совершенно ясно, что при низких и отмелых арктических берегах, при огромной ширине берегового припая условия для зимнего промысла там несравненно хуже, чем близ Берингова пролива, и только крайняя нужда могла заставить поморов селиться там, притом в сравнительно ограниченном числе. Никаких стимулов для продвижения далее на запад вдоль арктического побережья Сибири у промышленников морских млекопитающих, видимо, не было, и не приходится удивляться, если западнее устья реки Колымы никаких остатков эскимосской культуры не будет найдено.

В результате раскопок 1945 года на Чукотском полуострове и изучения археологических коллекций, ранее там собранных, мы можем теперь проследить на нашем континенте все стадии развития древней культуры зверобоев Берингова моря. Весьма важным является открытие уэленской, древнейшей из известных нам стадий этой культуры, соответствующей оквикской на островах Пунукских и св. Лаврентия. Несмотря на то, что некоторые связи этой приморской культуры с внутриматериковым населением Восточной Сибири намечаются еще на этой уэленской стадии, не только на западе, в Евразии, следует искать ее корни. Морские зверобои-эскимосы появились в области Берингова моря сравнительно поздно и оказались действительно клином, разделившим чуждые им, но родственные между собою народы северо-востока Азии и Северной Америки; пришли они в область Берингова моря, видимо, не с севера, а с юга, не из арктической Азии, а из островной юго-восточной ее части.

Еще в древности из области Берингова моря культура эта по арктическому побережью распространилась на запад до устья реки Колымы и близлежащих островов, а на восток до мыса Барроу. Дальнейшее продвижение этой культуры на восток вплоть до Гренландии осуществилось только на рубеже I и II тысячелетий нашей эры.

Археологические исследования советскими учеными на крайнем северо-востоке Азии только начаты. В этом отношении еще совершенно не исследовано арктическое побережье между устьями рек Индигирки и Колымы, а также внутриматериковая часть Чукотского полуострова. Недостаточно обследовано арктическое побережье от устья реки Колымы до мыса Дежнева, чукотское побережье Берингова моря, а также побережье Камчатки и Курильские острова. Тем не менее уже теперь ясно, что только на нашей территории, где впервые оформилась и развилась замечательная культура отважных морских зверобоев Арктики, эскимосская проблема может быть полностью разрешена.

ЛИТЕРАТУРА

Баба Осаму
1934. Археологические исследования на острове Шимушу (Курильские острова). Журнал Токийского антр. о-ва, т. 49, № 556 (по-японски).

Берг Л. С.
1920. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука. Зап. по гидрографии, т. II (XLIII), в. 2.

Вениаминов
1840. Записки об островах Уналашкинского отдела.

Витковский Н. М.
1881. Краткое сообщение о раскопках погребений каменного века в Иркутской губернии в 1880 г. Зап. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. геогр. о-ва, т. 11.
1889. Следы каменного века в долине р. Ангары. Известия Вост.-Сиб. отд. Русск. геогр. о-ва, т. 20, № 1—2.

Волков Ф. К. и Руденко С. И.
1910. Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений. Материалы по этнографии, т. 1.

Врангель Ф.
1841. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг.

Давыдов См. *Хвостов*

Дмитриев
1935. Охота и рыболовство в восточноуральском родовом обществе. Известия ГАИМК, в. 106.

Загоскин
1847. Пешеходная опись части русских владений в Америке.

Золотарев А. М.
1937. К вопросу о происхождении эскимосов. «Антропологический журнал» № 1.
1938. Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии. Известия Воронежского гос. пед. института, т. 4.

Крашенинников С.
1755. Описание земли Камчатки.

Мачинский А. В
1941. Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове. Краткие сообщения ИИМК Академии Наук СССР, в. 9.

Окладников А. П.
1935 Буреть, новая палеолитическая стоянка на Ангаре. «Советская археология», т. 1.
1938. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. Вестник древней истории, № 1 (2).
1939. Неолит Сибири и Дальнего Востока. Север Сибири в первом тысячелетии н. э. История СССР, ч. 1—4.
1941а. Неолитические памятники как источники для этногении Сибири и Дальнего Востока. Краткие сообщения ИИМК Академии Наук СССР, в. 9.
1941б. Палеолитические жилища в Бурети. Краткие сообщения ИИМК Академии Наук СССР, в. 10.
1944. Археологические памятники и древние культуры на нижней Лене. Ученые записки Якутского пед-института.
1946. Ленские древности. Материалы по древней истории Якутии, в. 2, Якутск.

Прокошев Н. А.
1940. Результаты исследований поздних неолитических стоянок в устье реки Чусовой. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. № 6—7.

Равдоникас В. И.
1940. Оленеостровский могильник. „Советская археология“, № 6.

Руденко С. И.
1910. См. *Волков*.
1947. Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов. Труды Института этнографии, н. с., т. 2.

Сарычев
1811. Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю.

Свердруп Г. У.
1930. Плавание на судне „Мод“ в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Материалы Комиссии по изучению Якутской АССР, в. 30.

Тан-Богораз
1936. Социальный строй американских эскимосов. Труды Института антропологии и этнографии, т. 4.

Толмачев В.
1913 - 1914. Древности Восточного Урала. Зап. Уральского о-ва любителей естествознания, вв. 32 и 34, Екатеринбург
1929. Предметы костяного века. Сообщения ГАИМК, № 2.

Умехара С.
1934. Официальный отчет о раскопках доисторической стоянки Киташиракава-Кокурохо в Киото (по-японски).

Ухтомский Д. Э.
1913. Чукотские стрелы. Ежегодник Русск. антроп. о-ва при СПб. университете, т. 3.

Хвостов и *Давыдов*
1912. Двукратное путешествие в Америку.

Чернецов В. Н.
1935. Древняя приморская культура на полуострове Ямал. „Советская этнография“, № 4—5.

Шмидт А. В.
1931. Древний могильник на Кольском заливе. Материалы Комиссии эксп. иссл. Академии Наук СССР, в. 23.

Шнакенбург Н. Б.
1932. Эскимосы (рукопись).

Шренк
1883. Об инородцах Амурского края.

Andersson J. G.
1934. Children of the yellow earth. N. Y.

Birket-Smith Kaj
1924. Ethnography of the Egedesminde District. Meddel Grönland, bd. 66.
1929. The Caribou Eskimos. Rep. 5-th Thule Exped., 1921—1924, vol. 5. Copenhagen.
1930. The question of the origin of Eskimo culture: a rejoinder Amer. Anthrop., n. s., vol. 32, no. 4, October—December.

Birket-Smith Kaj and De Laguna Frederica
1938. The Eyak Indians of the Copper River Delta, Alaska. Kobenhavn.

Bjorn A.
1930. Et eiendommelig stenaldersunn fra Serlandt. Univ. Olds. Arb.
Boas Frans
1888. The Eskimo. Proc. and Trans. Roy. Soc. Canada, 1887, vol. 5, sec. 2.
1905. The Jesup North Pacific Expedition. 13-th Int. Congr. Americanists. N. Y., 1902.
1907. Second report on the Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay. Bull. Amer. Mus. Nat. Hist., 15, pt. 2.
Boe Johs
1934. Boplassen i skipshelleren pa straume i nordhordland. Bergens Mus. Skrifter, nr. 17.
Bogoras Waldemar
1904—1909. The Chukchee. Mem. Amer. Mus. Nat. Hist., vol. II.
1925. Early migrations of the Eskimo between Asia and America. 21 st Int. Congr. Americanists, pt. 2, Goteborg.
Clark J. G. D.
1936. The Mesolithic settlement of Northern Europe. Cambridge.
Collins Henry B. Jr.
1928. Check-stamped pottery from Alaska. Journ. Wash. Acad. Sci., vol. 18, no. 9, May 4.
1929. Prehistoric art of the Alaskan Eskimo. Smithsonian Misc. Coll., vol. 81, no. 14, Nov. 14.
1935. Archeology of the Bering Sea region. Ann. Rept. Smithsonian Inst., 1933.
1937. Archeology of St. Lawrence Island, Alaska. Smithsonian Misc. Coll., 96 (1).
1940. Outline of Eskimo prehistory. Smithsonian Misc. Coll., 100.
1943. Eskimo archaeology and its bearing on the problem of man's antiquity in America. Proceedings of the American Philosophical Society, vol. 86, no. 2. February.
Cranz D.
1770. Historie von Grönland. Barby.
Curwen E. Cecil
1941. Some food-gathering implements: a study in Mesolithic tradition. Antiquity, 15 (60).
Dall William Healey
1878. On the remains of later prehistoric man obtained from Caves in the Catherina Archipelago, Alaska territory, and especially from the Caves of the Aleutian Islands. Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. 22, article VI. Washington.
Dawkins Boyd
1874. Cave Hunting. London.
Dupont M. E.
1872. L'homme pendant les ages de la pierre.
Evans. Cм. *Stein*
Finn D. J.
1932. Archeological finds on Lamma Island near Hong-Kong. The Hong-Kong Naturalist, vol. 3, nos. 3, 4, December.
1935. Archeological finds on Lamma Island, pt. 10. The Hong-Kong Naturalist, vol. 6, nos. 3, 4, December.
Geist Otto Wm. and *Rainey Froelich G.*
1936. Archeological excavations at Kukulik, St. Lawrence Island, Alaska, vol. 2. Misc. Publ. Univ. Alaska. U. S. Dep. Interior, May 19.
Gjessing Gutorm
1944. Circumpolar Stone age. Acta Arctica, Fasc. 11. København.
Goloubew Victor
1930. L'age du bronze au Tonkin et dans Nord-Annam. Bull. Ecole Française d'Extreme orient, 1929, vol. 29. Hanoi.
Gordon G. B.
1906. Notes on the Western Eskimo. Trans. of the Depart. of Archeology Univ. of Pennsylvania, vol. 2, p. 1.
Hamy E. T.
1870. Précis de Paleontologie Humaine.
Hatt Gudmund
1916a. Kyst-og indlandskultur i det arktiske. Geogr. Tids bd. 23. Copenhagen.
1916b. Moccasins and their relation to Arctic footwear. Mem. Amer. Anthropol. Assoc., vol. 3, no. 3, July—September.
Hoffman Walder James
1897. The graphic art of the Eskimos. Smithsonian Ann Rep, 1895.
Holmes W. H.
1897. Stone implements of Potomac-Chesapeake Tidewatere province. 15-th. Annual Rep. of the Bureau of Amer. Ethnol. W.
Holtved Erik
1938. Forelobing beretning om den arkaeologisk etnografiske expedition til Thule Distriktet, 1935—37. Geografisk Tidsskrift, vol. 41.
Hooper C. L.
1884. Report on the cruise of the U. S. Revenue-Steamer. „Corwin" in the Arctic Ocean 1881. Washington.
Hough Walter
1895. Primitive American armor. Ann. Rep. U. S. Nat. Mus. 1893.
Hrdlicka Ales
1930. Anthropological survey in Alaska. 46-th Ann. Rep. Bur. Amer. Ethnol.
1933. Anthropological explorations on Kodiak Island, Alaska. Explorations and field-work of the Smithsonian Inst., 1932.
1935. Archeological excavations on Kodiak Island, Alaska, Explorations and field-work of the Smithsonian Inst., 1934.
Jenness Diamond
1925. A new Eskimo culture in Hudson Bay. Geogr. Rev., vol. 15, no. 3, July.
1928a. Archeological investigations in Bering Strait. Nat. Mus. Canada, Ann. Rep., 1926, Bull. 50. Ottawa.
1928b. Ethnological problems of Arctic America. Amer. Geogr. Soc., Special Publ., no. 7.
1933. The problem of the Eskimo. The American aborigines, their origin and antiquity. Univ. Toronto Press.
1940. Prehistoric culture waves from Asia to America. Journ. Washington Acad. Sci., vol. 30, no. 1.
Jochelson Waldemar
1905—1908. The Koryak. Mem. Amer. Mus. Nat. Hist., vol. 10.
Kroeber A. L.
1923. Anthropology. N. Y.
Kumlien L.
1879. Contributions of the natural history of America, made in connection with the Hawgate polar expedition, 1877—78. Bull. of the U. S. Nat. Mus., no. 15. W.
Laguna Frederica De
1932—1933. A comparison of Eskimo and Palaeolithic art. Amer. Journ. Archaeol., vol. 36, no. 4, Oct.—Dec. and vol. 37, no. 1, Jan.—Mar.
1934. The archaeology of Cook Inlet, Alaska. Univ. Philadelphia Press.
1938. Cм. *Birket-Smith.*
Larsen Helge
1934. Dodemandsbugten. An Eskimo settlement on Clavering Island. Meddel. Grönland., vol. 102, no. 1. Copenhagen.
1938. Archaeological investigations in Knud Rasmussen's Land. Meddel. Grönland, vol. 119, no. 8. Copenhagen.
Laufer Berthold
1912. Jade. A study in Chinese archeology and religion Field Mus. Nat. Hist. Anthropol. Ser., vol. 10, publ. 154.
1941. Chinese clay figures. Field Mus. Nat. Hist. Anthropol Ser., vol. 13, no. 2, publ. 177.
Mac-Ritchie David
1912. The kayak in North-Western Europe. Jour. Roy. Anthrop. Institut, v. 42.
Madsen A. P.
1873. Antiquités préhistoriques du Danemark. Copenhagen.
Markham C. H.
1865. On the origin and migrations of the Eskimos. Journ. Roy. Geogr. Soc., vol. 35.
Mason J. Alden
1930. Excavations of Eskimo Thule culture sites at Point Barrow, Alaska. Proc. 23-rd Int. Congr. Americanists. N. Y.
Mason Otis T.
1891. Ulu, or woman's knife, of the Eskimo. Ann. Rep. U. S. Nat. Mus., 1890.
1894. North American bows, arrows and quivers. Ann. Rep. Smithson. Inst. for 1893. W.
1902. Aboriginal American harpoons. Ann. Rep. U. S. Nat. Mus., 1900.
Mathiassen Therkel
1927. Archaeology of the Central Eskimos. Rep. 5-th Thule Exped. 1921—24, vol. 4. Copenhagen.
1929. Some specimens from the Bering Sea culture, Indian Notes, Mus. Amer. Indian, Heye Foundation, vol 6, no. 1, January.

1930a. Archaeological collections from the Western Eskimosn. Rep. 5-th Thule Exped. 1921—24, vol. 10, no. 1. Copenhagen.
1930b. Inugsuk, a mediaeval Eskimo settlement in Upernivik District, West Greenland. Meddel. Grönland, vol. 77. Copenhagen.
1930c. The question of the origin of Eskimo culture. Amer. Anthrop., n. s., vol. 32, no. 4, October—December.
1931. Ancient Eskimo settlements in the Kangamiut area. Meddel. Grönland, bd. 91, no. 1. Copenhagen.
1934. Contributions to the archaeology of Disko Bay. Meddel. Grönland, vol. 93, no. 2. Copenhagen.
1936. (In collaboration with Eric Holtved) The Eskimo archaeology Julianehaab District with a brief summary of the prehistory of the Greenlanders. Meddel. Grönland, vol. 118, no.1 . Copenhagen.

Morgan L.
1871. Sistems of Consanginity and Affinity of the Human Family. Smithsonian Contributions to Knowledge, t. 17.

Murdoch John
1884. A study of the Eskimo bows in the U. S. National Mus. Report.
1888. Henry Rink: The Eskimo tribes (Review). Amer. Anthrop., o. s., vol. 1.
1892. Ethnological results of the Point Barrow expedition. 9-th Ann. Rep. Bur. Amer. Ethnol. W.

Nelson Edward William
1899. The Eskimo about Bering Strait. 18-th Ann. Rep. Bureau Amer. Ethnol. W.

Nordenskiöld A. E.
1882. Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega 1878—1880. Leipzig.

Nordenskiöld E.
1931. Origin of the Indian civilisation in South America. Comparative ethnographical studies, vol. 9.

Parry W. E.
1924. Journal of a second voyage for the discovery of a north west passage from the Atlantic to the Pacific. L.

Pinart A. L.
1875. La caverne d'Aknank, ile d'Ounga, Archipel Shumagin, Alaska. Paris.

Porsild Morten P.
1915. Studiens on the material culture of the Eskimo in West Greenland. Meddel. Grönland, vol. 51.

Rainey Froelich G.
1936. Cм. *Geist.*
1937. Old Eskimo art. Natural History, vol. 40. N. Y.
1941a. A new form of culture an the Arctic Coast. Proc. Nat. Academy of Sciences, vol. 27. W.
1941b. The Ipiutak culture at Point Hope, Alaska. Am Anthropologist, 43(3). pt. 1.
1941c. Mystery people of the Arctic. Nat. Hist., 47(3).
1941d. Eskimo prehistory: the Okvik site on the Punuk Island. Anthropol. Papers. Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. 37, pt. IV.
1942. Discovering Alaska's oldest arctic Town. The National Geographic. Magazine, Sept.

Rink Henry
1887. The Eskimo tribes. Meddel. Grönland, vol. 11. Copenhagen and London.

Rivet P.
1925. Les origines de L'homme Américain. L'Anthropologie, t. 35.

Sarasin Fritz
1933. Recherches préhistoriques au Siam. L'Anthropologie t. 43, p. 1—2.

Solberg O.
1907. Beiträge zur Vorgeschichte der Osteskimo. Vid.-Selsk. Skrifter, 11, Hist. Filos. Klasse, no. 2. Christiania.
1909. Eisenzeitfunde aus Ostfinmarken. Lappländische studien. Christiania.

Sollas W. J.
1911. Ancient hunters and their modern representatives. London.

Steensby H. P.
1916. An anthropogeographical study of the origin of the Eskimo culture. Meddel. Grönland, vol. 53. Copenhagen.

Stefansson Evelyn
1944. Within the Circle. Portraits of the Arctic. N. Y.

Stefansson Vilhjalmur
1914. Préhistorie and present commerce among the Arctic coast Eskimo. C. G. S. Mus. Bull., no. 6. Anthrop Ser. 3. Ottawa.

Stein Callenfels (P. V. van) et *Evans (J. H. N.)*
1928. Report on Cove Excavations in Pérak. Journal of the Federated Malay States Museum, t. 12, part VI.

Thalbitzer William
1904. A phonetical study of the Eskimo Language. Meddel. Grönland, vol. 31. Copenhagen.
1914. The Ammassalik Eskimo. Meddel. Grönland, vol. 39, pt. 1. Copenhagen.

Thomsen Thomas
1917. Implements and artifacts of the north-east Greenlanders. Meddel. Grönland, vol. 44.
1928. Eskimo Archaeology. Greenland, vol. 2. Copenhagen.

Torii R.
1919. Etudes archeologiques et ethnographiques. Les Ainus des Isles Kouriles. Journ. Coll. Sci. Imper. Univ. Tokyo, vol. 42, art. 1.

Turner Lucien M.
1894. Ethnology of the Ungava Dikstrict, Hudson Bay territory. 11-th Ann. Rep. Bur. Amer. Ethnol.

Vebaek C. L.
1938. New finds of Mesolithic ornamented bone and antler artifacts in Denmark. Acta Archaeologica, 9, fasc. 3.

Weyer Edward Moffat, Jr.
1930. Archeological material from the village site at Hat. Springs, Port Möller, Alaska. Anthropol. Papers Amer. Mus. Nat. Hist., vol. 31, part. 4. N. Y.

Wilson Thomas
1897. Arrowpoints, spearheads and knives of prehistoric times. U. S. Nat. Mus. Rep., pt. 1.

Wintemberg W. J.
1939. Eskimo sites of the Dorset culture in Newfoundland, Part 1 and 2. American Antiquity, vol. 5.

Wissler Clark
1916. Harpoons and darts in the Stefansson collection. Anthrop. Pap. Amer. Mus. Nat. Hist., vol. 14, pt. 2.
1918. Archeology of the Polar Eskimo. Anthropol. Papers Am. Mus. Nat. Hist., vol. 22, pt. 3.

Wong K. C.
1932. Ancient Chinese jades. China Jour., 16 (2).

Zolotarev A.
1938. The ancient culture of North Asia. Amer. Anthorpologist, vol. 40, no. 1.

ТАБЛИЦЫ

ТАБЛИЦА 1

РАСКОПКИ В УЭЛЕНЕ

1 : 2

1. Наконечник гарпуна, роговый.
2. Наконечник гарпуна, роговый.
3. Наконечник гарпуна, роговый.
4. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
5. Наконечник гарпуна, роговый.
6. Наконечник гарпуна, роговый.
7. Наконечник гарпуна, роговый.
8. Наконечник гарпуна, роговый.
9. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
10. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
11. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
12. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
13. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
14. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
15. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
16. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
17. Заготовка для наконечника гарпуна.
18. Затычка поплавковая, из моржового клыка.
19. Закрепка поплавковая, из моржового клыка.
20. Заготовка для наконечника гарпуна.
21. Колок для насада наконечника гарпуна, из моржового клыка.
22. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
23. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
24. Заготовка для наконечника гарпуна.

ТАБЛИЦА 2

РАСКОПКИ В УЭЛЕНЕ

№ 1—27 — 1 : 2; № 28—30 — 1 : 4

1. Наконечник стрелы, костяной.
2. Наконечник стрелы, костяной.
3. Наконечник стрелы, костяной.
4. Наконечник стрелы, костяной.
5. Наконечник стрелы, костяной.
6. Наконечник стрелы, костяной.
7. Наконечник стрелы, костяной.
8. Наконечник стрелы, костяной.
9. Наконечник стрелы, костяной.
10. Наконечник стрелы, костяной.
11. Центральный наконечник дротика, костяной.
12. Центральный наконечник птичьего дротика, из моржового клыка.
13. Центральный наконечник птичьего дротика, из моржового клыка.
14. Снеговые очки, костяные.
15. Центральный наконечник дротика, костяной.
16. Боковой зубец птичьего дротика, костяной.
17. Боковой зубец птичьего дротика, костяной.
18. Боковой зубец птичьего дротика, из моржового клыка.
19. Наконечник гарпуна, роговый.
20. Бородка лососевой остроги, костяная.
21. Бородка лососевой остроги, из моржового клыка.
22. Грузило рыболовное, костяное.
23. Грузило рыболовное, костяное.
24. Жальце рыболовного крючка, из моржового клыка.
25. Крючок, роговый.
26. Зубец остроги, роговый.
27. Грузило рыболовное, из моржового клыка.
28. Кирка-мотыга, из моржового клыка.
29. Кирка-мотыга, из моржового клыка.
30. Кирка-мотыга, из моржового клыка.

ТАБЛИЦА 3

РАСКОПКИ В УЭЛЕНЕ

1 : 2

1. Наконечник ледовой палки, из моржового клыка.
2. Наконечник ледовой палки, из моржового клыка.
3. Перка дриля, костяная.
4. Перка дриля, костяная.
5. Шило, из моржового клыка.
6. Клин, из моржового клыка.
7. Клин, из моржового клыка.
8. Обойма для тесла, роговая.
9. Обойма для тесла, костяная
10. Провертка, костяная.
11. Шило, костяное.
12. Нож, костяной.
13. Черен костяного ножа.
14. Накладка сверлильная, костяная.
15. Клинок ножа, сланцевый.
16. Клинок ножа, сланцевый.
17. Нож сланцевый, в ручке из моржового клыка.
18. Ручка ножа, из моржового клыка.
19. Ручка ножа, из моржового клыка
20. Ручка ножа, из моржового клыка.
21. Клинок ножа, из кремнистого сланца.
22. Клинок ножа, кремневый.
23. Ручка ножа, из моржового клыка.
24. Ручка ножа, из оленьего рога.
25. Ручка ножа, из моржового клыка.
26. Ручка ножа, из моржового клыка.
27. Ручка ножа, из моржового клыка

ТАБЛИЦА 4

РАСКОПКИ В УЭЛЕНЕ

№ 1—17, 19—25 — 1 : 2; № 18 — 1 : 1

1. Ручка ножа, деревянная.
2. Ручка ножа, из моржового клыка.
3. Ручка ножа, из моржового клыка.
4. Ручка ножа, из моржового клыка.
5. Ручка ножа, из моржового клыка.
6. Ручка ножа, из моржового клыка.
7. Фигурка человека, из моржового клыка.
8. Фигурка белого медведя, из моржового клыка.
9. Подвеска, деревянная.
10. Голова человека, из моржового клыка.
11. Пуговка или бусина, из моржового клыка.
12. Пуговка или бусина, из моржового клыка.
13. Скребок для снятия жира, из моржового клыка.
14. Навершие, из моржового клыка.
15. Трубочка, из моржового клыка.
16. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
17. Закрутка (?), из моржового клыка.
18. Предмет неизвестного назначения, из моржового клыка.
19. Скребок для снятия жира, из моржового клыка.
20. Застежка (?), из моржового клыка.
21. Застежка, костяная.
22. Ручка женского мешка, из моржового клыка.
23. Застежка тягового линя, из моржового клыка.
24. Орнаментированный предмет, из моржового клыка.
25. Дощечка для орнаментации керамики, из моржового клыка.

ТАБЛИЦА 5

РАСКОПКИ ЖИЛИЩА В УЭЛЕНЕ

1 : 2

1. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
2. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
3. Наконечник гарпуна, костяной.
4. Наконечник гарпуна, костяной.
5. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
6. Наконечник китового гарпуна, из моржового клыка.
7. Головка древка гарпуна, из моржового клыка.
8. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
9. Модель лука, деревянная.
10. Часть сложного лука, деревянная.
11. Передний конец стрелы, деревянный.
12. Передний конец стрелы, деревянный.
13. Наконечник стрелы, из моржового клыка.
14. Наконечник стрелы, из моржового клыка.
15. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
16. Головка древка гарпуна, из моржового клыка.
17. Стержень деревянный для добывания огня.
18. Закрепка поплавковая, деревянная.
19. Задний конец стрелы, деревянный.
20. Накладка сверлильная, каменная.
21. Зубец остроги, из моржового клыка.
22. Клин, из моржового клыка.
23. Клин, из моржового клыка.
24. Грузило к сети, из моржового клыка.
25. Клинок ножа, из моржового клыка.

ТАБЛИЦА 6

РАСКОПКИ ЖИЛИЩА В УЭЛЕНЕ

1 : 2

1. Обойма для тесла, роговая.
2. Обойма для тесла, костяная.
3. Клинок ножа из окремнелого туфа, не законченный обработкой.
4. Фрагмент сланцевого ножа.
5. Женский нож, из глинистого сланца.
6. Лодочный багор (?), из моржового клыка.
7. Ручка ножа, костяная.
8. Деревянное донце сосуда, из китового уса.
9. Фрагмент деревянного сосуда ручка.
10. Деревянная модель каяка.
11. Костяное украшение.
12. Костяное украшение.
13. Ложка, костяная.
14. Фигурка человека, вырезанная из лиственничной коры.
15. Фигурка лисы, из моржового клыка.
16. Ручка ножа, деревянная.
17. Панцырная пластина, костяная.
18. Панцырная пластина, костяная.
19. Подшивка под киль умнака, костяная.
20. Спиночесалка, из моржового клыка.
21. Гвоздь (?), деревянный.
22. Спиночесалка, из китового уса.
23. Блок, из моржового клыка, оснастка умнака.

ТАБЛИЦА 7

РАЙОН МЫСА ДЕЖНЕВА

1 : 2

1. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
2. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
3. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
4. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
5. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
6. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
7. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
8. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
9. Наконечник гарпуна, костяной.
10. Наконечник гарпуна, роговый.
11. Фрагмент наконечника гарпуна, из моржового клыка.
12. Поврежденный наконечник гарпуна, из моржового клыка.
13. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
14. Заготовка для наконечника гарпуна.
15. Заготовка для наконечника гарпуна.
16. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
17. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
18. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
19. Наконечник гарпуна, из оленьего рога.
20. Фрагмент наконечника гарпуна из моржового клыка.
21. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
22. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
23. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
24. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
25. Фрагмент наконечника гарпуна, из моржового клыка.

ТАБЛИЦА 8

РАЙОН МЫСА ДЕЖНЕВА

1 : 2

1. Наконечник китового гарпуна, из моржового клыка.
2. Колок для насада наконечника гарпуна, из моржового клыка.
3. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
4. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
5. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
6. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
7. Сколка для ран, из моржового клыка.
8. Лодочный багор, из моржового клыка.
9. Центральный наконечник птичьего дротика, из моржового клыка.
10. Центральный наконечник птичьего дротика, из моржового клыка.
11. Зубец остроги, из моржового клыка.
12. Зубец остроги, из моржового клыка.
13. Наконечник дротика или остроги, из моржового клыка.
14. Наконечник копья, из глинистого сланца.
15. Наконечник копья, из окремнелого туфа.
16. Женский нож в рукоятке из моржового клыка.
17. Нож, сланцевый.
18. Нож, кремневый

ТАБЛИЦА 9

РАЙОН МЫСА ДЕЖНЕВА

1 : 2

1. Ручка ножа, костяная. Дежнево
2. Скобель, кремнистый сланец Дежнево.
3. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
4. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
5. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
6. Головка китового гарпуна (?), из моржового клыка
7. Лопаточка, из моржового клыка
8. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
9. Фигурка медведя, из моржового клыка.
10. Предмет неизвестного назначения, из моржового клыка. Наукан.
11. Крылатый предмет, из моржового клыка. Дежнево.

ТАБЛИЦА 10

РАСКОПКИ В НАУКАНЕ

1 : 2

1. Наконечник гарпуна, костяной.
2. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
3. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
4. Кольцо сланцевое наконечника китового гарпуна.
5. Кольцо наконечника гарпуна, сланцевое.
6. Колок для насада наконечника гарпуна, из моржового клыка.
7. Головка древка гарпуна, из моржового клыка.
8. Ледовая пешня гарпунная, и моржового клыка.
9. Наконечник стрелы, костяной
10. Наконечник стрелы, кремневый
11. Тесло, нефритовое.
12. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
13. Защитный наручник, из китового уса.
14. Стрела, деревянная.
15. Грузило, из моржового клыка.
16. Кирка-мотыга, костяная.
17. Тесло, сланцевое.
18. Тесло, из оленьего рога.
19. Грузило к сети, из моржового клыка.
20. Скобель сланцевый в деревянной рукоятке.

ТАБЛИЦА 11

РАСКОПКИ В НАУКАНЕ

1 : 2

1. Нож, кремневый.
2. Нож, сланцевый.
3. Нож, сланцевый
4. Фрагмент сланцевого ножа.
5. Ручка ножа, деревянная.
6. Стержень деревянный для добывания огня.
7. Шило, из моржового клыка
8. Перка дриля, костяная.
9. Мундштук к поплавку гарпунному, из моржового клыка.
10. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
11. Упор для пальца гарпунный, и моржового клыка.
12. Ручка женского ножа, деревянная.
13. Накладка сверлильная, из моржового клыка.
14. Жужжалка из китового уса.
15. Блок, из моржового клыка.
16. Блок, из моржового клыка.
17. Накладка сверлильная, из моржового клыка.
18. Накладка сверлильная, из моржового клыка.
19. Дощечка для добывания огня трением.
20. Ковш-уполовник, деревянный
21. Черпак-ложка, деревянная.
22. Поплавок, деревянный.
23. Ручка от бубна, костяная.
24. Ручка от бубна, костяная

ТАБЛИЦА 12

РАСКОПКИ В ЯНДЫГАЙ И НА ОСТРОВЕ АРАКАМЧЕЧЕНЕ

№ 1—20, 23—25 и 27,— 1 : 2; № 21, 22, 26 и 28 — 1 : 4

1. Наконечник стрелы, костяной. Яндыгай.
2. Наконечник стрелы, из моржового клыка Яндыгай.
3. Фрагмент стрелы, деревянный Яндыгай.
4. Наконечник гарпуна, костяной Яндыгай.
5. Грузило для удочки, из моржового клыка. Яндыгай.
6. Кирка-мотыга, из моржового клыка. Яндыгай

7. Ручка, костяная. Яндыгай.
8. Наконечник китового гарпуна, из моржового клыка. О. Аракамчечен.
9. Наконечник гарпуна, костяной. О. Аракамчечен.
10. Лучок сверлильный, роговой. Яндыгай.
11. Гребень, из моржового клыка. Яндыгай.
12. Ручка женского ножа, деревянная. Яндыгай.
13. Ручка женского ножа, деревянная. Яндыгай.
14. Застежка, из моржового клыка. О. Аракамчечен.
15. Грузик птичьей бола, из моржового зуба. О. Аракамчечен.
16. Клин, из моржового клыка. О. Аракамчечен.
17. Центральный наконечник остроги, из моржового клыка. О. Аракамчечен.
18. Боковой зубец остроги, из моржового клыка. О. Аракамчечен.
19. Скобель, костяной. О. Аракамчечен.
20. Наконечник гарпуна, из моржового клыка. О. Аракамчечен.
21. Кирка, костяная. О. Аракамчечен.
22. Мотыга, костяная. О. Аракамчечен.
23. Ручка женского ножа, костяная. О. Аракамчечен.
24. Шило, из моржового клыка. О. Аракамчечен.
25. Шило, из моржового клыка О. Аракамчечен.
26. Грузило к сачку, гранитное. О. Аракамчечен.
27. Ручка бубна, костяная. О. Аракамчечен.
28. Подшивка под киль умиака, костяная. О. Аракамчечен.

ТАБЛИЦА 13

РАСКОПКИ У МЫСА ЧАПЛИНА

1:2

1. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
2. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
3. Наконечник гарпуна, костяной.
4. Наконечник гарпуна, костяной.
5. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
6. Головка древка гарпуна, из моржового клыка.
7. Наконечник китового гарпуна, из моржового клыка.
8. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
9. Наконечник стрелы, из моржового клыка.
10. Наконечник стрелы, костяной.
11. Наконечник стрелы, костяной.
12. Закрутка, деревянная.
13. Тупой наконечник стрелы, костяной.
14. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
15. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
16. Защитный наручник, костяной.
17. Часть сложного лука, костяная.
18. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
19. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
20. Наконечник гарпуна, костяной.
21. Жальце рыболовного крючка, из моржового клыка.
22. Лопаточка, из моржового клыка.
23. Костяная пластина, часть сложного лука.
24. Челнок для плетения сетей, костяной.
25. Костяная ручка женского ножа.

ТАБЛИЦА 14

РАСКОПКИ У МЫСА ЧАПЛИНА

1:2

1. Наконечник копья, кремневый.
2. Нож, из окремнелого туфа.
3. Женский нож, сланцевый.
4. Ручка ножа, костяная.
5. Ледовая подковка, из моржового клыка.
6. Незаконченный клинок ножа, сланцевый.
7. Фрагмент ручки ножа, костяной.
8. Скобель, костяной.
9. Тесло, каменное.
10. Ледовая подковка, из моржового клыка.
11. Брусок, из песчаника.
12. Ложка, из оленьего рога.
13. Ложка, из оленьего рога.
14. Нож, из моржового клыка.
15. Нож, костяной.
16. Наконечник дротика, костяной.
17. Ручка ножа, костяная.
18. Ручка ножа, из оленьего рога.
19. Ручка ножа, из оленьего рога.
20. Шило-проколка, костяное.

ТАБЛИЦА 15

РАСКОПКИ У МЫСА ЧАПЛИНА

1:4

1. Снаряд для добывания морской капусты.
2. Кирка-мотыга, из оленьего рога.
3. Кирка-мотыга, костяная.
4. Мотыга, из моржового клыка.
5. Клин, из моржового клыка.

6. Мотыга, из моржового клыка.
7. Молоток, гранитный.
8. Коробочка, из китового уса.
9. Донце коробочки из китового уса.
10. Лучок сверлильный, костяной.
11. Молоток, из моржового клыка.
12. Полоз салазок, из моржового клыка.
13. Полоз салазок, из моржового клыка.
14. Черпак, из отростка оленьего рога.
15. Крюк, из отростка оленьего рога.
16. Крюк, из отростка оленьего рога.
17. Подшивка под киль умиака, костяная.
18. Костяная лопата.
19. Панцырная пластина, костяная.

ТАБЛИЦА 16

РАСКОПКИ У МЫСА ЧАПЛИНА

1:2

1. Модель весла, деревянная.
2. Шило-проколка, костяное.
3. Шило-проколка, костяное
4. Игольник, костяной.
5. Блок, костяной.
6. Ручка от бубна, деревянная.
7. Ручка от бубна, костяная
8. Нож (?), из китового уса.
9. Плетенка, из китового уса
10. Спиночесалка, из моржового клыка.
11. Застежка, деревянная.
12. Фигурка медведя, из моржового клыка.
13. Клык собаки, подвеска.
14. Гребень, из моржового клыка.
15. Пластина панцырная, костяная.
16. Клык моржа, подвеска.
17. Клык медведя, подвеска.
18. Поплавок, деревянный.
19. Фигурка человека, вырезанная из коры.
20. Фигурка человека, деревянная.

ТАБЛИЦА 17

РАСКОПКИ В КИВАК И У МЫСА ЧУКОТСКОГО

№ 1—19, 21—23, 26 и 27- 1:2; № 20, 24, 25, 28 и 29—1:4

1. Наконечник стрелы, костяной. Кивак.
2. Наконечник дротика, из моржового клыка. Кивак.
3. Наконечник стрелы костяной. Кивак.
4. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка. Кивак.
5. Фрагмент наконечника копья, сланцевый. Кивак.
6. Клинок ножа, сланцевый. Кивак.
7. Клинок ножа, сланцевый. Кивак.
8. Клинок ножа, из окремнелого туфа. Кивак.
9. Клинок ножа, сланцевый. Кивак
10. Клинок ножа, сланцевый. Кивак.
11. Фрагмент женского ножа, сланцевый. Кивак.
12. Женский нож, сланцевый. Кивак.
13. Поплавочек, деревянный, красный. Кивак.
14. Фрагмент крылатого предмета, из моржового клыка. Кивак.
15. Черепок глиняного сосуда. Кивак.
16. Ложечка, костяная. Кивак.
17. Тесло, каменное. Мыс Чукотский.
18. Тесло, каменное. Мыс Чукотский.
19. Черепок глиняного сосуда. Кивак.
20. Крюк, из рога оленя. Кивак.
21. Тесло, нефритовое. Кивак.
22. Нож, кремневый. Мыс Чукотский.
23. Ручка, деревянная. Кивак.
24. Стержень дриля, из os penis моржа. Кивак.
25. Кирка-мотыга, из моржового клыка. Кивак.
26. Закрутка костяная в футляре. из китового уса. Мыс Чукотский.
27. Рыбка (?), из китового уса. Мыс Чукотский.
28. Полоз салазок, из моржового клыка. Кивак.
29. Клин, из моржового клыка. Мыс Чукотский.

ТАБЛИЦА 18

РАСКОПКИ В АВАНИ И В БУХТЕ ПЛОВЕР

№ 1—20, 22—24 — 1:2; № 21 — 1:4

1. Наконечник китового гарпуна, из моржового клыка. Авань.
2. Копьецо гарпунное, сланцевое Авань.
3. Нож, сланцевый. Авань.
4. Нож, сланцевый. Авань.
5. Пряжка, костяная. Авань.
6. Скребок, кремневый. Бухта Пловер.
7. Скребок, обсидиановый. Бухта Пловер.
8. Наконечник стрелы из окремнелого туфа. Бухта Пловер.
9. Нож, сланцевый. Бухта Пловер
10. Копьецо гарпунное, сланцевое Авань.
11. Нож, сланцевый. Авань.
12. Тесло, из песчаника. Авань.

13. Полоз салазок, из моржового клыка. Бухта Пловер.
14. Фрагмент стрелы, деревянный. Авань.
15. Плечевая кость собаки. Авань.
16. Женский нож, сланцевый. Авань.
17. Женский нож, сланцевый. Авань.
18. Снеговые очки, из моржового клыка. Авань.
19. Дощечка для добывания огня. Авань.
20. Узел, из китового уса. Авань.
21. Кирка-мотыга, костяная. Авань.
22. Панцырная пластина, костяная. Авань.
23. Черепок глиняного горшка. Авань.
24. Крюк, из оленьего рога. Авань.

ТАБЛИЦА 19

РАСКОПКИ В СИРЭНИК

1 : 2

1. Заготовка для наконечника гарпуна, из клыка моржа.
2. Заготовка для наконечника гарпуна, из клыка моржа.
3. Заготовка для наконечника гарпуна, из клыка моржа.
4. Заготовка для наконечника гарпуна, из клыка моржа.
5. Заготовка для наконечника гарпуна, из клыка моржа.
6. Незаконченный наконечник гарпуна, из клыка моржа.
7. Наконечник гарпуна, костяной
8. Наконечник гарпуна, костяной.
9. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
10. Наконечник гарпуна, из моржо вого клыка.
11. Наконечник гарпуна, костяной.
12. Фрагмент наконечника гарпуна, из моржового клыка.
13. Наконечник гарпуна, костяной.
14. Наконечник гарпуна, костяной.
15. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
16. Наконечник гарпуна, костяной.
17. Наконечник гарпуна, костяной.
18. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
19. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
20. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
21. Наконечник гарпуна, костяной.
22. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
23. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.

ТАБЛИЦА 20

РАСКОПКИ В СИРЭНИК

1 : 2

1. Копьецо гарпунное, сланцевое.
2. Копьецо гарпунное, сланцевое.
3. Копьецо гарпунное, сланцевое.
4. Копьецо гарпунное, из кремнистого сланца.
5. Копьецо гарпунное, сланцевое.
6. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
7. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
8. Ледовая пешня гарпунная, костяная.
9. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
10. Копьецо гарпунное, сланцевое.
11. Копьецо гарпунное, сланцевое.
12. Копьецо гарпунное, сланцевое.
13. Ледовая пешня (?), из моржового клыка.
14. Колок для наконечника гарпуна из моржового клыка.
15. Колок для наконечника гарпуна из моржового клыка.
16. Тюлений скребок, деревянный.
17. Затычка для раны, деревянная.
18. Затычка для раны, деревянная.
19. Затычка для раны, деревянная.
20. Пробка от гарпунного поплавка, деревянная.
21. Пробка от гарпунного поплавка, деревянная.
22. Ручка к гарпунному поплавку, деревянная.
23. Наконечник копья, из окремнелого туфа.
24. Наконечник копья, сланцевый.
25. Фрагмент наконечника копья, сланцевый.
26. Фрагмент наконечника копья, сланцевый.
27. Обломок дротикометалки, деревянный.

ТАБЛИЦА 21

РАСКОПКИ В СИРЭНИК

1 : 2

1. Обломок игрушечного деревянного лука.
2. Модель лука, из китового уса.
3. Модель лука, деревянная.
4. Защитный наручник, костяной.
5. Защитный наручник, из моржового клыка.
6. Защитный наручник, из моржового клыка.
7. Защитный наручник, костяной.
8. Защитный наручник, из моржового клыка.
9. Закрутка, деревянная.
10. Часть сложного лука, деревянного.
11. Фрагмент стрелы, дерево.
12. Фрагмент стрелы, кость.
13. Фрагмент стрелы, дерево.

14. Фрагмент стрелы, дерево.
15. Фрагмент стрелы, дерево.
16. Наконечник стрелы, костяной.
17. Наконечник стрелы, костяной.
18. Наконечник стрелы, костяной.
19. Наконечник стрелы, костяной.
20. Наконечник стрелы, костяной.
21. Наконечник стрелы, костяной
22. Наконечник стрелы, костяной
23. Наконечник стрелы, костяной
24. Наконечник стрелы, костяной
25. Наконечник стрелы, костяной
26. Наконечник стрелы, костяной

ТАБЛИЦА 22

РАСКОПКИ В СИРЭНИК

1:2

1. Заготовка тупого наконечника стрелы, костяная.
2. Наконечник стрелы, костяной.
3. Наконечник стрелы, костяной.
4. Наконечник стрелы, костяной.
5. Тупой наконечник стрелы, из моржового клыка.
6. Тупой наконечник стрелы, из моржового клыка.
7. Тупой наконечник стрелы, из моржового клыка.
8. Наконечник стрелы, костяной.
9. Наконечник стрелы, костяной.
10. Модель стрелы, деревянная.
11. Модель стрелы, деревянная.
12. Модель стрелы, деревянная.
13. Наконечник остроги, костяной.
14. Крючок рыболовный, костяной.
15. Центральный наконечник птичьего дротика, из моржового клыка.
16. Центральный наконечник птичьего дротика, из моржового клыка.
17. Боковой зубец птичьего дротика, из моржового клыка.
18. Центральный наконечник птичьего дротика, из моржового клыка.
19. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
20. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
21. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
22. Поплавочек, деревянный.
23. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
24. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
25. Наконечник гарпуна, костяной.
26. Стержень рыболовного крючка, деревянный.
27. Стержень рыболовного крючка, костяной.
28. Жальце рыболовного крючка, из моржового клыка.
29. Жальце рыболовного крючка, костяное.
30. Петля, из китового уса.
31. Наконечник остроги, костяной
32. Наконечник остроги, костяной.
33. Наконечник остроги, костяной.
34. Наконечник остроги, из моржового клыка.
35. Обломок наконечника остроги, из моржового клыка.
36. Бородка сложной остроги, костяная.
37. Бородка сложной остроги, костяная.
38. Бородка сложной остроги, костяная.
39. Наконечник остроги, из моржового клыка.
40. Наконечник остроги, костяной.

ТАБЛИЦА 23

РАСКОПКИ В СИРЭНИК

1:2

1. Сеть, из китового уса.
2. Сеть, из китового уса.
3. Перка дриля, костяная.
4. Перка дриля, из моржового клыка.
5. Перка дриля, из моржового клыка.
6. Нож, из моржового клыка.
7. Нож, из моржового клыка.
8. Ручка, из моржового клыка.
9. Стержень дриля, деревянный.
10. Деревянный стержень дриля, с костяной перкой.
11. Игольник, костяной.
12. Стержень дриля, с железной перкой.
13. Нож, костяной.
14. Нож, костяной.
15. Грузило к удочке, из моржового клыка.
16. Грузило к удочке, из моржового клыка.
17. Грузило к удочке, из моржового клыка.
18. Грузило к удочке, из моржового клыка.
19. Круг из китового уса для ледовой палки.
20. Грузило к сети, из моржового клыка.
21. Грузило к сети, из моржового клыка.
22. Грузило к сети, из моржового клыка.
23. Стержень деревянный для добывания огня.
24. Стержень деревянный для добывания огня.
25. Лучок сверлильный, деревянный.
26. Лучок сверлильный, костяной

ТАБЛИЦА 24

РАСКОПКИ В СИРЭНИК

1:2

1. Тесло, из окремнелого туфа.
2. Тесло, из кремнистого сланца.
3. Тесло, из окремнелого туфа.
4. Тесло, из окремнелого туфа.
5. Обойма для тесла, костяная.
6. Скребок, из окремнелого туфа.
7. Скребок, кремневый.
8. Пластина, кремневая.

9. Отщеп, кремневый.
10. Двойное скребло, из кремнистого сланца.
11. Скребок, из окремнелого туфа.
12. Скребок высокой формы, кремневый.
13. Двойной скребок, кремневый.
14. Пластина, кремневая.
15. Пластина, кремневая.
16. Пластина, из кремнистого сланца.
17. Провертка, из окремнелого туфа.
18. Провертка, из окремнелого туфа.
19. Провертка, из окремнелого туфа
20. Провертка, кремневая.
21. Перка дриля, из окремнелого туфа.
22. Обломок перки дриля, кремневый.
23. Вогнутый скребок, кремневый.
24. Отщеп, обсидиановый.
25. Скребок вогнутый, кремневый.
26. Боковой скребок, обсидиановый.
27. Отщеп, обсидиановый.
28. Отщеп, из кремнистого сланца.
29. Скребок высокой формы, кремневый.
30. Вогнутый скребок, обсидиановый.
31. Отжимник, костяной.
32. Копьецо наконечника стрелы, из кремнистого сланца.
33. Вкладыш наконечника гарпуна из кремнистого сланца.
34. Вкладыш наконечника гарпуна, кремневый.
35. Обойма для тесла, костяная.
36. Нож, боковой вкладыш, кремневый.
37. Нож, из кремнистого сланца.
38. Нож, боковой вкладыш, кремневый.
39. Нож, боковой вкладыш, и окремнелого туфа.
40. Нож, боковой вкладыш, кремневый

ТАБЛИЦА 25

РАСКОПКИ В СИРЭНИК

1:2

1. Нож, сланцевый в деревянной ручке.
2. Нож, сланцевый.
3. Нож, сланцевый.
4. Нож, сланцевый.
5. Нож, сланцевый.
6. Нож, сланцевый.
7. Нож, сланцевый.
8. Наконечник копья, сланцевый.
9. Наконечник копья, сланцевый.
10. Нож, сланцевый.
11. Нож, сланцевый.
12. Нож, сланцевый.
13. Нож, сланцевый.
14. Нож, сланцевый.
15. Женский нож в деревянной рукоятке.
16. Ручка ножа, костяная.
17. Ручка ножа, костяная.
18. Ручка ножа, костяная.
19. Ручка ножа, костяная
20. Ручка ножа, костяная
21. Ручка ножа, костяная
22. Ручка женского ножа, костяная
23. Нож женский, сланцевый.
24. Ручка женского ножа, деревянная.
25. Нож женский, сланцевый
26. Ручка ножа, деревянная.
27. Ручка ножа, деревянная.
28. Ручка ножа, деревянная.
29. Нож, костяной.
30. Нож женский, сланцевый
31. Нож женский, сланцевый.
32. Нож женский, сланцевый.
33. Нож женский, сланцевый.
34. Ручка женского ножа, деревянная.
35. Ручка ножа, деревянная

ТАБЛИЦА 26

РАСКОПКИ В СИРЭНИК

1:2

1. Ручка женского ножа, деревянная.
2. Ручка женского ножа, деревянная.
3. Ручка женского ножа, деревянная.
4. Ручка женского ножа, деревянная.
5. Ручка женского ножа, деревянная.
6. Донце деревянное от сосуда из китового уса.
7. Ложка, деревянная.
8. Ложка, костяная.
9. Ложка, костяная.
10. Ложка, из оленьего рога.
11. Донце деревянное от сосуда из китового уса.
12. Ручка ведерка, из ребра нерпы.
13. Ручка ведерка, из моржового клыка.
14. Ручка ведерка, деревянная
15. Ручка ведерка, деревянная.
16. Уполовник, костяной.
17. Решето, из китового уса.
18. Штамп, костяной.
19. Дощечка для орнаментации керамики, из моржового клыка.
20. Черепок глиняного сосуда.
21. Черепок глиняного сосуда.
22. Черепок глиняного сосуда.
23. Черепок глиняного сосуда.
24. Черепок глиняного сосуда

ТАБЛИЦА 27

РАСКОПКИ В СИРЭНИК

1:2

1. Ледовая подковка, из моржового клыка.
2. Застежка, из моржового клыка.
3. Застежка, костяная.
4. Застежка, деревянная.
5. Стержень вертлюга, из моржового клыка.

6. Стержень вертлюга, из моржового клыка.
7. Поперечная перекладина модели умиака, деревянная.
8. Поперечная перекладина модели умиака, деревянная.
9. Модель умиака, из моржового клыка.
10. Модель умиака, деревянная.
11. Модель лодки, из лиственничной коры.
12. Провертка, костяная.
13. Шило, костяное.
14. Шило, из моржового клыка.
15. Шило, из моржового клыка.
16. Шило, костяное.
17. Стержень, из моржового клыка.
18. Игла, костяная.
19. Игла, костяная.
20. Шило-провертка, костяное.
21. Шило, из моржового клыка.
22. Шило, из моржового клыка.
23. Закреп тягового линя, из моржового клыка.
24. Закреп тягового линя, из моржового клыка.
25. Закреп тягового линя, из моржового клыка.
26. Закреп тягового линя, из моржового клыка.
27. Закреп тягового линя, из моржового клыка.
28. Закреп тягового линя, костяной.
29. Лодочный багор, из моржового клыка.
30. Лодочный багор, из моржового клыка.
31. Лодочный багор, из моржового клыка.

ТАБЛИЦА 28

РАСКОПКИ В СИРЭНИК

№№ 1—6, 8—24—1:4; № 7—1:6

1. Грузило к сачку, гранитное.
2. Мотовило, из оленьего рога.
3. Сачок ледовый, из оленьего рога.
4. Молоток, из оленьего рога.
5. Молоток, из os penis моржа.
6. Мотыга, костяная.
7. Мотыга, из моржового клыка.
8. Кирка-мотыга, из моржового клыка.
9. Кирка-мотыга, из моржового клыка.
10. Мотыга, из моржового клыка.
11. Мотыга, из моржового клыка.
12. Клин, из моржового клыка.
13. Тесло, костяное.
14. Донце деревянное от сосуда, и китового уса.
15. Сосуд, из китового уса.
16. Крюк, из оленьего рога.
17. Крюк, из оленьего рога.
18. Полоз деревянный от нарты.
19. Полоз салазок, из моржового клыка.
20. Полоз салазок, из моржового клыка.
21. Полоз салазок, из моржового клыка.
22. Полоз салазок, из моржового клыка.
23. Полоз салазок, из моржового клыка.
24. Полоз салазок, из моржового клыка.

ТАБЛИЦА 29

РАСКОПКИ В СИРЭНИК

1:2

1. Пряжка, из моржового клыка.
2. Бусина, из моржового клыка.
3. Пуговица, из моржового клыка.
4. Наперсткодержатель, из моржового клыка.
5. Орнамент на пластинке, из моржового клыка.
6. Фигурка птицы, из моржового клыка.
7. Фигурка птицы, из моржового клыка.
8. Изображение рыбы, из моржового клыка.
9. Тюлень, из моржового клыка.
10. Тюлень, из моржового клыка.
11. Лисица, из моржового клыка.
12. Двухголовая собака, из моржового клыка.
13. Кит, из моржового клыка.
14. Лисица, из моржового клыка.
15. Белый медведь, из моржового клыка.
16. Тюлень, из моржового клыка
17. Кит, из моржового клыка.
18. Кит, из моржового клыка.
19. Костяной амулет.
20. Костяной амулет.
21. Орнамент на пластине, из моржового клыка.
22. Орнаментированная пластина, из моржового клыка.
23. Орнамент, из моржового клыка.
24. Трезубец, из моржового клыка.
25. Ручка бубна, из моржового клыка.
26. Орнамент на пластине, из моржового клыка.
27. Орнамент на пластине, из моржового клыка.
28. Орнаментированная ручка, из моржового клыка.
29. Орнаментированная ручка, из моржового клыка

ТАБЛИЦА 30

РАСКОПКИ В СИРЭНИК

1:2

1. Моржовый клык.
2. Моржовый клык.
3. Моржовый клык.
4. Мениск позвонка, китовый.
5. Большая берцовая кость птицы
6. Фаланга моржа.

7. Таранная кость моржа.
8. Мениск позвонка, китовый.
9. Узел из китового уса.
10. Скребок из нижней челюсти песца.
11. Клык медведя.
12. «Ложка», из китового уса.
13. Пластинка, из китового уса.
14. «Нож», из китового уса.
15. «Рыба», из китового уса.
16. «Рыба», из китового уса.
17. «Рыба», из китового уса.
18. Пластинка, из китового уса.
19. «Нож», из китового уса.
20. «Рыба», из китового уса.
21. «Нож», из китового уса.
22. Плетенка, из китового уса.

ТАБЛИЦА 31

РАСКОПКИ В НУНЛИГРАНЕ

Западное стойбище

1:2

1. Заготовка для наконечника гарпуна.
2. Незаконченный наконечник гарпуна, костяной.
3. Наконечник гарпуна, костяной.
4. Наконечник гарпуна, костяной.
5. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
6. Упор для пальца гарпунный, из моржового клыка.
7. Наконечник стрелы, костяной.
8. Тупой наконечник стрелы, костяной.
9. Тупой наконечник стрелы, костяной.
10. Штифтик упорный для гарпунометалки.
11. Защитный наручник, из моржового клыка.
12. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
13. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
14. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
15. Фигурка тюленя, из моржового клыка.
16. Грузик птичьей бола, из зуба моржа.
17. Незаконченный наконечник стрелы, из моржового клыка.
18. Тупой наконечник стрелы, из моржового клыка.
19. Тупой наконечник стрелы, из моржового клыка.
20. Спиночесалка, из моржового клыка.
21. Стержень, из моржового клыка, неизвестного назначения.
22. Фигурка женщины, из моржового клыка.
23. Ковырялка костяная для извлечения костного мозга.
24. Шило, из моржового клыка.
25. Жальца рыболовных крючков, из моржового клыка.
26. Крючок рыболовный, из моржового клыка.
27. Ледовая пешня гарпунная, из os penis моржа.
28. Клин, из моржового клыка.
29. Гребень, из моржового клыка.
30. Стержень, из моржового клыка.
31. Игла, костяная.
32. Гребень, из моржового клыка.
33. Серьга, из моржового клыка.
34. Фигурка зайца, из моржового клыка.
35. Ложка, из моржового клыка.
36. Ручка женского ножа, из моржового клыка.
37. Женский нож, сланцевый.
38. Ручка ножа, костяная.
39. Ручка ножа, из моржового клыка.
40. Ручка ножа, из оленьего рога.
41. Ручка ножа, из оленьего рога.
42. Ручка ножа, из оленьего рога.

ТАБЛИЦА 32

РАСКОПКИ В НУНЛИГРАНЕ

Восточное стойбище

1:2

1. Наконечник гарпуна, костяной.
2. Кольцецо наконечника стрелы, из окремнелого туфа.
3. Клинок ножа, кремневый.
4. Долотце, из окремнелого туфа.
5. Перка дриля, кремневая
6. Отщеп, обсидиановый.
7. Отщеп, кремневый.
8. Отщеп, кремневый.
9. Клинок ножа, кремневый.
10. Ножевидный вкладыш, кремневый.
11. Отщеп, обсидиановый.
12. Отщеп, обсидиановый.
13. Перка дриля, кремневая.
14. Ножевидный вкладыш, кремневый.
15. Скребок, кремневый.
16. Скребок, обсидиановый.
17. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
18. Центральный наконечник птичьего дротика, из моржового клыка.
19. Наконечник стрелы, костяной.
20. Фрагмент наконечника стрелы, костяной.
21. Фрагмент наконечника дротика, из моржового клыка.
22. Шило, из моржового клыка.
23. Шило, из моржового клыка.
24. Перка дриля, из моржового клыка.
25. Перка дриля, из моржового клыка.
26. Наконечник дротика, из моржового клыка.
27. Моржовый зуб, амулет

28. Фрагмент древка стрелы.
29. Фрагмент древка стрелы.
30. Ручка ножа, из моржового клыка.
31. Ручка женского ножа, костяная.
32. Фрагмент женского ножа, сланцевый.
33. Обойма тесла, из оленьего рога.
34. Сосуд, из моржового клыка.
35. Фрагмент полоза салазок, из моржового клыка.

ТАБЛИЦА 33

РАСКОПКИ В ЭНМЫЛЕНЕ

1:2

1. Заготовка для наконечника гарпуна, костяная.
2. Заготовка для наконечника гарпуна, костяная.
3. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
4. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
5. Наконечник гарпуна, костяной.
6. Фрагмент наконечника гарпуна, из моржового клыка.
7. Наконечник гарпуна, костяной.
8. Наконечник гарпуна, костяной.
9. Наконечник стрелы, костяной.
10. Наконечник гарпуна, костяной.
11. Наконечник гарпуна, костяной.
12. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
13. Наконечник гарпуна, костяной.
14. Наконечник гарпуна, костяной.
15. Головка древка гарпуна, из моржового клыка
16. Головка древка гарпуна, из моржового клыка.
17. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
18. Наконечник дротика, из моржового клыка.
19. Наконечник остроги, костяной, незаконченный.
20. Наконечник стрелы, костяной.
21. Наконечник стрелы, костяной.
22. Наконечник стрелы, из моржового клыка.
23. Наконечник стрелы, костяной.
24. Фрагмент наконечника стрелы, костяной.
25. Защитный наручник, из моржового клыка.
26. Наконечник дротика, из моржового клыка.
27. Нож, из моржового клыка

ТАБЛИЦА 34

РАСКОПКИ В ЭНМЫЛЕНЕ

1:2

1. Жальце рыболовного крючка, из моржового клыка.
2. Наперсток, костяной.
3. Осколок, кремневый.
4. Осколок, кремневый.
5. Осколок, кремневый.
6. Осколок, из окремнелого туфа.
7. Скребок, кремневый.
8. Грузило к удочке, костяное.
9. Клинок ножа, из окремнелого туфа.
10. Клинок ножа, из окремнелого туфа.
11. Обломок кремневого ножа.
12. Обломок ножа, из окремнелого туфа.
13. Кремневое копьецо наконечника стрелы.
14. Копьецо гарпунное, кремневое.
15. Долотце, из окремнелого туфа.
16. Скребок, кремневый.
17. Клинок ножа, сланцевый.
18. Клинок ножа, сланцевый.
19. Сланцевое копьецо наконечника стрелы.
20. Клинок ножа, сланцевый.
21. Наконечник китового копья сланцевый.
22. Скобель, из окремнелого туфа
23. Женский нож, сланцевый.
24. Женский нож, сланцевый.
25. Женский нож, сланцевый.
26. Клин, из моржового клыка.
27. Шило, костяное.
28. Шило, из моржового клыка.
29. Клин, из моржового клыка.
30. Тесло, из моржового клыка
31. Ручка ножа, костяная.
32. Ручка ножа, костяная.
33. Шило, костяное.
34. Шило, из моржового клыка
35. Иголка, из моржового клыка

ТАБЛИЦА 35

РАСКОПКИ В ЭНМЫЛЕНЕ

1:2

1. Перка дриля, костяная.
2. Перка дриля, костяная.
3. Черпачок, костяной.
4. Скобель, из моржового клыка.
5. Осколок кости для извлечения мозга.
6. Осколок кости для извлечения мозга.
7. Деревянный предмет, назначение неизвестно.
8. Трубка, костяная
9. Подвеска, из моржового клыка.
10. Подвеска, из моржового клыка.
11. Пуговка-застежка, костяная.
12. Подвеска, из моржового клыка.
13. Брусок, точильный.
14. Брусок, деревянный.
15. Трубка, костяная.
16. Кольцо, из моржового клыка.
17. Клык собачий.
18. Пряжка, костяная.
19. Застежка, из моржового клыка.

20. Гравированная пластина, из моржового клыка.
21. Полоз салазок, из моржового клыка.
22. Ручка костяная.
23. Скобель, из моржового клыка.
24. Ручка бубна, из моржового клыка.
25. Ложка, костяная.
26. Гравированная пластина, костяная.
27. Панцырная пластина, костяная.
28. Трубка-игольник (?), из моржового клыка.
29. Ложка, из оленьего рога.
30. Нож, из моржового клыка.
31. Ложка, из оленьего рога.
32. Клык моржа.

ТАБЛИЦА 36

ЧУКОТСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

1 : 2

1. Фрагмент наконечника гарпуна, из моржового клыка.
2. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
3. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
4. Наконечник гарпуна, из моржового клыка.
5. Наконечник гарпуна, из оленьего рога.
6. Наконечник гарпуна, костяной.
7. Наконечник гарпуна, костяной.
8. Наконечник гарпуна, костяной.
9. Наконечник гарпуна, костяной.
10. Фрагмент китового наконечника гарпуна, из моржового клыка.
11. Копьецо гарпунное, сланцевое.
12. Копьецо гарпунное, сланцевое.
13. Тупой наконечник стрелы, костяной.
14. Центральный наконечник птичьего дротика, из моржового клыка.
15. Наконечник стрелы, костяной.
16. Наконечник стрелы, костяной.
17. Наконечник стрелы, костяной.
18. Наконечник стрелы, костяной.
19. Наконечник стрелы, костяной.
20. Наконечник стрелы, кремневый.
21. Наконечник стрелы, из дымчатого кварца.
22. Головка наконечника гарпуна, из моржового клыка.
23. Колок китового наконечника гарпуна, из моржового клыка.
24. Ледовая пешня гарпунная, из моржового клыка.
25. Закрутка, из моржового клыка.
26. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
27. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
28. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
29. Грузик птичьей бола, из моржового клыка.
30. Нуклеус, обсидиановый.
31. Тесло, нефритовое.
32. Грузило к сети, из моржового клыка.
33. Грузило к удочке, из глинистого сланца.
34. Грузило к удочке, из моржового клыка.
35. Грузило к удочке, из моржового клыка.
36. Тесло, из окремнелого туфа.
37. Тесло, нефритовое.
38. Наконечник дротика, из моржового клыка.

ТАБЛИЦА 37

ЧУКОТСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

№ 1, 4—23—1 : 2; № 3 и 4—1 : 3

1. Тесло нефритовое в роговой обойме.
2. Обойма для тесла, костяная.
3. Ручка мотыги, деревянная.
4. Ручка для тесла, из моржового клыка.
5. Тесло, из окремнелого туфа.
6. Скребок, из окремнелого туфа.
7. Скобель, из кремнистого сланца.
8. Нож, из дымчатого кварца.
9. Нож, кремневый.
10. Нож, из халцедона.
11. Нож, сланцевый.
12. Нож, сланцевый
13. Нож, из кремнистого сланца.
14. Нож, сланцевый.
15. Женский нож в костяной рукоятке.
16. Нож, сланцевый.
17. Женский нож, сланцевый.
18. Ножичек, нефритовый.
19. Молоток, из моржового клыка.
20. Гребень, из моржового клыка.
21. Гребень, из моржового клыка.
22. Нож сланцевый в костяной рукоятке.
23. Нож, сланцевый (китовый).

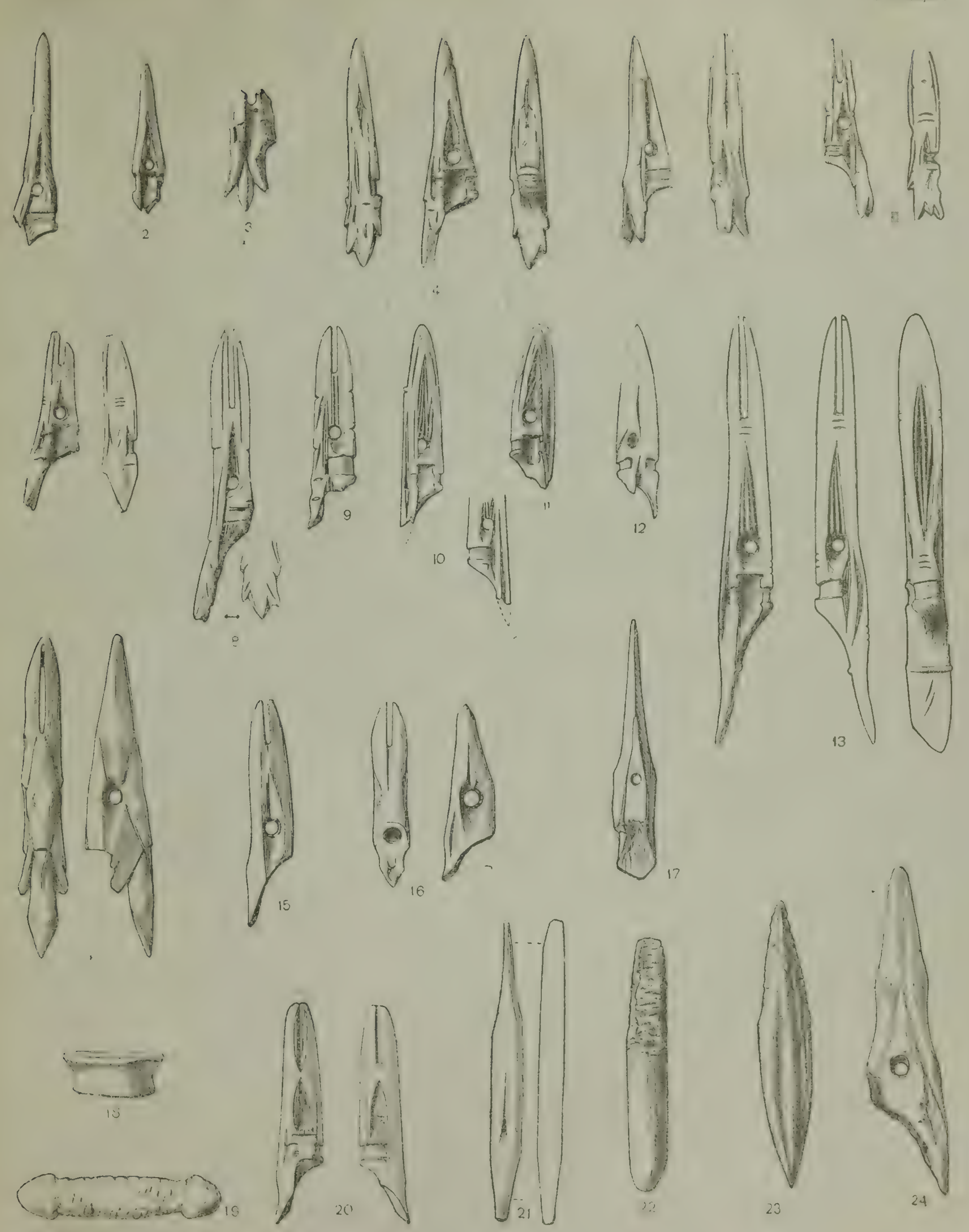
ТАБЛИЦА 38

ЧУКОТСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

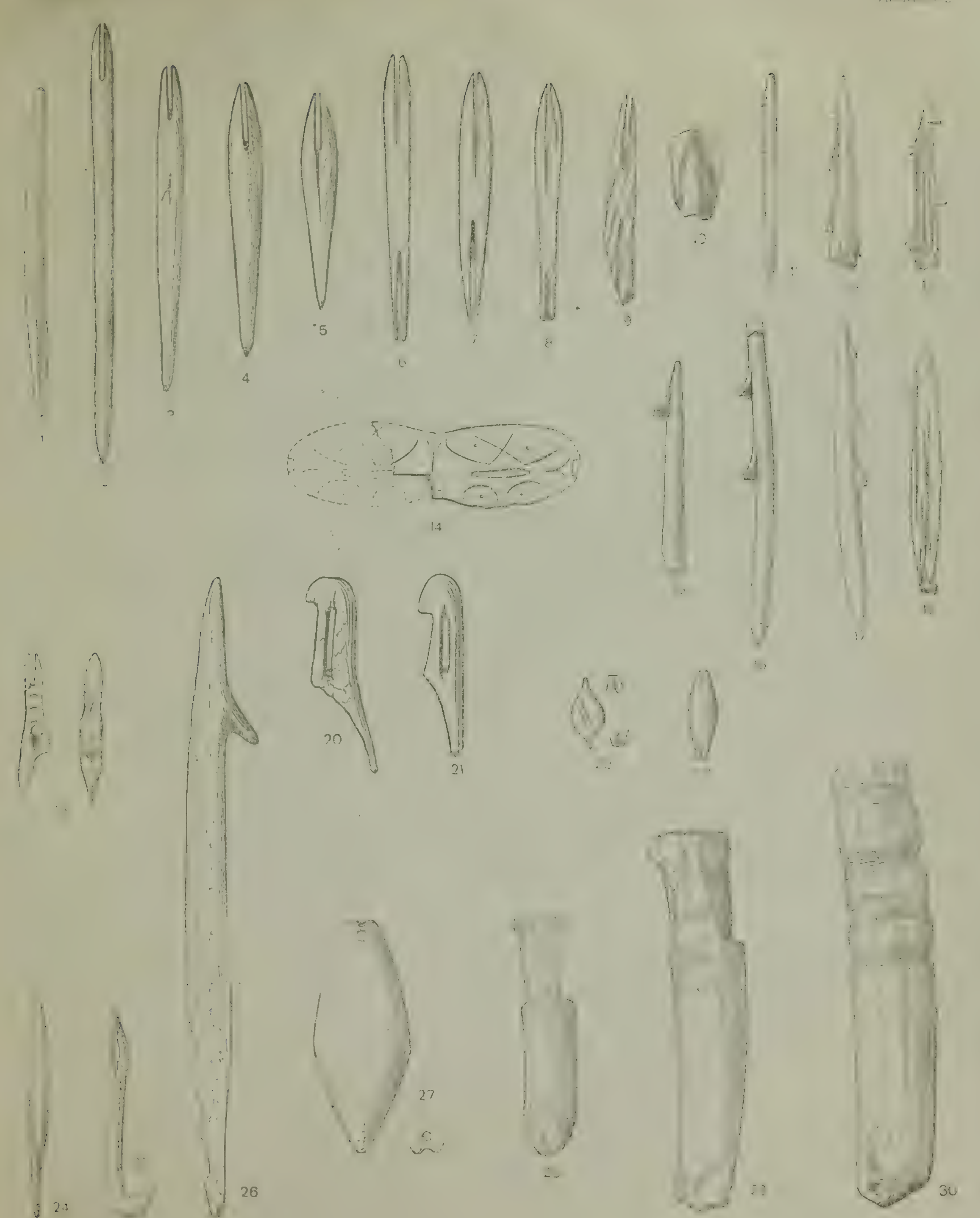
1 : 2

1. Резной колок, из моржового клыка.
2. Резной колок, из моржового клыка.
3. Крылатый предмет, из моржового клыка.
4. Клиновидный «церемониальный» предмет, из моржового клыка.
5. Пряжка, костяная.
6. Модель байдары гравированная из моржового клыка.

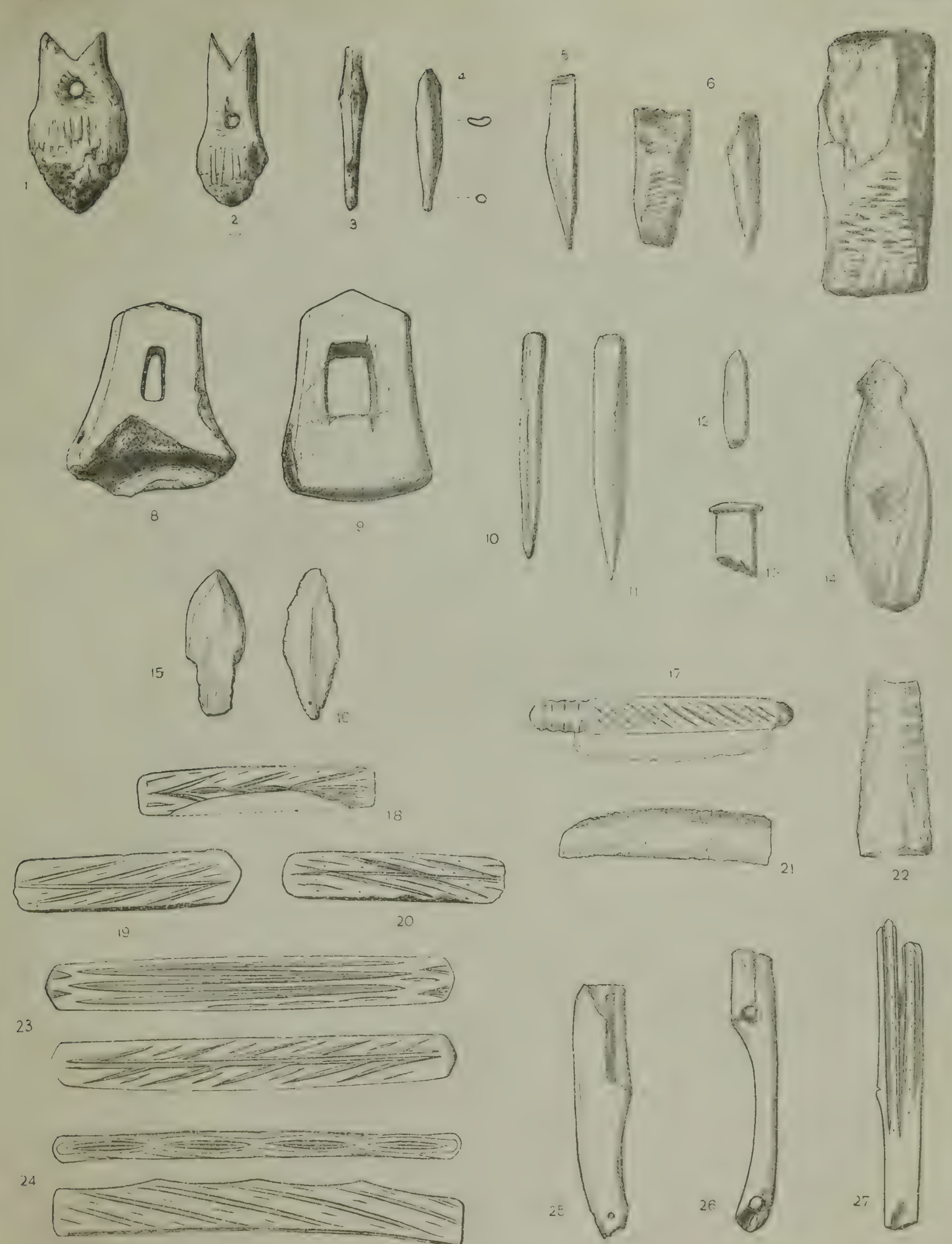
7. Снеговые очки, из моржового клыка.
8. Клык волка, гравированный.
9. Фигурка человека, из моржового клыка.
10. Фигурка человека, из моржового клыка.
11. Фигурка человека, из моржового клыка.
12. Наперсткодержатель, из моржового клыка.
13. Фрагмент костяного игольника.
14. Фигурка морского бобра, из моржового клыка.
15. Фигурка птицы, из моржового клыка.
16. Фигурка тюленя, из горной смолы.
17. Фигурка птицы, из моржового клыка.
18. Ложка, из моржового клыка.
19. Ручка бубна, из моржового клыка.
20. Ручка гравированная, из моржового клыка.
21. Дротикометалка, из моржового клыка.

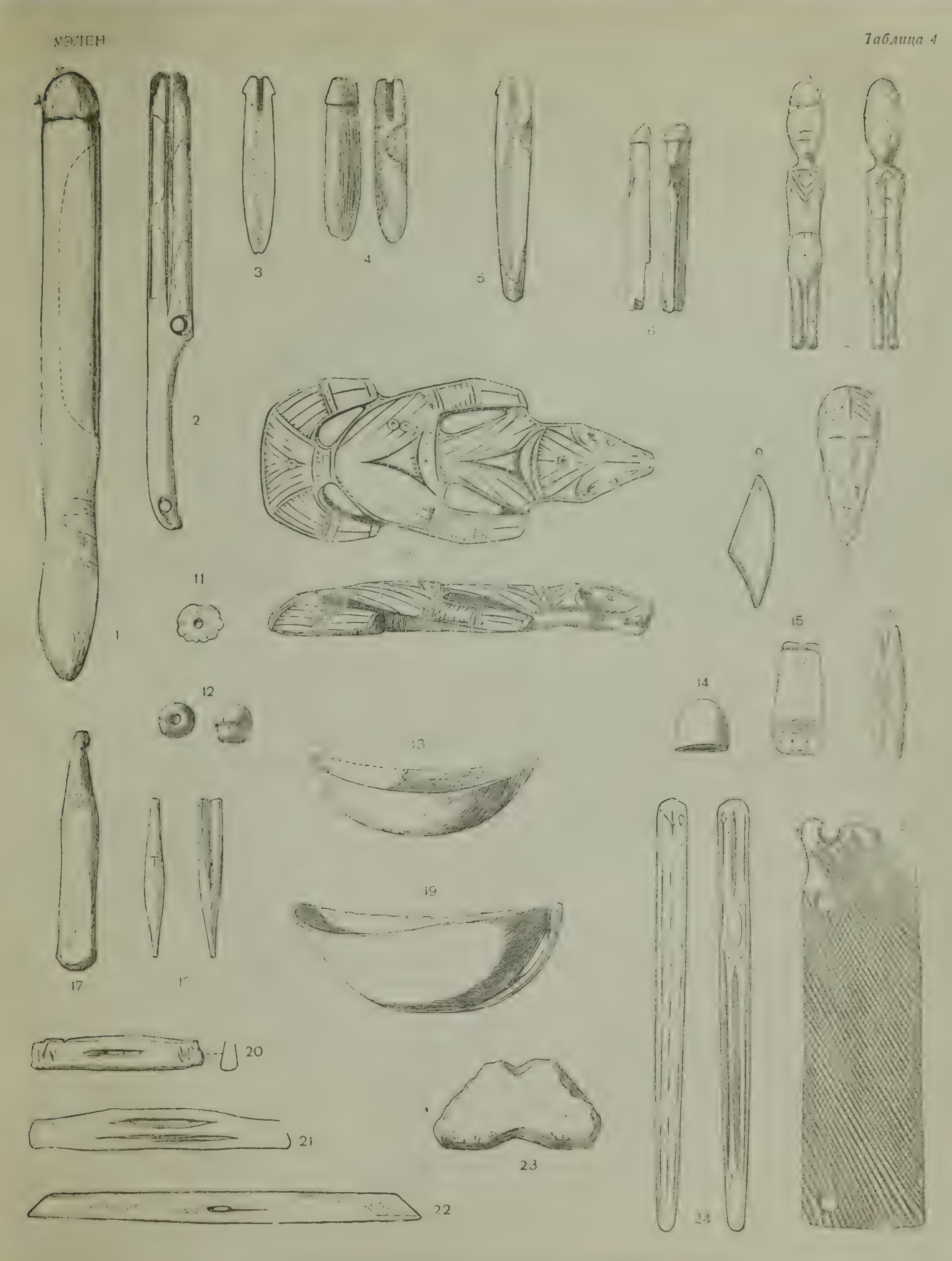
½ натуральной величины

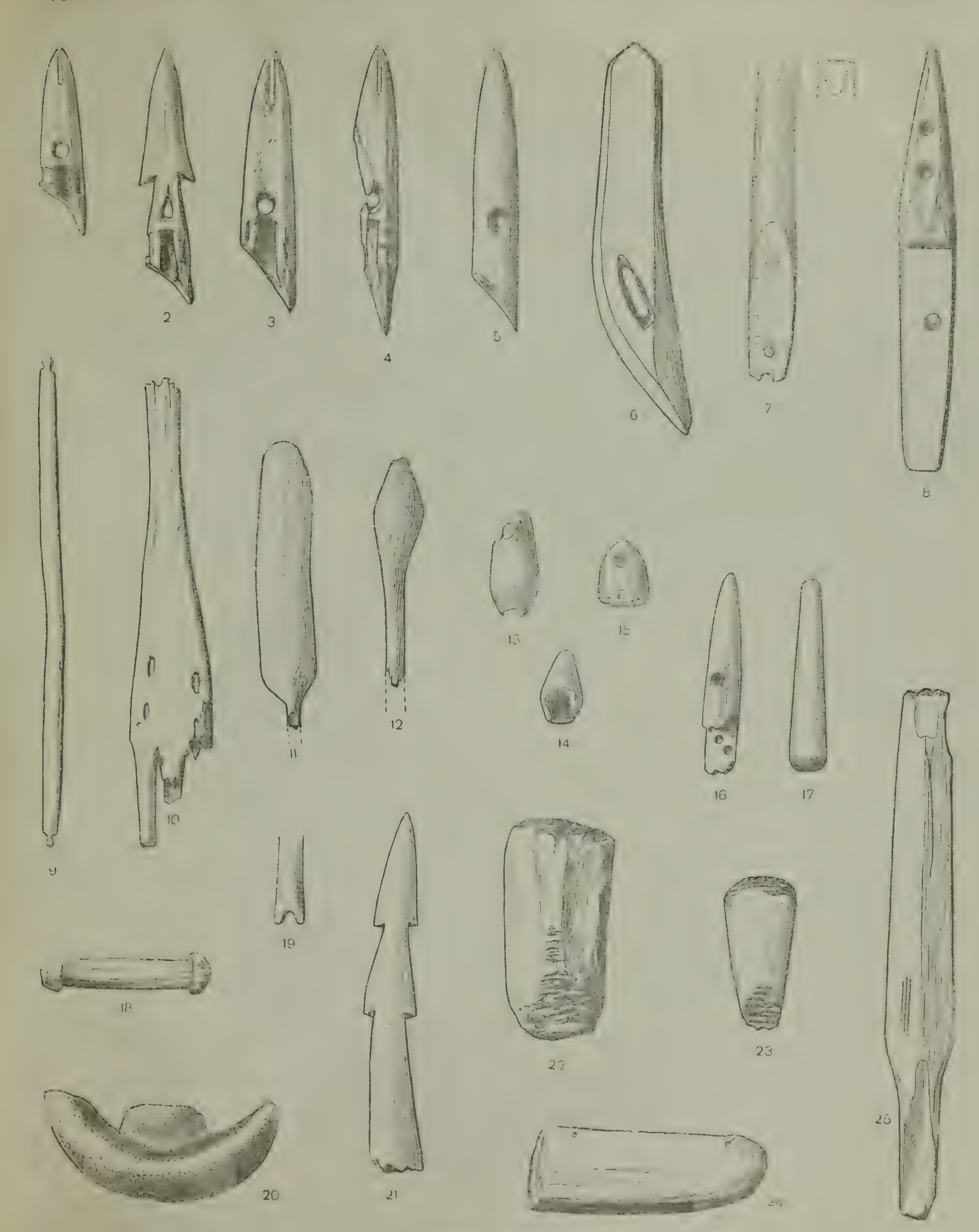
№ 1—27: ½ натуральной величины; № 28—30: [illegible] натуральной величины

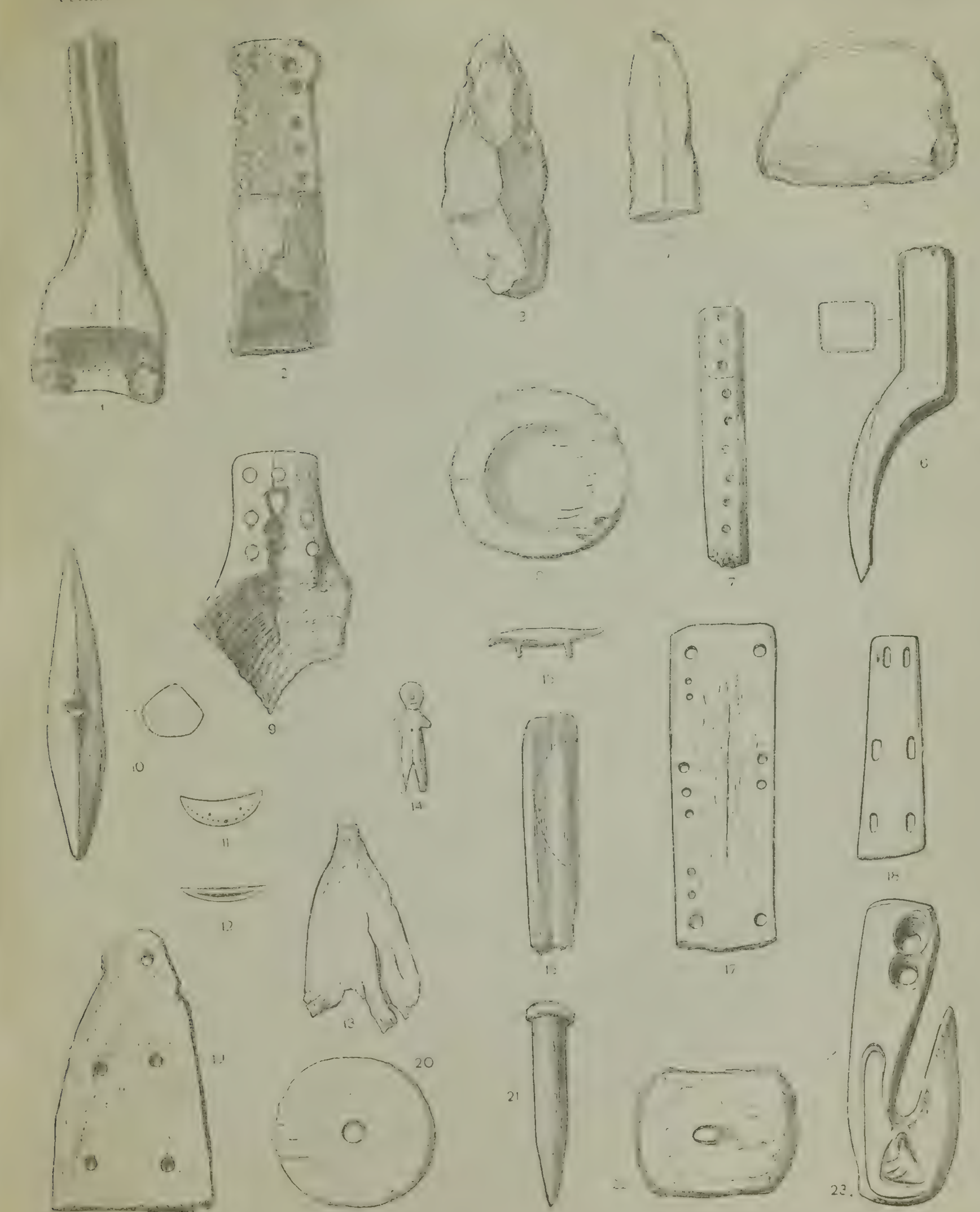
½ натуральной величины

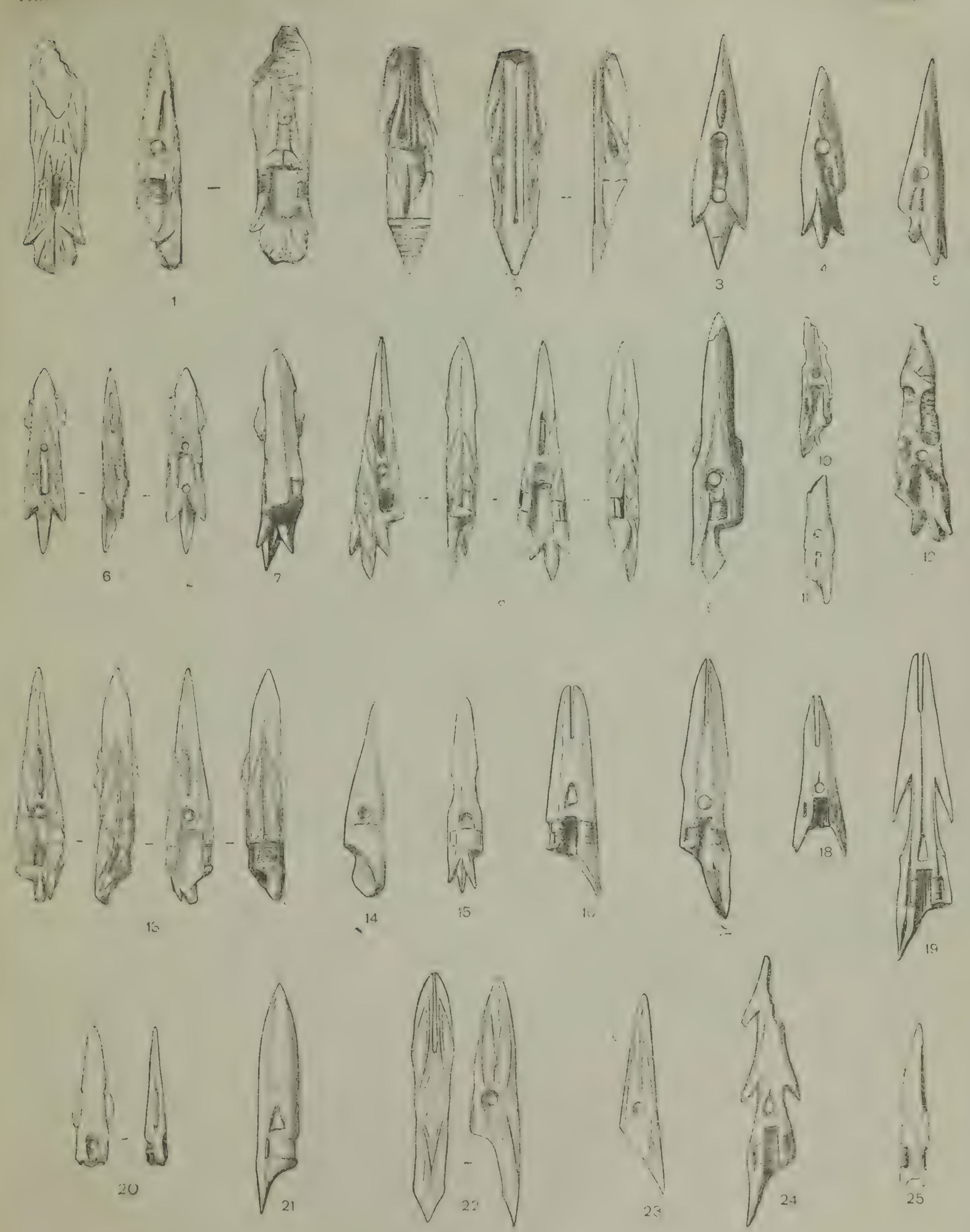
№ 1—7 и 9—25: ½ натуральной величины; № 8 натуральной величины

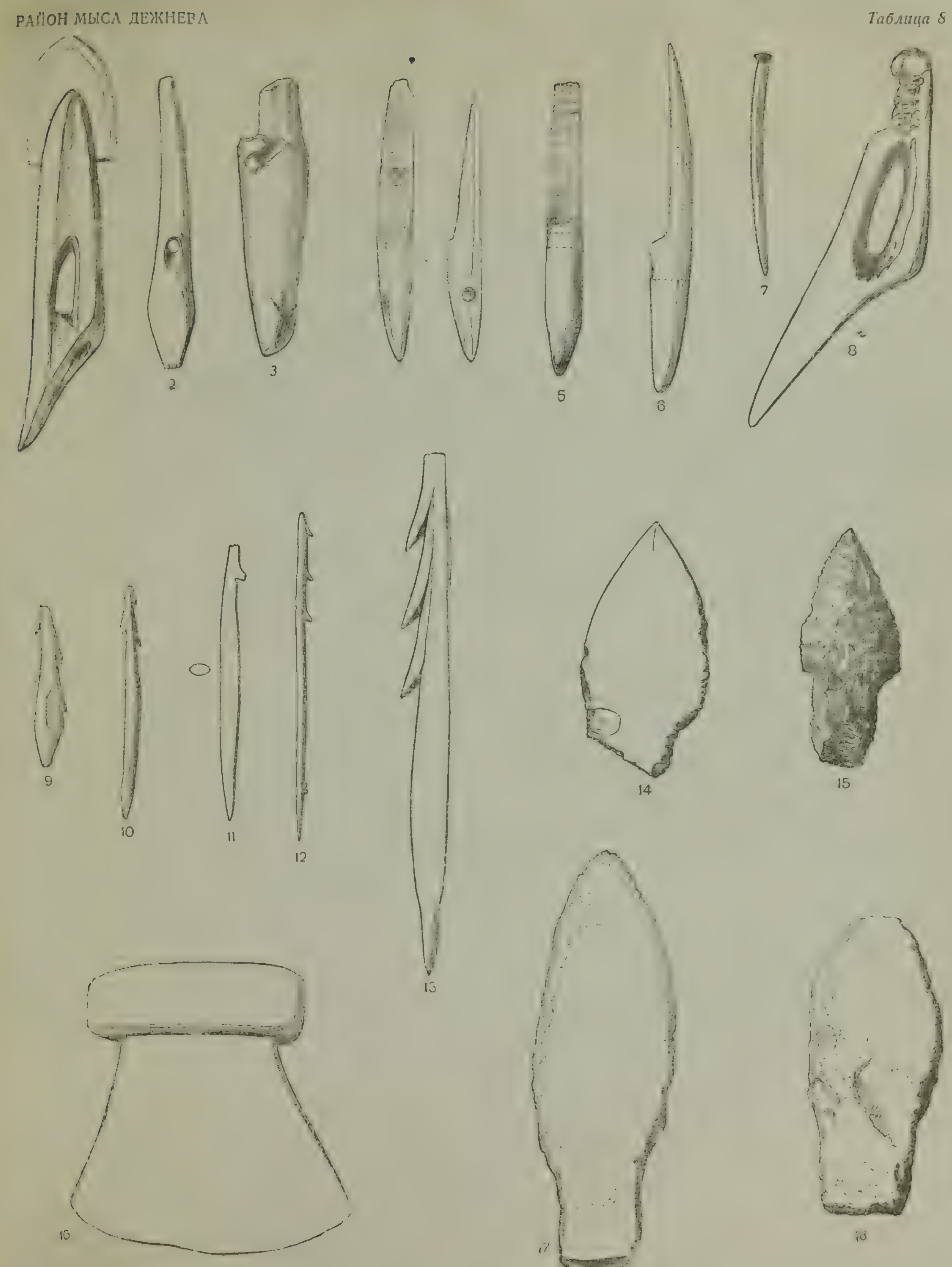
1/2 натуральной величины

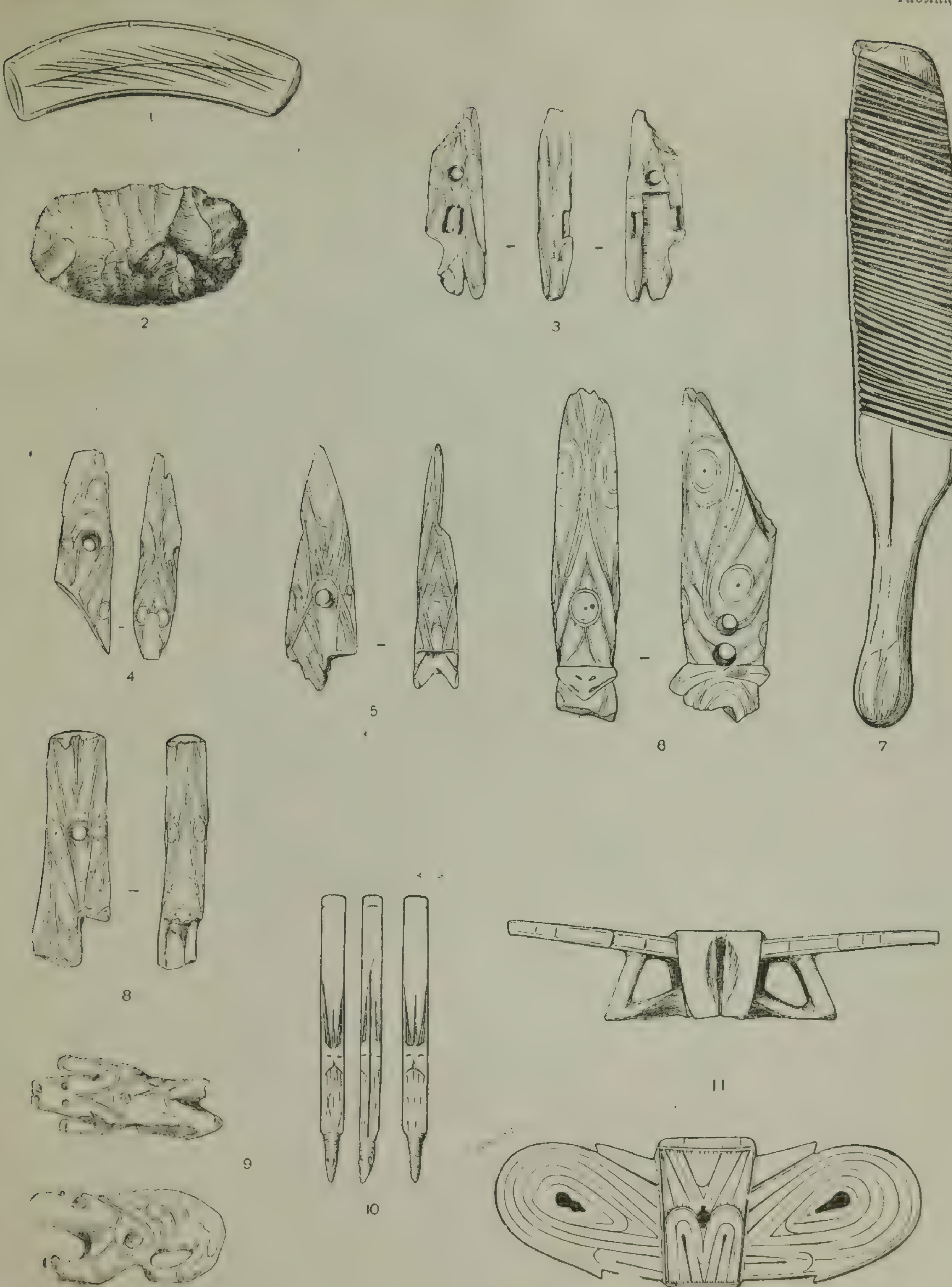
натуральной величины

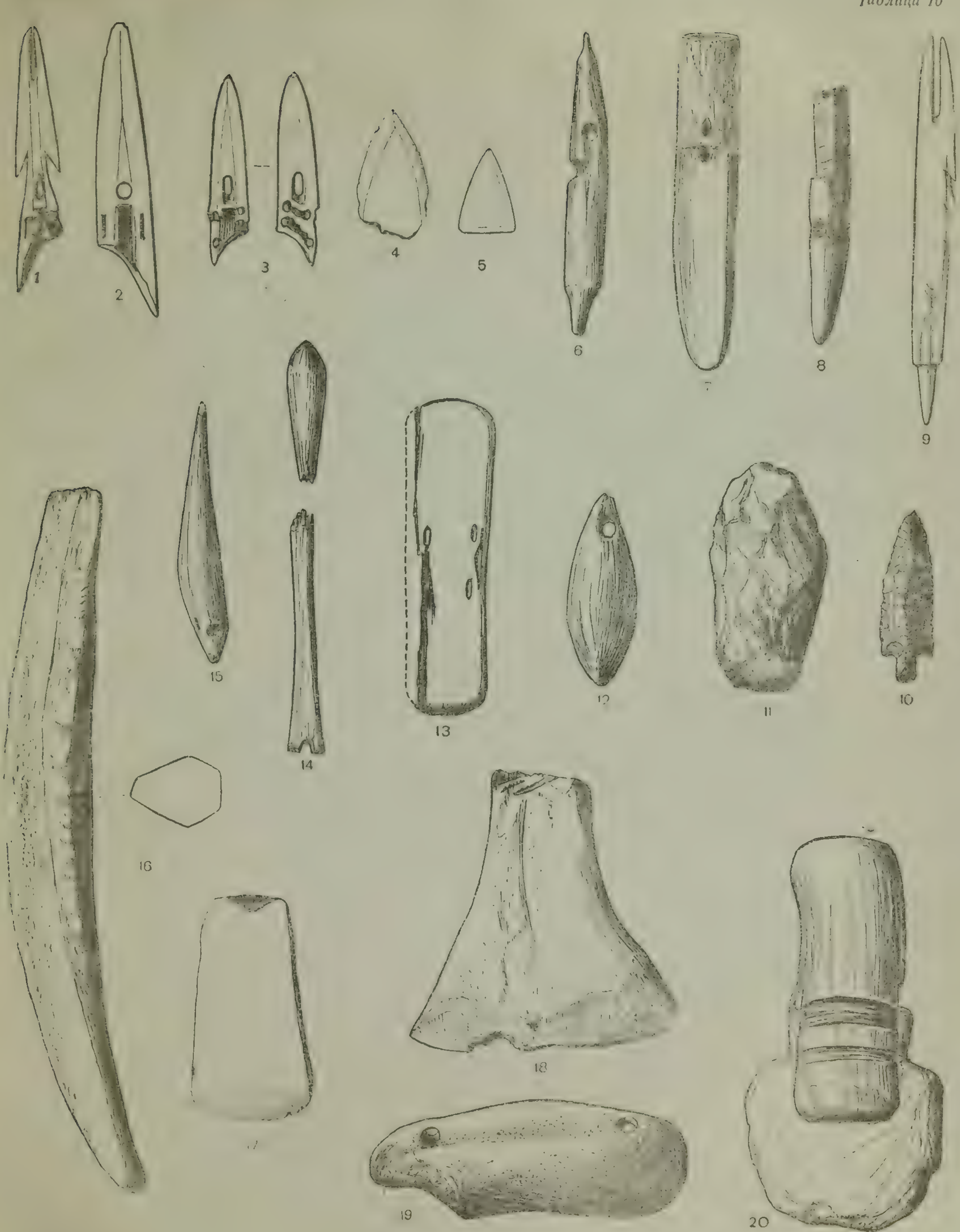
½ натуральной величины

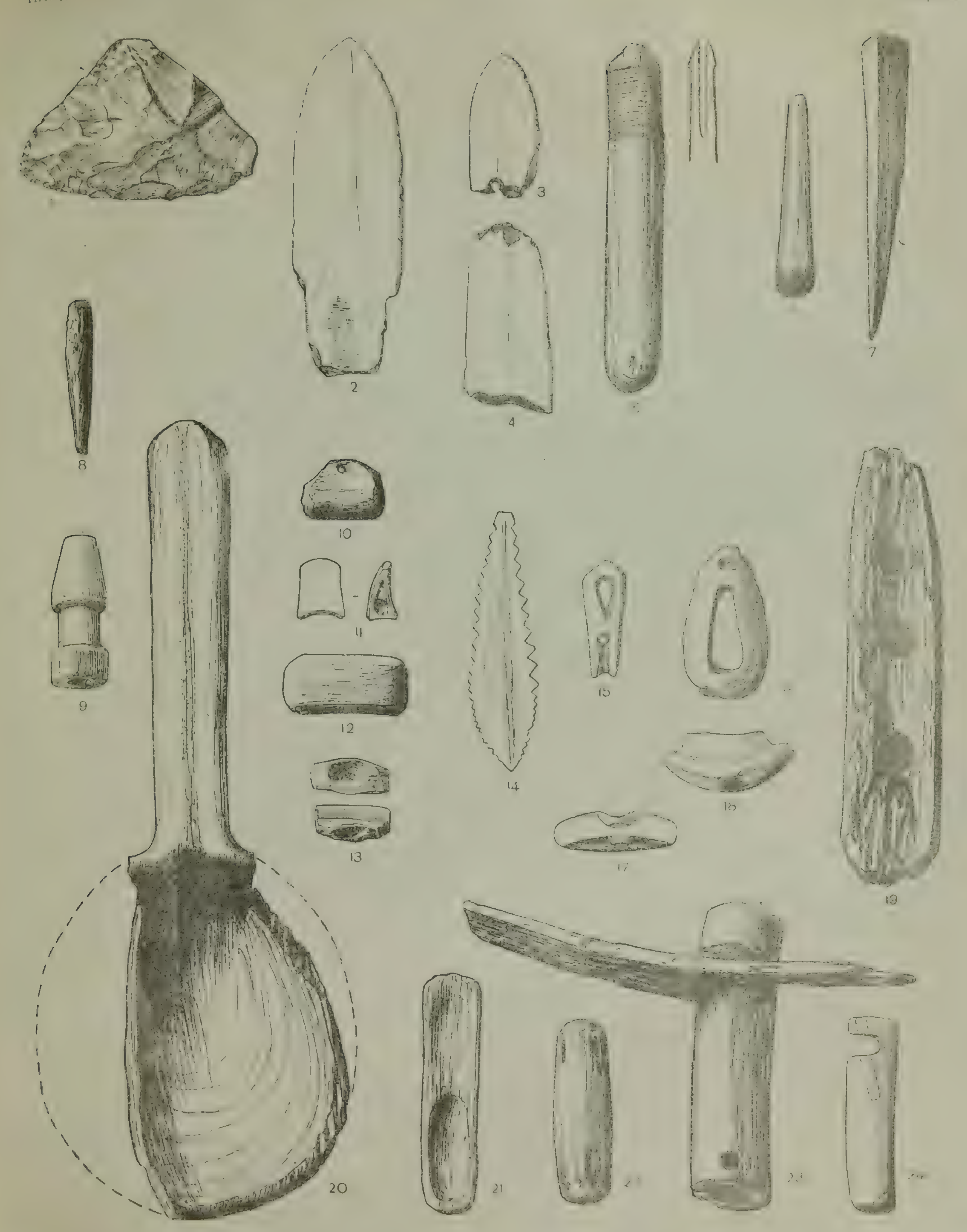
натуральной величины

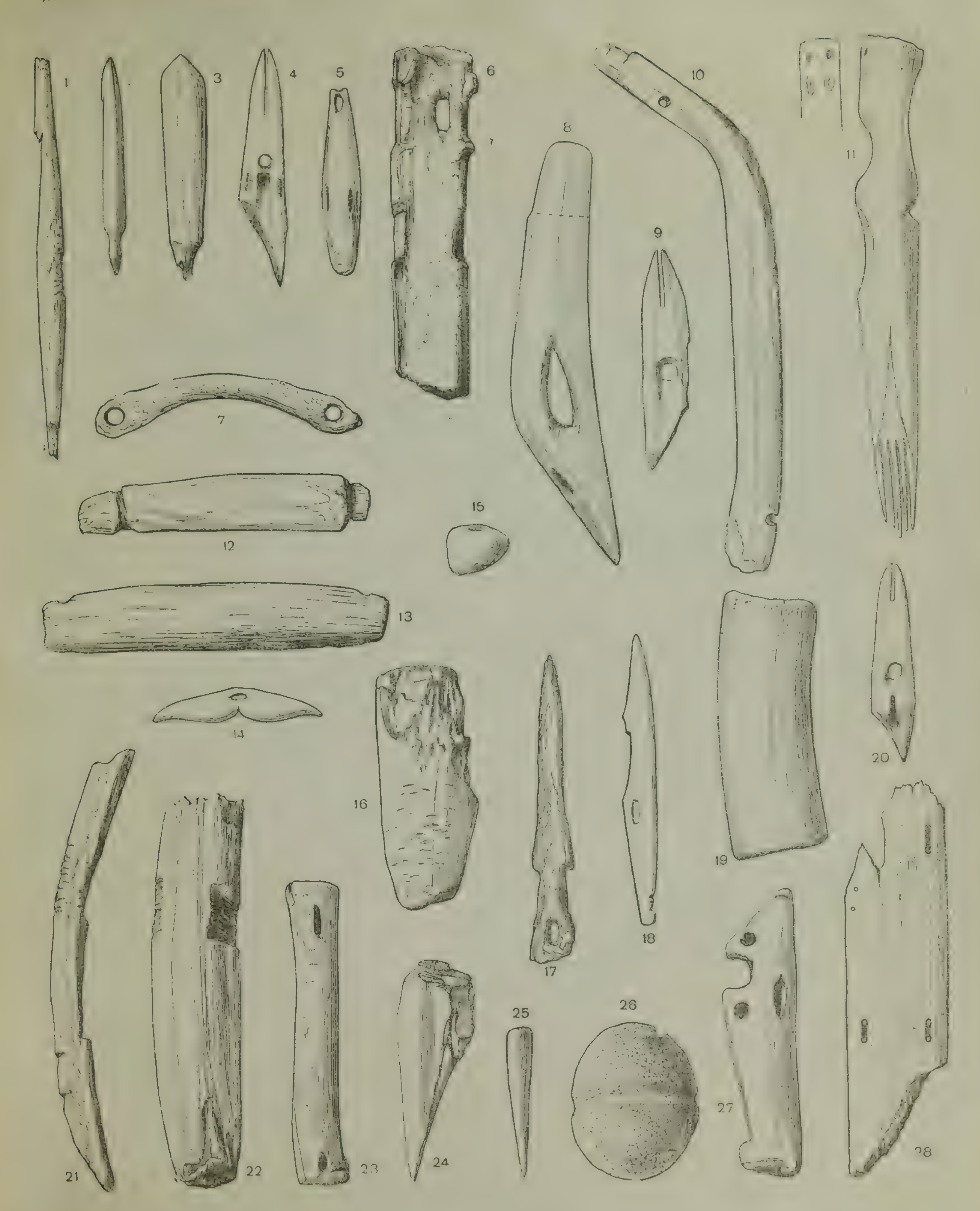
½ натуральной величины

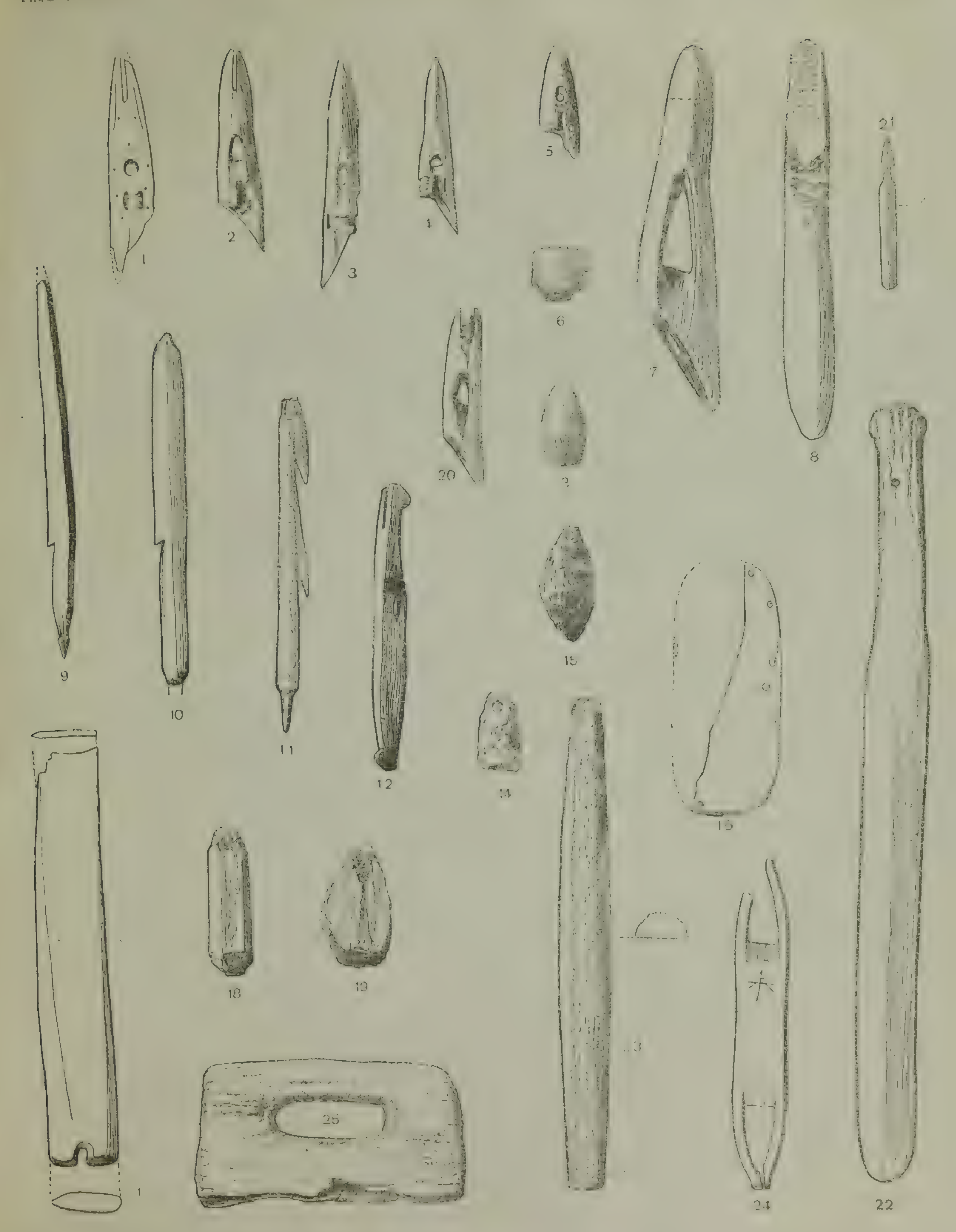
1/2 натуральной величины

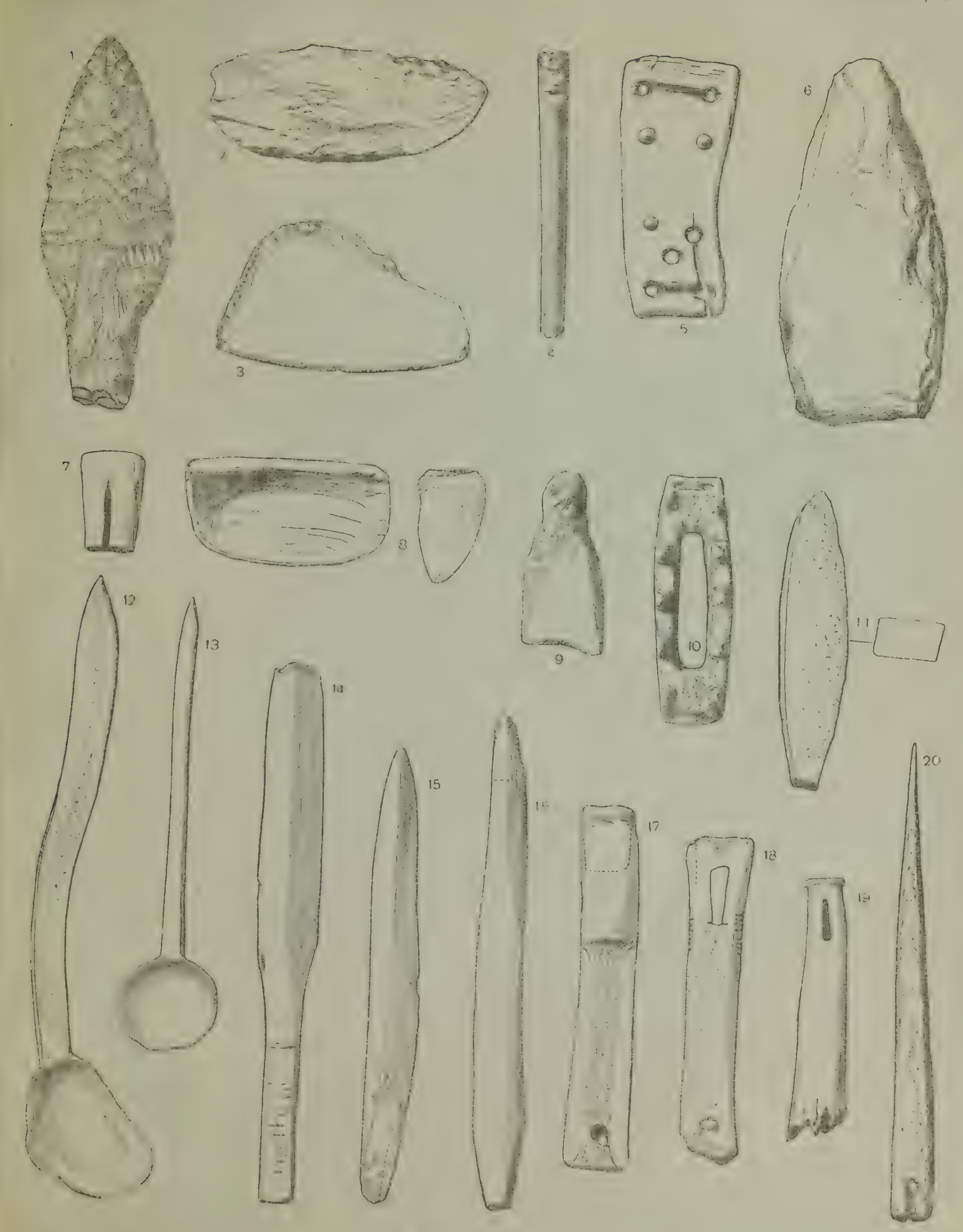
½ натуральной величины

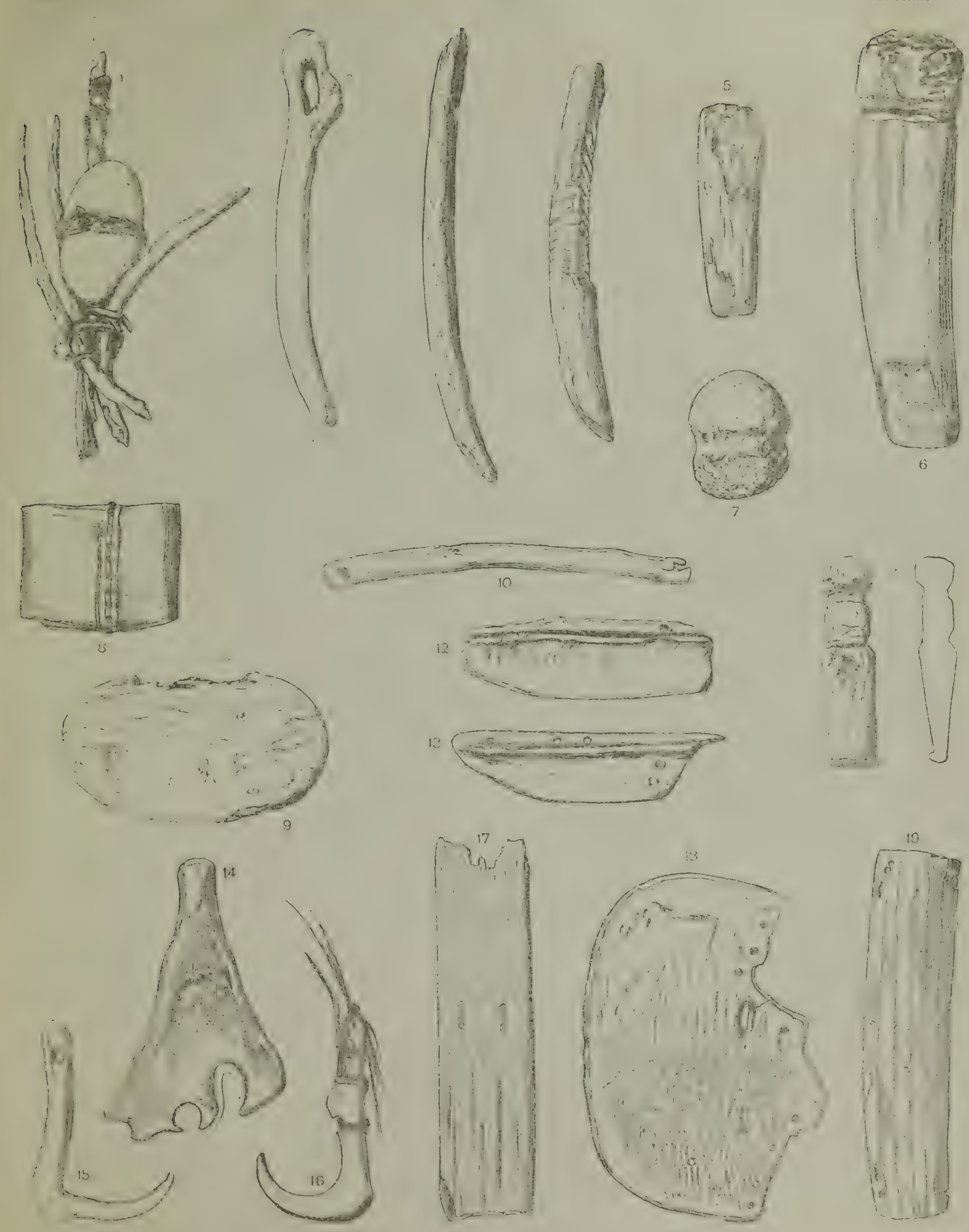
№ 1—20, 23—25 и 27: ½ натуральной величины; № 21, 22, 26 и 28; $^1/_4$ натуральной величины

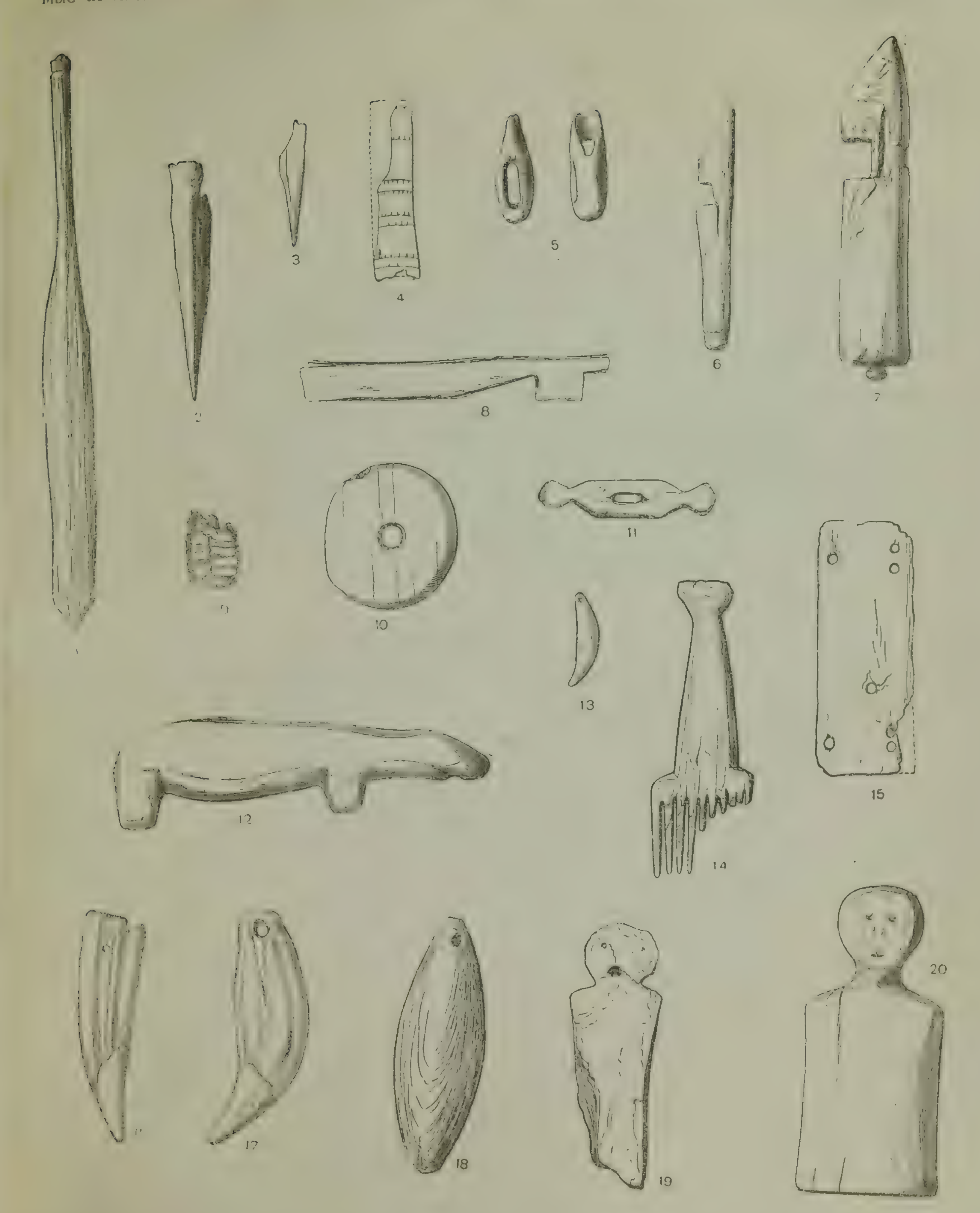
½ натуральной величины

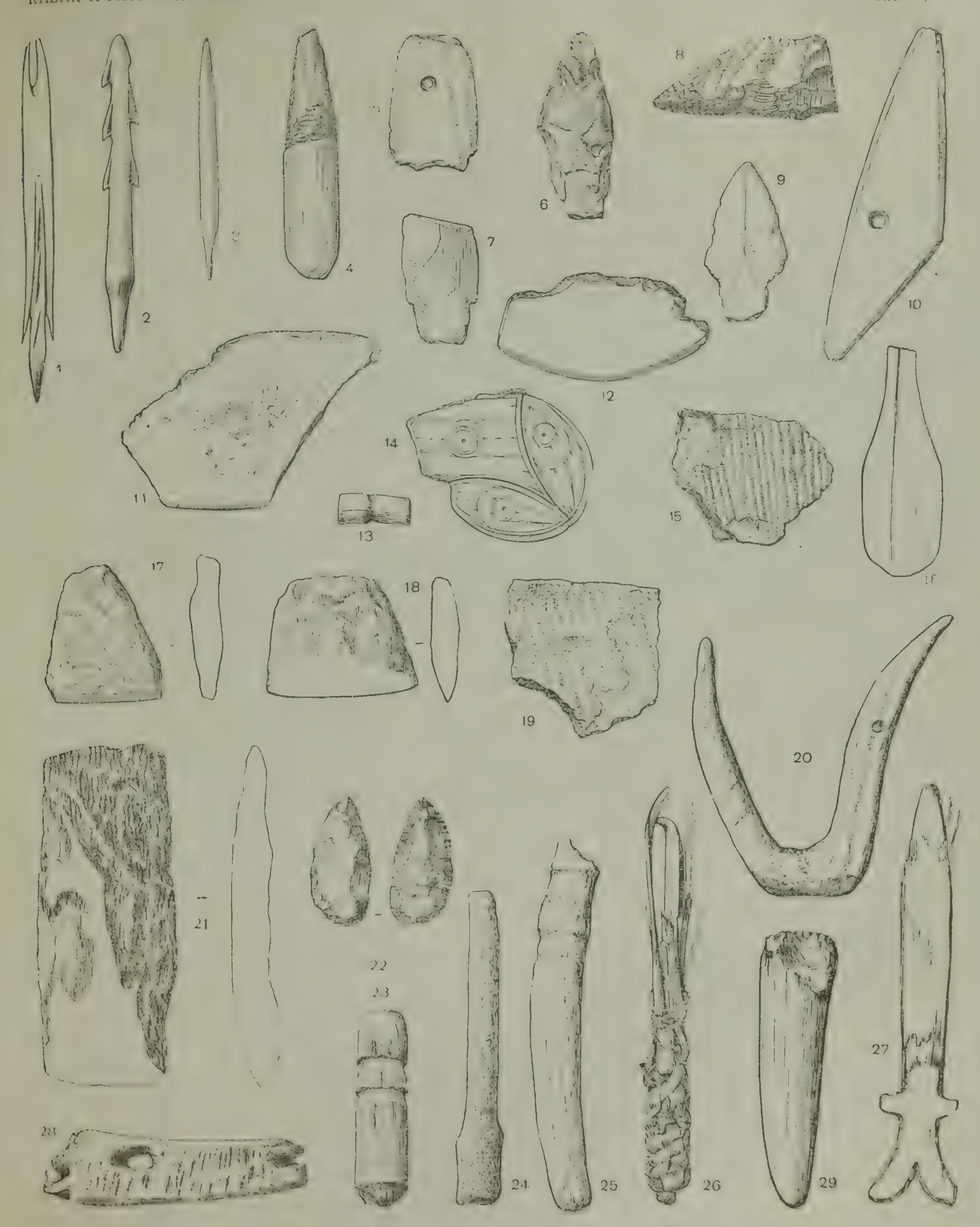
[illegible] натуральной величины

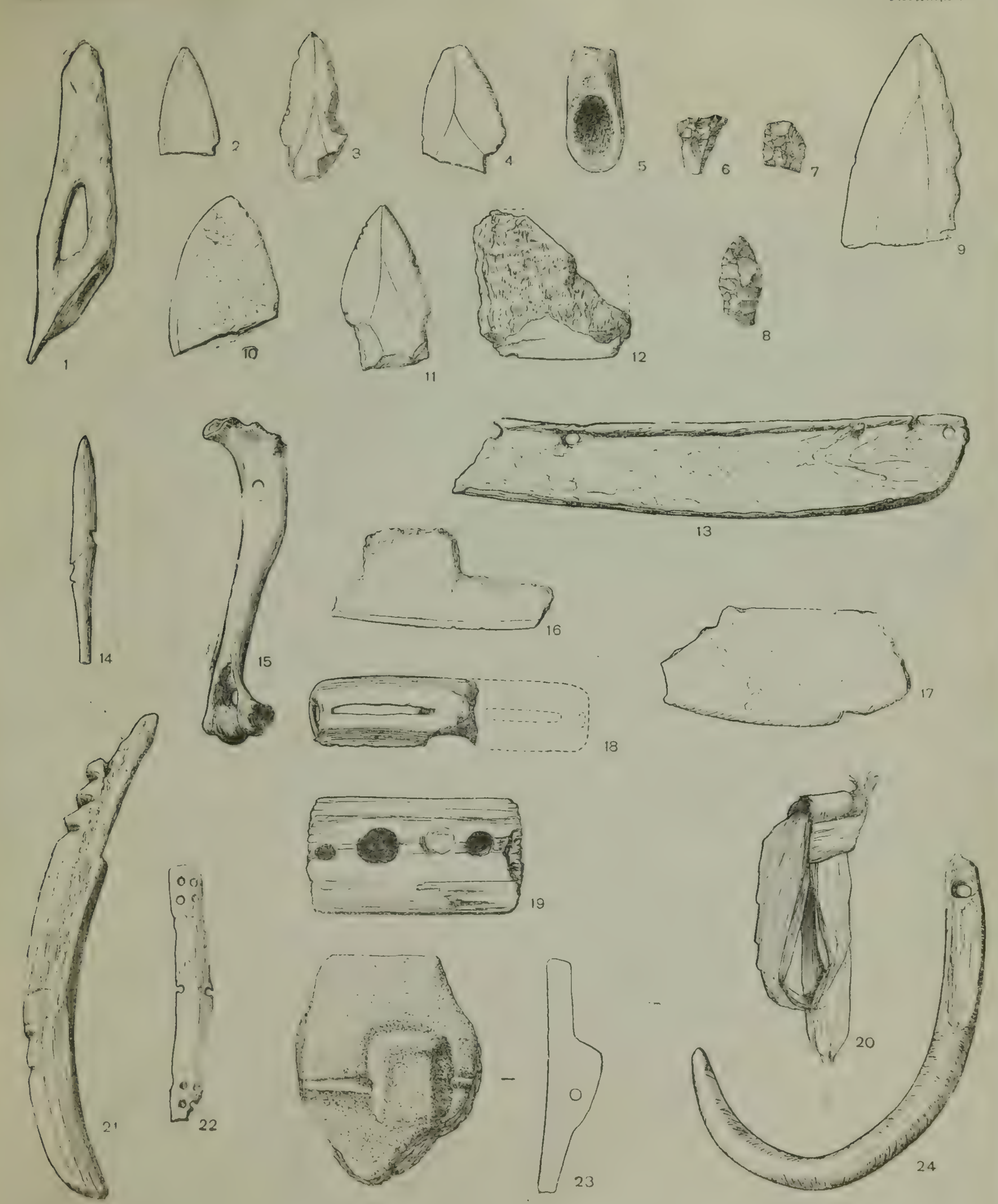
¹/₄ натуральной величины

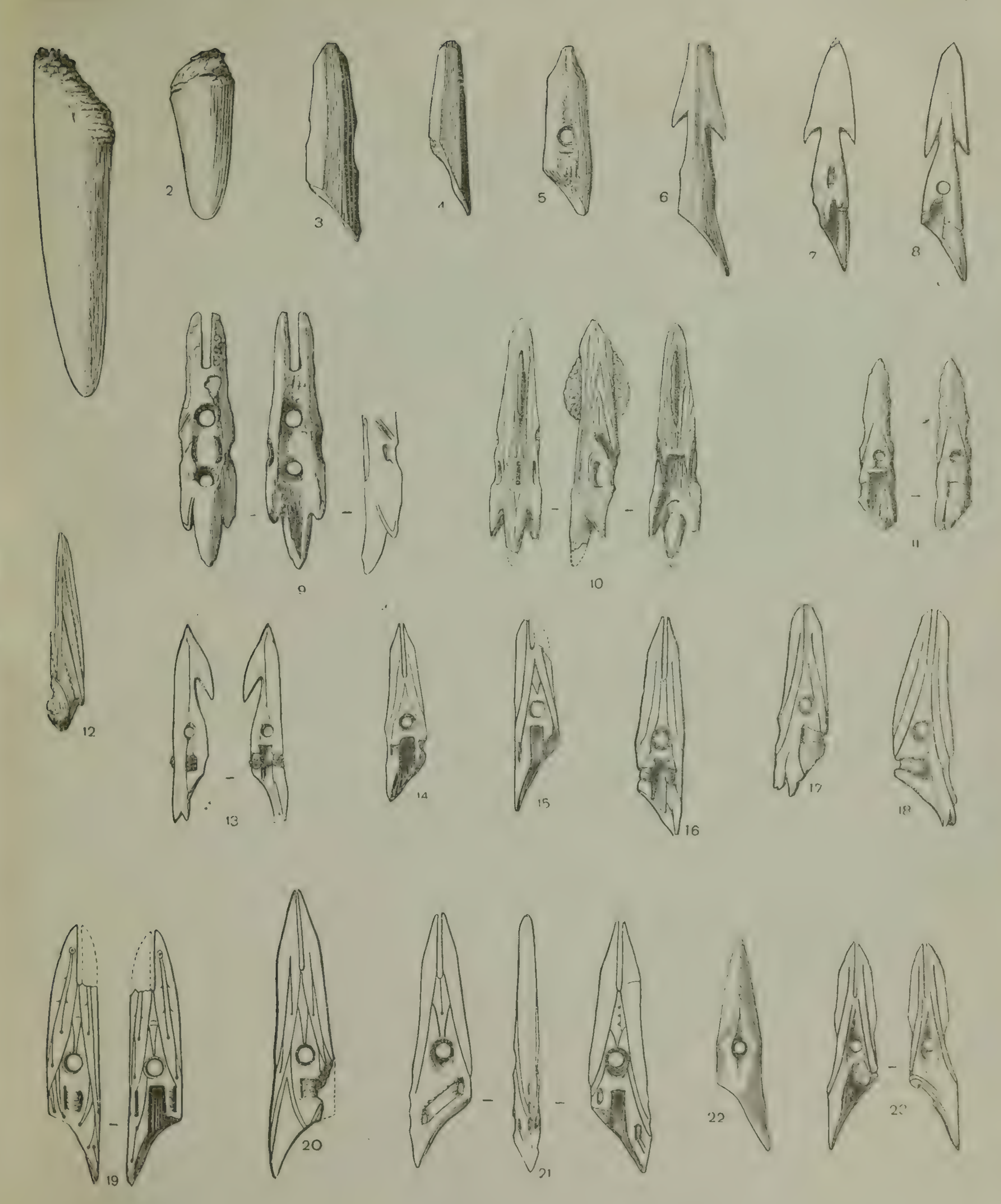
¹/₄ натуральной величины

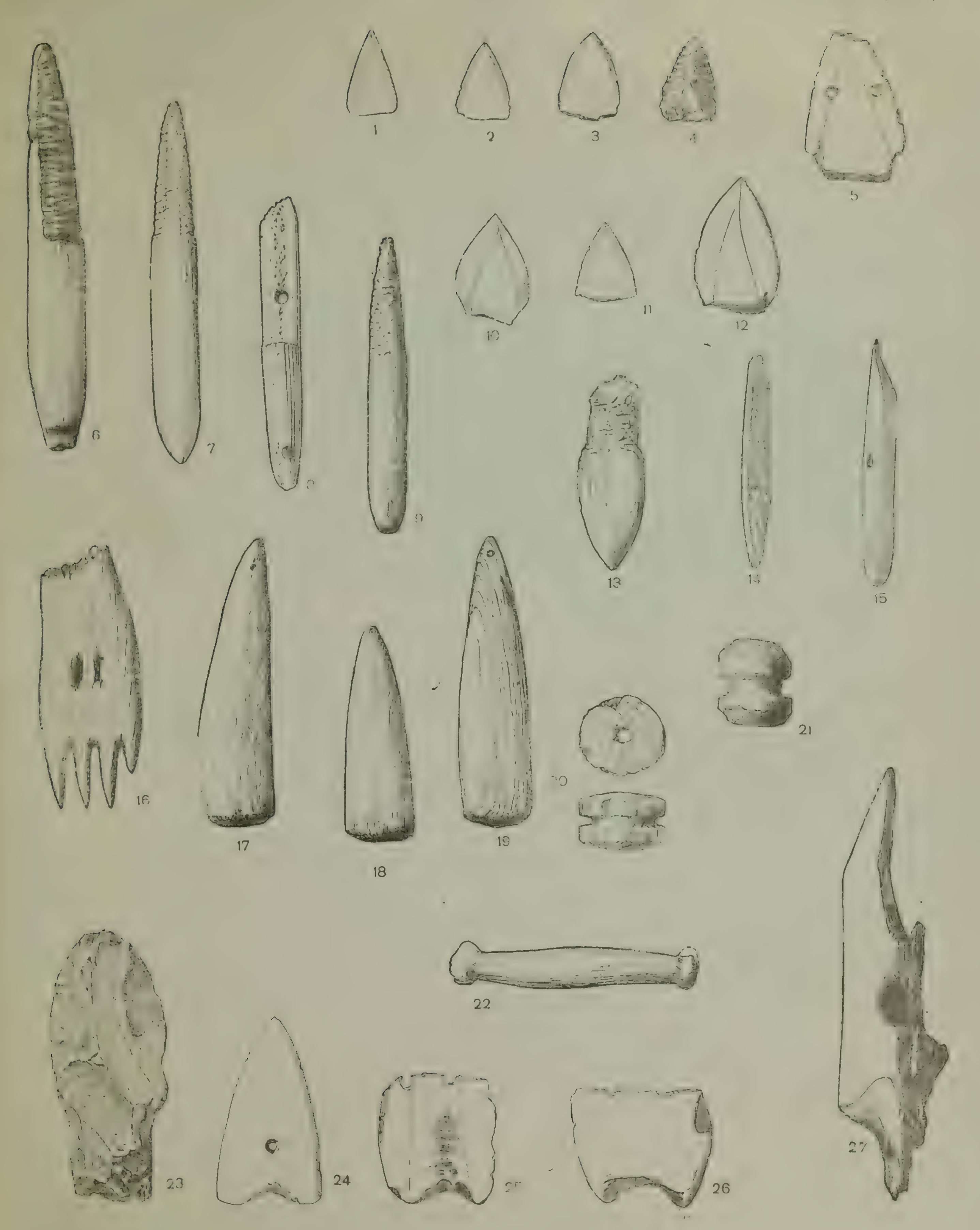
№ 1—19, 21—23, 26 и 27: ½ натуральной величины; № 20, 24, 25, 28 и 29: 1/4 натуральной величины

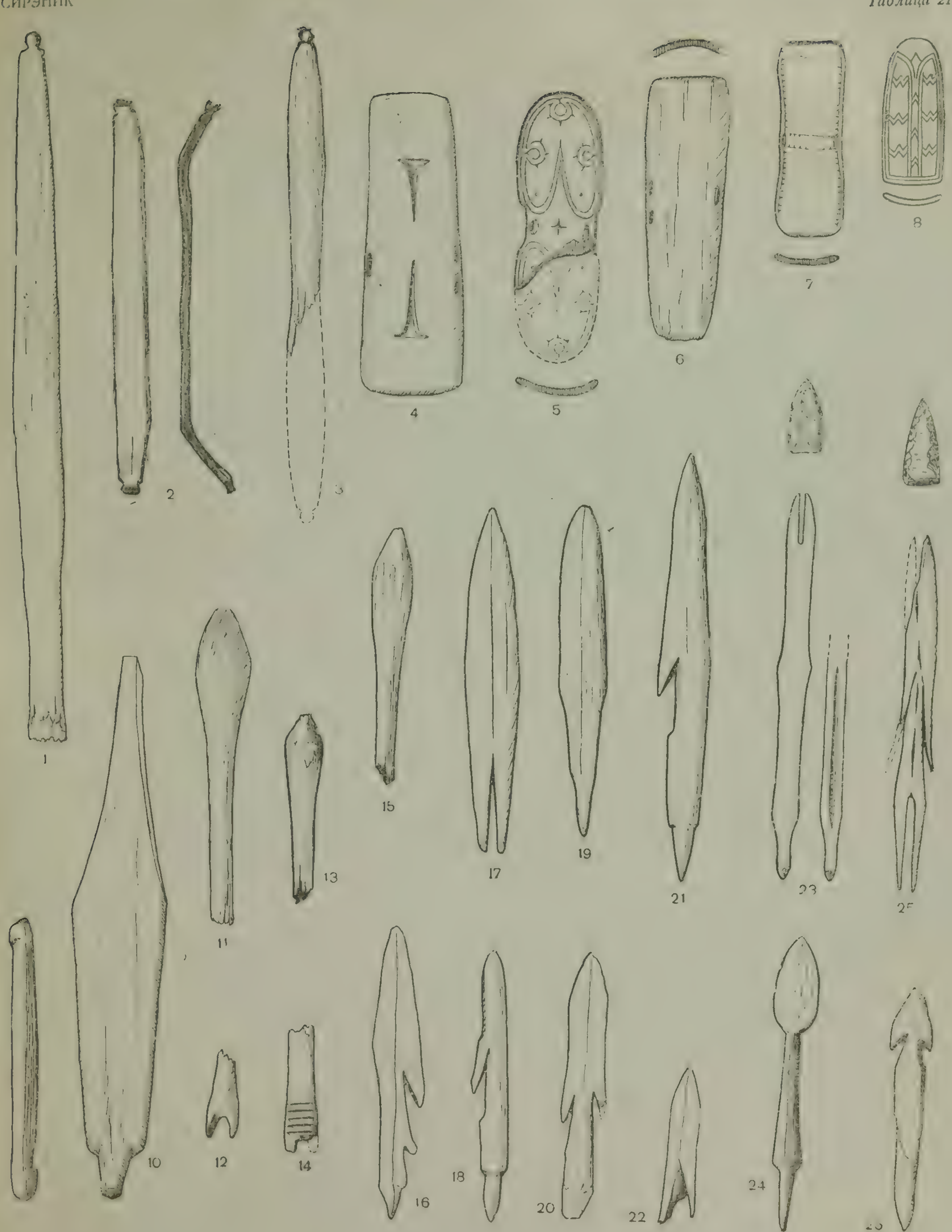
№ 1—*20, 22—24*: ½ натуральной величины; № 21: ¼ натуральной величины

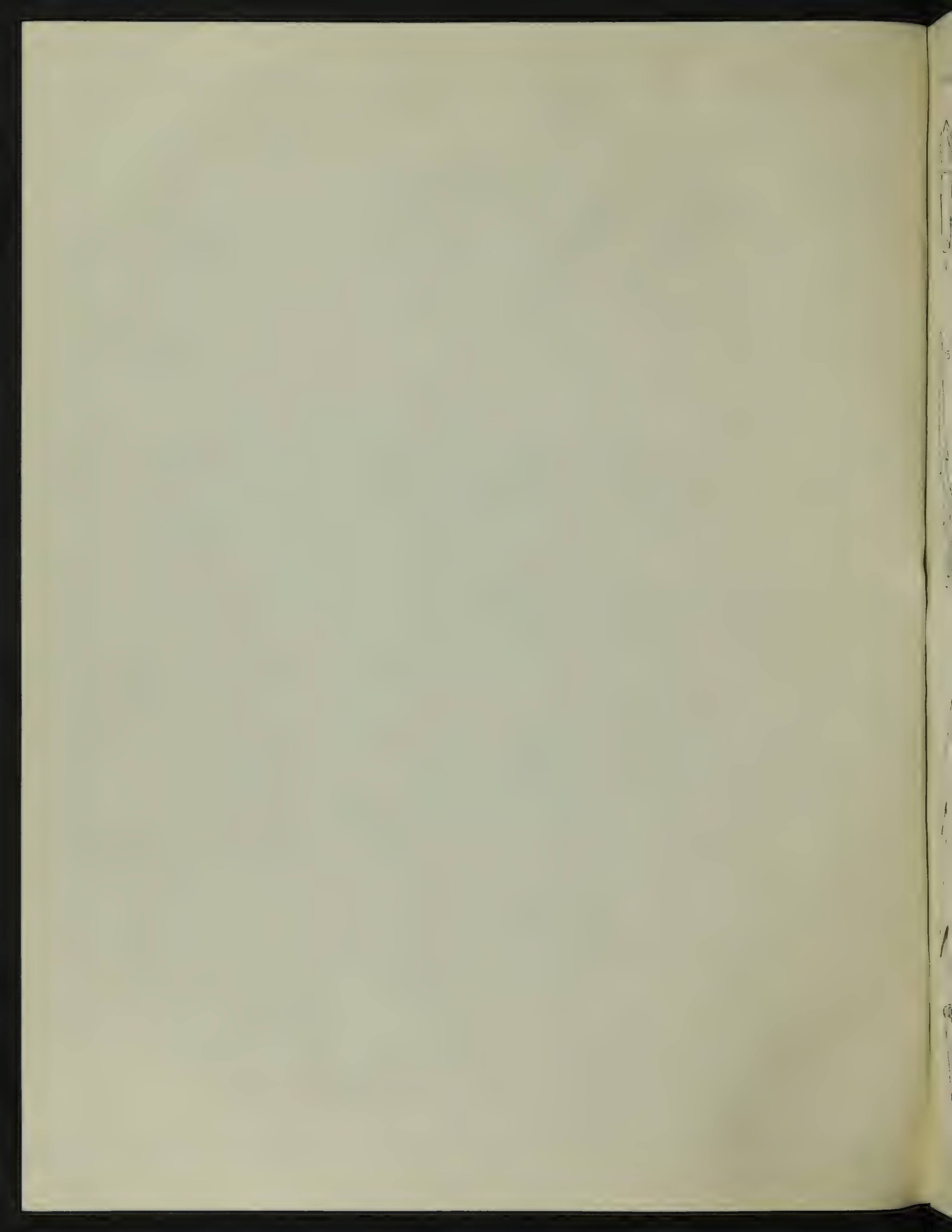
½ натуральной величины

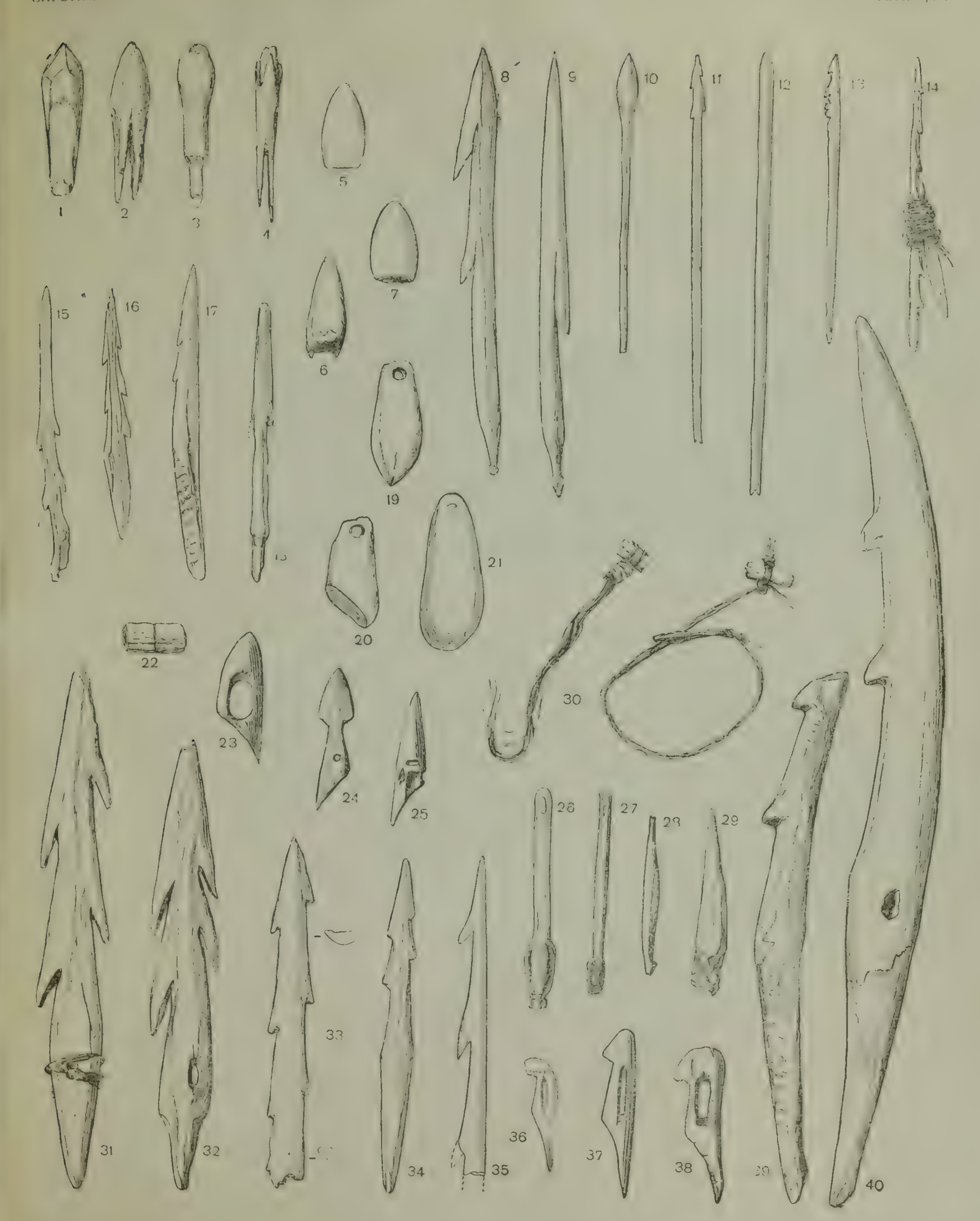

½ натуральной величины

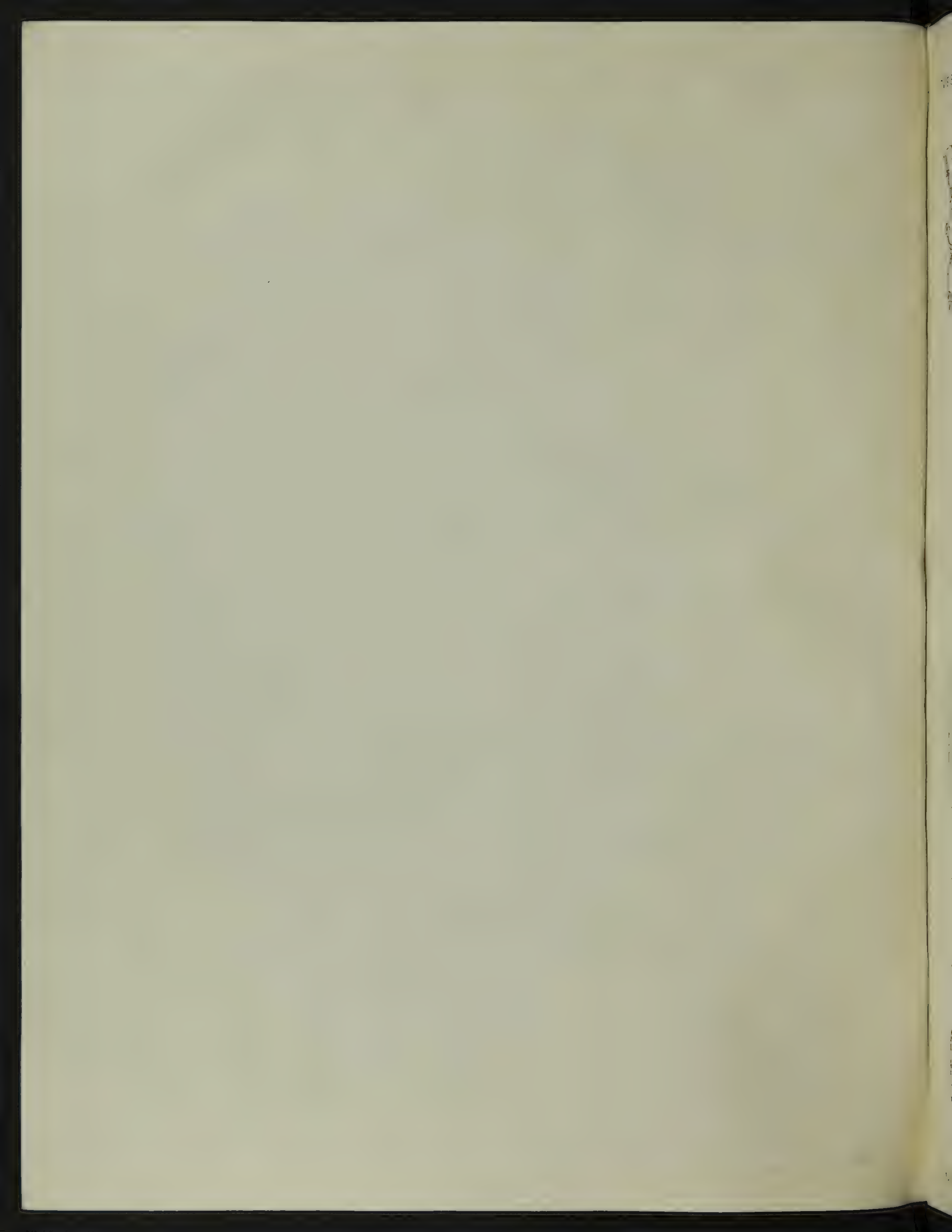

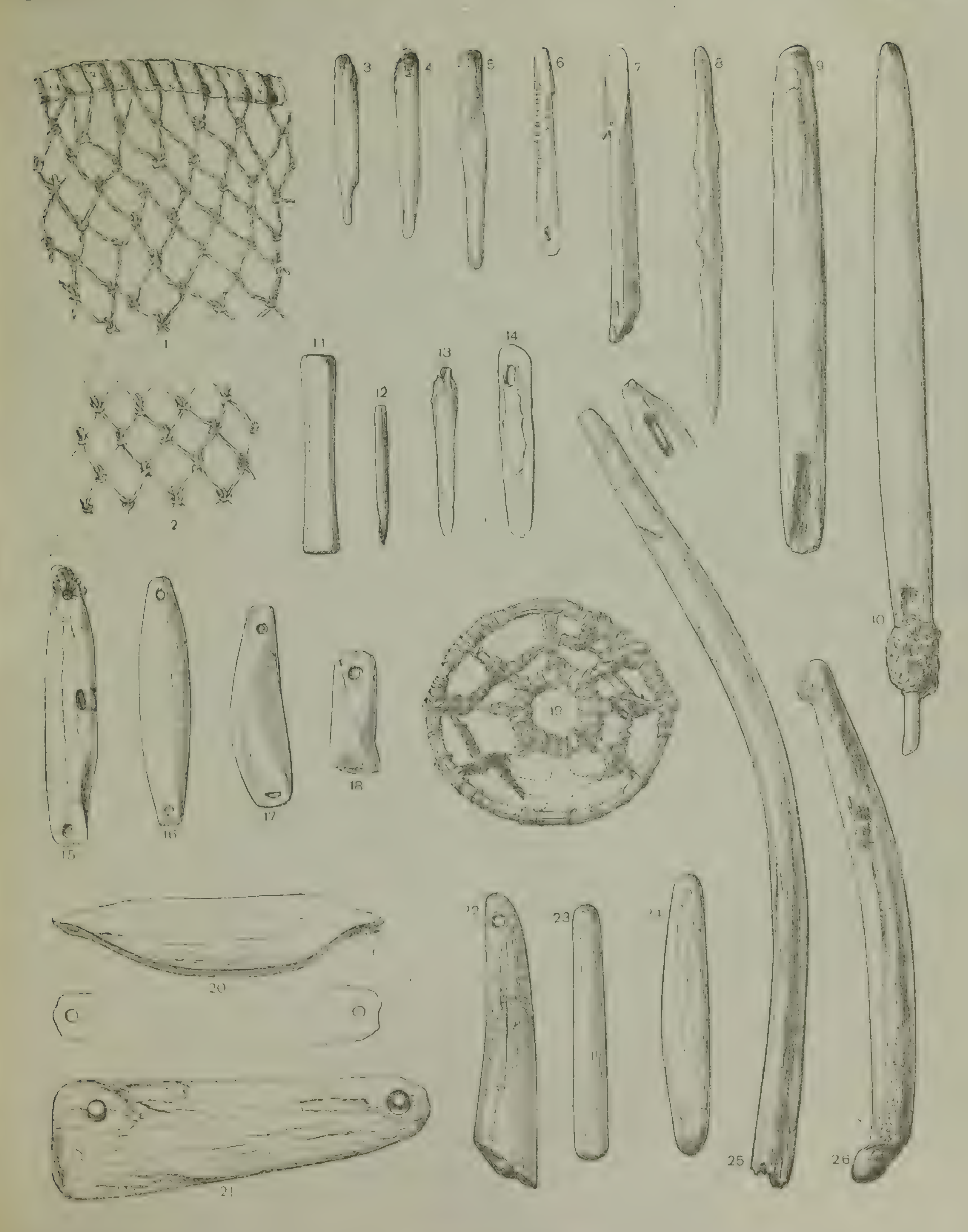
½ натуральной величины

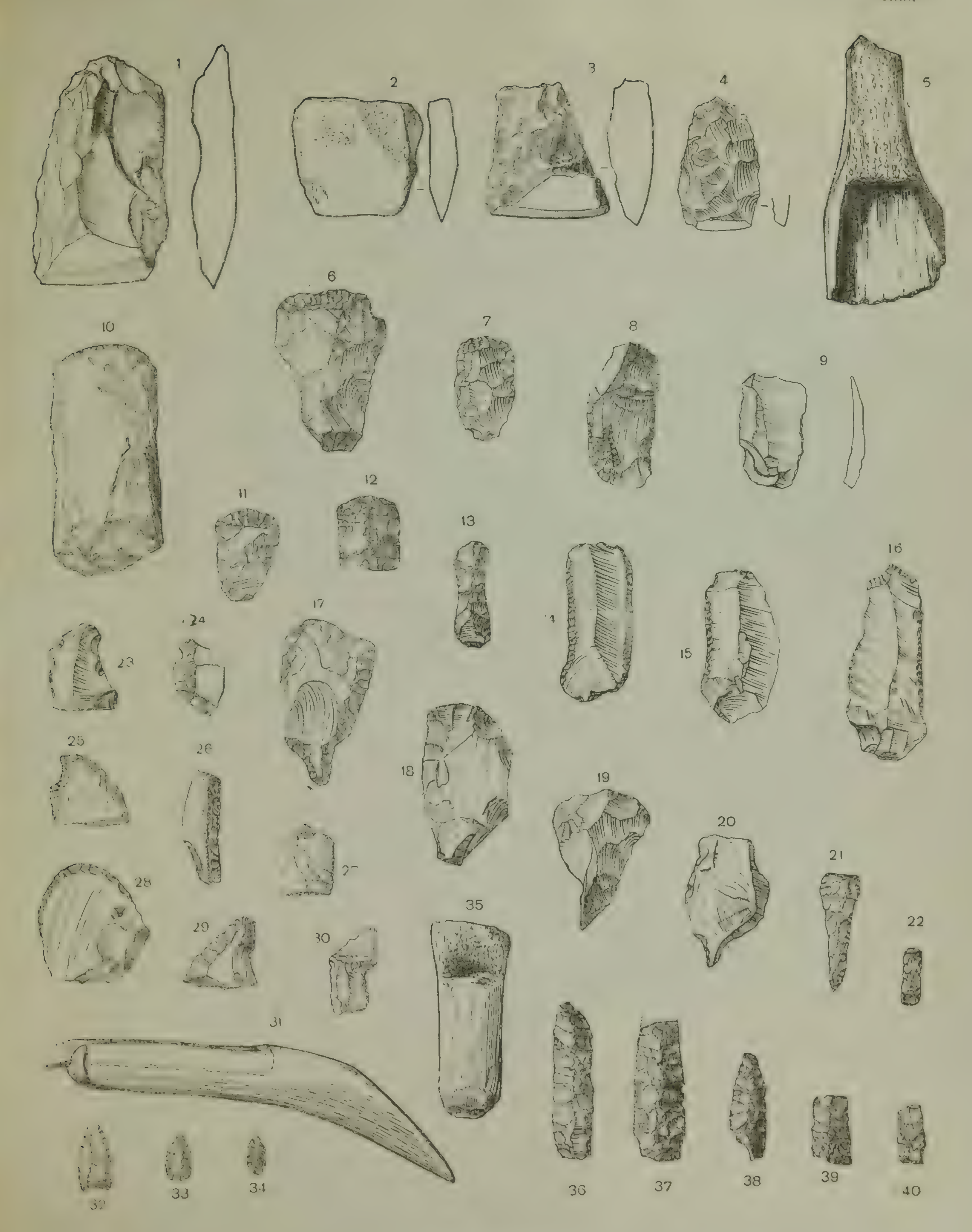

½ натуральной величины

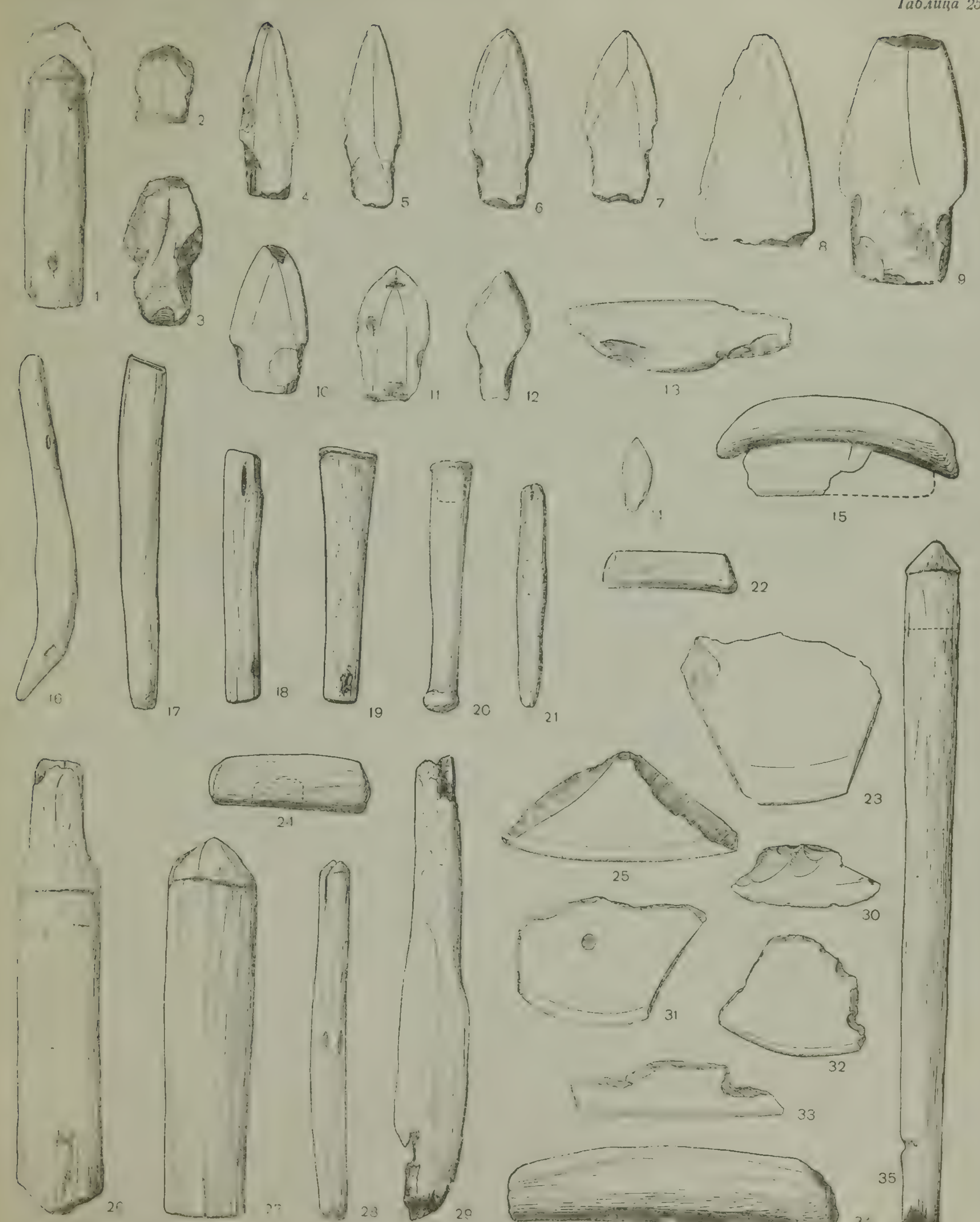

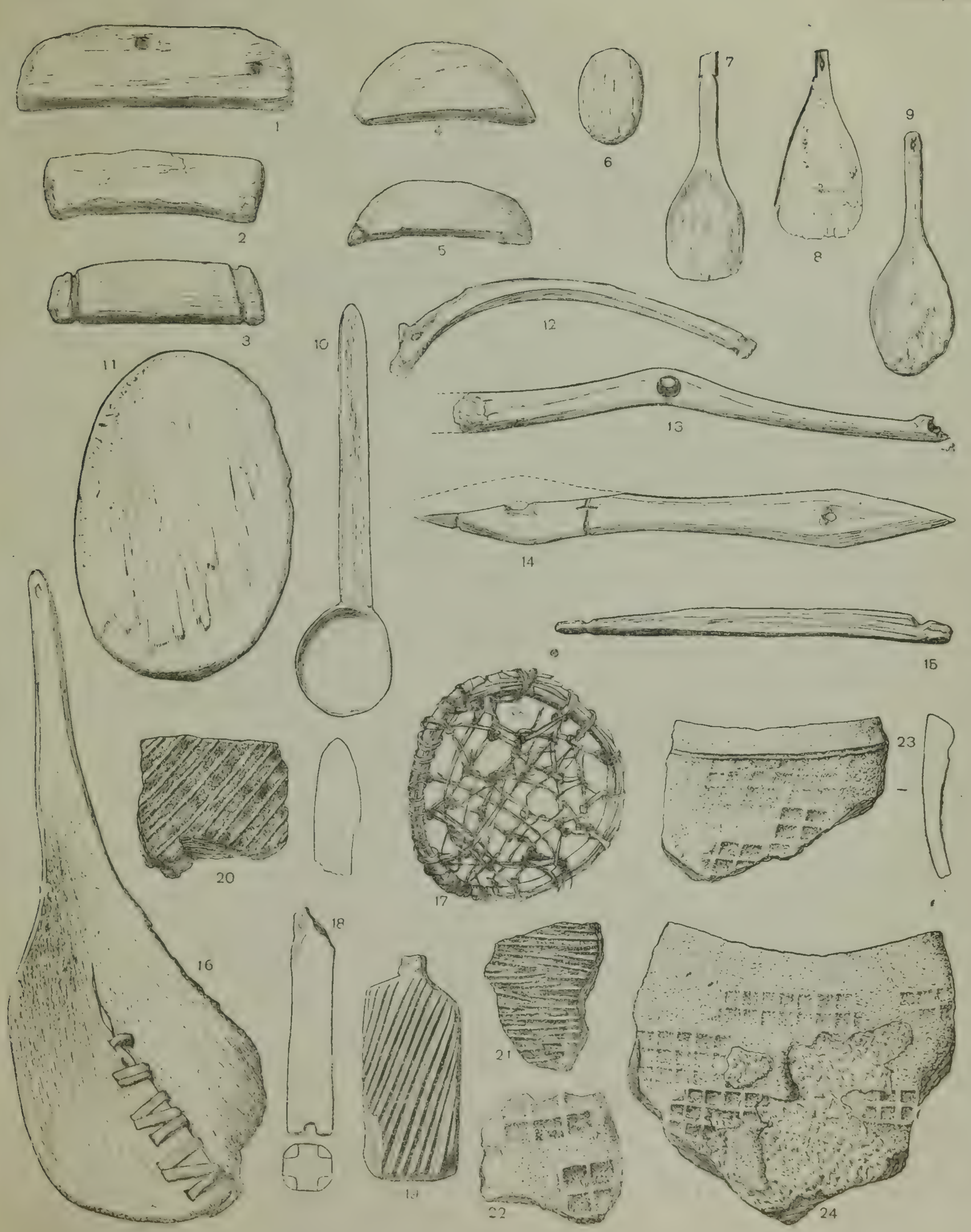
½ натуральной величины

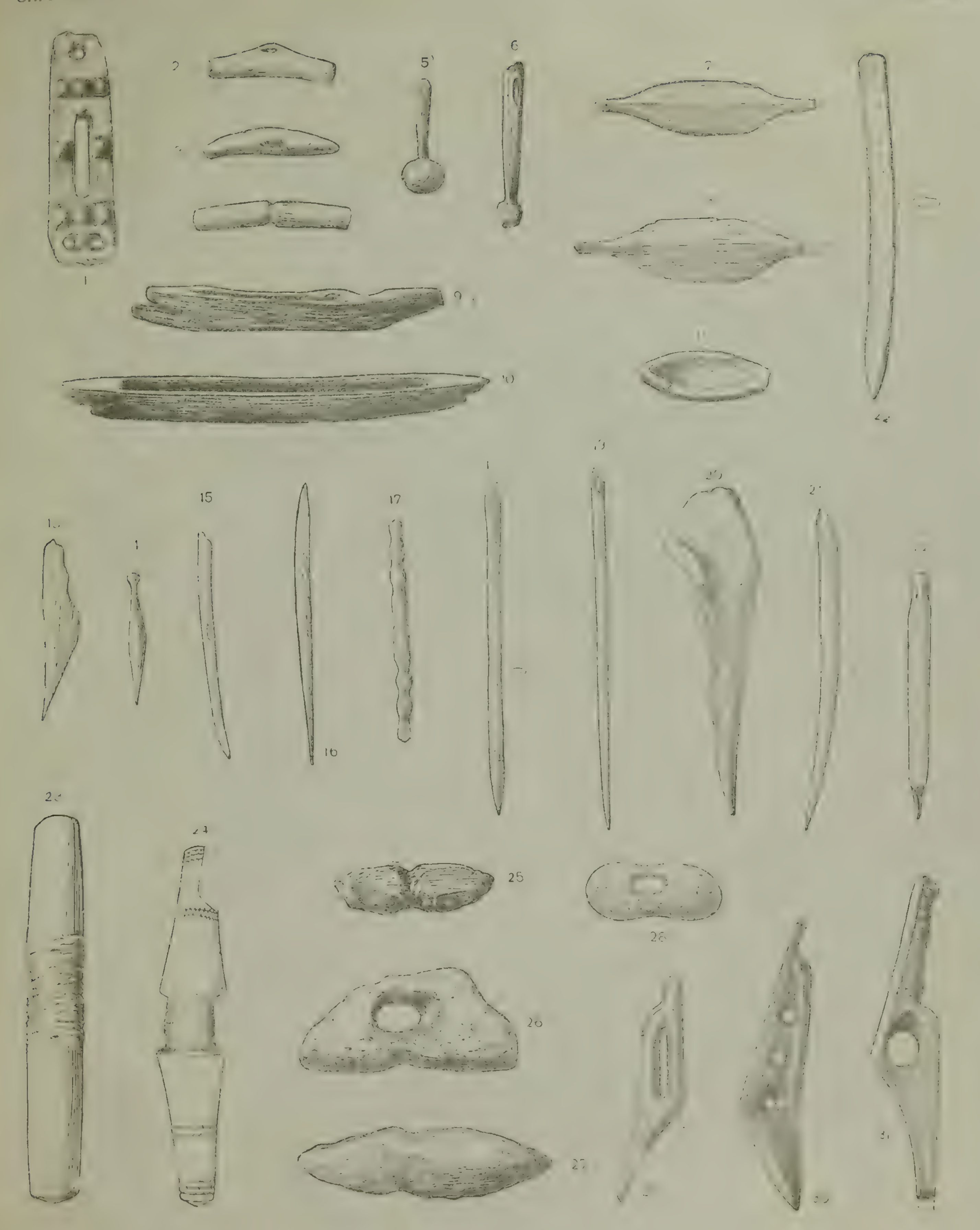
½ натуральной величины

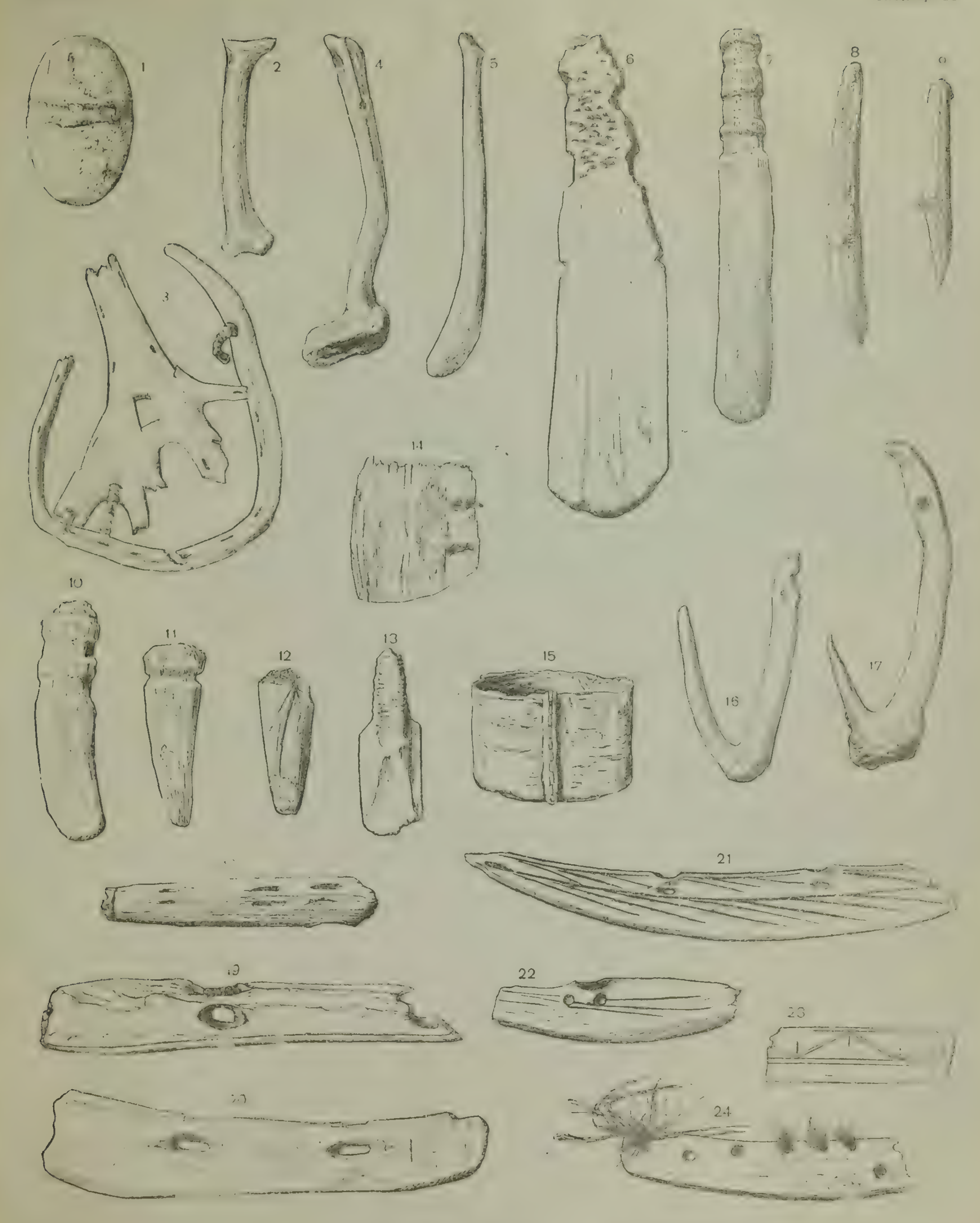
½ натуральной величины

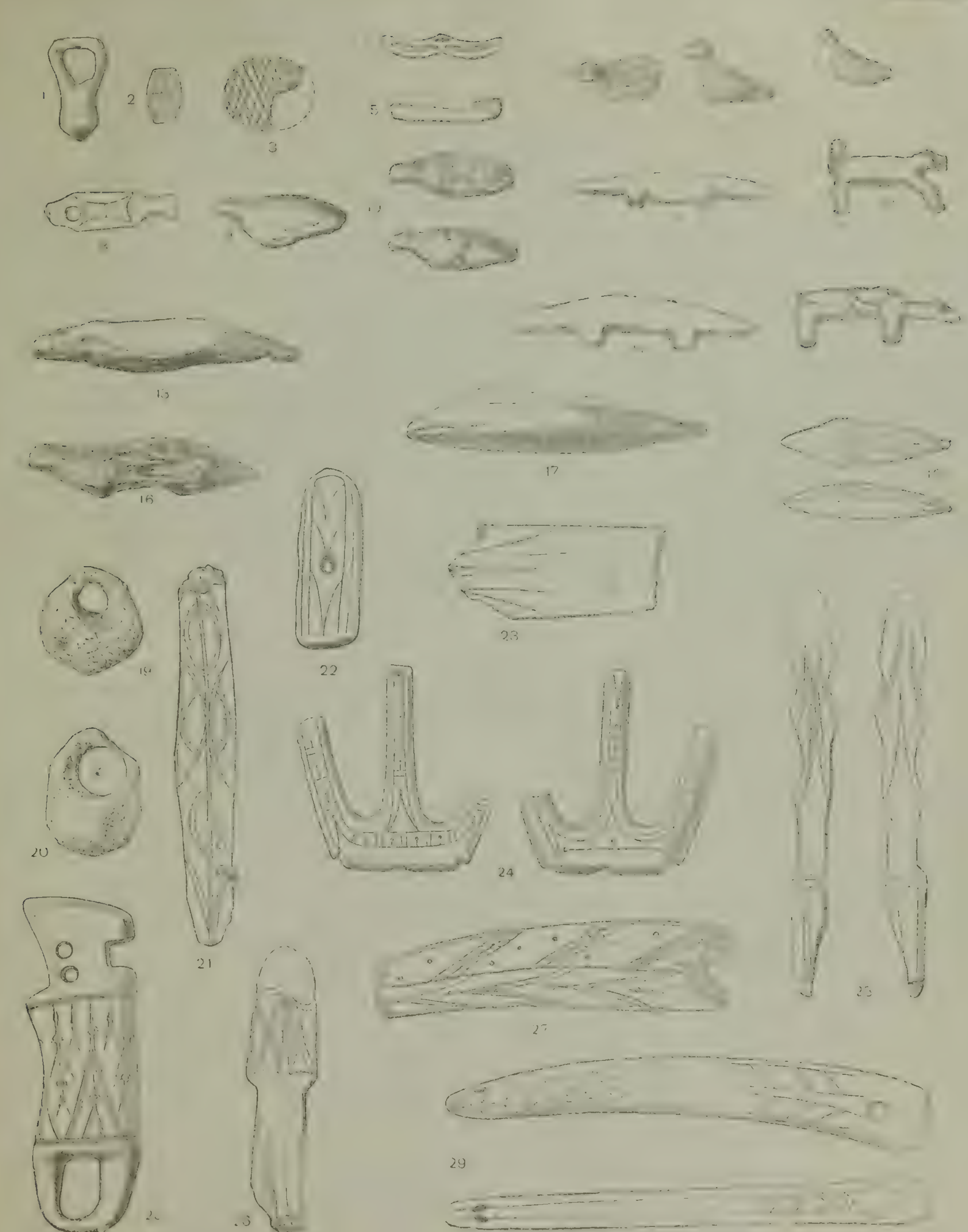
½ натуральной величины

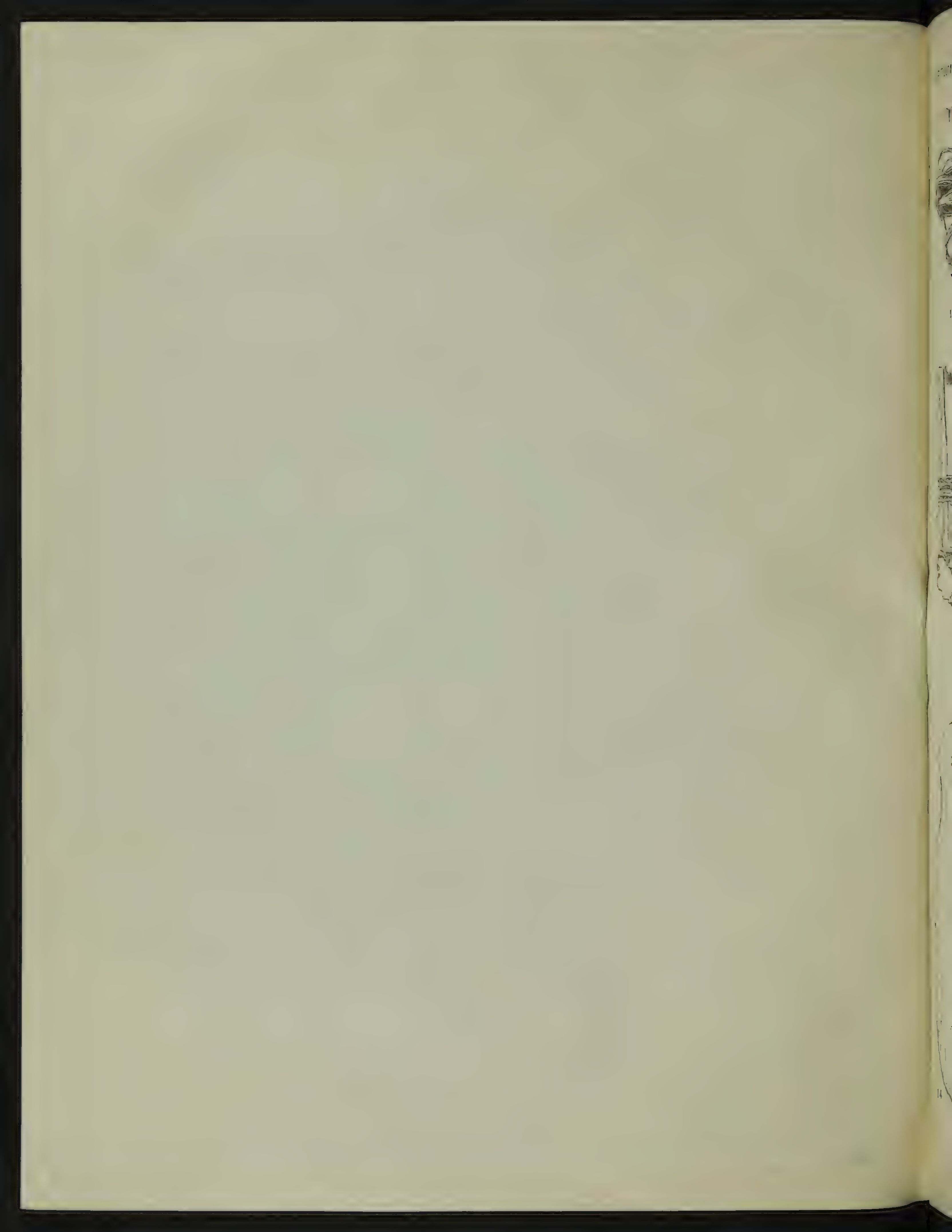
½ натуральной величины

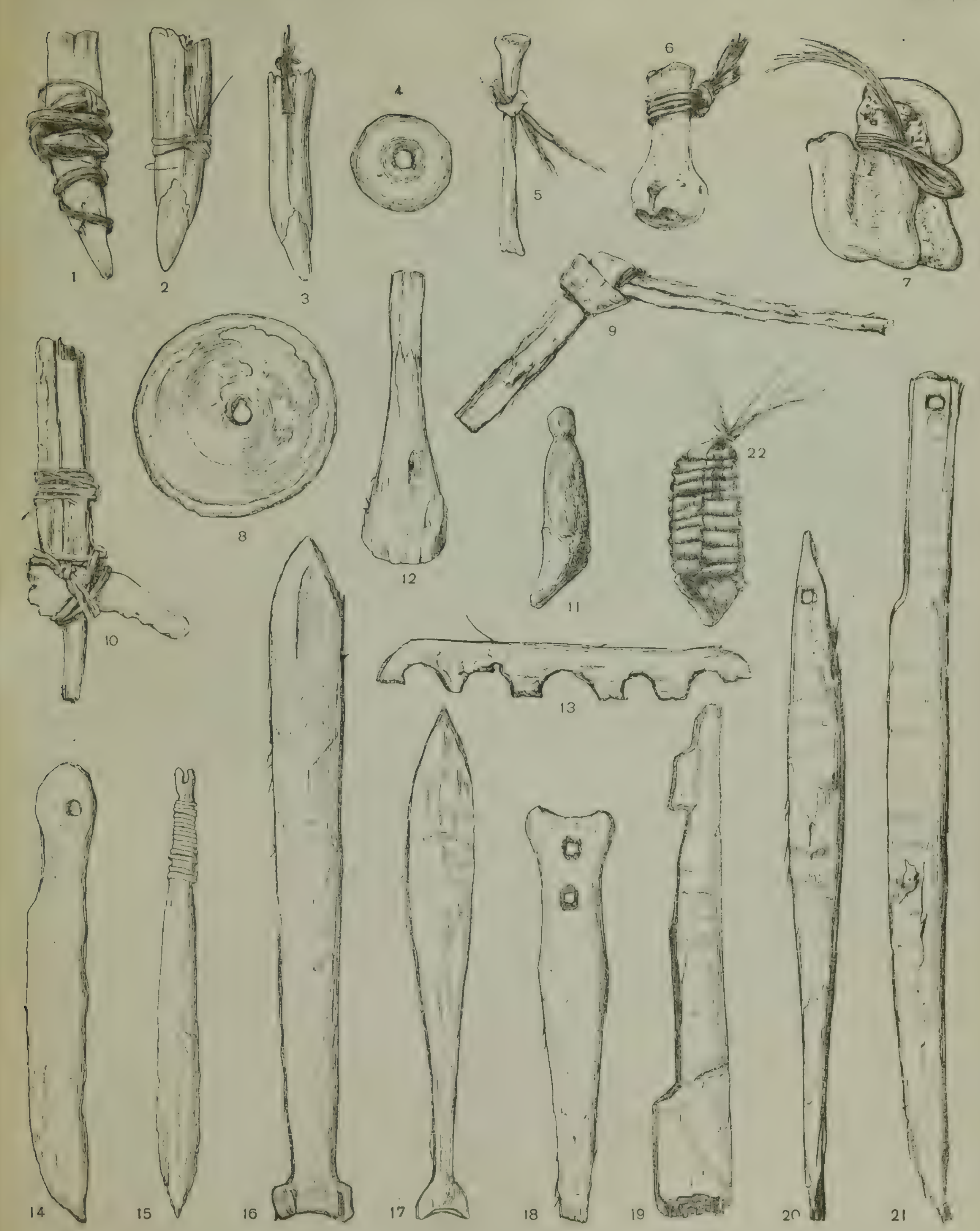

№ 1—6, 8—24: 1/4 натуральной величины, № 7: 1/6 натуральной величины

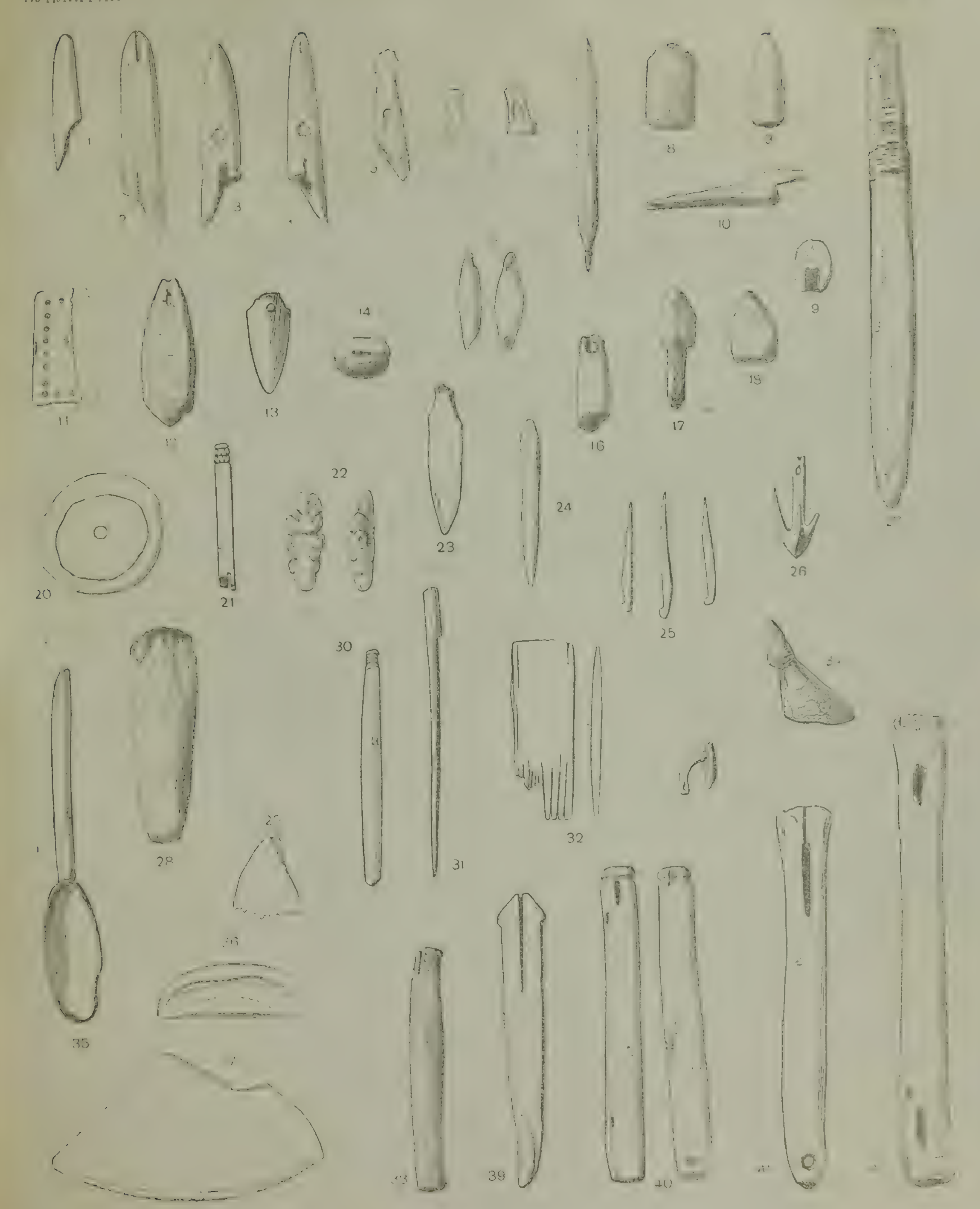

½ натуральной величины

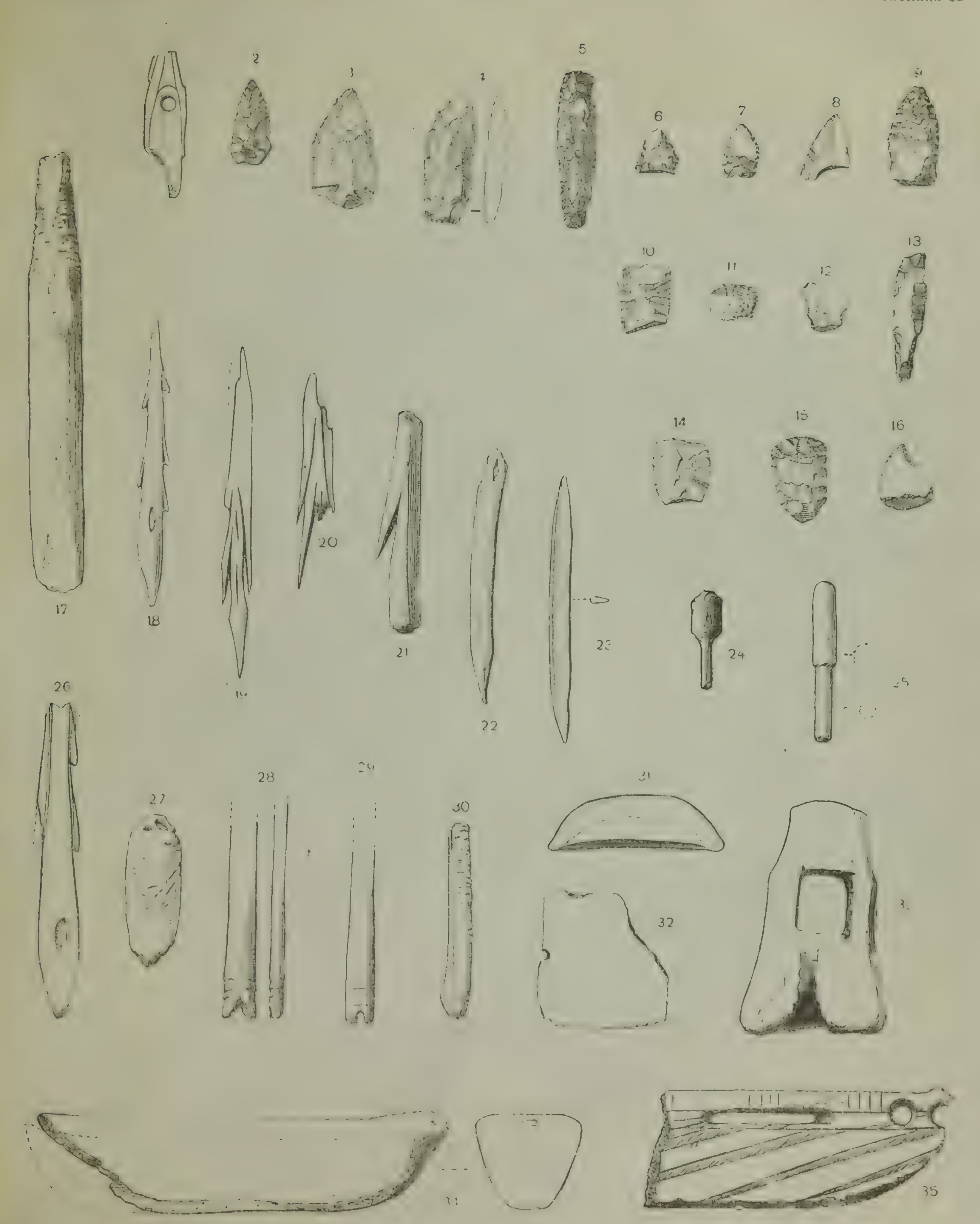

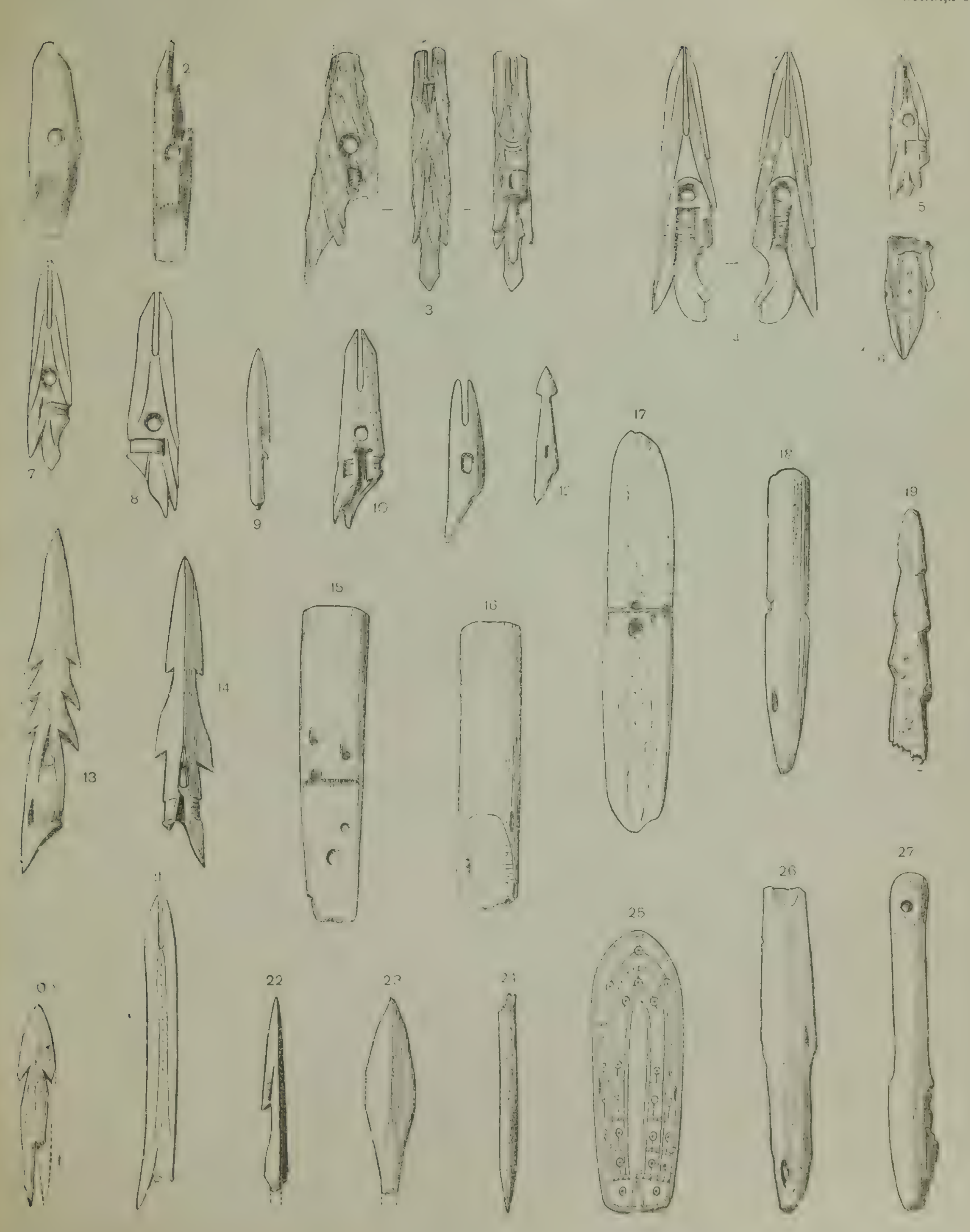
¼ натуральной величины

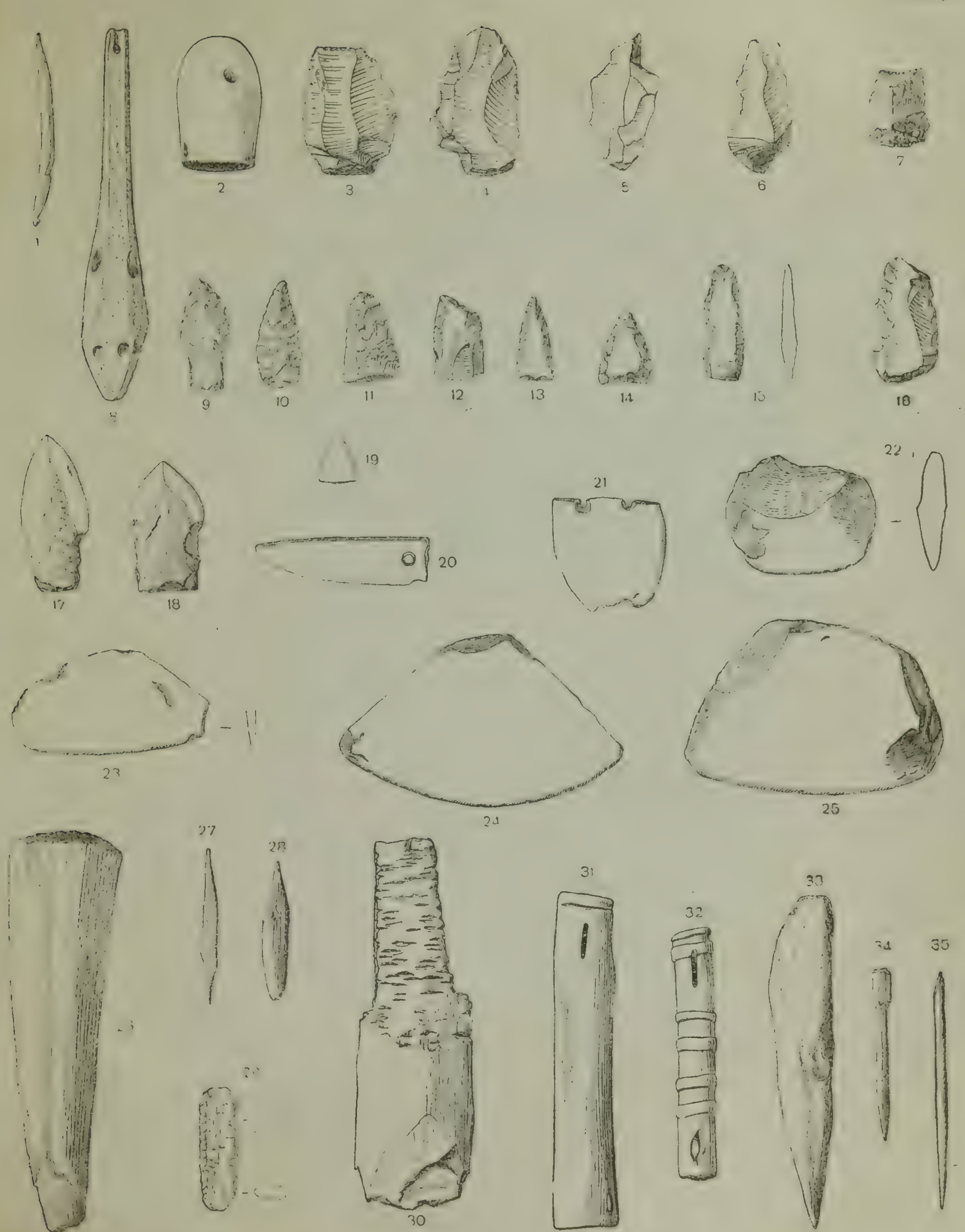
½ натуральной величины

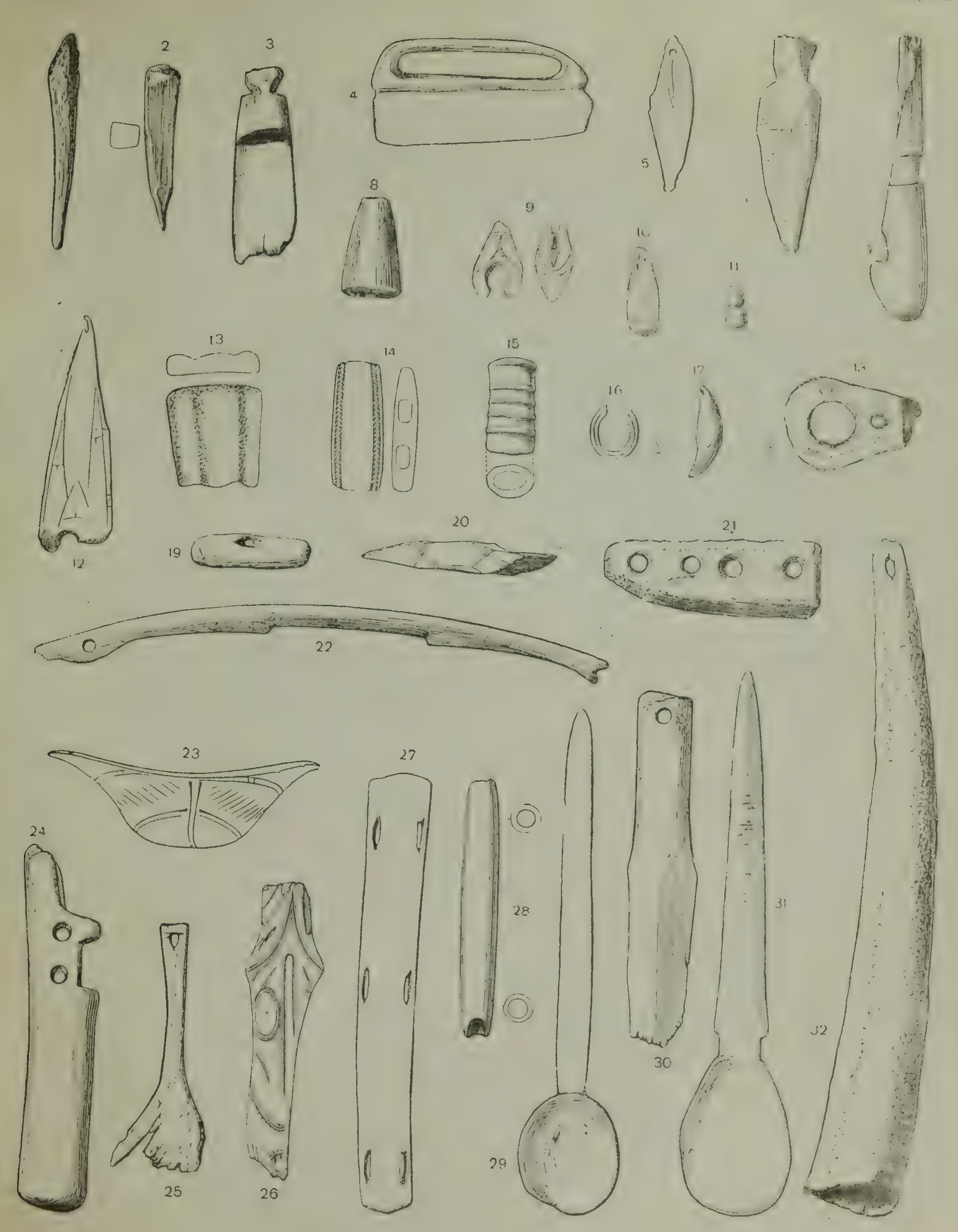
натуральной величины

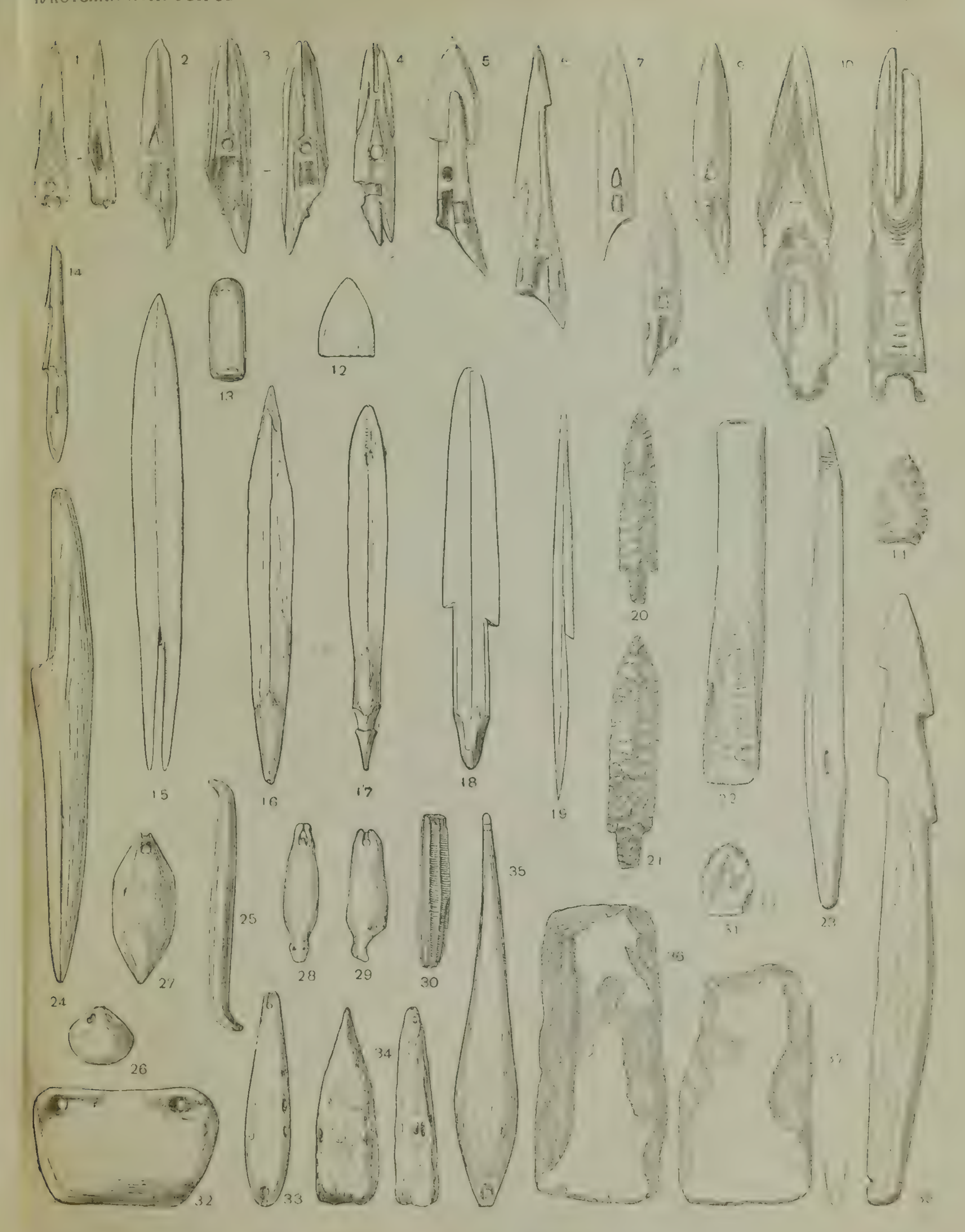
½ натуральной величины

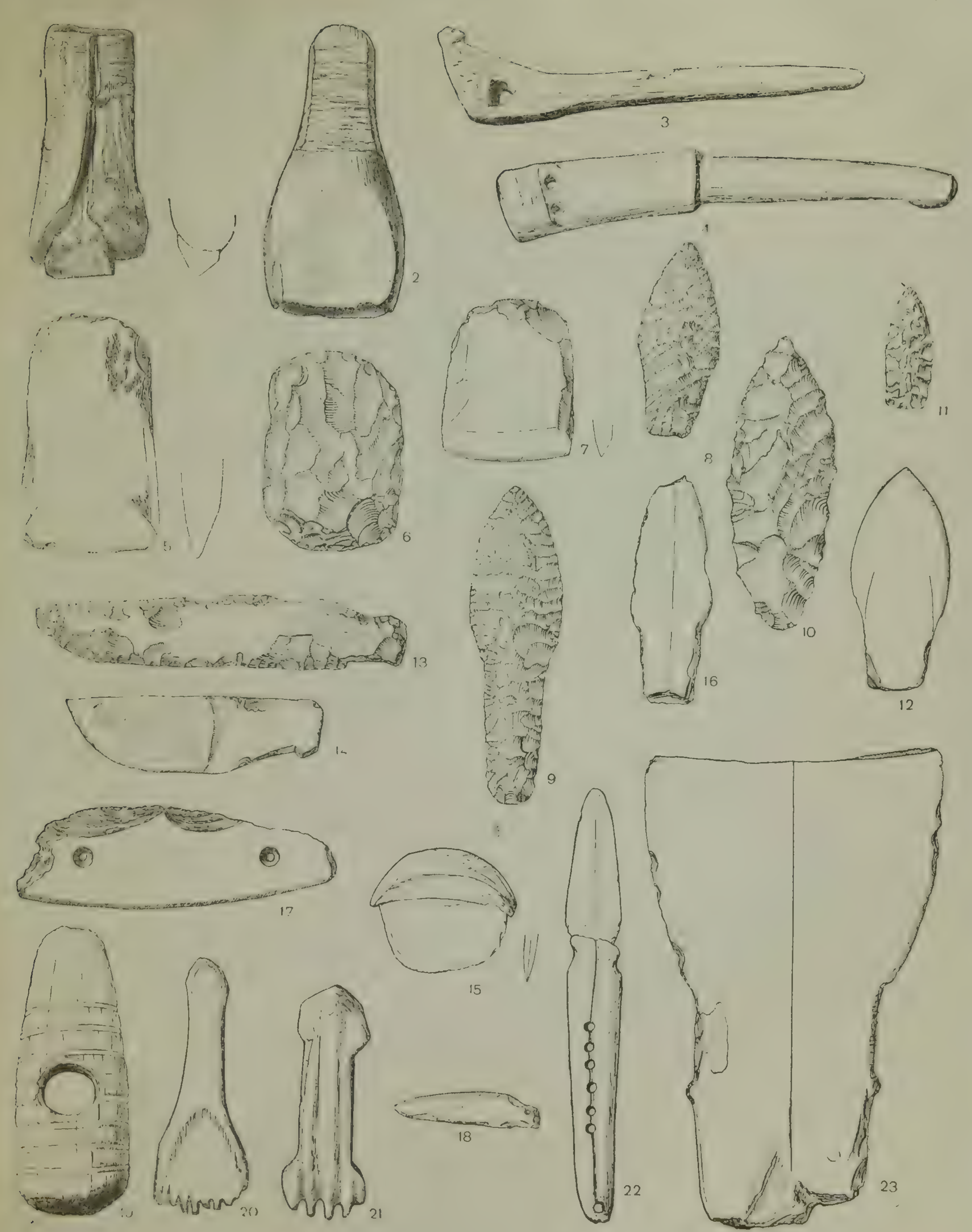
¼ натуральной величины

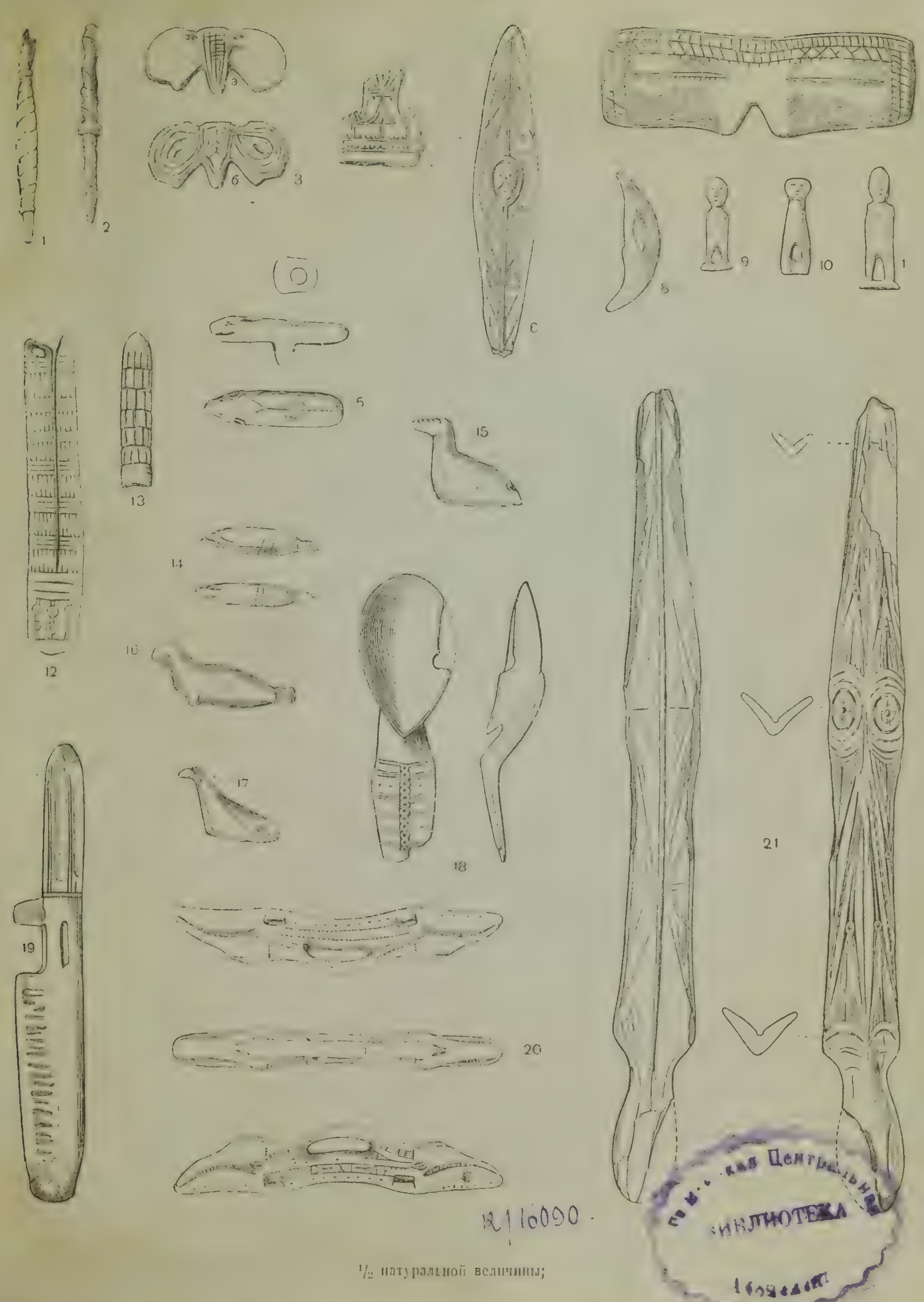
½ натуральной величины

$^{1}/_{2}$ натуральной величины

№ 1, 4—23: $^{1}/_{2}$ натуральной величины; № 3 и 4: $^{1}/_{3}$ натуральной величины

$^1/_2$ натуральной величины;

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
5	3 и 4 снизу	[8] Thalbitzer, 1914:717–718 [9] Thalbitzer, 1904:266	[8] Thalbitzer, 1904:266 [9] Thalbitzer, 1914:717–718
9	6 снизу	В 1911 году	В 1941 году
16	2 „	Collins, 1835;	Collins, 1935;
26	26 сверху	св. Лаврентия [2]	св. Лаврентия [3]
26	27 „	эскимосов [3]	эскимосов [4]
26	8 снизу	Матиассеном [4]	Матиассеном [2]
60	2 „	Collins, 1936:46;	Collins, 1933:46;
111	1 „	Björn, 1934;	Boe, 1934;
В Приложении таблица 18		бухта Плавер	бухта Пловер

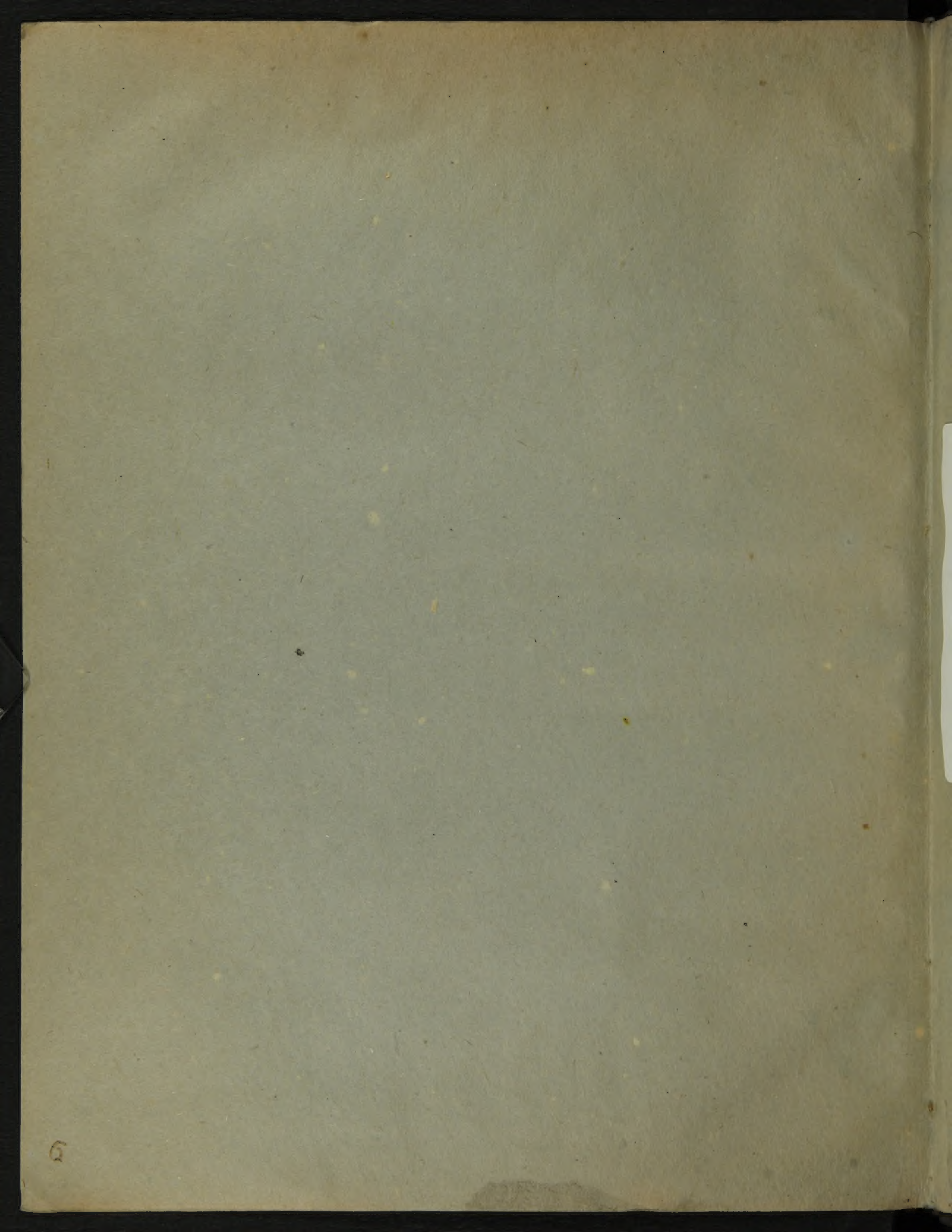
С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема

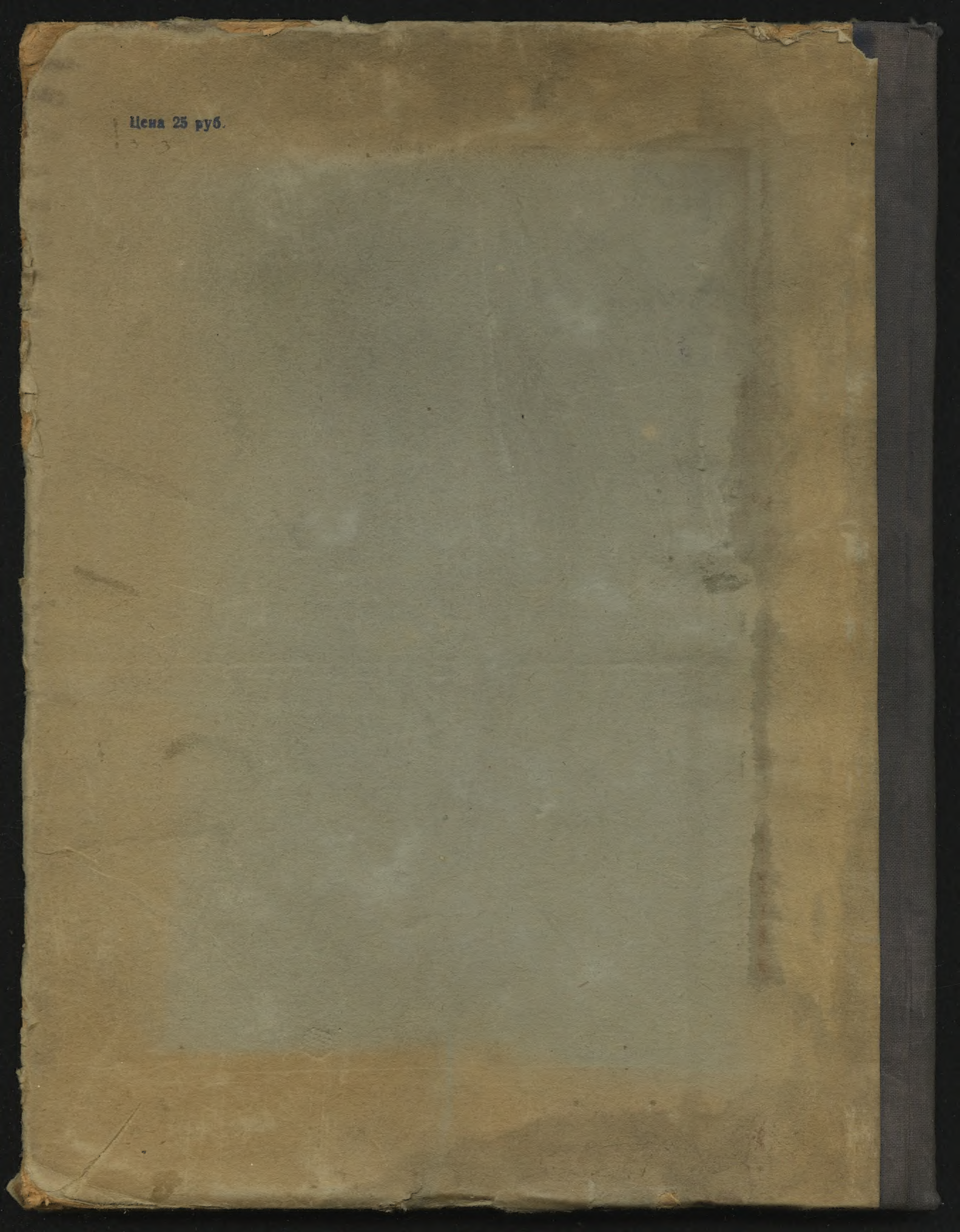
Обложка, титул и заставка
художника *И. М. Лобанова*

Технический редактор *Т. В. Алексеева*

Сдано в набор 5/V 1947 г. Подписано к печати
25/XII 1947 г. А12129. Объем 26 п. л. Уч.-изд. л.
[illegible] 12164 зн. Тираж 6000 экз. Формат
бумаги 60 × 92 $^{1}/_{8}$ д. л. Цена в переплете 25 руб.
Зак. 631

Отпечатано в типографии Издательства
Главсевморпути, Москва

6

Цена 25 руб.